

Николай Анисин

Нам демократия
дала...

Николай Анисин

Нам демократия дала...

АВИТИ

2005 г.

От издательства

Так состоялось: он не думал – не гадал влезать со своим словом в политику. Но влез.

Ему шили дела в судах сильные мира сего. Например, мэр Москвы Лужков и олигарх Гусинский за якобы оскорбление их чести в статье "Юрий Длинорукий" потребовали взыскать с Николая Анисина 150 миллионов рублей.

Крохотная заметка Анисина про теннис и водку вызвала публичное возмущение Наины Ельциной.

На пресс-конференциях в ответ на вопросы Николая Анисина на него выплескивали злобу самые разные деятели – от фигляра Жириновского до политического тяжеловеса Примакова.

Кем был приведен к высшей власти Горбачев? Кто по природе своей Ельцин, вышвырнувший Горбачева из Кремля? Почему Чубайс главнее президентов и премьер-министров России? Что за душонками у Черномырдина и Селезнева, Караулова и Сванидзе, Починка и Шахрая? Пером Николая Анисина начертаны штрихи к портретам всех известных прохиндеев нашего Смутного времени. Но и оппозиция пакостной власти и жульническому капиталу Николаем Анисиним не превозносится...

Его статья "Партсобрание в свете звонка" – о ведущей силе оппозиции – Компартии Российской Федерации – это жесткое вскрытие ее ошибок.

Николай Анисин интересен тем, что он никому не прислуживает. Его публицистика – труд автора, которого не корысть, не амбиции, а совесть и боль за страну заставили разгребать политическую грязь.

Повторю обрывок из начальной фразы моего предисловия к этой книге Николая Анисина: он не думал – не гадал влезать в политику...

В 22 года Николая Анисина назначили директором средней школы. Пять лет он, как и подобало по должности, сеял разумное, доброе, вечное. Потом поступил в аспирантуру истфака МГУ. Но работу над диссертацией приостановил. Добыл диплом на факультете журналистики того же Московского университета.

Статьи Николая Анисина в "Комсомольской правде", в "Учительской газете", "Советской России" и, наконец, в органе ЦК КПСС "Правде" – это статьи опять-таки на тему разумного, доброго, вечного. Первая книга Николая Анисина – пропаганда уникального опыта Народного учителя СССР из псковской деревни Лисьи Горки Полины Георгиевны Лозиной.

Все гладко в карьере журналиста Анисина, все благостно. Он – спецкор самой главной газеты страны – "Правды". Он – лауреат самой престижной в советском газетном мире премии – премии Союза журналистов СССР. Он читаем и почитаем всеми неравнодушными к становлению поколения юного.

Но на дворе – 1990 год. Горбачев с Рыжковым пытаются наших граждан перестройкой. В стране – дефицит всего и вся. Очереди выстраиваются не только за продуктами, но и за стиральным порошком. В недрах социализма склады-

вается уродливый капиталистический уклад: жулики обогащаются, люди труда нищают. И далекий от политики журналист Николай Анисин вдруг меняет свою профессиональную специализацию.

"Правда" предано служит генсеку ЦК КПСС, президенту СССР Горбачеву. Писать в ней о пытках народа перестройкой нельзя. В оппозиции Горбачеву – газеты "Московские новости", "Метьюилис-экспресс" и журнал "Огонек". Они, накачиваемые деньгами с Запада, пропихивают западные же либерально-демократические идеи, оплывая на действующие государственные структуры СССР и великое советское прошлое. И не в их редакции направил свои стопы Николай Анисин. Из всеизвестно известной "Правды" он перевелся в никому неведомую, свежее испеченную газету "День". И стартовал со статьями про политику и политиков в газете, которая говорила: чума на оба ваших дома. Чума – на импотентный ЦК КПСС во главе с Горбачевым, чума – на собрание прозападных демократов вокруг Ельцина.

Пройдет год. Агенты влияния США и стран НАТО разрушат великий Советский Союз и в Российской Федерации запустят выгодные только западному капиталу реформы. Газета "День" станет доказывать, что эти реформы страшней войны и Ельцин назовет ее фашистской газетой. В октябре 1993 года президент Ельцин расстреляет из танков восставший против его политики Верховный Совет России, а его поделники под пальбу по парламенту ликвидируют газету "День". Но она возродится с названием "Завтра". Возродится с публикациями: нет – Ельцину и его реформам, да – тем, кто ратует за сильное Государство Российское и справедливость в обществе – каждому по труду его.

Николай Анисин в газетах "День" и "Завтра" состоялся и как искушенный политический журналист, добывающий скрытую от рядовых граждан информацию, и как дотошный политический же писатель, раскрывающий суть явлений и личностей в раздрызганном ныне нашем государстве. Сотни статей Николая Анисина, написанных за последние годы – это его собственная честная история современной России.

Напомню известную истину: граждане всегда будут глупенькими жертвами обмана в политике, если не научатся смотреть на происходящие события с точки зрения – а кому они выгодны? Книга Николая Анисина "Нам демократия дала...", уверен, позволит многим ее читателям узнать кто есть кто и что есть что в политике и выработать в себе противоядие против обмана.

И в заключение. Название этой книги Николая Анисина заимствовано из стихотворения поэта из Сталинграда, пока еще Волгограда, Евгения Лукина:

*Нам демократия дала
Свободу матерного слова.
И уж не надобно иного,
Чтобы воспеть ее дела.*

Раздел I

СТРАШНЕЕ ВОЙНЫ

Расстрел напоказ

Я уходил из разгромленного Дома Советов четвертого октября в 17.30. По вестибюлю двадцатого подъезда плыл пороховой дым. Пол был усыпан битым стеклом. Под стекляшками там и тут темнела кровь.

На улице пороховой дым был гуще, чем в вестибюле. По верхним этажам еще палили с трех сторон. Палили из орудий и пулеметов.

Двое моих знакомых покинули Дом Советов на рассвете следующего дня. Они отсиживались на шестом этаже, который не обстреливался. Но по этажам выше седьмого орудийно-пулеметный огонь велся до самого их ухода. Расстрел здания парламента продолжался почти сутки. Кого и что расстреливал Ельцин, расстреливая Дом Советов?

21 сентября, слушая в 20.00 указ о роспуске Съезда и Верховного Совета, я полагал, что в это время вся связь в здании парламента уже отключена, и что спецназ из службы безопасности президента, по-тихому сняв жалкую депутатскую охрану, выводит из Дома Советов Хасбулатова и его коллег. Но телефоны в парламенте отзывались. И по одному из них мне сказали: скоро состоится заседание президиума Верховного Совета.

Я успел к окончанию заседания. Зал президиума был набит журналистами. Зачитывалось решение об отрешении Ельцина от должности. Руцкой заявил о принятии им к исполнению обязанностей президента. В полночь началась сессия Верховного Совета. Никакой матрос Железняк на нее не прибыл. Тысячи людей, собравшихся к парламенту, никто не пытался разогнать.

После того как Руцкой объявил народу с балкона, что не подчинившиеся ему силовые министры уволены и вместо них назначены Ачалов, Баранников и Дунаев, я сел в машину приятеля, и мы поехали

по Москве. Шел четвертый час ночи. Около Минобороны было безлюдно. На Лубянке — тоже. В штабе внутренних войск горели только окна в кабинете командующего. В казармах спецвойск все окна были темны. Отделения милиции работали в обычном режиме. Я ничего не понимал. Если Руцкой с Ачаловым выедут сейчас в две благосклонные к ним воинские части и приведут с собой по два батальона, которые обязаны по закону исполнять их приказы, кто помешает им к началу рабочего дня занять все правительственные особняки и не пустить Ельцина в Кремль?

К пяти утра я вернулся к Дому Советов. Людей около него не поубавилось. Горели костры. Строились баррикады. Формировались отряды добровольцев по охране парламента. Руцкой и Ачалов, сказал мне знакомый депутат, ни в какие части не поехали. Решено не дергаться: Ельцин на бумаге совершил госпереворот, мы на бумаге его подавили, и теперь пусть выскажется народ.

Голос народа не раздался ни 22, ни 23 сентября, ни в последующие дни. Народ, то есть абсолютное большинство граждан РФ, восприняло противостояние Кремля и Дома Советов абсолютно равнодушно. Массовых акций в России не случилось ни в поддержку Ельцина, ни в защиту упраздненного им высшего органа власти. Народ безмолствовал...

24 сентября, в пятницу, я позвонил в несколько областных Советов, не смирившихся с госпереворотом, и задал вопрос: "Вы объявили указ Ельцина не действующим на вашей территории и что собираетесь делать дальше?" Отвечали мне везде одинаково: ничего — будем сидеть и ждать, как развернутся события в Москве, ибо повлиять на их ход каким бы то ни было действием невозможно. Парламент столь же непопулярен в народе, как и президент с правительством, и желающих бастовать, митинговать и осуществлять блокаду столицы в интересах депутатов найти трудно.

Первая неделя словесной войны между исполнительной и законодательной властями закончилась ничью. Но в Москве ничья была в пользу парламента. Очевидным это стало в выходной день, когда демократы созвали проельцинский митинг. К его началу был приурочен концерт Ростроповича, но и при всем том на него собралась примерно половина от того количества москвичей, которые каждый день приходили к Дому Советов. По оценкам социологов из Академии наук, к 25-26 сентября Ельцин сохранил лояльность к себе пассивного боль-

шинства Москвы. Но к этому же времени на его стороне готовы были действовать 35, а на стороне парламента — 65 процентов политически активного меньшинства столицы. Я не могу ни доказать, ни опровергнуть этот вывод, но смею свидетельствовать: у стен Дома Советов за неделю после госпереворота я увидел множество лиц, которые никогда прежде не мелькали на акциях оппозиции. К хорошо известным мне активистам "Трудовой Москвы" и участникам патриотических съездов изо дня в день присоединялись все новые и новые люди. Причем значительная их часть была молода и прилично одета. Ряды активных сторонников парламента увеличивались за счет пассивного ранее московского большинства. Но и это не все. В Дом Советов со всей страны ехали люди, умеющие воевать. Ехали офицеры и рядовые, прошедшие "горячие точки", казаки. Дом Советов стягивал к себе всех недовольных и разочарованных режимом Ельцина и постепенно превращался в штаб массового гражданского сопротивления исполнительной власти. И никакие обычные меры пресечения этого сопротивления уже не помогали. В Дом Советов перекрыли подвоз продуктов. Но их несли в ящиках. Отключили свет. Но туда неведомо откуда везли солярку для дизельной электростанции, а один молодой человек, пожелавший остаться неизвестным, доставил бензиновую мини-электростанцию.

26 сентября, в воскресенье, Ельцин заявил по ТВ, что еще чуть-чуть — и Хасбулатов с Руцким останутся одни в здании парламента. А в понедельник у Дома Советов состоялся самый массовый за всю неделю митинг. Ничья при словесном противостоянии теперь была явно в пользу парламента, и Кремль уже не мог изменить ситуацию, не прибегнув к силе. Во вторник, 28 сентября, Дом Советов был наглухо изолирован от внешнего мира техникой и внутренними войсками. Изолирован под предлогом ограждения москвичей от вооруженных боевиков, засевших в парламенте.

На четвертый день блокады, 1 октября, я проскользнул в Дом Советов через три кордона, затесавшись в группу иноземных журналистов, и после пресс-конференции Руцкого и Хасбулатова пару часов разговаривал там с "засевшими боевиками". Весть о том, что пришел человек с воли и на волю уйдет, пронеслась по этажам, и мне вручили на вынос два десятка записок. Вот некоторые из них:

"Женя! Аля и Федор! Крепко вас целую. У меня все хорошо. Не волнуйтесь. Еще раз целую и обнимаю. Миша. Папа".

"Людмила Дмитриевна! Передайте моим — жив, здоров и невредим. У Владимира Степановича тоже все в порядке. Сообщите его жене".

"Мам! Не горюй и не беспокойся. Я тебя люблю. Позвони, пожалуйста, Ольге".

"Отец! Если Ира еще не приехала, узнай у сына — есть ли у него деньги на еду. Или лучше заведи его к себе".

Когда, набирая телефоны разных городов, я зачитывал эти записки, то уже знал, что оцепленных в Доме Советов обычных неробких мужчин новоявленные комиссары Грачева представляли личному составу подмосковных дивизий как уголовный сброд, который пытается в подвалах заложников и для которого не надо жалеть снарядов. Пропаганда, как мы знаем, сработала — снарядов никто не жалел.

Блокада парламента длилась пять дней. Пять дней исполнительная власть ограждала Москву от "боевиков". И пять дней тысячи москвичей бились о стальные ряды оцепления, пытались пройти к Дому Советов. Словесная война двух властей (бывший президент — бывшие народные депутаты) сменилась дубинно-кулачной войной Кремля с народом. 28 сентября два десятка тысяч сторонников парламента сумели подойти к первой цепи ограждения, но были газом и дубинками отеснены по улице Заморонова, а затем часа три ОМОН гонялся за ними по улице 1905 года и Садовому кольцу. 29 сентября никого из десятков тысяч не пустили дальше площадок у выходов из метро "Баррикадная" и "Улица 1905 года". Солдаты дивизии Дзержинского перекрывали проходы, а солдаты ОМОНа били подряд всех, кто толпился у этих проходов. Причем били не только на улицах, но и в станциях метро. 30 сентября отесненная с "Баррикадной" толпа вышла к Пушкинской площади, но и оттуда была изгнана смертным боем — несколько искалеченных ОМОНОм увезла "скорая". 1 октября избияния демонстрантов продолжились на "Баррикадной", а 2 октября произошли на Смоленской площади.

Дубинно-кулачная война тоже закончилась вничью: Кремль бил сторонников парламента, они отступали и снова наступали. И эта ничья снова была не в пользу Кремля. 2 октября, когда ОМОН стал разгонять митинг на Смоленской, народ взял в руки стальные прутья и камни, и омовцы впервые за пять дней побежали. Садовое кольцо рядом со зданием МИДа было перегорожено баррикадой. Сначала одной, а потом еще тремя. Рядом с баррикадами задымили костры и появились кучи камней: демонстранты готовились к отражению атаки ОМОНа. Но она не последовала ни днем, ни вечером. Многотысячные части внутренних войск и милиции почему-то медлили. Почему? Устали от пятидневных стычек? Испугались камней и огня? Неведо-

мо. В 21.00 демонстранты добровольно оставили занятую площадь, и через час на ней появилась техника, которая принялась разгребать баррикады.

Я разговаривал с теми, кто строил баррикады на Смоленской. Среди них был учитель, получающий 30 тысяч, и директор ТОО, зарабатывающий 200 тысяч в месяц, среди них был 18-летний студент Бауманского университета и 73-летний пенсионер с Пятницкой.

Такие же люди пришли 3 октября, в воскресенье, и на Калужскую площадь. Ельцин в своем обращении к стране после расстрела Дома Советов заявил, что воскресные беспорядки в Москве были заранее спланированы и организованы. Но не сказал, как мифические организаторы этих беспорядков, не имея возможности выступить по радио и ТВ, смогли собрать на Калужской площади около 100 тысяч человек. Информация о митинге на этой площади была только в листовках "Трудовой России", которые распространялись задолго до 21 сентября. При этом распространялись в весьма ограниченном количестве.

Сбор на Калужской удался не потому, что о нем широко объявляли, а потому, что о нем активно узнавали. У "Баррикадной" бьют, на Пушкинской бьют, на Смоленской бьют — больше трех не собираться. Где можно собраться? Сбор на Калужской произошел стихийно. Как и стихийно произошло оттуда шествие к Дому Советов.

Выходы из кольцевой и радиальной станций метро "Октябрьская" в 14.00 были открыты. Но проход на Калужскую площадь был закрыт двойными шеренгами солдат, просочиться сквозь которые было невозможно. Люди, выходя из метро, растекались по тротуарам и держались абсолютно покорно, наученные многодневным битьем.

Сейчас среди оппозиции в ходу версия о том, что прорыв демонстрации от Калужской до Дома Советов был подстроен, что власти сознательно дозволили прорыв, дабы заявить потом о массовых беспорядках. С моей точки зрения, эта версия абсурдна. Когда шеренги солдат в оцеплении были прорваны в одном месте и когда рассеянные по тротуарам группки людей слились на площади и повернули на Садовое кольцо, образовалась колонна, численность которой показалась мне невероятно огромной. Огромность колонны поразила, видимо, не только меня, но и солдат ОМОНа, перекрывших Крымский мост. Они добросовестно пытались сдержать колонну, но дрогнули, не видя конца и края наплывавшей на них массы людей. Второй омовский кордон за Крымским мостом выглядел еще более напуганным, чем первый, и, почувствовав, что бесконечный поток демонстрантов не остановится

перед выстрелами начиненных газом пуль, обратился в бегство, не вступая в драку. На третьем кордоне у Смоленской площади была выстроена тьма войск с водометами. Их решимость остановить колонну можно оценить по числу пострадавших демонстрантов. Стычка у Смоленской была жестокой. Но решимость войск оказалась меньшей, чем решимость колонны. Войска побежали. Побежали по Садовому и по Арбату, и тот испуг, который читался на лицах рядовых и полковников, убедительно доказывал, что дозволения на прорыв от начальства не исходило.

У Дома Советов победно-восторженную колонну демонстрантов накрыли автоматные очереди. Стреляли со стороны мэрии. Стреляли по безоружной толпе. Это почти не испортило праздничного настроения и не насторожило ни саму колонну, ни встречавших ее с балкона Руцкого и Хасбулатова.

Некоторые из оппозиционных политиков ныне утверждают: если бы не случилось нелепого взятия мэрии и глупейшего похода на Останкино, не было бы никакого расстрела Дома Советов. Так это или не так? Штурм мэрии и поход на Останкино послужили поводом для стрельбы по парламенту, но таковой повод мог появиться сам собой (бушевала стихия) или мог быть создан специально (впереди была целая ночь).

Предотвратить расстрел Дома Советов могла только организованная кампания гражданского неповиновения. Около Дома Советов 3 октября не было ни миллиона, ни даже полумиллиона москвичей из всей девятимиллионной Москвы. Но того количества людей, которые находились там, было вполне достаточно, чтобы перекрыть все движение в центре (милиция там испарилась), устроить пикеты на главных улицах, заклеить полгорода листовками и плакатами с призывами к восстановлению законности. Парламент мог выстоять, если бы его сторонники после взятия мэрии отправились не митинговать к телецентру, а наступать на центры власти. Наступать с лозунгами или с автоматами, которых немало было в подвалах Дома Советов.

Расстрел парламента не являлся мстью за боевые действия оппозиции. Их, по сути дела, не было. Макашов приехал в "Останкино" всего с двумя десятками охранников, и вспыхнувший там после взрыва гранаты автоматный огонь велся в основном "Витязем". Пострадали от него в первую очередь безоружные люди. Стреляя по Дому Советов, Ельцин стрелял по недовольным его режимом и по их готовности к сопротивлению его политике.

То, что произошло в Москве и стране с 21 сентября по 3 октября, показало: недовольных режимом много — и в столице, и в провинции, число их растёт, и активность тоже растёт. Промедление с демонстрацией силы означало бы постепенный крах режима. И во имя его спасения такая демонстрация состоялась.

В интервью "МК" министр обороны Грачев сказал, что атака на Дом Советов началась "тогда, когда на таманцев пошли четыре "бэтэ-эра" оппозиции". Но я своими глазами видел, как армейские БТР, врываясь на улицу со стороны мэрии, начали палить по группкам безоружных людей у костров на площади, а БТРы, подошедшие со стороны набережной, открыли огонь, не дожидаясь никакой атаки.

Во время блокады Дома Советов рядом с ним круглые сутки стоял желтый броневик, который беспрестанно вещал о дарованных Ельциным льготам депутатам и аппаратчикам ВС, призывая тех и других покинуть Дом Советов. Перед атакой ни этот желтый, ни какой-либо другой броневик с громкоговорителем не появился и не предложил защитникам парламента сдать оружие. Через два часа боя Руцкой, пишу это со слов депутата Воронина, позвонил Черномырдину и предложил начать переговоры о прекращении огня. Тот ответил: огонь прекратится, если будет сдано оружие и вывешен белый флаг, то есть предложил сдавать оружие под пулеметно-артиллерийским огнем.

Расстрел Дома Советов был именно демонстративным расстрелом, рассчитанным на показ всей стране и на то, чтобы напугать всех недовольных режимом и заткнуть им рты. Расчет этот оправдался. Гора трупов в обгорелом здании парламента сделала свое дело. Сопротивление режиму заглохло.

1993.

ФИГОВЫЙ ЛИСТОК

Рожденное на крови Федеральное собрание открылось хмурым январским днем 94-го под стук солдатских сапог. И в приюте Думы на Новом Арбате, и в пристанище Совета Федерации на Большой Дмитровке солдаты в бушлатах таскали в начале заседаний мебель и ящики. Армия, расстреляв старый парламент, обустранивала новый...

Ни за то, ни за это благодарности воинству депутатство не высказало. Порицания — тоже. Правда, после вступительного слова старейшины Думы и перед тем, как первый министр Черномырдин взошел на трибуну, к микрофону в зале подошла леди из фракции коммунистов и тоном Горбачева, скорбящего о кончине Черненко, призвала "почтить вставанием, минутой молчания память трагических жертв октября 1993 года независимо от вероисповедания и политических убеждений". Все встали. Думу всецело охватила тихая скорбь — будто почитались жертвы случайной трагедии, а не преступления президента и правительства...

На открытии Совета Федерации, где Ельцин пробурчал о том, что "любые политические проблемы могут и должны разрешаться только посредством юридических процедур", о жертвах Октября никто вообще вспомнить не посмел. Обе палаты почти без сбоев запустились и плавно завертели в надобном им режиме. И весь омандаченный (имеющий мандаты) люд на Новом Арбате и Большой Дмитровке стал старательно делать вид, что он не против установки, вписанной в приветственное бормотание Ельцина: "Сейчас очень нужно, чтобы члены Совета Федерации и депутаты Государственной думы вывели российский парламент на путь созидания".

В Думе по части игры в созидание солировала крутая и умеренная демократура. Сухонький, с алыми пятнышками на лице Бурбулис, выходя из зала, говорил журналистам только нечто солидное и плодотвор-

ное, вроде: "Стратегическая тенденция при рациональном прогнозировании без гипертрофированной ~~экзальтации~~..." Малиновыи Шахрай, за время реформ сравнявшийся по комплекции с Гайдаром, до всех своих широких краев был наполнен сплошным конструктивизмом. Аккуратненький Явлинский негодовал инициально, но тоже конструктивно: Ельцин по три раза на дню встречается с Клинттоном, а прийти в Думу времени не найдет.

Конструктивизм демократуры проявлялся и в нежелании устраивать скандалы, хотя повод для этого ей давали. Идет по залу заседаний, не включая габаритных огней, депутат-адвокат Макаров. А из ряда оппозиции ему кричат: "Таня!" Налицо явное оскорбление уважаемого адвоката непарламентской кличкой. Но демократы-депутаты не бросаются на защиту товарища и не требуют вывести кличкодателя с заседания. Проплывает по коридору Бурбулис. А два зубоскала у стены нарочито громко переговариваются: "Ты думаешь, Бурбулис через рукопожатие передается?" "Нет, через рукопожатие Бурбулис не передается". И что же? Никто опять бестактной насмешкой над заслуженным демократом не возмущается и вопроса о выдворении всяких зубоскалов за пределы думской территории не ставит.

Серьезность отношения к Думе демократура демонстрировала в первые дни не только говорением или молчанием, но и действиями. Закаленные в былых парламентских боях Шабад с Шейнисом абсолютно бесстрашно шли в лобовую атаку на стол президиума, а деликатный правозащитник Ковалев, неумоимо вызволявший из тюрем валютных спекулянтов и изменников Родины, но стойко молчавший во время всех устроенных властью кровопролитий в Москве, самоотверженно пробирался в президиум с фланга. Наплыв демократов на сцену диктовался исключительно заботой о более качественном ведении заседаний Думы — точнее, желанием заменить у председательского микрофона недужего старейшину Лукаву маленьким Станкевичем, который уже научился перед зеркалом произносить слово "держава" и был избран руководителем секретариата. Посадить Станкевича в президиум не удалось. Но и после того нелюбовь демократов к Думе никак не проявилась.

Открывший заседание верхней палаты Ельцин передал председательство ее старейшине — знатному фермеру-экспериментатору, известному на весь аграрный мир картофелелюбу и свеклофилу Юрию Черниченко. Лета обязывали его помнить добрые старые традиции, и он не замедлил их возродить, сказав во вступительном слове (цитирую

по стенограмме): "Борис Николаевич Ельцин в своей короткой, но содержательной речи уже упоминал что здесь у нас кворум и палата правомочна работать". Руководство выборами оказалось в надежных и преданных руках. Состав Совета Федерации также не вызывал подозрений в неблагонадежности: 57 процентов из всех депутатов СФ состоят при исполнительной власти и служат в правоохранительных органах, еще 15 с лишним процентов находятся при власти представительной, которая сегодня дрожит от каждого чиха власти исполнительной.

Кандидат Кремля на пост председателя обрекался на избрание. Но поскольку кандидатом этим был главный герой криминальных рукописей из чемоданов Руцкого — Владимир Шумейко, возникла заминка. На первом голосовании Шумейко не добрал один голос, на втором — пять. Сгореть ему не дали лучшие кремлевские пожарные.

Факт выкручивания рук депутатам не отрицали ни придворный фермер Черниченко, ни любимый орган Ельцина "Московский комсомолец". Первый на вопрос польской журналистки о том, как он относится к тому, что Черномырдин на устроенном завтраке давил на зависимых от него депутатов, заставляя их голосовать за Шумейко, ответил с присущим высокопоставленному свеклофилу изыском: "Миль пардон, мадам, какому правительству охота иметь туберкулез и принять оппозиционера во главе палаты". Второй написал просто и ясно: "Сенаторы были мрачны, вероятно, от недосыпу. Всю ночь президентская команда работала с теми, кто не голосовал за Шумейко. Злые языки шептали, что провинциалы выторговали у Ельцина лишние кредиты и льготы для своих регионов. Но один из руководителей президентского аппарата уверил сотрудника "МК", что ночная агитация велась исключительно бесплатно". Цена избрания кремлевского ставленника — тайна сия велика есть.

На следующий день Шумейко получил на 12 голосов больше, чем было надо, и от приближенного к демэлите журналиста я услышал: "Теперь можно открывать в Думу платный вход и водить в нее народ, как в цирк. Для иного она со всеми ее законами не нужна, контроль же за местными начальниками из Совета Федерации Ельцин сохранил. А это — главное".

Через пару часов сравнение Думы с цирком уже прозвучало с думской трибуны. Было это так. Взявший слово Жириновский пообещал Чубайсу, что на часы он скоро будет смотреть в "Лефортово". Весь зал зашумел. Одним, вероятно, не понравилась угроза в адрес

славного приватизатора, другие, по всей видимости, возмущались тем, что Чубайсу обещано комфортабельное "Лефортово", а не "Бутырки". Кроме того, господин Жириновский учтиво-любезно попросил шумевших депутатов не мешать ему и не омрачать его своим присутствием, выразив все это в двух лаконичных фразах: "Молчать!" и "Вон из зала!" Галантность лидера ЛДПР в сочетании с краткостью многих позабывала, и как только на трибуну поднялся Шахрай, из его уст тут же прозвучала расхожая уже в демократических кулуарах мысль о том, что Дума может перейти на самоокупаемость, пуская за деньги народ глядеть на ее работу.

Курс на превращение Думы в цирк пошел решительно. 14 января, когда проводились выборы председателя, это можно было не только услышать, но и увидеть. Депутат Юшенков, размахивая бюллетенем для тайного голосования, созывал к себе всех желающих расписаться на историческом документе. Депутат Шабад ставил на ящики для бюллетеней печать с гербом США. Потешайтесь, люди добрые!

И для публики, доглядающей за Федеральным собранием, и для матери-истории новые депутаты интересны исключительно как артисты разговорного жанра и художники слова.

Парламент РФ (Государственная дума и Совет Федерации) сотворенный как украшение для диктатуры, не имеет права ни расставлять кадры, ни распоряжаться собственностью и лишен законной возможности претендовать на это право, означающее реальную власть. И внимание к себе он способен привлечь не тем, что постановит, решит и одобрит.

Роль творцов слова — это единственное, что дозволено нынешнему депутатству. И зря оно упорно силится вылезти за очерченные рамки.

1994

Ельцин как унтер-офицерская вдова

Власть русских царей ограничивалась канонами православия, традициями двора и законами, данными стране самими самодержцами.

Власть советских вождей сдерживалась в определенных рамках догмами марксизма, обычаями правящей партии и пристрастиями высшей номенклатуры, имевшей право отстранять генсека.

Ельцину власть досталась без всяких ограничений и рамок. С конца 1991 года избранный населением и потому никому не подотчетный президент РСФСР получил от Верховного Совета так называемые дополнительные полномочия, которые позволяли ему перераспределять собственность, перекраивать границы и структуру управления государством, заменять любые кадры администраторов и хозяйственников и формировать общественное мнение через назначение руководителей проникающих в каждый дом средств массовой информации.

Таких полномочий, позволяющих ни на кого и ни на что не оглядываться, не имел ни один генеральный секретарь. Как распорядился Ельцин необъятной властью, мы, наконец, смогли узнать из уст самого Ельцина.

На исходе февраля 94-го года, то есть, на третьем году всевластия Ельцин обратился к созданному им парламенту с посланием, где содержались некоторые оценки результатов, достигнутых за время бесконтрольного правления.

Итак, Ельцин о достижениях Ельцина. Прослушаем еще раз переданное по ТВ послание. Цитирую фонограмму:

"Мы не имеем пока нормальной рыночной экономики, зато вольготно чувствуют себя те, кто обманывает и применяет насилие (читай: кто берет взятки, спекулирует и грабит. — Н.А.)... Административно-распределительная система не исчезла бесследно. Она переродилась. Чиновник, который прежде верстал планы и делил фонды, теперь освоил

рынок и распределяет, а нередко торгует централизованными кредитами, экспортными квотами и лицензиями.

Действующие структуры государства до сих пор пронизаны духом безответственности и произвола. Жизнь человека в нашей стране все еще опутана бесчисленными мелочными предписаниями и ограничениями. Людям честным, предприимчивым, не боящимся работы и риска, завести свое дело, стать на ноги сегодня чрезвычайно сложно.

В работе органов власти как в центре, так и на местах много неразберихи и путаницы. Быстро растет армия чиновничества. В условиях напряженного положения с финансами федеральные власти с удивительной легкостью расходуют колоссальные суммы на свое обустройство.

Все это свидетельствует о том, что появилось и углубляется новое отчуждение власти от людей. Но если раньше между ними стояли бюрократизм и номенклатурная кастовость, то сегодня к этому добавились еще и деньги. Именно позорная взятка становится зачастую пропуском к решению многих проблем".

Устами Ельцина по сути сказано, что он, Ельцин, имея неограниченную власть, заменил административно-командную на административно-взятническую систему, которая оказалась более бесчеловечной, тупой, алчной и прожорливой. Чем это обернулось для страны? Снова послушаем Ельцина:

"В нынешней российской ситуации выживает не тот, кто производит лучшую и качественную продукцию, не тот, кто работает на потребителя, в ней выживает тот, у кого больше льгот и привилегий, кто добился покровительства властей и умеет выбивать (за взятки — Н.А.) из правительства деньги.

В такой налоговой системе (созданной Ельциным и Гайдаром, — Н.А.) любому предприятию и предпринимателю честно можно только умирать, причем мучительной смертью. Жить невозможно. Да и собрать все то, что причитается государству, тоже невозможно. За прошлый год по бюджету доход должен был составлять 24-25 триллионов рублей, а фактически составил 17 триллионов.

Страна уже долгое время живет в условиях устойчиво высокой инфляции. Продолжается спад производства. Останавливаются жизнеспособные предприятия. Мы постепенно теряем современную технологическую инфраструктуру, ценнейшие, прежде всего наукоемкие производства. Мы отстаем не только от мировых достижений, мы отстаем уже от самих себя.

Государство в нынешнем виде не справляется с выполнением своих важнейших функций.

Нужно с горечью признать, что сфера науки, культуры и образования превратилась в зону бедствия. Духовная свобода без сильной государственной поддержки оборачивается уничтожением талантов, нищетой интеллигенции.

Миллионы людей в нашей стране находятся за чертой бедности. Большинство людей испытывают постоянную тревогу за свой завтрашний день, за будущее своих детей и престарелых родителей. А власти в центре и на местах как бы не замечают стремительного социального расслоения в обществе".

В послании парламенту 24 февраля 1994 года Ельцин высказал оценки, мало чем отличающиеся от тех, что еще до расстрела Дома Советов приводились в газете "День". В газете, которую он публично объявил фашистской, которую он потребовал закрыть, которую закрыл руками Шумейко, и которая была вынуждена, меняя названия, выходить в типографиях пяти городов — от Минска до Красноярска.

Ныне Ельцин в своем видении положения страны уподобился авторам "Дня". Но только в видении ее катастрофического положения, а не причин грядущей катастрофы. В послании десятки раз употреблялось слово "пора". Пора положить конец аппаратному беспределу. Пора развивать местное самоуправление. Пора вводить санкции за незаконное укрывательство валюты за границей.

Но ни разу не сказано, что пора изменить курс реформ остановить деиндустриализацию и колонизацию России. Увы, Ельцин способен иногда высечь самого себя, но отнюдь не раскаяться за содеянное.

1994

Премьер на двух стульях

Явление Черномырдина на третьем заседании новорожденного Совета Федерации напоминало выезд на партактив члена политбюро. ГАИ перекрыло движение по Большой Дмитровке. Служба охраны СФ отворила дополнительную входную дверь. Служба безопасности премьера загодя очистила от людей путь следования шефа.

Первый министр России, распахнув драгоценное пальто, с достоинством пронес свое первое в правительстве по красоте тело через вестибюль, не остановившись ни перед одной телекамерой, ни перед одним диктофоном.

Строгость визита приятно радовала глаз. В отличие от Гайдара, который, будучи и.о. главы кабинета, не уставал просвещать окружающую его на политических тусовках толпу, Черномырдин ступил в здание СФ не как пропагандист, а как носитель высокой власти, знающий, чем и как повелевать. К такому выводу подводили и обстоятельства появления Черномырдина, и вид его — вид твердо стоящего на ногах и абсолютно уверенного в себе политика. Но вид оказался обманчив.

Доклад премьера на Совете Федерации был сделан как бы двумя разными людьми. Один из них — Виктор Степанович Черномырдин, русский человек из большой крестьянской семьи, который не потерял связи с родней, который до недавнего времени каждый год ездил на встречу со своими одноклассниками, который в юности вкалывал во имя и во благо своей страны и которому ныне горько видеть ее крушение. Второй докладчик — господин Черномырдин, высокопоставленный чиновник-хозяйственник, который волей случая попал на самую вершину власти, распродающей и уничтожающей его страну, и который, не имея твердых принципов, но имея контроль над богатейшей компанией мира — Газпромом — стал прислуживать этой власти, был за то

расцелован аж самим Ростроповичем и теперь вынужден хоть и с неохотой следовать правилам враждебной России политики.

Что дороже Черномырдину — родная страна или терзающая страну власть, из доклада не прояснилось. Указав, что ситуация в экономике крайне напряженная, сообщив, что в феврале в результате остановок 34 тысяч предприятий было потеряно 22 миллиона человеко-дней и что просроченная кредиторская задолженность в стране составляет 25 триллионов рублей, а просроченная дебиторская задолженность — 32 триллиона, премьер рубанул правду-матку:

"В целом денег в хозяйстве достаточно. Но у одних их в избытке, а другие задыхаются от недостатка. Деньги, которые должны пойти на расчеты с поставщиками, пускаются на рост зарплаты, скрываются на счетах третьих фирм, на дочерних предприятиях. Так возникает цепочка неплатежей. Коммерческие же банки в свою очередь задерживают деньги в расчетах (то есть не отдают их тем, кто их заработал, а пускают в оборот, взимая себе проценты. — Н.А.)... И недопустимо, чтобы бюджетные деньги гуляли по валютным биржам и аукционам".

Другими словами: Виктор Степанович Черномырдин, которому жалко свою страну, назвал главную причину парализовавших российскую экономику неплатежей — воровство и жульничество чиновничьей, хозяйственной и финансовой элиты. Эта элита пооткрывала третьи фирмы и дочерние предприятия в России и за границей, переводит на них народные деньги и присваивает их. Эта элита, обескровливая бюджет, не платит налоги, незаконно наживает состояния на банковских процентах, использует государственные кредиты для собственного обогащения на валютных биржах и аукционах и без ножа режет производство, науку, культуру и образование России.

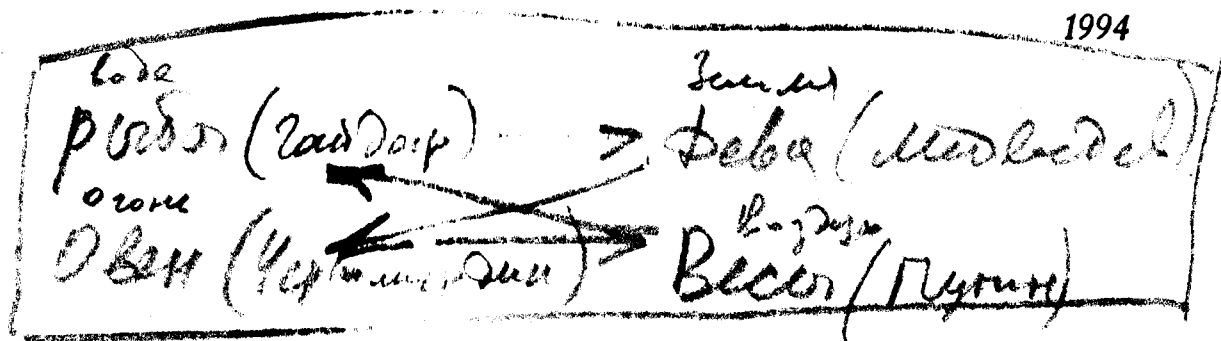
Подобные действия элиты, по словам оренбургского мужика Виктора Степановича Черномырдина, "находятся на грани преступления, а то и переходят эту грань". Но поскольку упомянутая элита олицетворяет собой реальную власть, услужливый чиновник господин Черномырдин и намека не сделал на то, что преступления должны быть наказаны. Боле того, он же, господин Черномырдин, даже и пожелания не высказал о том, что в нынешней насквозь воровской системе власти, обрекающей людей труда на безработицу и голод, необходимо провести чистку кадров.

Подведем итог. Сын русского крестьянина и бывший генерал советской индустрии Виктор Степанович Черномырдин видит главную причину краха экономики в воровстве и жульничестве приближенной к

власти элиты. Расцелованный Ростроповичем, ельцинский вельможа господин Черномырдин собирается избежать краха, не обижая воровскую элиту и работая с ней вместе рука об руку. Премьер остается сидеть на двух стульях, а экономика России продолжает превращаться в кладбище заводов, фабрик и сельхозпредприятий.

Верным курсом идете, господин Черномырдин! Бог вам судья, Виктор Степанович!

1994

Все это уродство эпохи

Толик — главный в стране

Де-юре Анатолий Чубайс — лишь один из высших чиновников в РФ. Де-факто — он самый главный среди этих чиновников. Умертвивший государство Ельцин делает вид, что управляет останками государства. То же самое делают Черномырдин и Сосковец. Чубайс же, занимая скромный пост руководителя Госкомимущества, является на деле председателем похоронной комиссии убиенного государства и выполняет самую важную работу — распределяет огромное достояние покойника.

Недавно Чубайс посетил Думу, где проходила презентация его новой программы по очередному дележу госимущества. Депутаты не проявили к Анатолию Борисовичу должного почтения. Некоторые из них смели говорить ему явно нелестные слова, а некоторые, например, депутат Марычев, допускали в его адрес грубоватые выходки. Тем самым депутатство в большинстве своем продемонстрировало, что оно не понимает истинного места и значения Чубайса на территории РФ. Депутатская непочтительность была бы более позволительна в отношении Бориса Николаевича и Виктора Степановича, нежели Анатолия Борисовича, ибо он де-факто важнее их.

В октябре 93-го режим Ельцина спас не сам Ельцин, не Ерин с ОМОНОм и не Грачев с танками. Режим спас Анатолий Чубайс — скромного вида господин, волосом и ликом напоминающий вареного рака. Спас он режим в октябре всей своей предшествующей деятельностью. Убедиться в этом каждый из нас может на своем собственном опыте.

Недели за три до указа № 1400 мне позвонил народный депутат России Михаил Астафьев и полушутя сказал: "Ельцин с Лужковым ездят по подмосковным дивизиям, а я собираюсь завтра в 1-ю танковую армию в Смоленск. Не хочешь составить компанию?" Я принял

приглашение. Мы приехали в Смоленск. Астафьева взял под белы депутатские ручки генерал и повел к себе в кабинет толковать о том, как разыскать в недрах грачевских финансистов деньги, которые выделены 1-й танковой на строительство жилья. Меня же провели в комнату, где собралось десятка три офицеров. Все они год назад были выставлены из Германии, все не имели квартир, все держали контейнеры с личным скарбом во дворе армейского штаба. То есть все бедствовали и все, казалось, не имели надежд на лучшее. Но едва начался наш разговор, встал подполковник и спросил: "Посоветуйте, куда лучше вложить ваучер?" Я ответил: "Лучше всего ваучер продать и на всю вырученную сумму купить хорошие плавки, в которых можно купаться и зимой и летом". Мои слова встречены были весьма неодобрительными гримасами.

В сентябре — октябре Ерин мог бить противников режима, а Грачев — стрелять по ним только потому, что в правительстве сидел Чубайс, бормочущий про приватизацию, во благо которой верили и бездомные офицеры 1-й танковой армии, и безработные рабочие ЗИЛа, и нищенствующие сотрудники всевозможных НИИ. Рыжий Ленин, призывая все забрать и обобществить, разбудил у миллионов алчные инстинкты и повел их на борьбу за власть интернациональной бюрократии. Рыжий Чубайс, предлагая все общее раздать, обеспечил лояльность миллионов к власти космополитичного жулья, ибо тоже разбудил алчные инстинкты.

К моменту утверждения режима Ельцина юридическим собственником всего сказочного богатства страны являлся народ. И только он на референдуме мог решить: можно или нельзя делить это богатство. И только он мог определить в случае положительного решения, кому позволительно руководить распределением собственности. Верховный Совет РФ нарушил закон, благословив без референдума начало приватизации с именными чеками. Ельцин так же в нарушение закона отменил именные чеки и ввел приватизацию через ваучеры. При этом буйстве беззакония главным распорядителем всей собственности стало ведомство рыжего Чубайса, которое, играя на алчных инстинктах народа, мастерски приступило к его ограблению и передаче собственности руки кучки жуликов.

К моменту, когда Чубайс появился в Думе с презентацией программы дальнейшего дележа общенародного имущества, в РФ за ваучеры было приватизировано 98 тысяч объектов госсобственности. В чье владение они перешли? Во владение хозяев ваучеров — то есть

миллионов российских граждан? Но так все выглядит лишь на бумаге. На деле же эти миллионы граждан, клюнувшие на чубайсовскую пропаганду, никакой собственности не получили, ибо у них нет возможности контролировать тех, кому они сдали свои ваучеры. Приватизированные предприятия достались жуликам-богачам, скупившим ваучеры и завладевшим контрольными пакетами акций. Причем завладевшим по дешевке. Приведу всего один пример из тех, что приводились на слушаниях в Думе: стоимость основных фондов завода "Точрадиомаш" в Майкопе в деньгах 91-го года оценивалась в 15 миллиардов рублей, приватизировали же его за ваучеры стоимостью всего в 60 миллионов...

С переходом собственности в руки жуликов можно было бы хоть как-то смириться, если бы жулики, получая собственность, использовали ее по назначению. Но, как отмечалось на слушаниях в Думе, приватизация производственных объектов, объектов бытового обслуживания, торговли, дошкольных учреждений почти повсеместно сопровождается их перепрофилированием. Та недвижимость, которая до приватизации использовалась для производства товаров и услуг, теперь используется под офисы спекулятивно-коммерческих структур, под склады для импортных товаров, под развлекательные заведения.

Приватизация на первом ваучерном этапе явилась халаявной передачей собственности кучке жуликов, близких к власти имущим. Приватизация на втором денежном этапе, заявленная Чубайсом в Думе, круг жуликов расширяет, но халаявной быть не перестает. Согласно чубайсовской программе, предприятия предполагается продавать на основе балансовых данных — без бухгалтерских показателей, без банковской экспертизы, без оценок перспектив и рыночной конъюнктуры. При всем том любое самое доходное предприятие легко спустить по дешевке.

По данным прочубайсовского председателя комитета по собственности Госдумы Буркова, в денежной приватизации смогут участвовать 5-7 процентов населения РФ. По данным депутата от фракции ЛДПР Лисичкина — не более 2 процентов населения. К ним, согласно программе Чубайса, должно отойти от 80 до 90 процентов всей собственности страны. То есть все то, что создано миллионами нынешних граждан, их отцами и дедами.

Приватизация недр в программе запрещена, а приватизация добывающих предприятий — нет. Покупая их за бесценок, горстка отечественных и иностранных пройдох получит бесконтрольный доступ к

невосполнимым природным ресурсам и по сути дела осуществит тихий захват всего того добра, за которое в течение столетий проливали кровь наши предки.

В странах Западной Европы доля госсобственности составляет 30-35 процентов, в США — 40 процентов. В программе Чубайса планируется, что по завершении денежной распродажи доля госсобственности в холдинговых компаниях составит 10-20 процентов. Чубайсовская комиссия по похоронам государства, именующая себя Госкомимуществом, замышляет превзойти приватизаторов всех времен и народов. Шансы остановить раздачу жуликам госсобственности у трудовых коллективов при сохранении режима ничтожны.

Дума не приняла программу Чубайса в качестве закона. Голосование по ней после разных полубранных слов в адрес рыжего Толика не состоялось. Депутаты не захотели санкционировать крупнейшее в мировой истории ограбление. Но Толика это мало смутило. После провала программы в Думе он крепче обычного покраснел, сделался еще более походим на вареного рака, но тем не менее бодро доложил в телекамеры: программа будет принята указом Ельцина. Ельцин запустил ограбление с помощью ваучеров, запустит, вероятно, и с помощью денежной купли, раз про это сказал сам Чубайс, который де-факто главнее президента.

1994

Юрий Длиннорукий

Ресторан Дома журналистов. Два мужика над тарелками с лангетом. Разговор под частое чоканье рюмок.

— Ты мои слова запомни: Юрий Лужков — выше, чем Карл Маркс. Маркс новую схему жизнеустройства на бумаге нацарапал, а Лужков свою собственную строит. И заметь, строит быстро, уверенно, в трудных условиях ельцинской брежни про демократию. И тебе еще придется петь ему осанну. Все вы, продажные журналюги, будете скоро состоять при дворе Юрия Михайловича. А знаешь, кто первым из знакомых мне людей увидал гениальность Лужкова?

— Кто?

— Володя Гусинский.

— Тот, что купил газету "Сегодня"? И НТВ с Митковой и Киселевым?

— Он многое, кроме того, купил и многое еще купит.

— Так уж он всемогущ?

— Всемогущ в Москве один человек — Лужков. А Гусинский его рано оценил и сделал правильные выводы. Я познакомился с Гусинским, когда он завершил вдохновлять на трудовые подвиги строителей БАМа, бросил посылать в Сибирь концертные бригады и завел свою контору при Фонде культуры, которым правила Раиса Горбачева. Или это было позже? Да, вроде позже. Гусинский уже слинял от Раисы, учредил кооператив "Инфекс" и снял для него полуподвал в здании "Станкоимпорта".

Я тогда был дружен с зятем моего шефа и несколько раз заставлял у него Гусинского. Мы беседы беседовали, а будущий миллиардер нам кофе варил. И однажды он сказал: "Есть парень в Мосгорисполкоме — Юра Лужков. Вот такая голова, вот такая хватка, и главное — наш. Хотите — познакомлю?" Честно говоря, меня Лужков тогда совсем не

наинтересовал. Заурядный чиновник из Минхимпрома, репутация подмочена — фигурировал в эпизодах уголовного дела по овощебазам как глава Мосагропрома. Ну, чего тут интересного?

Гусинского, впрочем, я тоже недооценил. Кооперативчик его тогда еле-еле держался: компьютеры купит, а потом продает, чтоб зарплату выплатить. Но чуть позже он вдруг развернулся. Вместе с Гусинским оказались трое лобастых мужиков — Клишин, Назаров и профессор Мазолин. Они вложили в "Инфекс" свои мозги, а Гусинский подвел под них свои связи. В это время в Москве работала корреспондентка "Вашингтон пост", дочка богача из Америки. Гусинский законтачил через нее с родителем, и "Инфекс" стал СП. Потом он скорешился с каким-то оборотистым малым из Дании и оседлал скандинавский рынок.

У Володи появились деньги, и часть их он, видимо, кинул на карьеру Лужкова. Лужков стал вторым после Попова человеком в городе явно не без участия "Инфекса", потому как сразу после своего взлета Лужков начал продавать Гусинскому по дешевке дома в центре, а в августе 91-го выдал ему беспроцентный продовольственный кредит.

— Я чего-то не пойму. Ты говоришь про "Инфекс" и Гусинского, хотя Гусинский возглавляет группу "Мост".

— Из "Инфекса" выросли фирма Клишина, фирма Назарова, банк и корпорация по недвижимости. Все это было озаглавлено "Группой Мост". Но от группы осталась одна вывеска. Клишин и Назаров ушли от Гусинского, и за ним остались "Мост-банк" и "Мост-девелопмент" (недвижимость). Оба этих подразделения живут и процветают только потому, что Гусинский давно поставил на Лужкова.

"Мост-банк" — это уполномоченный банк правительства Москвы. Через него проходят все триллионные платежи по городскому бюджету. Доходы это приносит огромные. Но отними у Гусинского монополию на обороты с бюджетными деньгами Москвы — и он как банкир кончится. Отними у него "право первой ночи" на покупку недвижимости, льготную аренду участков под строительство — и "Мост-девелопмент" окажется никому не нужным.

Недавно в Швейцарии проводился рейтинг по определению наиболее перспективных предпринимателей. Из России высокие оценки получил только Ходорковский из банка "Менатеп". Фамилия Гусинского там тоже фигурировала. Но внимания тузов бизнеса не привлекла. Тузы не признали его самостоятельным бизнесменом.

— То есть?

— Ты знаешь крутого бизнесмена Константина Натановича Борового? Знаешь. И все знают. Но Боровой — не крутой бизнесмен. Он не бизнесмен вообще, ибо сам денег никогда не делал и делать их не умеет. Он умеет тратить деньги, которые ему дают, чтобы играть роль бизнесмена и пропагандировать заданные ему идеи.

У Гусинского сейчас такая же задача. Но он более крупная личность, чем Боровой, и выступает не как актер, а как режиссер. Гусинский сам не мелькает на экране, не дает интервью газетчикам — он стягивает в своих руках нити, дергая за которые можно управлять и телевидением, и газетами — управлять в том числе и в интересах Лужкова, в интересах его империи, которая им гениально сконструирована и успешно возводится.

— Я что-то ее контуров не вижу.

— Плохо смотришь.

— Ты хочешь сказать, что Москва не захватывается по частям всеми, кто может захватывать, а целенаправленно разделяется по какой-то строгой и контролируемой системе?

— Москва не разделяется, а переподчиняется. Переподчиняется лично Лужкова по его высоколобному плану. Как только рухнула партия в августе 91-го, люди Лужкова изготовили и подписали у Ельцина указ о чрезвычайных полномочиях мэра Москвы, сделавший Попова верховным распорядителем московской экономики, земли, недвижимости, финансов и хозяином правоохранительных и налоговых служб. Но поскольку Попов способен лишь к писанию пустозвонных статей, а не к творчеству реальной жизни, то ему дали пинок под зад и вручили необъятную власть Лужкову.

Лужков получил Москву как свою номинальную вотчину, и талантом своим за два года почти превратил ее в фактическую вотчину, или, по моим словам, в империю. Стихии в дележке собственности, а значит, и власти в Москве не было, нет и не будет.

— Извини, но я тебе хоть сейчас назову с десятков адресов: от мотеля на окраине до ресторана в центре, где идет совершенно стихийная грызня-возня за собственность, в том числе и со стрельбой.

— Милый мой, ты представляешь, что такое контрольный пакет акций на приватизированном предприятии? Так вот, с помощью такого же пакета можно командовать не только заводом, но и мегаполисом, именуемым Москвой. Хитрость Лужкова в том и состоит, что полмиллиону человек он дал надежду пожить, тысячам позволил хапнуть кое-что, сделав их своими союзниками, а под собственный контроль

взял самые доходные и жизненно важные объекты, обладание которыми позволяет удерживать в личном подчинении весь город.

Примеры желаешь? Пожалуйста. Продовольствием Москву снабжают 11 оптовых баз. Все они, с их многомиллиардным имуществом, акционируются и объединяются в АО "Медея". Единственный сахарный завод Москвы, все ее кондитерское производство, вся пивоалкогольная и безалкогольная индустрия оказываются в ведении АО "Инвестпрод". Два этих монополиста производят закупку и продажу по своим тарифам и ценам — то есть что хотят, то и воруют. Надо кого-то разорить — разорят. Надо кого-то озолотить — озолотят. А кто над ними стоит? Департамент продовольствия правительства Москвы, а значит, лично Юрий Лужков.

Все московские заводы по производству стройматериалов сведены в холдинговую компанию "Промстройматериалы". Тысячи строительных предприятий города с их техникой, складами, базами обслуживания оказались в руках Мосстройкомитета. Кто этими гигантами правит? Господин Лужков — через назначенного им господина Ресина.

Лучшие гостиницы Москвы — 54 процента отелей высшего разряда — не в аренду трудовым коллективам переданы, не проданы хрен знает кому, а вручены АО "Мосинтур", где на первых постах люди Лужкова.

Ты можешь себе вообразить, какие несметные богатства были у московских комитетов партии, у управделами Совмина СССР и СЭВ: высшего класса административные здания в престижных районах, пансионаты и дачи, спецехи и мастерские, поликлиники, гостиницы с ресторанами, автохозяйства с машинами...

Кто всем этим теперь владеет? Муниципально-коммерческие предприятия. Кому они подчиняются? Управделами мэрии Шахновскому и начальнику финансово-хозяйственного управления Горбатенко. А их снять может только один человек — Лужков. Нужны еще примеры?

— Но если Лужков затевает перебранку с Чубайсом, значит от него что-то солидное ускользнуло?

— Предприятия федерального подчинения. Но это, скорее, повод, чем причина перебранки. Куски федеральной собственности Лужкову бы, конечно, не повредили. Но Чубайса он поносит исключительно в пропагандистских целях: я — радетьель за московский люд, а Чубайс — трнжира и мот.

С критики Чубайса началась наработка Лужковым политического капитала. Захват же федеральных предприятий ему не шибко нужен.

Они у него и так в руках. Лужков уже не раз заставлял все московские заводы и фабрики отдавать его службам по 15-25 процентов готовой продукции для обмена на продовольствие. И не раз это может сделать еще, ибо ему подчинена налоговая инспекция, с помощью которой он кого угодно может и в лужу посадить, и облагодетельствовать. Кстати, юридические лица в Москве, как подсчитали двое депутатов, выплачивают чиновникам в 35 раз больше, чем в бюджет. Представь себе, какая неучтенка оседает в личных кассах служилого люда вокруг Лужкова!

Так теперь ты понял, что Москва — это город невиданного еще нефеодального типа, где собственность и власть воедино слиты, где златом и булатом можно все и купить, и взять? А ты все никак не согласишься, что Юрий Лужков — выше, чем Карл Маркс.

...Я не записывал этот разговор на диктофон, но он крепко засел в памяти, ибо о соединении злата и булата повествовалось с глубоким знанием дела.

1994

Как Никифорыч поссорился с Николаичем

"Итак, два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою! И за что? За вздор, за гусака".

Эта рассказанная некогда Гоголем история повторилась на минувшей неделе в коридорах московской власти.

"Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде!.. Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они такие между собой приятели, каких свет не производил. Антон Прокофьевич Пупопуз, который обедает по воскресным дням у судьи, обыкновенно говорил, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам черт связал веревочкой. Куда один, туда и другой плетется".

Так было в повести Гоголя у Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича.

Так было и в жизни у Михаила Никифоровича Полторанина и Бориса Николаевича Ельцина.

Прекрасный человек Борис Николаевич! Какой у него, первого секретаря МГК, кандидата в члены политбюро ЦК КПСС, отменный стиль партийной работы! Очень хороший также человек Михаил Никифорович — спецкор главной партийной газеты и председатель дачного кооператива "Нива" редакции "Правда".

На исходе 1986 года Михаил Никифорович изготавил блестящий отчет с пленума Московского горкома партии, и за это Борис Николаевич пожаловал ему чин главного редактора органа МГК — "Московской правды". С тех пор Михаила Никифоровича и Бориса Николаевича сам черт связал веревочкой. Куда один, туда и другой плетется.

В ноябре 1987 года Бориса Николаевича выставили из горкома. Через полтора месяца — в январе 88-го, выставили из "Московской

правды" и Михаила Никифоровича. Но веревочка, которой его черт связал с Борисом Николаевичем, после этого стала еще прочней. Они даже больше сблизились — сблизились, так сказать, на почве неформального общения. Чаще, чем прежде, уединялись в укромных местечках и много думали как над судьбами Отечества, так и над своими личными судьбами. В этих их раздумьях, говорят, и родилась мысль о том, чтобы Борис Николаевич попросил на партконференции в середине 88-го реабилитировать его в глазах партии при жизни. Эта просьба, подсказанная Михаилом Никифоровичем, осталась нереализованной. Но приятели, каких свет не производил, не отчаялись, в уныние не впали и своего часа дождались.

В марте 89-го Борис Николаевич получил мандат народного депутата СССР от города Москвы. Такой же мандат от Союза журналистов получил и Михаил Никифорович. Первый сразу же направил свои стопы сначала в Московскую, а затем в Межрегиональную депутатскую группу. И второй туда же последовал.

Летом 90-го Борис Николаевич покинул ряды КПСС, и вслед за ним вышел из партии и Михаил Никифорович. Тем же временем первый получил высокий пост — председателя Верховного Совета РСФСР, и второй немедленно последовал за ним во власть — стал министром печати и информации. "Куда один, туда и другой плетется". Все по Гоголю.

Осенью 91-го, уже будучи президентом, Борис Николаевич сменил правительство, но за Михаилом Никифоровичем пост министра сохранил. А в феврале 92-го даже повысил его в должности, назначив вице-премьером.

Славная, прочная дружба оказалась у Бориса Николаевича и Михаила Никифоровича. Но не безоблачная. Все дело в том, что Михаил Никифорович был большим ельцинистом, чем Борис Николаевич Ельцин, то есть он более яростно и последовательно разоблачал врагов Бориса Николаевича, чем он сам, и в конце концов стал ему несколько мешать. И в начале 93-го, дабы понапрасну не раздражать Хасбулатова и оппозиционное депутатство, Борис Николаевич отодвинул Михаила Никифоровича на задворки политической жизни, посадив в специально созданный для него Федеральный информационный центр, весьма далекий от реальной власти. Но и после этого веревочка между ними не оборвалась. Они продолжали дружить. Накануне расстрела Дома Советов председатель Конституционного суда Зорькин ходил к Михаилу Никифоровичу и просил его, как близкого Ельцину человека, уговорить бывшего президента РФ не проливать кровь.

После сентябрьско-октябрьского госпереворота Ельцина веревочка между Борисом Николаевичем и Михаилом Никифоровичем тоже не оборвалась. Но сильно, очень сильно утончилась. Установив де-факто личную диктатуру в стране, Борис Николаевич перестал нуждаться в людях, с которыми имел дружеские отношения. Теперь Ельцину надобны были только чистые исполнители. А поскольку Михаил Никифорович всегда претендовал на некоторую близость, то он оказался абсолютно не нужным Борису Николаевичу. И началось медленное превращение Михаила Никифоровича из ельциниста большего, чем сам Ельцин, во фрондирующего политика.

В январе 94-го Михаил Никифорович породил поправки к Закону о печати, которые всем органам власти запрещали учреждать и, следовательно, содержать на бюджетные деньги свои средства массовой информации. Режиму Ельцина этот запрет вреда не нес, ибо распоряжающиеся казной чиновники могут покупать журналистов и не напрямую. Он создавал им только лишние хлопоты. А вот Думу и местные представительные органы власти запрет лишал возможности на законных основаниях занять свои газеты и телепрограммы. Но поскольку оппозиционное депутатство не горело желанием заниматься агитацией и пропагандой, то поправки Михаила Никифоровича в Думе прошли. Местные же чиновники не захотели обзаводиться лишними хлопотами и отвергли поправки в Совете Федерации. Но Дума снова двумя третями голосов придала им силу. И тогда вето на них наложил Борис Николаевич. В этот-то момент Михаил Никифорович, по-гоголевски говоря, и обозвал своего друга гусакom, то есть заявил, что Борис Николаевич не выдержал проверки на демократа и склоняется к установлению тоталитаризма.

Михаил Никифорович молчал, когда Борис Николаевич упразднил Конституцию и расстрелял высший орган власти РФ. Молчал и тогда, когда последний через колено навязывал стране новый основной закон и проводил липовые выборы кастрированного парламента. Молчал, ибо ждал, что старый друг снова позовет его во власть. Но не дождался. И разразился теперь злой бранью.

Итак, два почтенных мужа, честь и украшение оккупационного режима, поссорились между собою! И за что? За вздор, за гусака в виде ничего не меняющих поправок к закону в стране полного беззакония. Как жаль! Какая была дружба — целых восемь лет.

1994

Бурбулис – это голова

Неделю назад в Москве состоялась единственная за два последних года персональная пресс-конференция Геннадия Бурбулиса.

За три дня до нее в "Российской газете", органе правительства, вдруг появилась статья, где впервые в официальной пропаганде признавалось: внутри исполнительной и финансовой власти уже оформилась и начала действовать группа-сила, которая намерена в любой подходящий момент заменить Ельцина на Лужкова.

Связь между сольным выходом Бурбулиса к журналистам и официальной констатацией противоборства внутри режима нельзя доказать фактически, но можно установить логически.

✓ Бурбулис был первым среди метивших в демократы, кто еще в мае 89-го перед телекамерами со всего света предложил Ельцина на высший пост в государстве — на пост президента СССР (вспомним открытие всесоюзного съезда народных депутатов).

✓ Он же, Бурбулис, был первым среди называющих себя ныне демократами, кто ранней осенью 94-го, гастролируя по Уралу, публично заявил, что Ельцину пора готовиться к тому, чтобы покинуть Кремль.

Пять лет назад Бурбулис предложил то, что думали миллионы избирателей, очарованные опальным секретарем Московского горкома, и то, что не смели вымолвить сотни депутатов, желавшие и съесть рыбку демократии, и не оторваться от сосков партноменклатуры.

Нынешней же осенью Бурбулис заявил то, что уже давно говорят десятки миллионов рядовых граждан, но что робеют сказать тысячи демократических чиновников и депутатов, опасаясь гнева обрюзгшего, читающего по бумажке тексты Ельцина.

Волею судьбы Бурбулис стал глашатаем тайных мыслей алчной и трусливой российской демократуры. Но не эта роль объясняет связь между его выходом из тени и оглаской схватки внутри режима. За

премия своей карьеры от заведующего кафедрой общественных наук до государственного секретаря и первого вице-премьера правительства РФ Бурбулис проявил себя не только говорящим, но и действующим политиком.

Именно он руководил избирательной кампанией Ельцина на президентских выборах в мае-июне 91-го. Именно ему обязано своим рождением "правительство реформ" Егора Гайдара в ноябре 91-го. Именно под его руководством начал действовать блок "Выбор России" в ноябре 93-го.

Во всей ораве демократов Бурбулис оказался политиком наименее корыстным и наиболее рискованным, трезвоголовым, и упорным. И сегодня, когда алчная и трусливая российская демократура впервые почувствовала, что она может быть поставлена перед выбором — либо сгинуть в нарастающем хаосе вместе с Ельциным, либо, пренебрегая правилами хорошего тона, отодвинуть его и заменить без смены курса на кого-то из более мускулистых и зубастых политиков второго эшелона, — ей вновь понадобился Бурбулис.

Он даже не сам вышел из тени. Его пригласили выйти. Пригласили показом фильма о нем по ТВ под названием "Как нам трудно дается свобода". Фильм был готов два года назад. И за все это время его не приняла к показу ни одна телекомпания. Но вот теперь фигура деятельного Бурбулиса стала актуальной, и эфир для фильма нашелся. А это значит, что в предстоящей схватке внутри режима, вполне возможно, найдется место и для самого Бурбулиса.

Я спросил Геннадия Эдуардовича: если обозначенное в "Российской газете" противостояние обострится и примет формы открытой политической борьбы, то на чьей стороне он окажется — на стороне команды Ельцина или команды Лужкова?

На прямой мой вопрос ответ был дан довольно обтекаемый: "Я — на стороне профессионалов". Никто из нынешних политиков, чьи имена мелькают в рейтинговых списках, сегодня, по мнению Бурбулиса, не имеет шансов получить поддержку большинства народа. Таковую поддержку займет тот политик, который выйдет из нового слоя успешных людей, занятых ныне не политической трескотней, а реальным делом. Конкретных имен, с которыми он намерен связывать свою будущую деятельность, Бурбулис не назвал. Свое же отношение к тому, с кем прежде была связана его деятельность, он выразил весьма определенно.

"Борис Николаевич Ельцин утратил волю политика, умеющего что-то сделать для людей... Ельцин, выходящий на повторные выборы, — это уже не Ельцин, а президент, потерявший связь с реальностью, задача которого наиболее унижительная — самосохраниться".

Какую позицию к Ельцину предлагает занять Бурбулис? Не охватывать его и не пытаться спихнуть с кресла главы государства до выборов 1996 года. Надо доказать ему, что нельзя держать страну в политической неопределенности. Надо убедить и самого Бориса Николаевича, и его окружение, что он не может соединить в себе прежнюю роль отца нации и нынешнюю роль президента-реформатора.

Бурбулису явно жаль обанкротившегося политика Ельцина и совсем не жаль свою екатеринбургскую землячку — тетю Ельцина, у которой нет 30 тысяч рублей на лечение, как не жаль и миллионов тех граждан, которые благодаря Ельцину обречены на нищету. И все-таки Бурбулис более прав, нежели не прав: Ельцину надо помочь уйти, ибо сам он не уйдет никогда.

1994

Тайна карьеры Горби

"Обещаю вам, товарищи, приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу. (Аплодисменты) ...И все должны знать, что интересами нашей Родины и ее союзников мы не поступимся никогда. (Аплодисменты)".

Эти слова были сказаны Горбачевым 11 марта 1985 года — в день его вступления в должность Генерального секретаря ЦК КПСС. Кто тогда мог предвидеть, что свежее испеченный генсек, клятвенно обещающий служить партии и народу, партию уничтожит, а народ ввергнет в нищету? Кто мог предугадать, что новый руководитель страны, страстно клявшийся не поступиться интересами Родины и ее союзников, предаст все ее интересы, всех ее союзников, и оставит на месте великого государства 15 якобы суверенных территорий без границ, без собственной политики и экономики, способной прокормить население?

Вопросы эти отнюдь не риторические, ибо среди 300 миллионов граждан СССР было несколько десятков тех, кто с 11 марта 1985 года не только предвидел и предугадывал вероятные действия Горбачева, но и планировал их.

В начале 80-х при загадочных обстоятельствах умерли трое бывших советских разведчиков в США — в том числе известный тележурналист Каверзнев, умерщвленный во время командировки в Афганистан. Гибель всех троих произошла по той простой причине, что они слишком талантливо исполняли свои обязанности, чересчур глубоко копнули и предоставили в КГБ сведения об иностранной агентуре влияния в СССР. Наградой им за это стал приказ: убрать!

Пофамильный список "пятой колонны" Запада в Москве был и остается величайшей тайной. Но сам факт ее существования нельзя не заметить даже при очень поверхностном взгляде на недавнюю нашу историю.

В 1985 году, когда Горбачев получил высшую власть в стране, Советский Союз, имея 5% населения планеты, производил 43% всего газа в мире, 22% нефти и стали, 75% льняных, 19% шерстяных и 13% хлопчатобумажных тканей. Доля СССР в мировом производстве мяса равнялась 12%, сливочного масла — 21, яблок — 30, вишни — 35, абрикосов — 70, молочных консервов — 32, рыбных — 42%. Наша же доля в производстве сложной бытовой техники составляла от 11 до 17%. Но при всем том мы — 5% населения мира — испытывали недостаток всего и вся и маялись в очередях. Почему?

Не какой-то там красно-коричневый экономист, а природный демократ Шейнис в свое время издал брошюрку, где были такие данные: за 20 лет — с 1965 по 1985 годы — темпы выпуска валовой продукции в развитых капстранах сократились в 4 раза. Запад давно отказался от наращивания общего объема производства и сконцентрировал ресурсы на выпуске высокотехнологичных и суперкачественных изделий и экологически чистых продуктов. Недостающую же массу товаров он получал из слаборазвитых стран и СССР.

Когда Горбачев разрешил гласность, то ультраперестроечные газеты и телепрограммы бойко разоблачали и ЦК с Политбюро, и КГБ с армией, и обкомы-райкомы, и все министерства. Все, кроме одного -- Министерства внешней торговли. Ни единой критической статьи, ни единого разоблачительного телесюжета о Минвнешторге архитекторы перестройки не допустили, ибо через него шла распродажа страны оптом и по дешевке — за взятки внешторговским чиновникам, которые распределялись потом по цепочке: ЦК КПСС, Совмин, Госплан, верхушка правоохранительных органов.

"Пятая колонна" не только грабила страну, опустошая прилавки наших магазинов, но и с блеском вставляла палки в колеса экономики. В СССР сгнивало до 30% зерна и до 40% картофеля — не хватало крытых токов, зерносушилок, овощехранилищ. Но "пятая колонна" подсовывала престарелым членам политбюро постановление о мелиорации: возьмите огромные деньги, заройте их в землю, улучшите ее, побольше вырастите урожай и побольше сгноите. Деньги зарывались и в котлованы бесчисленных и бессмысленныхстроек новых заводов. Деньги транжирились через запуск встречных перевозок (лес из Вологды — в Красноярск, а оттуда — в Вологду, уголь из Украины — в Сибирь, а из Сибири — на Украину). "Пятая колонна" опутала трудовые коллективы инструкциями, лишавшими их стимула к труду, переливала излишки капиталов в самые неперспективные отрасли и загружала

самые лучшие предприятия заказами на устаревшую военную технику, которая на повышение обороноспособности никак не влияла.

Горбачев получил страну с мощной высокоразвитой экономикой. Но экономикой, которая, с одной стороны, работала во многом в пользу Запада, а с другой стороны — на ветер. Дефицит товаров в СССР вызывался не пороками самой экономической системы, а искусственными помехами в ее деятельности. И, следовательно, преобразования в интересах народа в стране должны были начаться со всеобщей инвентаризации товарного производства, с затыкания экспортных дыр, с рабоблачения внешнеторговых афер. С чистки кадров, то есть с замены догматиков и вредителей — здравомыслящими практиками-прагматиками. Но ничего из этого новый генсек не сделал и сделать не мог, ибо оказался не в силах переступить через тех, кому был обязан своей головокружительной карьерой.

За тридцать лет своей догенсековской деятельности Горбачев сменил десять начальственных должностей и двигался только вверх — все выше и выше. Причем возвышение его было стремительным как при Хрущеве, так и при Брежневе. В 35 лет ни дня не руководивший ни одним трудовым коллективом Горбачев возглавляет город Ставрополь, а в 39 — становится руководителем огромного края. Одними лишь деловыми и человеческими дарованиями внука крестьян Гопкало и Горбачева такой взлет объяснить невозможно — со второй половины 60-х годов любая новая должность в аппарате давалась только после долгого протирания штанов на старой. Исключением был Чурбанов. Хотя Горбачев в отличие от Чурбанова являлся зятем не Брежнева, а некоего Максима Андреевича Титаренко, но женившись в 1953 году на Раисе Максимовне, он вместе с ее рукой и сердцем получил шанс проводить уик-энды на даче товарища Сабурова, первого заместителя председателя Госплана СССР, и на даче товарища Громыко. Есть люди, которые видели на этих дачах чету Горбачевых, видели в компании "золотой молодежи", состоящей в основном из потомков пламенных революционеров.

После смерти Сталина, когда обанкротившиеся бойцы ленинской гвардии были морально реабилитированы, их дети и внуки, используя старые связи, делают референтами, советниками и консультантами на всех верхних этажах власти и составляют ядро той самой "пятой колонны", которая, испытывая ненависть к стране, отлучившей от власти их отцов и дедов, чувствуя руку помощи Запада, стала медленно, но верно осуществлять его доктрину по разложению советского государ-

ства изнутри. При этом она опиралась не только на свои силы и иностранную нелегальщину. У "пятой колонны" были такие союзники, как миллиардер Хаммер, до последних дней своих ездивший в Кремль по пропуску, выписанному Лениным, как недавно похороненный у горы Сион миллиардер Максвелл, издававший в Европе книги Брежнева и оравший на советского посла в Англии, как на своего лакея (читайте в "Комсомолке" статью "Лондонский обком партии действует"). С их помощью и помощью подобных им посетителей Кремля пятая колонна могла незаметно проталкивать важнейшие кадровые и экономические решения.

Чистоанкетный Горбачев — с его крестьянской родословной, с его орденом в 19 лет, с его розовыми щечками и бойкостью пришелся по нраву дачной компании будущих советников и референтов. И в ее покровительстве, и только, можно увидеть истоки его стремительного взлета. Горбачев нигде и никак не прокалывался, соблюдал правила игры и вверх не карабкался. Его туда подсаживали. Например, в 1978 году, когда открылась вакансия секретаря ЦК по сельскому хозяйству, на этот пост был выдвинут Федор Моргун, первый секретарь Полтавского обкома. Но ему позвонили доброжелатели и попросили: откажитесь — это место должен занять русский. Моргун отказался, а следующий претендент, Горбачев-Гопкало, лицом в грязь не ударил и благополучно занял место, открывшее двери в Политбюро.

Горбачев не добился высшей власти, не отвоевал ее, не вырвал, а получил на блюдечке, и потому не стал самостоятельным политиком ни в роли генсека, ни в роли президента. Он старательно исполнил все, что было велено кукловодами, и тихо, мирно, как спущенный шарик, упал с высоты.

1995

Тиф в Кремле

Из личной жизни Ельцина — эпизод, описанный им самим: "После девятого класса мы решили найти, откуда берет свое начало река Яйва. Очень долго поднимались по тайге вверх. То, что взяли с собой из еды, скоро кончилось... Вниз по реке — сил идти уже не было....Пещера вывела нас в глубь тайги. Туда-сюда, не можем понять, где мы, короче говоря, заблудились. Почти целую неделю пробродили по тайге... Из-за грязной воды у нас начался брюшной тиф. У всех. Температура сорок с лишним, у меня тоже, но я на правах, так сказать, организатора, держусь. На руках перетащил ребят в лодку. Они потеряли сознание, а скоро и я стал впадать в беспамятство". (Б.Ельцин. "Исповедь на заданную тему". М., 1990, стр. 16).

Под предводительством подростка-Ельцина выдохлась, заблудилась и едва не испустила дух крохотная компания его сверстников.

Под руководством седовласого Ельцина выматывается, плутает ("туда-сюда, не можем понять, где мы" и куда идти) огромная страна.

Возраст не изменил Ельцина. На седьмом десятке лет он, как и после девятого класса, рванул в неведомую даль — не разведав и не выверив маршрут, не рассчитав сил и средств, и потащил за собой всех, кто оказался под его властью.

Пошел четвертый год плутания Ельцина по пути неизведанных реформ. И заканчивается оно тем же, чем и недельное по уральской тайге. От судьбы не убежишь.

17 марта 1995 года, после встречи с иностранными журналистами, Ельцин дал интервью телевидению: мне нравится нынешняя обстановка в России — власти между собой не конфликтуют, реформы идут и вообще все нормально.

Что это есть, если не проявление беспамятства, — при том, что население России ежегодно сокращается на полтора миллиона человек?

Когда Ельцин говорил, что обстановка в России ему нравится, был ли он адекватен? На этот вопрос наталкивает и другая фраза Ельцина в упомянутом интервью — фраза о том, что после его рассказа о событиях в Чечне все принятые им журналисты-иностранцы сразу изменили свое мнение о чеченской войне.

Тридцать с лишним лет назад Никита Сергеевич Хрущев выступал в Нью-Йорке в зале отеля "Уолдорф-Астория" перед главными капиталистами США. Отчет о том событии, написанный аджубеями, грибачевыми и ильичевыми, выглядел так: "Никогда за всю историю этого торжественного зала, где звучали голоса именитых особ, миллионеров и миллиардеров, не произносилось ничего подобного. И эти мастера и гроссмейстеры американского "большого бизнеса" ошутимо почувствовали, что есть такая сила, которая неизмеримо могущественнее, чем власть и воля капитала. И у них уже не стало той непоколебимой веры в незыблемость капиталистической системы, которая была у них когда-то".

Сам Хрущев к сотворению бредовых утверждений о словесном переубеждении акул капитализма причастен не был. Он только награждал чинами и премиями творцов бреда и вскоре за потерю чувства реальности был отстранен от власти.

Ельцин же собственноразлично фантазирует о произведенном им мгновенном перевороте в умах иноземных собеседников. Но ему потеря адекватного восприятия действительности, увы, ничем не грозит. Его кресло защищено надежнее, чем хрущевское.

В тот день, когда Ельцин излагал перед телекамерами свои фантазии, Дума слушала сообщение Станислава Говорухина о работе депутатской комиссии по чеченской войне. В этом сообщении, в частности, говорилось: комиссия не может найти ответа на главный вопрос — почему кремлевские власти сначала вскормили и вооружили режим Дудаева, а потом принялись его громить? Данное противоречие нетрудно объяснить, если допустить, что Ельцин просто-напросто исполняет план мирового правительства по ускоренному сокращению населения России, уничтожению ее экономики и превращению страны в сырьевой придаток и выгребную яму Запада через искусственное развязывание вялотекущих военных конфликтов. Но это лишь одна из множества логичных версий. А потому вполне допустимо и то, что в действиях Ельцина давно уже нет никакой логики. Почему он подписывает ежегодно тьму указов, но не добивается выполнения хотя бы единственного из них? Почему без конца тасует замусоленную кадровую колоду, меняя гайдаров, полтораниных, яковлевых, федоровых, шохиных на точ-

ные их копии под другими фамилиями? Почему десять раз объявляет войну преступности и ни разу ее не начинает? Почему то заискивает перед лидерами Запада, то откалывается схать на их тусовки?

Все эти неподдающиеся логике метания седошлого Бориса, наверное, сильно напоминают метания юного Бориса по уральской тайге. Ельцин опять заблудился, и ему снова стало страшно — если не за себя, то за своих детей и внуков. Он видит погружающуюся в болотную пучину страну, суетится, имитирует бурную деятельность и при этом с довольным видом вещает, что все ему нравится, что жить стало лучше, жить стало веселее. Кремль явно поражен духовным тифом — болезнью, которая сопровождается лихорадкой и расстройством сознания.

Компанию юнца Ельцина спас случай. Лодку с лежащими без сознания подростками увидели на берегу реки с железнодорожного моста. Неизвестные люди подобрали больных и отвезли в город, где их за три месяца вылечили. Тогда от авантюризма Ельцина никто не пострадал по большому счету.

А сколько пострадавших от него есть теперь и сколько еще будет?

1995

Подборисовик

Немцов гремит — в уйме статей и телепередач.

Немцов гремит — его зовут на приемы в столицы Европы и Америки, включают в список "Мировые лидеры XXI века", к нему примеривает высший пост в РФ сам Ельцин, пробурчавший минувшим летом: "Сегодня Немцов настолько вырос, что вполне может претендовать на роль президента".

Немцов — гремит; и не все при этом думают, что греметь способна лишь пустая бочка.

Чин губернатора 30-летний Борис Немцов получил за активность во всех демтусовках Нижнего Новгорода. За речи на митингах в пользу рынка с плюрализмом и против КПСС. За правильное поведение на съездах народных депутатов.

Осенью 91-го, когда он, мальчишка-физик, не руководивший даже лабораторией в своем НИИ, приступил по указу Ельцина к управлению огромной областью, специалисты по истории края вспомнили: в 1919 году вся власть в Нижнем Новгороде была в руках 26-летнего сапожника Лазаря Кагановича — председателя губкома РКП(б) и губисполкома. А чем зеленый физик хуже зеленого сапожника? Оказалось: ничем.

Лазарь Моисеевич в Нижнем не задержался. Рванул вверх: через три года член, а еще через два — секретарь ЦК партии. Главное в карьере политика — не знания и опыт, главное — чутье.

Борис Ефимович пошел не вверх, а прямо — навстречу к славе. И огреб ее сразу столько, сколько Лазарю Моисеевичу не снилось и за десять лет. С чутьем у губернатора-физика был полный порядок.

В 92-м ветер в России уже дул не из Москвы. Гайдар с Ельциным только исполняли заказ. Но медленнее, чем предписывалось в финансовых центрах Запада, ибо еще орали во все телевизоры депутат-

ские съезды, не желавшие превращения России в колонию, и не до конца скурвились тузы-хозяйственники, которым было жалко гробить отечественную экономику.

Ударными темпами, как жаждал Запад, дикую капитализацию можно было проводить лишь в отдельно взятом крае — на эдаком полигоне реформ.

Немцов не только учуял, на что есть спрос, и не только, с блеском используя Явлинского, преподнес идею с полигоном, но заманил на нее работать всех заинтересованных лиц.

От сплошной приватизации лопнул бюджет Нижнего — оплатите издержки. Из-за отмены дотаций в области исчезли молокопродукты — выделите средства для их покупки за границей. Дайте денег — по 120 тысяч на гектар — для стимулов к растаскиванию колхозов. Отсрочьте выплаты налогов нижегородским предприятиям — нехорошо, чтобы на полигоне реформ безработица была, как в Иваново. Профинансируйте ремонт дороги с московской стороны Нижнего — при въезде на полигон дух должно захватывать.

Пустая бочка гремит, когда ее двигают. Немцова двигают премьер, министры и иностранные капиталисты, компенсируя издержки от крутых экспериментов и оплачивая латание дыр на фасаде. Его двигают, потому что Немцов — это не только убытки, убытки и убытки для федеральной казны и области, но и сказка для успокоения разоряемой страны. Черномырдин, недавно заехав на аукцион по разделу очередного нижегородского колхоза, заявил в телекамеры: "Вот отсюда, с этого момента и начинается по-настоящему аграрная реформа. Именно по-настоящему!". Ну как после таких заявлений народу не терпеть и не ждать?

Немцов — это оргоружие режима, оргоружие, замешенное на особом цинизме — искусной наглости и бесстыдстве.

4 октября, когда танки били по Дому Советов и когда на совещании субъектов Федерации была предпринята попытка остановить расстрел депутатов, Немцов кричал Черномырдину: "Давите, давите, Виктор Степанович, времени нет. Уничтожайте их!"

Чего так нервничал и жаждал крови кандидат в мировые лидеры XXI века? Опасался, что если победит парламент, то ему присвоят звание "Заслуженный строитель потемкинских деревень"? Или просто начнут задавать вопросы: почему американцы, вроде Рут и Джеймса Бессинджера прописались на оборонных заводах Нижнего? Почему немцы скупают бумкомбинат в Балахне и, загрязняя наши реки, тащат

бумагу за границу? Почему миллионы долларов из Минфина, поступив в нижегородские банки, по году не доходят до предприятий области?

С этими и подобными вопросами сегодня к Немцову никто не придет. Сегодня он, облитый соком от Жириновского, но награжденный медалью "За заслуги перед Отечеством" от Ельцина, "может претендовать на роль президента" и на роль премьера, главного чекиста, финансиста и министра обороны. Под сенью забрызганного кровью Большого Бориса вырос шустрый, готовый на все Подборисовик.

Если он с блеском сыграл роль губернатора, то сыграет и любую другую. И Н.Зверева из РТВ, и Н.Чернышова из ОРТ так покажут достижения, что никто не догадается, что это — бутафория.

1995

Самоубийство Листьева

О покойнике — либо хорошее, либо ничего. Не можешь сказать хорошее — молчи.

Я буду следовать этому православному правилу и в заметках на смерть Владислава Листьева стану говорить лишь о его достоинствах — о тех личных его достоинствах, о которых за все три траурных дня безудержного восхваления не упомянула тьма друзей, коллег и поклонников покойного.

2 марта, когда портрет Листьева на многие часы застыл на телеэкране, мне в редакции пришлось выдержать несколько телефонных разговоров, начинавшихся с одного и того же вопроса: "Почему по государственным каналам связи на деньги народа всему народу целый день демонстрируется фотокопия врага народа — Льва Давыдовича Троцкого-Бронштейна?" Внешнее сходство Листьева с молодым Троцким настолько поражало звонивших, что некоторые из них, выслушав мой совет — обратиться со своим вопросом к Шахраю, который от имени народа в правительстве курирует телевидение, сразу принимались строить версию о родстве телетрибуна демократической революции с вождем революции социал-демократической: Листьев закончил международное отделение журфака МГУ, куда принимались либо дети брежневской номенклатуры, либо потомки пламенных революционеров. Листьев сразу после университета попал на иновещание, а затем на телевидение, где с "оттепели" Хрущева всем де-факто правили отпрыски Интернационала.

Я привожу эту версию не потому, что она убедительна или хоть как-то значима, а потому лишь, что она существует. Ни о чем не говорит и внешнее сходство Листьева с Троцким. Но то, что две этих фамилии в сознании некоторых людей встали рядом, наверное, не случайно. Листьев в нынешнюю смуту был не менее популярен в России,

чем Троцкий в смуту 20-х годов и, стало быть, обладал таким же богатым набором дарований.

В калужском архиве мне доводилось видеть документ 1927 года, где рассказывалось о том, как трудно проходило переименование Кондровской бумажной фабрики, носившей имя Троцкого, в фабрику имени Бухарина. Этому переименованию противились не только в профкоме, но и на собраниях в цехах. Троцкий нравился читающим обывателям, ибо умел вселять веру в светлые призраки.

Во время панихиды в Останкино и похорон на Ваганьковском сотни людей часами давились и даже дрались с милицией, дабы взглянуть на гроб с Листьевым, на его очки. Листьев нравился глядящим в экран обывателям, ибо умел поддерживать надежду на легкую жизнь при капитализме.

О Троцком товарищи по партии говорили, что он всюду приходит со своим стулом, то есть всегда имеет свое мнение и не преклоняется ни перед какими авторитетами. Столь же высокое чувство собственного достоинства было присуще и Листьеву. В отличие от всех известных тележурналистов он не опускался до воплей: "Ельцин! Гайдар!", когда исполнительная власть схлестнулась с представительной. Он ни в один трудный для ельцинского режима момент не сотрясал эфир липовыми цифрами социологических опросов и не лез из кожи, чтобы доказать фальшивую поддержку народом курса реформ, как это делали другие популярные его коллеги. Он за всю свою телекарьеру ни разу не прогнулся перед властью имущими и ни разу не унизился до роли телеобслуги высших сановников, чего не удастся избежать даже очень "независимому" Киселеву. Листьев всегда сидел на телевидении на своем собственном стуле и творил то, что хотел. А поскольку его личные интересы и желания не расходились с интересами власти и курсом ельцинско-гайдаровских реформ, то и вклад Листьева в победу нынешнего режима и утверждение сегодняшнего социально-экономического строя оказался необычайно высоким.

Во "Взгляде" гордый, остроумный, ироничный Листьев бил по устоям советского государства точнее и больнее других "взглядчиков". Передачей "Поле чудес" обаятельно-талантливейший Листьев подтолкнул к игре в деньги, к жажде легкой наживы миллионы Лень Голубковых и заставил их закрыть глаза на воровское, сказочно быстрое обогащение кучки жуликов, захватывавших общенародную собственность. Программой "Тема" умнейший Листьев приковал внимание публики к пикантно-волнительным проблемам (от наркомании до заказ-

ных убийств) и увел ее от мыслей о вымирании русского населения, о разгроме экономики, науки и образования, о беспределе в сокрушении основ государственности, то есть от тех главных проблем, которые порождают проблемы пикантные. С передачей "Час пик" проницательный Листьев заполнил эфир людьми исключительно успешными и согласными с режимом и, таким образом, создавал видимость, что они и только они есть пуп земли, что других толковых людей в России нет.

Одаренный Листьев в отличие от среднеспособных сорокиных, митковых, сванидзе и доренков, не обслуживал воровской ельцинский режим и дикий российский капитализм — он их творил. И по заслугам был оценен хозяевами жизни. Назначение 38-летнего Влада генеральным директором самой крупной телекомпании стало одновременно официальным признанием его в качестве крупного деятеля победившей криминально-демократической революции.

Революции во всех странах и во все времена пожирали своих вождей. Наша последняя революция, по всей видимости, не станет исключением. Доказательство тому — гибель Владислава Листьева...

Талантливый Троцкий насадил в стране культ насилия, жесткой регламентации, безропотного подчинения высшей власти и получил свою долю отлаженного насилия. Талантливый Листьев проповедовал либеральную вольницу без конца и края, жажду легкого обогащения и сделался жертвой того, что вызвал к жизни.

В день похорон телеведущего по ТВ прошло интервью с американским журналистом, раскопавшим уотергейское дело. Его спросили: вас могли убить? Он ответил: нет, это исключено. В Америке трудно убить известного человека, ибо там есть государство и нет бесконтрольных бешеных денег. А при всем том, шокирующее общество заказное убийство почти невозможно совершить безнаказанно.

Также было и у нас, когда мы имели государство и не имели в обществе огромных воровских капиталов, не поддающихся никакому учету. Два года назад я брал интервью у бывшего полковника КГБ из Ленинграда, где он сказал: "Если у нас в городе случалась стрельба, то мы в течение суток, если не задерживали стрелявших, то уже точно знали, кто стрелял и с какой целью. Знали всегда, ибо у нас везде были свои агенты, в том числе и во всех криминальных структурах. Нормальные люди сотрудничали со спецслужбами и по идейным соображениям, и по материальным (КГБ мог и обеспечить продвижение по службе, и ускорить получение квартиры и так далее), преступники же сотрудничали с нами из страха. Теперь же, когда все идеалы размыты,

когда государство разрушено и криминальные элементы сотрудников спецслужб могут не только не бояться, но и покупать, наем убийцы стал столь же безопасен, как наем домработницы".

"Взгляд", "Поле чудес", "Тема" и "Час пик", где солировал Листьев много и славно, постреляли и по идеалам бескорыстного служения государству, и по всем структурам государства, и по шлагбаумам, стоявшим перед криминальным обогащением. Два из великого множества выстрелов из листьевского телешоу отскочили рикошетом и попали в самого Листьева. И потому его гибель можно назвать самоубийством.

Пожирание революцией своих родителей началось. И именно поэтому смерть Листьева вызвала истерию яковлевых и попцовых: защитите нас от того, что мы породили!

Вскормленные Западом и тесно связанные с иностранным капиталом сладкоголосые отцы демреволюции народного гнева опасались больше, чем уголовного террора. Доказательство тому — множество кампаний по отпору якобы наступающему мифическому русскому фашизму. Подавить в зародыше "русский фашизм", то есть истребить вероятные центры народного возмущения, Демагитпроп за минувший год пробовал десятки раз. Кампании же по обузданию уголовщины не затеял ни одной. И получил от этой уголовщины подарок — две пули в Листьева. Жаждали разобраться с "фашистами" — забыли про разборки среди собственного криминального бизнеса и потеряли лучшего демагитпроповца и не последнего коммерсанта.

Радоваться при этом кощунственно, но и скорбеть трудно. Поэтому ограничимся в заключение эпитафией Листьеву, начертанной писателем Александром Росляковым: "Он делал шоу, славил капитал. Тот капитал его и укатал. Вполне закономерная мораль. Хотя, конечно, человека жаль".

1995

Стихи Есенина – речи Сталина

Мы видим: палач надевает перчатки и входит в 5-й номер гостиницы "Англетер", где Поэт усыплен снотворным.

Нам дано понять: его умерщвление есть исполнение приговора. Кем вынесен приговор, мы должны решить сами.

Спектакль МХАТа им А.М.Горького "Версия "Англетер" – не детектив. Он не раскручивает историю преступления от замысла до исполнения. Но вскрывает причины убийства, которое 70 лет выдавалось за самоубийство.

Все действие спектакля происходит в пятом номере и коридоре "Англетера". Но туда – за стены ленинградской гостиницы – постоянно врывается шум другого действия, совершаемого в Москве – XIV съезда ВКП(б).

На сцене – лишь два действующих лица: Сергей Есенин и Партия. Первое лицо играет один актер, второе – десять остальных.

У Есенина нет не только партбилета, но и паспорта. На нем висят семь уголовных дел за хулиганство. Но он живет в гостинице для партактива и пьет в своем номере вино с этим активом. Его книги издаются. Ему предлагают возглавить журнал. Все гладко у Поэта с Партией.

Но он кричит со сцены, что жаждущих получить от него по морде слишком много, что его толкают к хулиганству, дабы представить психобандитом, что за ним везде и всюду ведется слежка.

Верить ли нам актеру Валентину Клементьеву? Можно и не верить. Можно предположить, что его герой, известный дебошами в Европе и Америке, страдает раздвоением личности или паранойей – боязнью преследования.

Но Клементьев читает стихи Есенина. Последние, недавно написанные стихи, которые никак не оставляют шанса держать Поэта за психа.

И когда он сдергивает скатерть с тарелками и бутылками, то демонстрирует не болезнь, а норов творца, не желающего быть птичкой в клетке: "Теперь, когда судорога душу скрючила, и лицо, как потухающий фонарь в тумане, я не строю себе никакого чучела. Мне только осталось — озорничать и хулиганить..."

На сцене МХАТа нет Есенина с раздвоенной личностью. Но есть раздвоенность Партии, которая и порождает ее двойственное отношение к Поэту: внешнюю к нему благосклонность и тайную войну с ним.

Все, кто окружает Есенина в "Англетере", — либо члены Партии, либо тайные агенты ее вооруженного отряда — ГПУ, известного ранее, как ВЧК. Но что общего у горничной Вари и поэта Вани Чесменова с журналистом Жоржем Филипповым и чекистом Яковом Блюменталем?

Жорж ходит в Смольный как к себе домой и, значит, близок к Зиновьеву-Апелъбауму, безраздельно властвующему в Ленинграде. Блюменталь, судя по его повадкам, — из тех "железных" людей в кожанках, которые в Гражданскую ездили в бронепоезде вождя Троцкого-Бронштейна и массовыми расстрелами наводили дисциплину в Красной Армии.

Зиновьев прибыл делать революцию в России в спецвагоне из пансионатов Швейцарии. Троцкого доставили на спецпароходе из банкирских салонов Нью-Йорка. Они привезли деньги на раздувание революционного пожара. Вокруг них сплотилась могучая еврейская община России. И им удалось возглавить недовольство народа и взлететь на нем к вершинам необъятной власти.

В декабре 1925 года власти Зиновьева с Жоржем и Троцкого с Блюменталем пошел девятый год. Они уничтожили всех, кто им открыто сопротивлялся. Они закрыли православные храмы, подменив веру в Бога верой в лозунги Партии. Они вывезли к родственникам за границу все драгоценности, накапливавшиеся в русских домах столетиями. И наконец они приступили к выполнению главного заказа своих хозяев из Швейцарии и США — к превращению России в сырьевой придаток Запада, начало которому положил Декрет Совнаркома о передаче всех основных российских источников сырья и энергии в концессию западным монополиям на 70 лет.

Они во всем преуспели. Но им трудно. Трудно колонизировать и держать в повиновении огромную страну, опираясь только на силы еврейской общины. И они вынуждены расширять свою Партию, привлекая в нее Варь и Вань.

Бестолковым этим Варям и Ваням, поверившим в свободу, равенство и братство всех трудящихся, и в Партии, и в ее вооруженном отряде ГПУ-ЧК отводится роль холопов-надзирателей. Но их там становится все больше, и они все чаще начинают прислушиваться не к вождям Партии, а к обыкновенному, на первый взгляд, партийному клерку — Сталину.

Сталину не понадобился спецтранспорт для прибытия в революционный Петроград. Он добрался туда своим ходом из Сибири, куда семь раз ссылался и откуда шесть раз сбегал. Ему довелось много пожить среди Варь и Вань. Он хорошо их узнал, научился подбирать ключики к их умам и душам и теперь пытается, играя на их чувствах, увести их из-под влияния вождей.

Именно возвышение Сталина стало причиной особого интереса к Есенину со стороны троцкистско-зиновьевской элиты Партии. Авторы "Версии "Англетер", драматург Алексей Яковлев и режиссер-постановщик Татьяна Доронина -- прямо об этом не говорят. Но показывают, как жутко нервничает Жорж (народный артист Николай Пеньков), зазававший в Ленинград Есенина, когда заходит речь о происходящем в Москве съезде Партии.

Чего так трясет и колотит соратника Зиновьева от упоминаний о съезде? Ему не хочется выполнять грязную работу — умерщвлять Есенина. Но ее можно избежать лишь при одном условии — разгроме Сталина. Если Троцкий и Зиновьев сохраняют полный контроль над Партией, приказ об убийстве может быть отменен — тогда Есенин будет не опасен.

Пусть себе вопит о еврейском насилии над русскими:

"Я гражданин из Веймара

И приехал сюда не как еврей,

А как обладающий даром

Укрощать дураков и зверей".

Пусть грозит карами за разграбление России под флагом марксизма:

"Мне хочется вызвать тех,

Кто на Марксе жиреют, как янки".

Пусть взывает к национальной гордости:

"Честолюбивый росс

Отчизны своей не продаст.

Интернациональный дух

Прет на его рожон".

Кто услышит хулиганствующего Поэта, если всей литературой и прессой будут дирижировать по-прежнему вожди Октября?

Ну а если верх возьмет выскочка Сталин, опирающийся на Варь и Вань, то есенинские стихи могут стать оружием против вождей и всей их политики.

Вари и Вани вообще отзывчивы на слово. А на слово Есенина — особенно. Они плачут на его выступлениях. Бегают за ним по пятам. Ублажают все его капризы. Дай Есенину простор — и все Вари и Вани так запоют про месяц над окошком и про клен опавший, и так возомнят себя честолюбивыми россами, что напрочь забудут и про мировую революцию, и про интернациональное братство трудящихся.

26 декабря XIV съезд еще не завершился. Но уже было ясно, что на нем проходят резолюции Сталина. И Жорж всыпал в есенинский стакан с вином снотворное. И палач в перчатках вошел в пятый номер "Англетера".

19 января 1926 года газета "Правда" опубликовала статью Троцкого о Есенине, где было сказано: "Поэт погиб потому, что был несроден революции". Читай: не сроден ее оттесняемым Сталиным вождям.

МХАТ поставил свою "Версию" к 100-летию Есенина, когда в разгаре был новый грабеж России, устроенный новым поколением слуг банкиров из Нью-Йорка и Женевы.

Троцкисты нынешнего призыва, как и прошлого, тоже заигрывают с Поэтом. Они поставили ему памятник в Москве и устроили пышное празднество в Константинове с пением сладенького Малинина. Режим компрадорской демократии пытается сделать Есенина безопасным для себя — так же, как это пытался сделать режим компрадорской социал-демократии.

Но Есенин — не птичка в клетке.

Читавшие его Вари и Вани выдвинули в двадцатые годы к власти Сталина, который отправил всех компрадоров в небытие и вместо сырьевого придатка отстроил великую индустриальную империю.

Читают Вари и Вани Есенина и сегодня.

За два года до смерти Поэт написал о своих убийцах:

"Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге
И уж удалю точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге".

Полной победы нынешний режим тоже добился в октябре — в октябре 1993 года, когда расстрелял Дом Советов. И новым октябрьским компрадорам Есенин обещает нового Сталина.

1996

Вперёд, к сохе!

Леса к востоку от Александрова — столицы опричнины — были пожалованы боярину Годунову. Когда он стал царем, то поставил в двадцати километрах от города охотничью усадьбу. И охоты там устраивал воистину царские: в том месте, где, по легенде, находилась усадьба, не так давно образовался овраг и открылись залежи звериных костей чуть ли не метровой толщины.

После смерти Годунова охотничья заимка разрослась в обыкновенную деревню — деревню Годуново. Со времен царя Бориса годуновские мужики упорно корчевали лес, из лета в лето расширяя пашню. При президенте Борисе пошел обратный процесс: теперь пашня зарастает лесом. За пять лет ельцинских реформ кустарник покрыл 200 га сельхозугодий. Если президент Борис надумает приватизировать годуновские земли и подарить их главному своему боярину Чубайса, то тот скоро сможет устраивать там царские охоты.

Реформы Ельцина в деревне идут во имя и во благо диких зверей. И только. Удостовериться в этом легко — достаточно сравнить, как жило Годуново до реформ и как живет сейчас.

Слово Владимиру Васильевичу Попову — бывшему директору совхоза "Годуновский":

"В моей трудовой книжке есть запись: поступил в сельхозтехникум в 1939 году, окончил — в 1949. Между этими годами мне довелось послужить в армии и отвоевать всю войну. И когда я получил диплом и направление в Годуново, то был уже, скажем так, зрелым молодым человеком, способным самостоятельно и трезво все воспринимать и оценивать.

Перестроечная литература представляет послевоенную русскую деревню как некий АгроГУЛАГ. Это ложь. Паспортов крестьянам без разрешения начальства на самом деле не давали. Но крестьянские дети

могли поступать в любое учебное заведение и потом работать по любой специальности. Парням из деревни после армии никто не запрещал жить там, где они хотели. А кроме того, по деревням ездили вербовщики, которым сельское начальство само обязано было помогать набирать крестьян на стройки в разные города — в том числе и в Москву.

Никакого второго крепостного права при Сталине не было. Как не было и бесправия деревни перед партийной властью. Меня в 51-м году райком рекомендовал председателем колхоза в деревню Сусловка. Но на собрании встала старуха и сказала: "Молодой, пришлый — не хотим его". Раздалось еще несколько голосов: "Не хотим". И инструктор райкома, который был со мной, даже не подумал кому-то затыкать рот. Чуть позже, когда меня избрали председателем колхоза "Рассвет", я уже сам как представитель райкома ездил на отчетно-выборное собрание в деревню Булково. При этом директива мне давалась одна: как решит народ. Собрались колхозники — и давай председателя поливать: то не так, это не эдак. Я спрашиваю: какие предложения? Снять! Сняли. А кого избрать — не решили. После обеда снова собрались и говорят: давай прежнего оставим. Оставили. И это называется диктатом партии?

Брало тогда государство у деревни больше, чем давало ей. Но брало именно в долг. За счет русской деревни прежде всего, Сталин создал для русской же деревни огромный индустриально-научный потенциал. Но пришел Хрущев и растранижил этот потенциал на целину и среднеазиатские пустыни. Туда и только туда с середины 50-х шли эшелоны с тракторами, автомобилями, стройматериалами, удобрениями и элитными семенами. Туда, главным образом, направлялись лучшие специалисты.

А что страна от этого получила? Пыльные бури на распаханной целине и горы гниющего зерна, которые невозможно было вывозить из необъятных степей, лишенных транспортных магистралей.

Вспомните одно из обвинений, которое было предъявлено так называемой антипартийной группе Молотова: не поддержала всенародный почин по освоению целинных земель. В стране и после Сталина остались трезвомыслящие политики. Но верх взяли дураки и вредители.

Имя Хрущева должно быть проклято всем русским крестьянством. И не только за растрату ресурсов на целину, и не только за сплошную мелиорацию, в результате которой русские люди лишились рыбы в своих малых реках и потеряли большое количество заливных лугов. Хрущев еще нанес деревне сокрушительный удар структурной перестройкой хозяйств.

В конце 40-х-начале 50-х в селе Годуново и вокруг него было около 20 колхозов. Некоторые состояли из пяти-шести дворов. В любом колхозе каждый был на виду и каждый знал, кто чего стоит. Поэтому все работали в полную силу: и за совесть, и за справедливое вознаграждение по труду. Но настало хрущевское правление и последовала директива — колхозы укрупнить. Технической базы для укрупнения нет, дорог между деревнями нет, телефонной связи тоже нет. Что дает при этом укрупнение? Только уничтожение доверия между колхозниками, обиды одной деревни на другую и стойкую незаинтересованность в результатах труда.

Вместе с ресурсами и лугами Хрущев отнял у русской деревни и стимулы к труду. Возвращение того и другого началось только с начала 60-х.

Я возглавил совхоз "Годуновский" в 1965 году. Зерна мы тогда собирали по 7 центнеров с гектара и имели пару сотен голов скота. А через двадцать лет урожайность зерновых у нас увеличилась до 22 центнеров, то есть больше, чем в три раза, дойных коров стало около двух тысяч, а телят и нетелей свыше тысячи. На балансе колхоза к середине 80-х было 100 тракторов, 50 автомашин, 30 комбайнов. Мы каждый год сдавали десятки квартир и коттеджей, построили клуб, деткомбинат, магазин, центральную котельную, телефонизировали весь колхоз, заложили фундамент новой школы.

Трижды оплеванный демократической прессой брежневский период был с материальной точки зрения самой благодатной порой для русской деревни за весь XX век. Мы получали от государства средства, которых было вполне достаточно для нормальной работы и жизни, и сполна эти средства возмещали. Что недоставало нам? Свободы в распоряжении произведенными товарами, базы переработки продуктов и устойчивых прямых связей с покупателями. То есть надо было сохранить на прежнем уровне сложившееся в деревне производство и преобразовать его отношения с потребителями.

А что мы получили от реформ Ельцина? Прежде всего — уничтожение самого сельского производства как такового. Уничтожение через дисбаланс цен, лишение села госкредитов и прямого подталкивания со стороны государства к растаскиванию собственности коллективных хозяйств".

Владимир Васильевич Попов не сгустил краски. Производство в Годунове действительно исчезает. Но пока оно все-таки есть. Не

товарное, как было раньше, а натуральное. В основном натуральное. Если прежде из того, что производилось, ~~90~~ 90 процентов продавалось, а 10 потреблялось в самой деревне, то теперь, при резком сокращении количества продуктов, примерно 90 процентов потребляется, а 10 — продается.

У немолодой женщины на улице я спросил: много ли зерна нынче собрали? Она ответила: "Чего-то собрали. Но прошлым летом с зерном было вольней. Приходишь ночью на ток, даешь сторожу бутылку красненького — и носи до утра сколько сможешь унести. А теперь и сеяли, видно, меньше, и уродилось меньше. Поэтому администрация наняла на ток двух милиционеров. И приходилось с колясочкой ходить за зерном на поле к комбайнерам".

До реформ совхоз "Годуновский" продавал государству 4 тысячи тонн зерна. Теперь, когда совхоз стал ТОО (Товарищество с ограниченной ответственностью), государству продано тонн тридцать. Из ста тракторов на балансе товарищества осталось двадцать, из пятидесяти автомашин — пять. Скота на фермах ТОО примерно столько же, сколько было у совхоза "Годуновский" в 1965 году. Часть прежнего техпарка вышла из строя, часть разобрана по дворам. Досталась в собственность членам ТОО и часть скота. На подворьях в Годуново теперь главное производство. Производство же в коллективном товариществе является подсобным для личного хозяйства. С коллективного поля добывается зерно, с коллективной фермы утаскиваются комбикорма.

Себя, свою семью и родню в городе годуновский крестьянин еще вполне способен прокормить. Есть у него и излишки продуктов. Но как их продать, если транспорт дорог, а на рынках свирепствует рэкет? Торгует Годуново мало и потому страдает от безденежья. Денег в деревне не хватает ни на одежду, ни на мебель, ни на запчасти, ни на учебу детей.

"Пока стальной конь бежит, — сказал мне коренастый мужик, пнув в колесо собственного, доставшегося от советских времен, трактора, — жить можно. А развалится — посмотрим". Я любопытствовал: "Куда посмотрим?" "А вокруг — вон в Ивановском, в Еловке, Сусловке, в Горках, в Четверти — дачи москвичи строят. Дойдем до ручки — будем дачников щипать. Что еще остается?"

1996

Строев + Кантор = куш

В первый четверг февраля впервые за полгода страна в телевизоре снова увидела вместе сладкую парочку: двух седых солдат КПСС — Ельцина и Строева.

Бывший первый секретарь Свердловского обкома и Московского горкома пригласил к себе бывшего первого секретаря Орловского обкома, чтобы в его присутствии пробормотать: "Я просил бы успокоиться работающих пенсионеров. Пенсия вам сохранится сегодня, завтра, послезавтра, сколько мы живем".

Ельцин сам уже пять лет является работающим пенсионером. Строев получает право на пенсию в нынешнем году. Кто лучше них, президента-пенсионера и пенсионера, председательствующего в Совете Федерации, мог развеять слухи об отъеме пенсий у имеющих работу стариков?

Разумеется, никто. Два испытанных борца за интересы трудящихся провели блестящую пропагандистскую акцию. Вспоминали ли они при этом минувшие дни — дни пребывания в номенклатуре Политбюро ЦК? Неизвестно. Но вполне очевидно, что их встреча не была братской.

Восстановим в памяти картинку из телевизора: Ельцин сидит во главе стола, а Строев — сбоку как подчиненный на приеме у начальника. Глава исполнительной власти отказал главе верхней палаты власти законодательной в беседе лицом к лицу, и последний согласился с унижением в глазах всей страны.

Исполнявший обязанности президента Чечни Яндарбиев позволил себе летом разговаривать с Ельциным только после того, как тот сел напротив него. То есть чеченский лидер потребовал оказать ему честь, которая ни одним протоколом не предусмотрена, и добился своего. Строеву же по закону полагается вести себя с Ельциным на равных, но

он безропотно занимает место подчиненного. Почему?

Есть быль: император Александр I спросил двух мужиков, что каждый бы из них сделал, если бы стал царем. "Я бы каждый день ел сало с салом и каждый день спал на свежей соломе", — сказал один. "А я бы, — заявил другой, — поставил у завалинки трон и как кто идет мимо и не так глядит — по морде ему, по морде".

Ельцин по духу схож со вторым мужиком, Строев — с первым, и этим многое объясняется в их нынешних отношениях.

Взлет партийной карьеры Ельцина приходится на 1985 год, когда его избирают первым секретарем горкома в Москве. В этом же году Строев получает первый пост в Орловском обкоме. Чем проявил себя прежде всего Борис Николаевич? Правильно: битьем по мордам — его кулак извели 40% партийных и 36% исполкомовских работников, потерявших свои должности. А чем замечательным было отмечено правление в Орле Егора Семеновича?

В начале 1987 года в ЦК КПСС, в газеты "Правда" и "Советская Россия" поступили письма с указанием адресов всех многочисленных родственников Строева: вот здесь они в Орле жили до возвышения Егора Семеновича, а вот здесь — в привилегированном районе, именуемом "дворянским гнездом", в новых квартирах живут теперь.

Ельцин, в стремлении иметь власть и бить по мордам, трижды рисковал. Рискнул в октябре восемьдесят седьмого, выступая на известном Пленуме ЦК, рисковал в августе девяносто первого, залезая на танк, рисковал и в сентябре-октябре девяносто третьего, перечеркивая Конституцию РФ и приказывая стрелять из пушек по Парламенту. Строев же всегда довольствовался той властью, которую ему давали, и тем салом с салом, которое к этой власти прилагалось. За 28 лет партийной службы он не затеял ни одного бунта против начальства и воды в рот набирал и во время ГКЧП, и в дни расстрела Верховного Совета России. Власть для Строева — не способ самоутверждения, не средство воплощения идей, а выгодное ремесло. Он прилежно исполнял прежде все директивы ЦК, потому что это позволяло ему, его чадам и домочадцам безбедно жить, и по той же причине, вероятно, он исполняет ныне все просьбы и пожелания президента и кремлевской администрации.

На второй день после встречи Ельцина со Строевым у меня был разговор с чиновником из аппарата Совета Федерации. Я спросил его: "Мог бы ваш руководитель, зная, что их будут снимать телекамеры, ради приличия, ради сохранения лица законодательной власти, попросить Ельцина пересесть с начальственного места во главе стола на стул

напротив?" Он ответил твердо: "Не мог. Так как, на мой взгляд, Егор Семенович на встрече думал не только о решении государственных дел, но и своих личных. Каких? Например, вот таких". Чиновник достал из папки два листа с грифом "Председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации" и передал мне. Я читал и глазам своим не верил.

"Уважаемый Борис Николаевич!

Прошу вас поддержать проект создания российской финансово-промышленной группы (ФПГ) "Нива Черноземья" для обеспечения российского рынка минеральными удобрениями. Объединение в рамках ФПГ трех крупнейших предприятий отрасли (ОАО "Акрон", ОАО "Дорогобуж", ОАО "Кирово-Чепецкий химический комбинат") под управлением холдинговой компании ОАО "Акрон" позволит в самые короткие сроки решить проблему.

...В рамках представленного вам проекта указа предлагаю передать государственный пакет акций (38% от уставного капитала) ОАО "Кирово-Чепецкий химический комбинат" в состав холдинговой компании ОАО "Акрон". В то же время на инвестиционный конкурс в случае вашего решения будет выставлен эквивалентный по стоимости пакет акций ОАО "Акрон".

Приложение. Проект Указа на 2 л. в 1 экз.

Е. С. Строев".

По Конституции РФ Совет Федерации обязан утверждать принятые Думой законы, некоторые указы президента и назначения высоких чиновников, рассматривать бюджет, ход сбора налогов и выпуск денег, ратифицировать международные договоры, определять, когда быть миру и войне. За это, и только за это выплачивается зарплата Совету Федерации и его председателю. Вопрос о передаче государственного предприятия в руки частной компании не может оплачиваться казной, ибо Совет Федерации его решать не должен. Но Егор Семенович берется его решать. То есть берется выполнять бесплатную работу. Чего ради?

Кирово-Чепецкий химкомбинат выпускает удобрения. А Егор Семенович некогда закончил Мичуринский плодовоощный институт. И нахлынули на него воспоминания юности, и разыгралась тоска по повышению плодородия земли, и от волнений по мичуринскому прошлому надумал он сделать широкий жест — посодействовать приватизации комбината по производству удобрений. И в пылу этого жеста вспыхнуло вдохновение и родился из-под руки председателя-мичуринца проект указа президента. Так ли это? Может быть, и так. А может быть, и по-другому.

Наша страна умеет производить не только лучшие в мире ракетные и космические системы, но и самые качественные минеральные удобрения. Спрос на них был, есть и будет всегда и везде — в Европе, Азии и Америке. Кто владеет русскими предприятиями по производству удобрений, тот имеет деньги.

Прежде химкомбинаты в России принадлежали государству. Но оно от права собственности на них добровольно отказалось. То есть отказалось владеть курицами, которые несут золотые яйца. В результате, например, Новгородский и Дрогобужский химкомбинаты попали в руки частной компании "Акрон", негласными хозяевами которой являются, по слухам, гражданин Израиля Кантор и норвежский концерн "Норск-Гидра".

Что получило государство, избавившись от химкомбинатов, известно — пустой бюджет. Какой доход имеют от тех же комбинатов господин Кантор и "Норск-Гидра" — никому неизвестно. Но, по всей видимости, явно не бедствуют, ибо, помимо двух вышеупомянутых химпредприятий, они возжелали с недавних пор завладеть и третьим — Кирово-Чепецким.

На нем работают 15 тысяч человек. Он — не только крупнейший производитель минудобрений. В его состав входит завод полимеров, где изготавливаются стратегические материалы для обороны страны. Поэтому 38% акций химкомбината остались у государства в лице Минатома РФ. И вот теперь председатель Совета Федерации Строев бьет челом перед Ельциным и просит в нарушение всех имеющихся законов о приватизации взять да и передать по указу государственные акции частной компании "Акрон", то есть господину Кантору и "Норск-Гидре".

Против этого возражает коллектив Кирово-Чепецкого комбината, поскольку предприятия "Акрона" являются его прямыми конкурентами, и новые хозяева могут комбинат просто удушить, чтобы поднять цены на продукцию уже имеющихся у них химпредприятий.

Против этого возражает администрация Кировской области, которая в письмах к Черномырдину доказывает: нет абсолютно никакой нужды куда-то еще включать химкомбинат — он уже входит в финансово-промышленную группу "Интерхимпром", получает от нее необходимую помощь и платит налоги: зачем от добра искать добра?

Против этого возражают оборонные ведомства, ибо для них утрата государственной доли собственности на химкомбинате может обернуться утратой стратегических материалов.

Но что стоят все эти возражения, если ни один из протестующих, в отличие от Строева, не вхож к Ельцину, который может решить судьбу комбината росчерком пера?

Мы знаем, сколь наглым ограблением государства обернулась приватизация по Чубайсу. Но тогда захват госимущества происходил хоть с видимыми правилами приличия — были вроде бы конкурсы, вносились в казну какие-то грошовые суммы денег.

Строев же предлагает воистину бесстыжую приватизацию — огромная собственность государства, по указу президента, передается избранной частной компании, а эта компания выпускает взамен дополнительные акции (пустые бумажки) и выставляет их на инвестиционный конкурс. Государству — шиш, Кантору — куш. А что при этом творцу новой формы приватизации мичуринцу Строеву? Слава благодетеля и покровителя второго передела собственности? И ради такой славы, он, человек де-юре абсолютно независимый от Ельцина, держится с ним как рядовой подчиненный? Бесплатная приватизация крупнейшего в стране химкомбината стоит дороже любого заискивания и публичного унижения.

1997

Сдавать премьера ещё не время

Проведя 6 марта очередную обширную "зачистку" кабинета министров, Ельцин опять сохранил премьера. Черномырдин как глава правительства жил, Черномырдин жив.

Где нынче преданно расчищавшие Ельцину дорогу в Кремль Полторанин с Бурбулисом? Ау! Где Грачев с Ериным, не погнушавшиеся ради сохранения власти Ельцина измазаться в крови защитников Конституции? Где Козырев, обеспечивавший триумфальные поездки Ельцина по странам Запада? Все списаны на задворки политики.

У Ельцина нет и быть не может постоянных соратников, у него есть только постоянный интерес: усидеть в Кремле любой ценой. И если он пятый год держит на втором посту в государстве Черномырдина — значит, тот ему нужнее всех прочих. Чем ценен для Ельцина косноязычный, похожий на бабу (задница шире плеч) нынешний премьер?

Взлет Черномырдина на политический Олимп, на первый взгляд, произошел случайно. В декабре 92-го Съезд народных депутатов отказался утвердить Гайдара на посту председателя правительства. По договору между Ельциным и депутатами было проведено рейтинговое голосование среди нескольких кандидатов в премьеры. Больше всех голосов набрал тогдашний секретарь Совета безопасности Юрий Скоков. Но Ельцин остановил свой выбор на Черномырдине. И большинство депутатов с этим выбором согласилось, хотя и имело о новом премьере весьма смутное представление: лучше кот в мешке, чем Гайдар.

Съезд утвердил Черномырдина случайно: он был известен депутатам, лишь как хозяйственный чиновник, который никак не проявлял себя в политике. Но отнюдь не случайно его выдвинул на утверждение Ельцин.

Перестройка застала Черномырдина на посту министра газовой промышленности СССР. Кто тогда из членов союзного правительства

знал, что наступит 1992 год и можно будет приватизировать не только личные квартиры, но и государственные предприятия? Никто. Никто, кроме Черномырдина, ибо он уже в 1989 году преобразовал свое министерство в концерн Газпром и добился для него исключительного права торговать с Западом, минуя Минвнешторг. В результате прочие министры потом кинулись приватизировать отдельные заводы и комбинаты, а Черномырдин завладел целой отраслью.

На исходе 1992 года Газпром, помимо газовой индустрии России, уже контролировал 9 бирж, 8 СП, 8 банков, в том числе и в Европе, 2 оффшорные компании в Лихтенштейне и имел в собственности треть газопроводов Германии. А из этого следует, что газовый король Черномырдин к моменту его утверждения премьером уже входил в элиту мирового бизнеса и был своим человеком для тех финансовых центров на Западе, которые диктовали разорительные для России реформы, начатые Гайдаром.

За четыре года Черномырдин ничего в курсе этих реформ не изменил и даже не попытался изменить. Хотя не раз делал заявления о необходимости внести коррективы в социально-экономическую политику. Это было своего рода маскировкой. Гайдар в роли и. о. главы правительства РФ состоял мальчиком на побегушках у западного капитала, а Черномырдин в роли главы правительства является полномочным представителем того же капитала.

За невнятным бормотанием и женоподобной внешностью премьера кроется хватка матерого хищника, у которого совесть в желудке. И однажды он эту хватку показал. 4 октября 1993 года, когда жалкий, растерянный, бледный Руцкой снова и снова умолял Черномырдина по телефону прекратить артобстрел Дома Советов, то в ответ слышал железное: сначала сдайте оружие, то есть сначала подставьтесь под снаряды и пули, а потом мы прекратим стрельбу.

У Черномырдина, как и у Ельцина, нет и быть не может постоянных соратников: он спокойно принимал всех, кого президент назначал в правительство, и спокойно расставался со всеми, кого тот увольнял. У Черномырдина есть только постоянный интерес: любой ценой сберечь Газпром. При его премьерстве рухнула обрабатывающая индустрия, обнищали наука и школа, развалилась армия, но Российское Акционерное общество Газпром сохранилось и далеко не бедствует. Это выгодно самому Черномырдину и выгодно его деловым партнерам на Западе. Это не противоречит и постоянному интересу Ельцина: действующий Газпром продлевает жизнь умирающей страны и, стало быть, про-

длевает его власть. Кроме того, Черномырдин — сын шофера МТС и в прошлом инструктор Орского горкома и ЦК КПСС — не раздражает коммунистическую оппозицию в Думе и тем самым помогает Ельцину поддерживать желанную ему для царствования политическую стабильность. Но и это не все. Черномырдина с его четырехлетним премьерством Ельцину легко сделать козлом отпущения и выдать на растерзание, если обстановка в стране обострится. Поэтому упитанный газовый король стоял и будет стоять во главе правительства, даже если реально в нем станет править бал Чубайс.

Но жизнь "сверхбогатого" в нищей стране опасна и скоротечна. И кто знает, что произойдет совсем скоро, и чей политический труп станут терзать патологоанатомы из "МК" и НТВ?

1997

Второй фронт младореформаторов

В долгой драке окружения Ельцина с губернатором Приморья Наздратенко на сторону последнего на минувшей неделе встал Совет Федерации. Встал в полном составе — при одном воздержавшемся.

Сам по себе этот факт не дает оснований для далеко идущих выводов. Но если учесть, как верхняя палата парламента выносила свое решение, то следует признать: отныне приближенные Ельцина имеют врагов не только в лице "красных" депутатов Думы, но и в лице почти всех очень разных по политической окраске глав столичных городов, областей, краев и республик.

Обратимся к стенограмме заседания Совета Федерации от 3 июля.

Председатель Московской гордумы Владимир Платонов, выезжавший в Приморье, делает доклад. Из него следует: Чубайс лжет, когда заявляет, что главная причина бед края -- непрофессионализм губернатора Наздратенко. Комиссия Совета Федерации встречалась в Приморье с руководителями районов, с директорами предприятий, с ректорами вузов, с председателем краевого суда, с прокурором края, со всеми депутатами краевой Думы, и никто из них "вопрос о досрочном прекращении полномочий губернатора не ставил".

Выступление же самого Наздратенко развеивает ложь прочубайсовского телевидения о том, что Приморье является зоной экономического бедствия. Три года назад край находился по всем экономическим показателям на 76-м месте в Российской Федерации, а теперь находится на 24-м. Все последние три года в Приморье не было задержек с выплатой пенсий. Доходная часть краевого бюджета в нынешнем полугодии исполнена на 100,8%. Платежи края в федеральный бюджет на 4 триллиона обгоняют встречные платежи. Но в Приморье были перебои с электричеством, были перекрытия Транссиба, были ожесточенные забастовки и голодовки. Почему?

В крае базируется Тихоокеанский флот, пять дивизий 5-й армии и погранвойска, охраняющие 2337 километров границ. Их не финансирует правительство, и они не платят краю ни за тепло, ни за свет, ни за жилье. По девять месяцев не видят зарплаты работники завода "Звезда", с которыми Москва не рассчитывается за ремонт атомных подлодок. Центр должен силовым структурам и предприятиям оборонки 3 триллиона рублей, и этот долг подрывает бюджет края и создает в нем то, что называется социальной напряженностью.

Так кто виноват в бедах края: губернатор Наздратенко или федеральное правительство, разбазарившее собственность и опустошившее госказну?

По замыслу председателя верхней палаты Егора Строева, Совет Федерации не должен был давать ответ на этот вопрос. Строев предложил направить президенту лишь мнение выезжавшей в край комиссии: подумай, батюшка, и исправь свои указы по Приморью.

Но как только это предложение прозвучало, слово взял мэр Москвы Юрий Лужков: "Я считаю, что мы с вами не до конца высказали свою позицию, позицию Совета Федерации по этому очень опасному вопросу.

Я не говорю об эмоциональной стороне дела, она, безусловно, с точки зрения той информации, которую нам давали СМИ по ситуации в Приморском крае, вульгарна и возмутительна. Я говорю о том, как сейчас будет работать губернатор. Скажите, кто будет отвечать за ситуацию в Приморском крае — губернатор или представитель президента? Ведь часть функций передана представителю президента. Я считаю, что, не вдаваясь в моменты, связанные с морально-этическим нападением, атакой на Наздратенко, мы должны на Совете Федерации принять заявление о том, чтобы был полностью сохранен статус-кво по правам, обязанностям, ответственности и функциям приморского губернатора".

Что произошло далее? Проследим по стенограмме.

Губернатор Свердловской области Эдуард Россель: "Я всемерно поддерживаю Юрия Михайловича, правильно, что он встрял. Ведь вопрос о Наздратенко, который мы слушаем, — это не только вопрос Наздратенко...

Я давал телеграмму Борису Николаевичу и просил не смещать его представителя в нашей области. Я знал, куда эта телеграмма придет. Когда губернатор обращается к президенту по серьезному вопросу, его обращение проходит мимо, а решения принимают какие-то люди, совершенно второстепенные в государстве".

Губернатор Тамбовской области Александр Рябов: "Хочу коллегам напомнить, когда здесь отчитывался генеральный прокурор, я его спросил, на каком основании совместили должность представителя президента в Тамбовской области с должностью мэра города Тамбова? Это вредит делу и вносит противостояния между субъектами Федерации и городской властью.

Сейчас в Москве собирают глав администраций городов, не ставя в известность руководителей областей. Они возвращаются и уже с нами не разговаривают. Это кончится развалом федерации".

Губернатор Воронежской области Иван Шабанов: "Я хотел бы поблагодарить Юрия Михайловича Лужкова за то, что он всех нас заставил вернуться к этой проблеме. С утра, на свежую голову надо все неспешно, спокойно, по-государственному обсудить и принять решение".

Лужков и Россель все последние годы числятся в обойме демократов. Рябов и Шабанов имеют репутацию "красных" политиков. Но они дружно объединились в защите Наздратенко. Объединились, видимо, потому что и тем, и другим осточертели интриги кремлевских придворных, которые, окружив дряхлого, впадающего в слабоумие президента, водят его пером в своих целях, ничего не имеющих общего с интересами народа и государства.

Как содержание, так и тон обсуждения в Совете Федерации конфликта в Приморье показывают: между избранными народом главами территорий и назначенными Ельциным молодыми реформаторами во главе с Чубайсом, контролирующим доступ к телу президента, есть глубокие противоречия. Первым надо, чтобы работали заводы и колхозы, чтобы поступали налоги в местные бюджеты, чтобы у стен их административных зданий не бурлили митинги нищих и голодных. Вторым надо, чтобы по-прежнему жирели приближенные к ним банкиры и чтобы выполнялись рекомендации мировых финансовых центров по удушению производства в России. Мирное сосуществование между ними вряд ли возможно. И когда Совет Федерации единогласно вступает за приморского губернатора, перечеркивая многомесячную деятельность чубайсовского агитпропа по его дискредитации, то это свидетельствует: отныне молодым реформаторам придется воевать на два фронта — и с Думой, и с главами территорий.

Почти unheard of собрании губернаторов и оставил Чубайса! 1997

Деньги с запахом пороха

Из речи Анатолия Чубайса в минувший четверг у гроба расстрелянного вице-губернатора Питера Михаила Маневича: "Мы достанем всех: и тех, кто спускал курок, и тех, кто оплачивал это своими вонючими воровскими деньгами. Мы достанем их всех, потому что теперь у нас нет выбора: теперь либо — мы, либо — они".

Подчеркнем: теперь либо — мы, либо — они. Кого Чубайс имел в виду, говоря "мы", ясно. А вот кто такие — "они", в коих Чубайс видит угрозу для его самой могучей в стране финансово-политической группировки?

Смертных врагов Анатолия Борисовича можно вычислить, используя, как ключ, введенное им понятие: вонючие воровские деньги.

Когда близкие к высшим чинам в государстве люди приватизируют за 170 миллионов долларов металлургический комбинат и потом ежегодно имеют с этого миллиард долларов, то их деньги не воняют.

Когда вице-премьер правительства РФ получает за не написанную еще книгу по приватизации гонорар в 10 раз больше, чем лауреат Нобелевской премии за экономический бестселлер, то его доходы ничем противным не пахнут.

Когда уважаемые в Минфине РФ банкиры хапают бюджетные триллионы и накручивают на них огромные проценты, то в их наваре нет неприятного запаха.

Чистые, не вонючие деньги — это деньги украденные через отъем у народа собственности и финансов. Но украденные с позволения и с помощью власти, даже с ее участием. А какие деньги, по-Чубайсу, являются вонючими и воровскими?

Разрешив легальный, санкционированный государством грабеж общенародного достояния, режим Ельцина одновременно породил грабеж легальных грабителей. То есть одновременно с приватизацией в стране

произошла криминализация. На хвост каждой из обласканных центральной или местной властью кучке жуликов сели нелегальные силовые структуры — так называемые "крыши", которые стали вымогать в свою пользу часть награбленного.

Племя легальных грабителей составили представители элитарных советских кланов, не утративших связи с переродившейся властью. Племя грабителей-нелегалов сформировалось в основном из представителей некогда среднего советского класса — наиболее энергичных молодых военных, спортсменов, ученых и студентов.

Современная нелегальная силовая структура — "крыша" — это далеко не сплошь узколобые уголовники. "Крыша" отслеживает движение товаров и денежных потоков, ведет информационную разведку, осуществляет прослушивание интересующих ее персон и наблюдение за ними. Разумеется, "крыша" включает в себя и тех, кто умеет превосходно стрелять.

Поскольку масштабы легального воровства в стране были огромны, то и доходы нелегальных силовых структур были немалыми. И ныне они по своему кадровому и техническому потенциалу вряд ли чем уступают подразделениям МВД и ФСБ.

Тысячи заказных убийств, которые совершались и совершаются в стране, свидетельствуют, что Россия — не спящая страна, что в ней полно людей, готовых с оружием отстаивать свои интересы, и что говорить о том, что она уже целиком покорила легальным грабителям и полностью ими управляема, — рано.

Истерика Чубайса у гроба Маневича (мы их достанем, либо — мы, либо — они) является доказательством того, что высшая власть не контролирует положение дел в стране и сама не чувствует себя в безопасности. Если сегодня набравшие силу нелегальные силовые структуры могут уничтожить питерского вице-губернатора, то что им может помешать завтра начать отстрел вице-премьеров?

Кто наплодил вонючие деньги, тому и надлежит вдыхать от них запах пороха. Что посеял, то придется и пожинать.

1997

Могильщик Починок

Ельцин указал Верховный Совет распустить. Ерин оцепил парламент колючей проволокой и ОМОНОм. Грачев с Черномырдиным произвели расстрел. Похороны же убиенного осуществила комиссия по ликвидации Верховного Совета во главе с Починком.

В историю, как правило, входят имена карателей и жертв. Копателей могил, обыкновенно, забывают сразу после исполнения ими услуг. Но Александр Починок является исключением. Его имя как руководителя похоронной команды навсегда останется в памяти депутатов расстрелянного Парламента. Одни из них (подчинившиеся тому указу Ельцина) получили из рук Починка роскошные компенсации, другие (воспротивившиеся тому указу) им же были этих компенсаций лишены. Как первым не помнить благодетеля, а вторым — экзекутора?

Никогда не выпадет имя Александра Починка и из поля зрения исследователей октябрьских событий 1993-го года, ибо он по завершению стрельбы по Дому Советов вошел туда как главный его хозяин. Став председателем ликвидкома, Починок одновременно сделался распорядителем всей собственности уничтоженного Парламента, который был страшно богат. В то время в Москве лишь три-четыре юридических лица имели больше денег и имущества, чем Верховный Совет. На его балансе находились громадные административные апартаменты (Дом Советов на Краснопресненской набережной, Парламентский центр на Цветном бульваре, многоэтажные башни на Новом Арбате и старинный особняк на Воздвиженке), жилые дома и дома отдыха, автобазы и издательство. Все здания Парламента были набиты недешевой мебелью, компьютерами и бытовой техникой. В Доме Советов, помимо всего этого, стояли сейфы с крупными суммами налички в рублях и валюте, с художественными изделиями из золота и серебра. Были там дорогостоящие картины и ковры. Были и сотни уникальных охотничьих

ружей, и тысячи единиц обычного стрелкового оружия, которое к той поре уже стало товаром.

Историков Октября-93 не может не заинтересовать судьба собственности Верховного Совета и потому им не может не быть любопытна личность Александра Починка, поскольку за его подписями эта собственность кусками передавалась Администрации президента. Так почему же именно Починку было доверено решать столь деликатный вопрос, как переоформление внушительного имущества богатого покойника, которое объемом, качеством и бесхозностью пробуждало великие соблазны поживиться?

Будущий вождь похоронной команды Парламента прибыл на жительство в Москву с Урала в 1990 году. Прибыл с дипломом кандидата экономических наук и мандатом народного депутата РСФСР. Среди тысячи с лишним таких же омандаченных 32-летних Починок не потерялся. Он обладал запоминающейся внешностью: маленький рост, тщедушное тело и крупные уши. Стать школьника-подростка, а лицо задумчиво-изможденного бесстрастного мужа. И речи достойные лица — скучные, но толковые.

В отличие, скажем, от Николая Павлова или Глеба Якунина, Починок оваций не срывал и волн гнева не вызывал, но прислушиваться к себе заставлял. На съезде он был замечен и избран в Верховный Совет, где стал сначала зампредом, а затем и председателем комитета ВС по бюджету, планам, налогам и ценам.

От участия в брани, которая постоянно возгоралась на съездах народных депутатов и сессиях ВС, Починок не уклонялся. Всегда вставлял свое слово, когда было возможно. Но постоянно не был ни на чьей стороне — ни на стороне "демороссов", ни на стороне коммунистов, ни на стороне бабуринской группы "Россия". Два с лишним года депутат Починок ходил в одеждах независимого интеллектуала и деполитизированного профессионала-экономиста. И как таковой сыграл далеко не последнюю роль в принятии антиправительственного, антигайдаровского бюджета на 1992 год.

Прохладные отношения с исполнительной властью (хочу — поддерживаю, хочу — нет) продолжались у Починка до апреля 93-го. То есть до референдума о доверии Ельцину и Съезду народных депутатов. После референдума Починок сбросил пиджак независимого интеллектуала, снял штаны деполитизированного профессионала и надевал на себя только то, что носили "демороссы" — от рясы Якунина до бюстгальтера Старовойтовой. 21 сентября 1993 года Починок в первые же

минуты после выступления Ельцина по ТВ признает его. Уходя о роспуске Парламента, в первых рядах идет в Кремль на поклон и получает в награду пост заместителя министра финансов.

Внезапно ли весной 93-го проснулась у Починка любовь к "Дем. России" и исполнительной власти? Разобраться в чувствах Александра Петровича без него самого невозможно.

В недавнем своем интервью, обмолвившись о том, что в стране тьма "черного нала" и что это бьет по самим же подпольным богачам, он далее сказал: "Из тех, кто приходил ко мне в Верховный Совет за всевозможными налоговыми льготами, мало кто остался в живых".

Если к Починку в ВС шли за налоговыми льготами, значит он их мог обеспечить. Если тех, кому он эти льготы обеспечивал, убивали, значит они благодаря ему сказочно богатели. А делились ли с ним с его помощью нажитым?

История об этом умалчивает. Но достаточно взглянуть на вечно изможденное лицо Починка, чтобы понять: он тысячу раз подумает, прежде чем взять от кого-то тысячу долларов. И вряд ли всемогущий тогда председатель комитета по бюджету и налогам, с его чрезмерной осторожностью, опускался до банальных взяток, ибо взятки — это всегда риск. А у Александра Петровича был другой, гораздо более безопасный путь к благосостоянию.

Чем в 1992-93 годах занимались в свободное от заседаний Верховного Совета время депутаты-демократы: Ковалев, Якунин, Старовойтова, Пономарев? Политической деятельностью, направленной на укрепление режима Ельцина. Чем в те же годы занимались депутаты-патриоты: Бабурин с Павловым и Астафьев с Конатснтиновым? Политической борьбой, направленной на свержение режима Ельцина. А чем тогда же в свободное от парламентской работы время занимался депутат Александр Починок?

"С 1992 года, — сообщил он минувшим летом журналу "Огонек", — я активно размещал свои немногочисленные капиталы в рублях и валюте, строил графики, играл на разнице в банковских процентах на рубли и доллары".

Суду общественного мнения все ясно. Пока одни озадаченные депутаты кричали на митингах: "Ельцин! Гайдар!", а другие — "Ельцина — на рельсы", деполитизированный депутат Починок крутил пусть небольшие, но чистенькие свои денежки, стоил графики и играл на разнице в процентах. И все это делал успешно. И не мог не делать успешно, ибо от расположения комитета, который он возглавлял, подчас

зависело и рождение, и становление, и процветание ряда коммерческих и банковских структур. Отдельным из них — тем, которые приходили к нему за всевозможными льготами, Починок, надо полагать, бескорыстно оказывал услуги, а они, в свою очередь, следует думать, столь же бескорыстно помогали ему в его финансовых играх с личным капиталом. Таким образом депутат Починок, без малейшего риска быть замаранным взятками, обеспечил себе сытное настоящее и отличные перспективы на будущее. В насквозь криминальный режим он, человек невероятно осторожный, встраивался медленно, но верно. И в результате к весне 93-го расстался с имиджем независимого и деполитизированного, обрядился в одежды "Дем.России" и выслужил от режима пост замминистра финансов.

Умение Починка ограничивать свои аппетиты при широких возможностях хапнуть оценили в окружении Ельцина. И именно поэтому, именно его назначили душеприказчиком расстрелянного Верховного Совета. Расчет президентского окружения был прост: осторожный Починок не будет мешать присвоению имущества ВС нужными людьми, но и сам не станет организатором мародерства. И Александр Петрович целиком и полностью оправдал надежды. При передаче собственности Парламента администрации президента было украдено 20-30% из того, что находилось в зданиях Верховного Совета, а не половина и не две трети.

Перепало ли что-то при этом самому Починку — история опять-таки умалчивает. Но известно, что, многие депутаты с чем приехали в Москву, с тем и остались в ней. А депутат Починок, как говорят его знакомые, перевез в Москву родителей из Челябинска, купив им в столице двухкомнатную квартиру, приобрел две дачи и лимузин "Линкольн".

При всем том в алчности Александру Петровичу ни в какой, даже самой падкой на разоблачения прессе обвинений не предъявлялось. Но из правительства в том же 1993 году неподкупного Починка выдавили. Выдавили, вероятно, потому, что кабинет Черномырдина желал, как можно скорее, забыть кровавые октябрьские события и, стало быть, не хотел иметь в своем составе главу похоронной команды Парламента.

Возвращение Починка в исполнительную власть произошло только в апреле нынешнего года. С чем оно связано? За минувшие четыре года Александр Петрович не изменил идейной присяге, данной им в апреле 93-го, и остался в рядах радикал-демократов. В первую Думу он избирался от гайдаровского "Выбора России", в Думу второго созыва

попал, победив в одномандатном округе, но с "выборосами" не порвал, чем заставил обратить на себя внимание их неформального лидера Анатолия Чубайса. Из его рук Починок и получил ныне высокий властный пост — председателя Государственной налоговой службы.

Обстоятельства своего назначения Александр Петрович объяснил так: "Чубайс сказал, что хватит мне отдыхать, что я специалист в этой области. Ему видней." В последней фразе выражена суть сегодняшней политической позиции Починка: Чубайс всегда прав, ему видней — надо ему это — значит, сделаем, не надо — не сделаем. Светлый образ нового начальника нашей налоговой службы Александра Петровича Починка легко удержат в памяти, если запомнить один анекдот:

Что ты, парень, умеешь делать?

Могу копать.

А что еще можешь?

Могу не копать.

1997

Селезнев Кишиневский

Аэропорт Кишинева — столицы суверенной Молдовы.

Пассажиры говорят между собой по-русски. Милиционеры и таможенники — тоже. Барышня в униформе по рации запрашивает добро на посадку в самолет на русском.

Но вот посадка заканчивается, дверь в самолете запирается и через динамики в салоне звучит просьба пристегнуть ремни. Звучит сначала на великом и могучем молдавском языке, потом повторяется на менее могучем английском и, наконец, на занюханном языке повседневного общения — русском.

Я подмигиваю соседу по креслу — лицу славянской национальности: "Чуешь, Ион Друцэ теперь выше, чем Шекспир". Он отвечает: "Чую и то, что Иван III, одолевший Золотую Орду, и в подметки не годится Стефану III, при ком Молдавия стала частью Турции".

В принципе на порядок объявлений в самолете моему соседу, русскому кишиневцу, было наплевать: в Лилипутии все лилипутское должно быть главным. Терпеть, сказал он, невозможно злобу и спесь власть имущих лилипутов.

Три месяца нынешним летом примария (мэрия) Кишинева проводила проверку языкового режима в городе и стегала за нелегальное использование русского языка в служебном общении и делопроизводстве руководителей не только госучреждений, но и частных предприятий. Не исключено, что со временем кишиневские власти организуют мордобой и за использование мыслей на русском. В Лилипутии нет ничего невероятного. Там, как известно, император (президент) может ногами упираться в центр земли, а головой касаться солнца.

Истребление русского языка в Молдавии продолжается восемь лет. Началось оно в мае восемьдесят девятого — с визита в Кишинев члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева. Он освятил

роды из чрева демдвижения в поддержку перестройки Народного фронта Молдовы, которому была позволена пропаганда курса на объединение с Румынией и ликвидацию в республике двуязычия.

Через три месяца в Верховном Совете Молдавской ССР появился закон о монополии языка титульной нации. То же самое и также после визитов Александра Яковлева произошло в республиках Прибалтики. Но там русскоязычное население побастовало и угомонилось. В Молдавии же забастовки на левом берегу Днестра переросли в сходы граждан и референдумы. И когда в Кишиневе государственным флагом был объявлен румынский триколор, съезд приднестровских депутатов в Тирасполе провозгласил образование Приднестровской Молдавской Республики.

Республика на Днестре не дрогнула в 90-м перед гневом президента СССР Горбачева, предписавшего своим указом ее упразднить. Отбилась от вооруженного нападения Молдовы в 92-м. И, выдержав многолетнюю экономическую блокаду, продолжает здравствовать и поныне.

Российская Федерация за семь лет не признала Приднестровскую Республику. Но не признала официально и то, что она является составной частью Молдовы, ибо договор о межгосударственных отношениях между Россией и Молдовой не был ратифицирован ни Верховным Советом, ни первой рыбкинской Госдумой.

Ратификация этого договора означала бы согласие России на право Молдовы подчинить себе Приднестровье любым путем. А среди прежних наших депутатов не находилось горячих сторонников насильственного втягивания русскоязычных приднестровцев в государство, где бьют на работе за использование русского языка. Среди депутатов нынешних такой сторонник объявился.

Дело Александра Яковлева и Михаила Горбачева по румынизации Приднестровья не погибло. Теперь оно будет продолжено могучим талантом председателя Госдумы Геннадия Селезнева.

На исходе октября он нанес визит в Кишинев, где официально заявил, что "базовый российско-молдавский договор будет ратифицирован до Нового года".

Поскольку Селезнев представляет в Думе крупнейшую фракцию — КПРФ, имеющую вместе с союзниками большинство, постольку и серьезно выглядит его заявление. Нажмет он со товарищи на кнопки — и согласие России на разборку Молдовы с приднестровскими "сепаратистами" готово. Пожалуйста: вывешивайте в Тирасполе румынские флаги. Хотите — миром, хотите — войной. Это ваше внутреннее дело.

Что толкает русского коммуниста Селезнева на сдачу русского населения Приднестровья молдавским наци? Разумеется, благие намерения.

Сейчас в Молдове правит "пророссийский" президент Лучинский и у него есть опора в парламенте. Если Россия сейчас ратифицирует договор, то на грядущих парламентских выборах сторонники Лучинского сохранят свои позиции. Если не ратифицирует, то в парламент пройдут прорумынские депутаты, возглавляемые Мирчей Снегуром. В таком случае ориентация Молдовы изменится, и ее отношения с Приднестровьем осложнятся.

Эти и только эти доводы может привести Селезнев в пользу подписания. И все эти доводы липовые.

Что же пророссийского в политике Лучинского, пришедшего к власти год назад? В республике, где 30 процентов граждан нетитульной нации, сформировано правительство из одних молдован. Русских и украинцев нет даже на второстепенных постах республиканского значения. А среди 38 председателей райисполкомов их всего трое. В вузах Молдовы в год правления Лучинского набор в группы с русским языком сокращен на 10 процентов. Доля русских и украинцев среди студентов уменьшилась на 9%. Телевидение на русском занимает 7% эфирного времени.

Русских в Молдове как давили до Лучинского, так давят и теперь. Только еще сильнее.

Теперь о дружелюбии Лучинского и его сторонников собственно к самой России. В июле власти Молдовы уравнили в льготах граждан, имеющих правительственные награды СССР, с гражданами, которые были награждены правительством фашистской Румынии. Далее, являясь по Конституции нейтральным государством, Молдова не принимает участие в мероприятиях по безопасности стран СНГ, но дважды в этом году участвовала в учениях блока НАТО. Именно при Лучинском молдавские власти тайно продали США 20 современных истребителей, произведенных в СССР, что позволит Пентагону изучать военный потенциал российских ВВС. И наконец, Лучинский с благодарностью принял от румынского правительства 5 миллиардов леев для "финансирования мероприятий по экономической и культурной интеграции Румынии и Республики Молдова".

Лучинский смотрит и рвется туда же, куда и Снегур, — в Румынию и в НАТО. Помогать ему укрепиться у власти ценой сдачи Приднестровья для России нет никакого смысла. Но Селезнев хочет ему помочь. Почему?

Версия первая: Селезнев выполняет тех, кто контролирует думское большинство.

Президент Молдовы Петр Лучинский — бывший член Политбюро ЦК КПСС. Он давно знаком с рядом влиятельных депутатов Госдумы, которые прежде так же состояли в Политбюро и ЦК. Между ними сохраняются добрые отношения, располагающие к откровенности.

Команда Лучинского недавно получила от продажи в США советских истребителей десятки миллионов долларов. Сделка была засекречена, что позволяет предположить о неких отчислениях в "черную кассу". Из нее через друзей Лучинского по КПСС могли предложить думским вождям не деньги, а очень большие деньги. Они их взяли и обязали Селезнева организовать желанную Лучинскому ратификацию.

Эту версию легко проверить. В письменной информации об итогах визита в Кишинев Селезнев уведомил депутатов Госдумы, что в Молдове "ряд пророссийски ориентированных парламентариев указывали на опасность для российско-молдавских отношений дальнейшего затягивания этого вопроса. По их мнению, его увязывание с решением приднестровской проблемы не способствует ее развязке, а скорее наоборот — усугубляет ее, осложняет позиции искренних сторонников развития всесторонних связей с Россией".

В парламенте Молдовы "пророссийски настроенные депутаты" состоят во фракции "Социалистическое единство". Когда они прочитали написанное бывшим журналистом Селезневым, то их тоже немедленно потянуло к словотворчеству: "Фракция "Социалистическое единство" выражает недоумение по поводу ссылки (в информации Селезнева, — Н.А.) на позицию "пророссийски ориентированных парламентариев", т. е. депутатов нашей фракции, по вопросу о ратификации базового договора и протокола к нему.

На встрече представителей фракции с делегацией Госдумы РФ четко и однозначно была изложена наша позиция о нецелесообразности в настоящее время ратификации вышеуказанных документов и изложены мотивы, которыми мы руководствовались. Помимо этого, наши аргументы были вручены делегации в письменном виде".

Селезнев обманул Думу, изложив с точностью до наоборот позицию своих партнеров по переговорам в парламенте Молдовы. Если вожди КПРФ и других фракций не потребуют от него объяснить причины обмана и не дадут этому обману свою оценку, значит первая версия имеет право на существование. Если вранье Селезнева будет наказано, то вторую версию его любви к Лучинскому могут дать только специалисты по тайнам любви.

1997

Партсобрание в свете звонка

Слепые котят, когда их топят, барахтаются, пытаясь всплыть. Матерые структуры КПСС в августе 91-го рассыпались от окрика Ельцина, даже не попробовав сопротивляться.

Ельцинский указ против партии не укладывался ни в один закон. Силу ему придавали лишь опьяненные победой над ГКЧП толпы лавочников в центре Москвы. Они крепко шумели, но ни единого партийного носа не разбили. Драки не случилось. Не случилось, поскольку у органов партии не было личного кровного интереса драться.

Член политбюро ЦК КПСС Егор Строев не вышел на Старую площадь, не облил себя бензином и не отогнал лавочников от родного ЦК угрозой самосожжения потому, что ему ради партии не имело смысла рисковать не только жизнью, но и копеей на спички.

Центр власти в стране давно уже переместился из ЦК в Верховный Совет. Политбюро больше не распределяло госпосты и, стало быть, не распоряжалось людьми и собственностью. В результате кресло в высшем руководстве партии стало стоять не дороже кресла директора института в Орле с видом на губернаторство.

Но хоть что-то для спасения партии в том августе Строев бы сделал. Сделал, если бы к нему, члену политбюро, в день выхода запретительного указа приехал, например, рядовой член КПСС, председатель концерна "Газпром" Виктор Черномырдин и прямо, без церемоний, сказал: "Надо, Егор Семенович, надо этим, у кого руки на партию чешутся, чтобы они чесались в другом месте".

От напора из "Газпрома" Строев бы просто так не отмахнулся. А Черномырдин мог бы попросить за партию. Мог, если бы она еще требовалась ему для установления его личного контроля над доходами огромной сверхприбыльной отрасли. Но такой контроль он уже имел.

В провинции толпы лавочников у стен райкомов и обкомов не шумели. Там органам партии вообще не с кем было драться. Да и незачем. *Политическая он там никак не была*

Партаппарат на местах являлся по сути, аппаратом не политическим, а управленческим. Он руководил районами, областями и каждой сферой жизнедеятельности в них. С упразднением партии спрос на опытных менеджеров не исчезал. И поэтому секретарям и заведомым парткомов указ Ельцина доставлял лишь дополнительные мелкие хлопоты: приходилось менять вывески, перебираться из кабинета в кабинет или перемещаться в конторы банков и коммерческих корпораций, где платили больше, чем в райкомах и горкомах.

Общественность, то есть граждане без властных полномочий, от ликвидации структур КПСС так же ничего не теряли, как и чины партии и тузы-хозяйственники.

Фанатам "Спартака" и поклонникам рок-группы "Алиса" было равным счетом все равно: есть в стране политбюро, или нет его.

Писатели из содружества "Апрель" в борьбе с обществом "Память" могли прекрасно обходиться без инструкций ЦК.

Русское Национальное Единство Баркашова свои перспективы с бытием инстанций Компартии никак не связывало.

Питерское братство Анатолия Чубайса из основанного им клуба "Перестройка" и товарищество большевиков Нины Андреевой в осуществлении своих замыслов на помощь органов КПСС не рассчитывали.

К августу 91-го Компартия напоминала некую огромную фирму, в услугах которой никто не нуждался.

Диктовать политику она не могла, ибо не контролировала президентов Горбачева и Ельцина и не имела послушного ей большинства в высших органах власти — в Верховных Советах СССР и РСФСР. Влиять на умонстроение общества она так же не могла, ибо в ее структурах отсутствовали мозги, способные рождать идеи и планы, которые кого-то увлекают и вдохновляют.

Добровольно отказавшись от монополии на пропаганду, дав свободу журналу "Огонек", ряду газет и телепрограмме "Взгляд", партия позволила внедрить в общественное сознание миф: так жить, как мы живем, нельзя, надо жить по правилам западной цивилизации.

Прямая трансляция со Съездов народных депутатов открывала простор для саморекламы сладкоголосым поборникам этих принципов. Новые пророки звали в неизвестное прекрасное и не страдали от дефицита популярности.

Деятели КПСС не жаждали, задрав штаны, бежать за мадам Ста-
ровойтой и Бурбулисом с Собчаком. Не грели их сердца и призывы
Нины Андреевой: чтобы было хорошо, как при Сталине, в стране дол-
жен быть новый Сталин, а его нет. ✓

Жить так, как жили до избрания генсеком Горбачева, действительно
нельзя. А как надо жить?

Этого не знали ни в политбюро и ЦК, ни в прочих комитетах, ни
в Академии общественных наук, ни в ВПШ, ни в институте марксизма-
ленинизма. Исполнинская партийная машина не сумела выработать но-
вую идеологию и предложить новую политику, адекватную традициям,
современным возможностям и запросам страны, что и предопределило
ее крах. *4 сдв рзю — что? тогда для себя уже не было. естествен.*

Прекратив своим указом деятельность партии, Ельцин срубил за-
сохшее, давно бесплодное дерево, о котором никто не жалел и от кото-
рого не осталось никаких плодов — ни для ума, ни для души. Един-
ственное, что было у КПСС ценного, — это ее имущество. Несметное
имущество. Не будь его, родимого, коммунистическое движение в стра-
не продолжилось бы в иных организационных формах. Но оно было.
И у обанкротившейся партии объявилась наследница: одна из структур
КПСС — Компартия Российской Федерации.

Любая партия живет и здравствует, пока в ней есть потребность, и
умирает, когда становится никому не нужной. КПСС и ее филиал в
РСФСР умерли естественной смертью, ибо в августе 91-го их никто
не бросился спасать. Ельцин двумя указами о приостановлении и пре-
кращении деятельности партии не убил ее, а лишь санкционировал
мародерство — захват имущества богатой покойницы. Но по действу-
ющему законодательству он права на это не имел, и ряд деятелей
испустившей дух КПРФ вознамерились опротестовать указы в Кон-
ституционном суде.

Объяснить это их намерения легко через один пример.

4 октября 93-го Министерство печати РФ запретило газету "День".
Комнаты редакции были опечатаны, на ее компьютеры и счет в банке
наложен арест. Но уже через три недели сто тысяч экземпляров "Дня"
с рассказами о кровавой бойне у Дома Советов продавались в Москве,
Питере и Екатеринбурге. Газета была напечатана в Минске под шап-
кой белорусского еженедельника "Мы и время" и доставлена оттуда в
пассажирском вагоне. Потом она вышла в Липецке по названию
"Согласие" и приехала в Москву на грузовике. Под именем "Завтра" ее
тираж был отправлен из Красноярска в почтовом вагоне...

Для возобновления деятельности запрещенной в 91-м Компартии существовало не больше препятствий, чем для возобновления выпуска запрещенной в 93-м газеты "День".

Карательные указы Ельцина были направлены только против КПСС и ее российского филиала, а не против партий вообще, и коммунистических в частности. И, стало быть, деятелям КПрФ ничто не мешало легализовать ее и включить в борьбу под новым названием. Но они взялись судиться. Почему? Потому что с чем и как идти в народ, было неизвестно. А дорога в Конституционный суд — известна. Отменит он указы, тогда из окон возвращенных партофисов и автомобилей и видно будет, какие боевые задачи выдвигать.

Возрождение КПрФ ее лидеры поставили в зависимость от милости властей. И власти оценили их почтительность: пинка не дали. Но одновременно дали понять: у сильного всегда бессильный виноват.

В ноябре 92-го Конституционный суд снял запрет на деятельность КПрФ, но в праве на имущество ей отказал. То есть она стала наследницей КПСС без наследства. Тем не менее, год, потраченный на подготовку и проведение судебной тяжбы, даром для вождей КПрФ не пропал. Факт правопреемства тоже кое-чего стоил.

История КПСС являлась историей судеб множества людей, у которых в прошлом с партией были связаны самые светлые воспоминания. И ей, в лице восстанавливаемой КПрФ, они готовы были служить в меру своих сил.

Не торопились выбрасывать партбилеты и штатные, и нештатные партийные активисты, которые знали былую силу структур КПСС и надеялись воскресить их под маркой КПрФ, чтобы использовать как для защиты государственных и своих личных интересов, так и для политической карьеры.

КПрФ как правопреемница КПСС подходила идейным ветеранам. Подходила зрелым коммунистам с государственным инстинктом и идеалами справедливости. Подходила и не сумевшим встроиться во власть партаппаратчикам с неутоленными амбициями. А тех, других и третьих в стране оказалось несколько сот тысяч.

Ликвидация структур КПСС автоматически не повлекла за собой ликвидацию личных связей между членами партии. Это позволило лидерам КПрФ в течение трех месяцев навести мосты с активом в территориях, провести там конференции и избрать делегатов на восстановительный съезд.

В феврале 92-го в плохо отапливаемом зале подмосковного санатория возрождение КПРФ состоялось. Что за партия в ее облике появилась на политической сцене России?

Прабабушка КПРФ — РСДРП(б) — сначала являлась партией бунта, а затем стала партией обуздания стихии.

Ее бабушка — ВКП(б) — была партией идейного вдохновения в труде и в бою и партией государственного управления одновременно.

Родная мама КПРФ — КПСС — власть над умами и душами постепенно утратила и превратилась в чисто управленческую надгосударственную машину, рухнувшую после того, как ее отлучили от государства.

Тип партии определяется прежде всего личными качествами ее лидеров: каков поп, таков и приход.

Члены новоизбранного Центрального исполнительного комитета КПРФ Анатолий Лукьянов и Иван Рыбкин могли управлять структурами. Первый, как известно, успешно правил Верховным Советом при Горбачеве, второй, мы теперь знаем, справляется с обязанностями главы Совета безопасности при Ельцине. Но в 92-м Лукьянова из органов государства уже выставили, а Рыбкина в них еще не приняли. Нечем было тогда управлять и другим способным к управлению членам ЦИК.

Во время возрождения КПРФ сотрясаемая "шоковой терапией" страна внимала с телеэкрана Александру Невзорову, читала Эдуарда Лимонова, Александра Проханова, Юрия Власова, слушала депутатов Сергея Бабурина, Николая Павлова, Михаила Астафьева. Но их в составе ЦИК не было. Был в нем один яркий мастер слова — Владимир Бушин. Один-одинешенек. И шансы партии завладеть умами и сердцами граждан равнялись нулю.

Всю погоду в ЦИК КПРФ определяли бывшие чины из высшей партийной номенклатуры. Их психологию формировал неписанный устав КПСС — гораздо более жесткий, чем в армии. От партработника требовалось не только беспрекословное подчинение на работе. Его могли взгреть и за неуютное начальству поведение в быту. Он привыкал взвешивать и просчитывать каждый свой шаг. А привычка — вторая натура.

Грань между осторожностью и трусостью за десятилетия партийной карьеры стиралась. Высшие кадры КПСС легко поддавались страху и в абсолютном большинстве своем органически были неспособны к риску. А следовательно, КПРФ во главе с номенклатурным руководством была непригодна к бунту.

Итак: участие в управлении в 92-м для нее исключалось, вдохновлять и бунтовать она не могла. Что оставалось? Роль чисто парламентской партии, конструктивно оппонирующей режиму в установленных им рамках. Такой КПРФ родила мама — КПСС. Но было у ново-рожденной партии и кое-что от ген бабушки и прабабушки — от ВКП(б) и РСДРП(б).

Повод думать о том давал следующий факт: избранный съездом ЦИК всем кандидатам в лидеры партии предпочел Геннадия Зюганова. В начале 91-го Зюганов, член политбюро ЦК КПРФ, вдруг выступил в газете "Советская Россия" с обличением политики Горбачева. Культ генсека и президента СССР уже шел на убыль. Но критиковать его было позволительно только депутатам и журналистам, а не партработникам. Зюганов нарушил установленные правила. То есть совершил рискованный поступок, не характерный для деятеля из партийной элиты.

Столь же нетипичным для номенклатуры было и его поведение после запрета КПРФ. В то время, когда Купцов с Рыбкиным добивались у власти позволения на деятельность партии, Зюганов поносил эту власть на митингах, в открытую тусовался с бунтующими против режима народными депутатами РСФСР, давал интервью газете "День", которую обслуживающая Ельцина демпресса величала фашистской, и не шибко при этом выбирал выражения по поводу власти.

Ко дню восстановительного съезда КПРФ Зюганов заявил о себе не только как о человеке протестном, но и творческом, умеющем сплавить в словах такие постулаты, которые убедительно выглядят как для монархиста-антикоммуниста, так и для верного большевика-ленинца. Голосование ЦИК за Зюганова доказывало: у КПРФ есть возможность стать партией борьбы с режимом. Но гены ее мамы оказались значительно сильнее, чем гены бабушки и прабабушки. И это стало ясно уже осенью 93-го.

В центре сопротивления свершенному Ельциным госперевороту — в Доме Советов и вокруг него — нашлось место всем: от казачьего сотника Морозова до президента Калмыкии Илюмжинова, от певицы Тамары Картинцевой, надевшей санитарную сумку, до поэта Владимира Лещенко, вооружившегося железной трубой. Не оказалось там места только лидерам КПРФ.

После 21 сентября, то есть после выхода антиконституционного указа, Зюганов в Доме Советов появлялся. Но его, политика без всякого мандата, к принятию судьбоносных решений ни Руцкой, ни Хасбулатов не приглашали.

К разговорам у костров на площади приглашения не требовалось. Но Зюганов до костров не снизошел. Его не было среди защитников Конституции, когда 28 сентября Дом Советов блокировали. Не было потом и среди тех, кто перегораживал баррикадами Садовое кольцо на Смоленской 2 октября, не было среди тех, кто своими телами пробивал щиты ОМОНа 3 октября, и среди тех, кого расстреливали потом в Останкине и в Доме Советов. Не было среди восставшего народа ни Зюганова, ни Купцова, ни других лидеров КПРФ, кроме члена ее ЦИК Альберта Макашова.

За уклонение от участия в октябрьском восстании 1993-го партии с профилем вождя октябрьского восстания 1917-го на ее партбилетах позволили участвовать в выборах в Думу, учрежденную на крови сотен убитых. И она этим воспользовалась. А потом посадила во главе Думы одного из членов ее ЦИК Рыбкина, который тут же рванул в Кремль с розами поздравлять главного кровопускателя с днем рождения.

Не прокляв Рыбкина, КПРФ доказала свою готовность к любым компромиссам с режимом. То есть, заявила о себе как о партии конструктивного сотрудничества с ним. Но в этой роли тогда, в декабре 93-го, режим не сильно в ней нуждался, поскольку большинство в Думе имели фракции ЛДПР и "Выбор России". А при всем том на ласку Кремля КПРФ рассчитывать не приходилось. И поэтому, не переходя границ дозволенного режимом, она с размахом его обличала.

Благодаря телекамерам у думской трибуны исходившая от вождей КПРФ критика властей, хоть и в урезанном виде, но становилась известна стране. Слово же всех других партий и движений, которым за участие в октябрьском восстании было запрещено избираться в Думу, в телевизоры не попадало. На экранах мелькала только одна истинно враждебная режиму партия — партия, уклонившаяся от смертельной с ним схватки в октябрьском восстании 93-го. Ее в народе и восприняли как единственно непримиримую воительницу против антинародной политики Кремля. И на выборах во вторую Думу в декабре 95-го ей досталась львиная доля голосов всех недовольных этой политикой.

Победителей не судят. Триумф КПРФ на парламентских выборах обязывал всех противников режима признать ее вождя лидером всей оппозиции. И они это признали, выдвинув Зюганова единым кандидатом в президенты от народно-патриотических сил.

В ходе президентской кампании 96-го Зюганов носил пионерский галстук, как генсек Брежнев. Танцевал "барыню", как депутат-затейник Марычев. Отдыхал с молодежью в ночном баре, как Иосиф Кобзон.

Прыгал у волейбольной сетки, как Ельцин в молодости. И ездил из города в город, из деревни в деревню по всей стране и говорил, говорил, говорил замечательные слова под девизом "Россия. Родина. Народ".

Ельцинская газета "Не дай Бог" рисовала Зюганова в облике кровожадного большевика с наганом, а он вел себя столь же безобидно, как Явлинский.

Во втором туре на участки не пришло 30 процентов избирателей. Не пришли не те, кому, как предостерегал лозунг Чубайса, было что проигрывать. Не пришли те, кто не видел разницы между Ельциным и Зюгановым и не надеялся с любым из них выиграть.

Команда Зюганова не обещала отнять у банкиров госфинансы и национализировать нефть, газ и металлургические заводы. Она не называла имена жуликов, которых намерена отдать под суд, и, стало быть, не брала обязательств пресечь ограбление народа.

Эта задача могла быть выполнена при наличии в стране организованных масс народа. Но Зюганов и его товарищи по партии в предыдущие годы не создавали ~~стачкомы и комитеты спасения~~, а проводили пресс-конференции, давали интервью, защищали диссертации, наносили визиты на Запад, писали книги и сочиняли в Думе законы по упорядочению деятельности режима.

Не имея за спиной силы масс, КПРФ не могла и рассчитывать на президентский пост. Его она все равно бы не получила, даже если бы 30 процентов недовольных режимом избирателей пришли на участки и отдали свои голоса Зюганову. Как и в 93-м, Ельцин не остановился бы ни перед каким преступлением ради сохранения власти. КПРФ это прекрасно понимала. Но предписывала своему лидеру плясать "барыню" и надирать голосовые связки: нам не занять главный кабинет в Кремле, но с солидным кушем голосов избирателей можно добиться милости из этого кабинета.

То, что второе почетное место в президентской гонке изначально КПРФ вполне устраивало, выяснилось на следующий же день после второго тура, когда Зюганов направил Ельцину в телеграмме свое поздравление с победой. Еще не состоялось ни одной проверки того, сколько и где дорогому Борису Николаевичу приписано голосов, а лидеры КПРФ уже засвидетельствовали ему свою приязнь и почтение.

Ход этот неожиданным был для многих — даже для головастых финансовых тузов. 13 из них в пик выборной кампании предсказывали в коллективном письме: после объявления итогов выборов начнется

буза — ни команда Ельцина, ни команда Зюганова своего поражения не признают. Отчего вышла ошибочка у банкиров? Глава "Онэксим-банка" Потанин в прежней жизни был инструктором комитета ВЛКСМ в МГИМО, руководитель банка "Менатеп" Ходорковский — зам.секретаря Фрунзенского райкома комсомола в Москве, остальные так же далеке стояли от высокой партноменклатуры, и потому, видимо, не чуяли, что она хочет больше иметь, лишь не рискуя потерять то, что уже имеет.

Не умея бузить, номенклатура умеет служить — тому, кто выше всех.

Безоговорочно признав итоги выборов без всяких проверок, элита из КПРФ тем самым предложила Ельцину взять ее на службу. 5 июля минувшего года она фактически негласно избрала его своим генеральным секретарем и стала ждать указаний. Но поскольку он их давать не торопился, то формально она продолжила демонстрировать к нему нелояльность. Например, организовала сбор подписей 10 миллионов граждан за отставку Ельцина. С какой целью? Чтобы напомнить дорогому Борису Николаевичу о своем существовании. Иное назначение подписей исключалось.

Весной 97-го на IV съезде партии руководство КПРФ провозгласило курс забастовочного наступления на режим Ельцина. Провозгласило для чего? Исключительно, надо полагать, для того, чтобы боем в барабан обратить на себя внимание многоуважаемого Бориса Николаевича.

В минувшие со дня съезда восемь месяцев на режим пытались наступать атомщики из Смоленской области, активисты "Трудовой России" из Тулы и отряд Союза офицеров из Рязани. К их маршам на Москву КПРФ не присоединилась, своих колонн из других голодных городов на Кремль не повела. За эти месяцы по стране прокатились сотни забастовок. Но brave структуры Компартии не только их не организовывали, но и держались от них в стороне.

Собирая подписи против Ельцина и сочиняя резолюции о наступлении на его власть, номенклатура КПРФ ждала и верила: Борис Николаевич вспомнит о ее поклоне ему в начале июля 96-го. Ждала год и четыре месяца. Ждала и дождалась.

В октябре, когда Дума в очередной раз точила лясы по поводу вотума недоверия правительству, Ельцин впервые сам обратился к элите КПРФ, позвонив коммунисту Селезневу. Тот зачитал депутатам сказанное Борис Николаевичем по телефону и произошло то, что обычно в таких случаях происходило в добрые старые времена.

Так, например, в 1981 году в редакцию газеты "Комсомольская

правда", из недр которой вышел спикер — коммунист Селезнев, впервые позвонил Леонид Ильич Брежнев. Позвонил и сказал: хорошую вы напечатала статью — "Жили у бабуси веселые гуси". И что же? Через два часа в "Комсомолке" было объявлено партийное собрание с повесткой дня: "Задачи редакции в свете звонка Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева".

Реакция на звонок Ельцина в коммунистической Думе была абсолютно такой же. Как только Селезнев зачитал сказанное по телефону, Зюганов попросил прервать пленарное заседание палаты с тем, чтобы провести партийное собрание с повесткой дня "Задачи фракции КПрФ и ее союзников в свете звонка Б.Н.Ельцина".

Процесс пошел и перерос в орден Селезневу, в распитие шампанского Зюганова с Ельциным, в аплодисменты Борису Николаевичу перед принятием Думой бюджета, в "круглые столы".

Ельцин и КПрФ наконец-то нашли друг друга. Нашли потому, что номенклатура Компартии нуждается в генсеке с властными полномочиями, а Ельцину для управления разваливающейся страной нужна политическая группа — сила, у которой есть хоть какой-то авторитет в народе. Брачный союз между КПрФ и президентом Ельциным состоялся. Состоялся не по любви, а по расчету. При таком союзе не исключены перебранки. Но перебранки без мордобоя.

1997

Агенты ФСБ в ЦК КПРФ

Прежде, в советские времена, отдельные коммунисты колебались вместе с колебаниями генеральной линии партии.

Теперь, во времена демократических реформ, генеральная линия обновленной Компартии колеблется от колебаний отдельных руководящих коммунистов.

Из политического отчета ЦК IV съезду КПРФ, состоявшемся 19 апреля 1997 года: "Из всех возможных вариантов социально-экономической стратегии кремлевская группировка избрала наихудший.

Вновь сформированное правительство уже начало, будет проводить, и в этом нет никаких сомнений, убийственную для России политику...

Согласие с тем, что происходит, либо непротивление этому означает предательство своих избирателей, своей истории, России в целом.

Партия зовет трудящихся выйти на митинги и демонстрации 1 и 9 мая под лозунгами: "Ельцина — в отставку !" "Никакого доверия правительству!"..

Очевидно, что первейшей задачей партии является организация нарастающего протеста, соединение экономической борьбы масс с политической."

Итак: 19 апреля 1997 года ЦК КПРФ в лице его председателя Геннадия Зюганова, выступившего с политическим отчетом, предложил съезду выработать новую генеральную линию — линию на организацию народного наступления на режим с целью отставки президента Ельцина и правительства младореформаторов.

Съезд обсудил это предложение и в постановлении по политическому отчету записал: "Центральному комитету КПРФ наряду с оправдавшими себя методами парламентской борьбы шире использовать внепарламентские формы сопротивления режиму... Развернуть широ-

ким фронтом подготовку к Всероссийской политической забастовке".

Новую генеральную линию КПРФ съезд одобрил единогласно. У партактива на местах она также встретила полное понимание. И сразу после съезда курс на отставку Ельцина и правительства через организацию акций гражданского неповиновения и Всероссийской политстачки включительно партия стала претворять в жизнь.

Спустя два месяца, 17 июня 1997 года, лидер КПРФ Зюганов сообщил читателям газеты "Советская Россия": "По всей стране мы собираем подписи (за отставку Ельцина — Н. А.), проводим встречи, пикеты, собрания — только вот за последние четыре-пять дней собрали 300 тысяч подписей. Люди в очереди встают, чтобы выразить властям свой протест. Это форма информирования, форма мобилизации, форма организации людей с тем, чтобы осенью выйти на улицы и площади и на Всероссийскую политическую стачку и прямо заявить обанкротившемуся правительству: уходите, вы не справляетесь, не слышите голоса народа!"

Наступление летних каникул в Думе избавляло руководителей КПРФ от обязанности сочинять законы и позволяло им все свои силы сосредоточить на исполнении первой задачи партии — на организации народного протеста, на "соединении экономической борьбы масс с политической". Но они почему-то направили стопы не на предприятия, где не выдавали денег на хлеб, а туда, где не было перебоев ни с хлебом, ни с кашей — в санатории управления делами президента РФ.

Убытие вождей на отдых тем не менее исполнения генеральной линии не прервало. Рядовые коммунисты по всей стране продолжали встречи с гражданами, которые вставали в очереди, "чтобы выразить властям свой протест", и к осени 97-го собрали 10 миллионов подписей за отставку Ельцина.

Первый разведывательный или, как говорил Зюганов, информационно-мобилизационный шаг к назначенной IV съездом Всероссийской политстачке удался: когда 10 миллионов человек поддерживают генеральную линию на бумаге, тогда, как правило, еще многие миллионы поддерживают ее в уме.

Далее требовалось сделать шаг организационный — создать стачкомы и фонды поддержки бастующих, выдвинуть экономические требования, увязанные с требованиями политическими. Но с этим шагом произошла заминка. Возвратившиеся из отпуска вожди партии словно замятовали о курсе забастовочного наступления на режим и ничего не предпринимали для его осуществления. А потом начали совершать некие странные колебания.

В сентябре на учредительном съезде Движения в поддержку армии Зюганов назвал Ельцина "главарем антинародного режима" и пообещал всенепременно добиться вотума недоверия правительству в Думе. Но уже в середине октября он же, Зюганов, вместе с лидерами других думских фракций появляется в Кремле и приветствует "главаря" вставанием из-за стола. На следующий день фракция КПРФ снимает вопрос о недоверии правительству. А 6 ноября Ельцин, Чубайс и Немцов приезжают в Думу и производят распитие спиртных напитков типа шампанского вместе с Зюгановым, Рыжковым и Селезневым по поводу вручения последнему ордена.

Руководящие коммунисты, как и предписывал IV съезд КПРФ, свершили-таки наступление на власть — наступление не забастовками, а бокалами шампанского.

Один вид наступления на другой лидеры КПРФ заменили без согласования с ЦК и местными парторганизациями, без учета мнения тех активистов партии, которые считают: за "круглыми столами" с властью нельзя национализировать банки, нельзя вырвать из рук иностранных хищников энергоресурсы и сырье, нельзя ввести чрезвычайные меры по пресечению воровства и коррупции и, стало быть, нельзя остановить распад экономики и крушение страны.

Разногласия внутри Компартии в настоящее время уже не являются чисто партийным делом. Вопрос о том, быть или не быть сегодня диалогу КПРФ с властью, — есть вопрос о продлении существования власти: раз крупнейшая оппозиционная к режиму партия мирится с ним, значит, другого выхода нет, значит, надо терпеть все, что творит режим.

Власти необходимо тактику компромисса с КПРФ превратить в стратегию компромисса. А для этого ей надо подорвать влияние в партии сторонников сопротивления. Их отстрел с помощью компромата спецслужбы режима начали с Григория Андреевича Куевды — члена ЦК КПРФ, депутата Думы, участника Великой Отечественной войны, заслуженного строителя РСФСР.

Сразу после вручения Ельциным ордена Селезнев по думским кабинетам пошел гулять анонимный документ со скромным названием "О Куевде". В нем говорилось: "Достоверно установлено, что Куевда Г. А. является агентом 1-й службы УКГБ по г. Москве и Московской области. Его вербовка была проведена в конце 80-х годов в период начала демократических преобразований."

После развала СССР Куевда продолжил работать на ФСБ. Его основная задача — внедрение в оппозиционные движения, главным образом в КПРФ.

На деньги ФСБ Куевда открыл несколько кооперативов и ТОО. Эти же деньги были им использованы для оказания поддержки КПРФ, что позволило ему втереться в доверие партийной верхушки. Эти же деньги им использовались для финансирования собственных выборов в Госдуму, включая оплату статей о нем в газете "Завтра" и других СМИ.

С целью выявления лево-экстремистских сил в оппозиции Куевда ведет активную провокационную деятельность. Выявляя недовольных среди левой оппозиции, он записывает разговоры с "объектами" на портативную аппаратуру, которую прячет в одежде или маскирует в свертках.

Для наиболее масштабной работы по выявлению и разработке лиц, представляющих угрозу существующему режиму, Куевда создал и зарегистрировал Союз красных директоров, собрания которого проходят в офисе строительной фирмы, которую он же и возглавляет.

Куевда имеет широкие связи в различных госструктурах. Отношения с людьми строит по принципу — выгодно-невыгодно. При достижении цели проявляет завидную настойчивость и упорство. Занимает прочное положение особо ценного агента ФСБ".

Данный текст не мог быть заказан руководителями КПРФ, ибо почти все они во время запрета партии получали зарплату в строительной фирме Куевды. Им распространять измышления о том, что их кормило ФСБ, нет никакого резона. Не могут они и плодить слухи о том, что на деньги ФСБ Куевда проводил собственную кампанию по выборам в Думу, ибо ее у него не было — он стал депутатом по спискам КПРФ.

Доказательством того, что анонимка вышла не из партийных, а из властных структур служит так же то, что в ней есть точные адреса его квартиры, садового участка и фамилии партнеров по бизнесу, что трудно установить без оперативно-розыскной работы.

Удар по Куевде нанесен спецслужбами, нанесен прежде всего именно по нему и именно сейчас потому, что именно он в ЦК КПРФ является наиболее жестким и последовательным сторонником курса на организацию народного сопротивления режиму.

В анонимке указывается, что газета "Завтра" печатала о Куевде оплаченные им статьи. О нем в "Завтра" никогда и никаких статей не

было. Но газета печатала однажды его обращение — обращение к IV съезду партии, которое называлось "Коммунисты, в народ!" и которое заканчивалось так: "Я часто встречаюсь с разными трудовыми коллективами и мне горько бывает слышать: газеты оппозиции до нас не доходят, листовки партии нам не попадают, членов ЦК и депутатов Думы от КПРФ в нашем городе мы не видим..."

Скажем честно: материальные возможности у нашей партии скудные. Но честно скажем и другое: у партии нет и установки на работу с массами. Наш ЦК не заставляет коммунистов идти в народ и не ставит конкретных задач, с которыми надо к нему идти.

Да — Советам трудящихся! Да — всероссийскому забастовочному комитету! Пока мы не выдвинем этих лозунгов, пока не спросим каждого коммуниста: "А что ты лично сделал для их исполнения?" — нашей партии суждено быть лишь ворчливой прислугой режима".

До того, как выступить с этим обращением, 69-летний Куевда побывал почти во всех парторганизациях Центральной России, а в пяти областях распространил в десятках тысяч экземпляров пять номеров газеты возглавляемого им Союза директоров с репортажами с предприятий этих областей, где на основе конкретных фактов доказывалось: в стране идет целенаправленное "цивилизованное" уничтожение индустрии, остановить которое немыслимо без организованной борьбы трудящихся.

В ЦК КПРФ, видимо, действительно есть агенты ФСБ или СБ президента, поскольку спецслужбы хорошо себе представляют, кто чего из себя представляет среди актива партии. Дискредитация Куевды, сыгравшего немалую роль в принятии IV съездом генеральной линии на сопротивление, есть первый, но не последний удар по приверженцам этой линии. И не исключено, что в думские кабинеты и в кабинеты обкомов-райкомов скоро невзначай просочится информация, что Альберт Макашов — не только родной дядя чеченского министра внутренних дел Макашева, но и агент турецкой военной разведки, что Теймураз Авалиани связан с кемеровской мафией еще со времен избрания его народным депутатом СССР, что Татьяну Астраханкину не жажда знаний привела в академию при правительстве РФ...

Компромат на Куевду отчасти сработал: пять руководителей крупных предприятий после предъявления им анонимки вышли из состава его Союза директоров. Публично отречься от нынешней генеральной линии будет легко, если исподволь ошельмовать ее ярых сторонников.

Бои без победителей

Текст последнего в минувшем году радиообращения Ельцина к стране надо читать и перечитывать: "Для большинства очевидно — заметных успехов мало. Повседневная жизнь многих наших сограждан по-прежнему трудная".

Подобную скорбь о бедах народных из уст батюшки-президента мы уже слышали и в былые годы. Но никогда раньше, вздыхая над житейскими трудностями большинства граждан, Ельцин ни единым словом не бросал тень на стратегию своей политики. И вот теперь, на исходе 97-го, он вдруг молвил по радио: "Выпустив на свободу рынок, мы многое не учли. Задав ему правовые рамки, забыли о законах нравственных... Вместо призыва "Дашь Днепрогэс и Магнитку!" сначала кричали "Приватизация любой ценой!", чуть позже — "Загоним доллар в валютный коридор!" Остальное, мол, потерпит-подождет."

В этих фразах нет раскаяния, но есть четко выраженное разочарование главным постулатом реформ. Постулатом о том, что вольный рынок, передача госсобственности в частные руки и истребление инфляции сами по себе приведут к решению всех социально-экономических проблем страны.

Запуск реформ в январе 92-го был воспринят в обществе, как гром в середине зимы. Нововведения выглядели дерзкой кабинетной импровизацией — экспериментом без подготовки и увязки с жизнью. На самом же деле — почва для этих нововведений готовилась пять лет. Готовилась осознанно или по недомыслию высшей советской номенклатуры во главе с Горбачевым и Рыжковым.

В 85-м, когда генсек ЦК КПСС и председатель Совмина СССР взялись за социально-экономические преобразования, страна беспрекословно подчинялась высшей власти. А это значит, что Горбачев с Рыжковым могли решить все наболевшие проблемы.

Могли устранить абсурд в ценообразовании и начислении зарплат и, таким образом, дать трудовым коллективам новые стимулы к работе и ресурсосбережению. Могли выправить перекос индустрии в сторону ВПК и бросить накопленные в "оборонке" высокие технологии на производство качественного ширпотреба. Могли не сворачивать экспорт оружия, а, наоборот, выставить на мировой рынок самые привлекательные его образцы, и на доллары от их продажи полностью удовлетворить внутренний спрос на импортные товары — джинсы, видеотехнику, компьютеры — и получить рубли для структурных преобразований своей экономики...

Короче говоря, административными методами руководители СССР могли повысить благосостояние своего народа гораздо больше, чем руководители Китая. Но в Китае перестройка привела к бурному росту производства товаров массового спроса, а в СССР — к очередям за водкой и табаком и к исчезновению из магазинов тех товаров первой необходимости, которые прежде не были в дефиците.

"Верните нашим детям сгущенку и шоколадные конфеты!" — этот плакат на шахтерском митинге в кузбасском городе Междуреченске в 89-м наглядно иллюстрировал плоды бурной перестроечной деятельности Горбачева и Рыжкова.

И в 89-м, и в 90-м экономика страны работала примерно так же, как и в 85-м. Но уровень жизни большинства понизился. Большинству стало жить хуже, потому что лучше стало жить меньшинству. Горбачев и Рыжков наплодили кооперативов и совместных советско-иностранных предприятий, через которые меньшинство могло преспокойно обогащаться за счет большинства.

Шашлычные, пирожковые, швейные и сервисные кооперативы, дав взятку распорядителям ресурсов, приобретали сырье по твердым государственным ценам, а готовую продукцию продавали по ценам рыночным. Совместные же предприятия делали состояния на разнице государственных цен в СССР и рыночных за рубежом: туда гнали то, что у нас стоило дешево, а там дорого, оттуда везли то, что там было дешево, а у нас — было в дефиците и продавалось за "черный нал".

Наряду с так называемыми предпринимателями шанс на легкое обогащение Горбачев с Рыжковым предоставили и руководителям сырьевых предприятий, которым было позволено самостоятельно экспортировать часть их продукции в обмен на импортный ширпотреб и на нем делать свой бизнес.

В ходе перестройки произошло не только первоначальное накопление капитала прослойкой "новых русских", но и его легализация в

коммерческих банках и торговых биржах, в рекламных агентствах и акционерных обществах.

Скромный заведующий лабораторией института проблем управления Борис Березовский в 89-м стал гендиректором АО "Логоваз". А гендиректор кооператива "Инфэкс" Владимир Гусинский в том же году превратился в президента коммерческого "Мост-банка". Из кооператива "Москва III" в правление коммерческого банка "Столичный", также в 89-м, переместился Александр Смоленский. С 89-го по 90-й состоялось рождение коммерческого межбанковского объединения "Менатеп" во главе с Михаилом Ходорковским. На исходе 80-х кооператив Михаила Фридмана "Альфа-фото" сделался компанией "Альфа-Эко" и затем "Альфа-банком".

Становление бизнеса как вышеупомянутых, так и неупомянутых, но известных ныне предпринимателей, произошло благодаря Горбачеву и Рыжкову. Именно их политика создала в недрах ~~социалистической экономики полукриминальный капиталистический уклад~~ и вскормила класс "новых русских". *В результате капиталистический уклад*

Разделив страну на все более нищающее большинство и все более богатое меньшинство, Горбачев и Рыжков оказались между двух огней. Большинство не связывало с ними надежд на лучшее, меньшинство не видело в них гарантов сохранения и приумножения капиталов. В результате они стали неуютны ни бедным, ни богатым.

Всеобщее недовольство высшим руководством СССР отчетливо проявилось в настроении избранных в марте 90-го народных депутатов РСФСР. Их съезд принял декларацию о суверенитете России, а их Верховный Совет постановил обособить российскую финансовую систему. Два этих шага депутатам продиктовала не ненависть к единому союзному государству, а неприязнь к союзному руководству, которая объединила выразителей интересов как большинства, так и меньшинства.

У Горбачева как у президента СССР было полное право по закону отменить и декларацию о суверенитете РСФСР, и постановление об обособлении ее финансовой системы. Но поскольку у него уже не было поддержки в обществе, то он дрогнул и не решился на конфликт с сепаратистским российским руководством.

Остановить суверенизацию РСФСР и, стало быть, разрушение Советского Союза могла только новая социально-экономическая политика центра, которая бы устраивала большинство населения. И так как не вся советская номенклатура утратила инстинкты государственности, то попытка введения такой политики состоялась.

В ноябре 90-го на заседании Верховного Совета СССР на президента Горбачева был обрушен вал критики за кризисное состояние страны. Он в ответ затекает административную перетряску, преобразует Совет министров СССР в Кабинет министров при президенте, и в январе 91-го избавляется от своего ближайшего соратника по перестройке Рыжкова с тем, чтобы выставить его ответственным за кризис. Главой кабинета министров Горбачев по настоянию трезвомыслящей номенклатуры назначает Валентина Павлова — финансиста с тридцатилетним стажем, который знал все тонкости государственного механизма, был предан государству, обладал твердым характером и являлся давним сторонником рыночных преобразований. Его назначение путает все карты российского руководства. Павлов с достоинством отражает попытку Ельцина смять союзный центр с помощью шахтерской забастовки и приступает к созданию программы плавного эволюционного перехода страны к рынку по китайскому образцу. Под эту программу, дабы исключить криминализацию рынка, Павлов проводит обмен денежных купюр и изымает у теневого бизнеса 12 миллиардов рублей. Еще 22 миллиарда сомнительных рублей были заморожены. То есть из оборота оказались выведены 34 миллиарда рублей из 96. Это стабилизировало потребительский рынок и позволяло приступить к освобождению цен на некоторые товары. Частичная либерализация должна была начаться осенью после подсчета урожая. То есть Павлов планировал реальные шаги по внедрению рыночных отношений в интересах большинства. Но понимая, что они встретят ожесточенное сопротивление меньшинства, которое гораздо больше устраивал дикий неконтролируемый рынок, он в июне 91-го предложил Верховному Совету СССР принять ряд мер: подчинить правительству налоговую службу, восстановить единство банковской системы СССР, создать общесоюзный орган по борьбе с преступностью на принципах ФБР США.

Если бы введение этих мер нашло поддержку не только у депутатской группы "Союз" в Верховном Совете СССР, но и у президента СССР, то осенью 91-го страна бы получила возможность планового перехода в рынок без полного обнищания десятков миллионов граждан, без кризиса сбыта и свертывания наукоемкого производства, без расхищения сырьевых ресурсов. Но Горбачев, к лету 91-го осознавший, видимо, собственную неспособность управлять великой державой, уже вынашивал план превращения этой державы в аморфный конгломерат независимых республик, где ему была гарантирована неофициальная, но почетная роль формального лидера.

Акция ГКЧП по изоляции Горбачева в Форосе была акцией по спасению союзного государства, а не павловской программы реформ. Но провал этой акции поставил крест и на этой программе. Дефицит политической воли перечеркивает все, в том числе и самые здравые замыслы в экономике.

У Ельцина до того, как он получил всю полноту власти в Российской Федерации никакого собственного курса реформ не было. Среди его окружения имела популярность программа Явлинского-Шаталина "500 дней", скопированная с программы Валентина Павлова, но крепко сжатая по срокам и лишенная ограничителей на нововведения. Ельцин и сам о ней не раз одобрительно отзывался. Но когда пришло время выбирать, то он повел себя не как глубокий эконо, отличающий более хорошее от менее хорошего, а как беззастенчивый политик, для которого главное — получить социальную опору, позволяющую сохранить власть.

Такую опору для себя Ельцин увидел в созданной Горбачевым и Рыжковым прослойке "новых русских" — в спекулятивно-финансовой буржуазии.

Она и связанные с ней криминальные структуры имели тот потенциал энергии, который был важен в политике и которого не было ни у чиновничества, ни у интеллигенции, ни у армии, ни у профсоюзов. Ставка Ельцина на спекулятивную буржуазию являлась одновременно ставкой на Запад, поскольку уже в годы перестройки интересы полуподпольного отечественного капитала тесно переплелись с интересами западного капитала.

Вариант реформ, устраивающий тот и другой капитал, к тому времени был опробован в Польше. Опробован польским премьером Бальцеровичем под руководством гарвардского профессора Джеффри Сакса. В России у Сакса тоже был достойный ученик.

После августовских событий Ельцину доложили, что есть молодой экономист — внук пламенных революционеров Аркадия Петровича Гайдара и Рувы Лазаревны Соломянской, который предлагает революционный путь реформ, всецело одобряемый в Международном валютном фонде, — Егор Гайдар. В сентябре 91-го Ельцин включил Гайдара в рабочую группу при Госсовете РФ, в ноябре ознакомился с его проектом реформ и тогда же назначил зампредом правительства, министром экономики и финансов, предоставив ему тем самым полную свободу действий.

Вторым человеком в правительстве де-факто стал философ из Свердловского института повышения квалификации металлургов Ген-

надий Бурбулис, который должен был обеспечивать политическое прикрытие реформ и их пропаганду.

Вся огромная собственность российского государства передавалась под контроль доцента из Питера Анатолия Чубайса, назначенного зампредом правительства и председателем Госкомимущества.

Внеэкономические связи крупнейшей в мире страны передавались в ведение старшего научного сотрудника академического НИИ Петра Авена.

Посты вице-председателей в правительстве реформ получили также московский журналист Михаил Полторанин, директор завода стеклотары из Камышина Валерий Махарадзе, заведомо столичного института Борис Салтыков.

Как мы видим, никто из ведущих реформаторов не прошел школы государственного управления на разных ее ступенях. И это было не случайно, ибо правительству реформ ничем управлять и не надлежало, что вскоре стало очевидно для многих и что ярко выразил на Съезде народных депутатов РФ в конце 92-го Аман Тулеев: "Считаю, что в России сознательно создается хаос. Президент утром издает один указ, в обед — другой, противоречащий первому. Экспортно-импортные тарифы меняются через два-три месяца. Все это усиливает неопределенность и во внутренней политике, и во внешне-экономической деятельности. А это — идеальное условие для тех, кто хапает и растаскивает.

Сужу по своему региону. Отдельным коммерческим структурам — отдельным с ведома и за подписью правительства — отданы лучшие здания за бесценок. Им даются всевозможные льготы. Соответственно, ими гребутся миллионы, которые должны поступать в бюджет области или в государственную казну. Валютная выручка от продажи сырья оседает на личных счетах кучки дельцов в загранбанках. При лицемерном заявлении о "народной" приватизации акции предприятий концентрируются в руках номенклатуры, спекулянтов, перекупщиков. Послушайте, до чего мы дошли. Газета "Известия" учит толстосумов, каким образом избежать налогов, чтобы они не попали в казну, а оставались у них.

О коррумпированности нашего правительства, наших чиновников расписано в стихах и в прозе во всех иностранных газетах. Уже известно, кому дать, за что дать, сколько "положить на лапу". Об этом говорит и президент, нисколько не смущаясь..." Подчеркнем сказанное Тулеевым: в России сознательно создается хаос. Создание в стране хаоса как идеального условия для воровства и было главной задачей

правительства реформ, фактическим руководителем которого являлся сам президент Ельцин.

В отличие от Горбачева и Рыжкова, которые всю перестройку, с одной стороны, позволяли меньшинству обогащаться за счет большинства, а с другой — ограничивали аппетиты меньшинства и невразумительно пытались что-то сотворить во благо большинства, Ельцин решительно отказался одновременно угождать всем. Введя неконтролируемые цены и дав добро на халявную приватизацию, он тем самым внятно заявил меньшинству — спекулятивной буржуазии, бандитским группировкам, тузам-хозяйственникам и чиновничеству: вам обогащаться не только можно, но и нужно. Хватайте все, что сумеете схватить: сервис, промышленные предприятия, рудники и скважины, присваивайте валютную выручку, не брезгуйте взятками, не платите налогов и таким образом наживайте себе состояния, из которых образуется рынок частных капиталов — основа такого же цивилизованного товарного рынка, как на Западе.

Курс Ельцина к цивилизованному рынку через ограбление большинства меньшинством и через кровавые разборки из-за дележа собственности не приняли его ближайшие соратники по борьбе за суверенитет России — вице-президент Александр Руцкой и председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов. Не приняло этот курс и подавляющее число народных депутатов РФ. В декабре 92-го их VII съезд отказался признать в должности председателя правительства автора курса Гайдара. Виктор Черномырдин, которого съезд утвердил главой правительства, объявил с его трибуны, что он будет проводить реформы, но реформы в интересах народа. То есть пообещал внести изменение в их курс.

Первое сражение между президентом Ельциным и парламентской оппозицией закончилось вничью. Но поскольку Ельцин на компромисс не согласился, а Черномырдин взял свое обещание обратно, то с марта 93-го противостояние между исполнительной властью в целом и депутатским большинством вернулось на круги своя и в сентябре, имея огромные деньги на оплату карательных операций, Ельцин сначала на пять дней блокировал Парламент, а потом 4 октября расстерял его.

И кровь сотен убитых, и фальсификация голосования за новую Конституцию, легализовавшую госпереворот, при симпатиях Запада и богатого меньшинства в России, сошли Ельцину с рук. Он раздавил оппозицию, он был полностью оправдан тьмой продажных певцов де-

мократии за пролитую кровь и липовое одобрение народом Конституции, но торжества победителя почему-то не испытывал.

24 февраля 1994 года Ельцин выступил перед новым парламентом — Федеральным собранием — с ежегодным посланием, где неожиданно для многих оценил ситуацию в стране столь же негативно, как некогда оценивал ее расстрелянный им Верховный Совет.

Расправившись в октябре 93-го с народно-патриотической оппозицией и почувствовав себя в безопасности, Ельцин спокойно оглянулся вокруг и обнаружил, что он своими реформами превратил страну в зону бедствия, в зону удушения производства, в зону нищеты, в зону безответственной и насквозь продажной власти.

Нечто похожее, видимо, произошло с ним и на исходе 97-го года. Удушив в объятиях коммунистическую думскую оппозицию в октябре-ноябре, усадив ее за "круглый стол" с собой и сделав таким образом безопасной для себя, Ельцин опять спокойно огляделся вокруг и увидел все те же зоны бедствия.

В его послании Федеральному Собранию в феврале 94-го витал дух ревизии курса гайдаризма-чубайсизма. Такой же дух витал и в его последнем радиообращении к стране в декабре 97-го. Но как тогда он не произвел эту ревизию, так не произведет ее и теперь.

Всей своей деятельностью в девяностых годах Ельцин доказал, что он умеет только бороться за власть и только разрушать то, что есть. Все, кто попадал в его команду, немедленно приобщались к разрушению, встраивались в систему неизменно царящей во власти коррупции и пальцем о палец не ударяли, чтобы что-то поменять. Исключение из правил составили лишь два министра — Владимир Полеванов и Николаев. Но уже при попытке к бунту первого немедленно изгнали из Госкомимущества, второго — из погранслужбы.

К переменам режим Ельцина неприспособлен, к созиданию непригоден. думская оппозиция, взяв курс на встраивание в этот режим по сути признала торжество властителей, личные победы которых означают катастрофу для страны.

1998

Скамья для Сванидзе

Вечером 17 февраля программа "Вести" показала сюжет: как разворачивается следствие по делу генерала Смирнова, обвиняемого в умыкании из казны Приволжского военного округа в коммерческие структуры 10 миллионов деноминированных рублей.

В том же выпуске той же программы был и сюжет о визите в Москву директора МВФ Камdessus, где мы увидели, как он ведет переговоры с председателем ЦБ Дубининым и главами "ОНЭКСИМ-банка" и "Столичного банка сбережений" Потаниным и Смоленским.

Два этих сюжета ведущий "Вестей" Михаил Пономарев, разумеется, никак между собой не связал и, само собой, не задался вопросом: почему генерал Смирнов за приватизацию 10 миллионов сидит в тюрьме, а банкиры Потанин со Смоленским, миллиардные состояния которых также складывались на приватизации госсобственности, сидят за столом официальных переговоров.

Подобные вопросы ведущих "Вестей" никогда не занимали и не занимают. Чего ломать голову, когда все ясно: захват госсобственности с явного или тайного разрешения властей законен, без разрешения — преступен.

Идеология номенклатурной приватизации прижилась в программе "Вести" и во всей Всероссийской гостелерадиокомпании (ВГТРК) без нажимов и наездов комиссаров из правительства. Любовь главных пропагандистов с государственного телевидения и радио к идеям этой приватизации возникла сразу, но не вдруг, не с бухты-баракты. Она была вскормлена особым статусом гостелерадиокомпании и особым

отношением к ее деятельности со стороны столпов государства, что позволило ей самой **вкусить все прелести номенклатурной халявы.**

Новые российские власти учредили ВГТРК как орудие борьбы с союзным центром. И дабы это орудие было острым, то есть заинтересованным в политической победе учредителей, компания получила максимум возможностей для процветания ее сотрудников и начальства в особенности. По уставу ВГТРК, с одной стороны, сделали бюджетным госпредприятием, с другой — фирмой с правом самостоятельного хозяйственного ведения. Это гарантировало ей крупные субсидии из государственной казны и не мешало перемешивать их с собственными заработками и тратить все по своему усмотрению. И поскольку власти желали иметь в лице ВГТРК сверхважного коллективного пропагандиста, а не рядовую контору с образцовым соблюдением финансовой дисциплины, то в результате компания превратилась в удобнейший инструмент расхищения государственных средств. Как таковой инструмент она с успехом использовалась в пору становления режима Ельцина, и с еще большим успехом используется сейчас.

Бедный генерал Смирнов, неудачно ставший богатым и представленный информпрограммой ВГТРК как злостный расхититель госбюджета, вероятно, и представить себе не может, какие колоссальные средства уже уплыли из казны через саму гостелерадиокомпанию и какие уплывают.

Реконструкцию своего гнездышка на 5-й улице Ямского поля ВГТРК по договору от 26 января 1994 года вверила фирме "Дирам" и заплатила ей 85 миллионов французских франков. Фактически же фирма выполнила работы и завезла материалов на 54 миллиона франков. Но никаких претензий ей не предъявлено. То есть 31 миллион франков или свыше 6 миллионов долларов ВГТРК просто-напросто подарила фирме "Дирам".

В том же году по отдельно выставленным счетам гостелерадиокомпания оплатила за строительно-монтажные работы на том же объекте около 3 миллиардов рублей. Оплатила без составления актов на их выполнение, и, стало быть, за что оплатила не понять.

На строительство жилья для сотрудников по договору от 30 сентября 1994 года ВГТРК перечислила АО "Диго" 230 тысяч долларов. Но "Диго" вскоре прекратила свое существование. Дом же, где компания рассчитывала занять жилье, как был, так и остается в течение уже трех лет на уровне фундамента.

В начале 1993 года ВГТРК получила от Минобороны комплексы связи "Енисей" и "Тобол" стоимостью около 100 миллионов долларов. Указанные комплексы содержали 52 килограмма золота, платины и серебра. То есть они ценны были по весу, помимо технологической значимости. Но спустя 9 месяцев "Енисей" и "Тобол" списываются с баланса компании и продаются некой ПМК-163 всего за 10 миллионов рублей.

Данные факты расхищения государственных денег и имущества имели место быть, когда ВГТРК руководил Олег Попцов. Когда же его сменил на посту председателя компании Эдуард Сагалаев, тогда появились и новые оригинальные способы расхищения.

В декабре 1996 года ВГТРК получила от Минфина облигации внутреннего валютного займа на сумму в 90 миллионов долларов на погашение задолженности предприятиям связи и продала их на 6 процентов дешевле, чем они тогда стоили. Ущерб от сделки составил пять с половиной миллионов долларов. То есть государство через ВГТРК этих денег лишилось, некая частная структура их приобрела.

При Сагалаеве, при росте объема рекламы на каналах гостелерадиокомпаний, сократились суммы оплаты за нее — с 6,5 миллиона долларов ежемесячно до 3,8. Но зато увеличились выплаты рекламным агентам — с 10 до 25 процентов.

Желание облагодетельствовать за счет ВГТРК и, следовательно, за счет государства, разные частные структуры и лица красной нитью прослеживается во всей деятельности компании времен Сагалаева. Так, например, некоему АОЗТ "АРТР" ВГТРК не предъявила штрафных санкций за просрочку платежей на сумму в миллион долларов, и тем самым, по сути, выдала ему беспроцентный кредит в скрытой форме.

Через фирму "Пирамида-С" ВГТРК приобретала у ТВ-6 фильмы по 12 тысяч долларов за каждый. Само же ТВ-6 покупало эти фильмы за 4 тысячи долларов.

Не были обойдены благодетельством Сагалаева и ближайшие его соратники в самой ВГТРК.

Из письма депутатов Госдумы Чикина, Бердниковой, Топоркова, Сухарева и Габидуллина к председателю Счетной палаты Кармокову: "За два месяца за программу "Добрый вечер", продюсер которой — первый зам. председателя ВГТРК К. Е. Легат, а ведущий — его заместитель Угольников, перечислено 4,9 миллиарда рублей, причем 1,1 млрд. руб. перечислен, АОЗТ "Видео Интернейшнл", не участвовавшей в договоре.

Зам. председателя ВГТРК — финансовый директор Селиванова — закупала программы у возглавляемой ею коммерческой фирмы. В 1995-96 годах ей было выплачено 3,6 млн. долл. США, в 1997 году — 5,5 млрд. рублей".

Не забывал Сагалаев облагодетельствовать и самого себя. Ему, по договору N 5807 от 22.10.96 года, ВГТРК платило за каждый выпуск передачи "Открытые новости" по 25 тысяч 200 долларов.

После того, как в феврале 1997 года Сагалаева сменил Николай Сванидзе, практика благотворительной деятельности ВГТРК за счет государства не только не прекратилась, но и получила дальнейшее мощное развитие.

Сванидзе не принял мер по возврату компании 24 миллионов долларов по невыполненным контрактам на поставку импортного оборудования, но исправно выплатил штраф фирме "Самнипа" в размере 150 тысяч долларов за непоказ ее передач.

Благополучно продолжалось при Сванидзе и распродажа по дешевке принадлежащего ВГТРК оборудования. Так, АО "Северобокситруда" за 10 миллионов рублей были проданы ТВ передатчик, антенно-фидерное устройство, СВЧ-конвертор и поляризатор. Подчеркнем: все продано за 10 миллионов, а остаточная стоимость последнего из названных составляет 18 миллионов рублей.

С возвышением Сванидзе у сотрудников ВГТРК вдруг начали происходить потери ценного оборудования. Потери, за которые никто никак не нес ответственности.

Из отчета о проверке гостелерадиокompании, подписанного аудитором счетной палаты В. Соколовым: "Распоряжением первого заместителя председателя ВГТРК Лесина М. Ю. от 25 августа 1997 года было предписано списать сотовый радиотелефон марки "Моторола" стоимостью 15,01 млн. рублей, пропавшего, как отражено в заявлении, из автомобиля политического обозревателя.

На основании заявлений о хищении были списаны радиотелефоны, закрепленные за начальником транспортной службы ВГТРК Задачным М. А. и начальником Центра телерадиокommunikаций Таубе Л. М. Был также списан пейджер, закрепленный за шеф-редактором Солодухиной Т. В. На основании объяснительной записки сотрудника ВГТРК Зельдера Л. М. от 10 июня 1997 года была списана мобильная станция спутниковой связи остаточной стоимостью 159,7 млн. рублей. Как следует из представленных документов, служебных расследований в этих случаях не проводилось, выводов для установления

степени вины сотрудников ВГТРК в несохраненности государственного имущества не делалось. Причиненный ущерб был отнесен на расходы компании".

Наказывать за утрату ценного имущества в компании при Сванидзе в моду не вошло, а поощрять за ударный труд во имя и во благо победившего режима вошло — да еще как. К сентябрю 1997 года ведущие сотрудники ВГТРК в виде премий и выплат на бытовое обустройство (на установку металлических дверей и остекление балконов в квартирах) получили 7,3 миллиарда рублей. В том же сентябре того же года Сванидзе в письме за № 978 (01/04) просит Чубайса одарить ВГТРК 75 миллионами долларов: за удачный труд компании во имя правительства ей от имени государства надо хорошо платить.

При Сагалаеве в ноябре 96-го ВГТРК продала 9 казенных легковых автомобилей стоимостью в 20-25 миллионов рублей по цене 3-5 миллионов. Убытки от этой продажи составили как минимум 168 миллионов рублей. Но тут же компания тратит миллиард рублей на 18 авто марки "ДЭУ Эсперо" и их комплектацию гидроусилителями руля, кондиционерами и магнитолами. Тогда каждый автомобиль обошелся ВГТРК в 110 миллионов рублей.

✓ При Сванидзе один миллиард сто миллионов рублей был затрачен уже не на 18, а на 8 автомобилей. Нищета в государстве выросла и с ней вместе возросли запросы главных госпропагандистов. Им трудности с финансами нипочем. Для них Чубайс деньги найдет всегда.

При каком из председателей в ВГТРК было больше расхищено государственных средств и больше облагодетельствовано за счет казны частных фирм и лиц — не подсчитано. Но по масштабам отъема у государства собственности Николай Сванидзе, вероятно, превзойдет обоих своих предшественников.

В марте 1992 года Геннадий Бурбулис, бывший тогда зампредом правительства РФ, распорядился передать ВГТРК от Военно-космических сил два недостроенных здания на Шаболовке — в 14 этажей и в 3 этажа. Передать с тем, чтобы потом переоборудовать их в телевизионный комплекс.

В сентябре того же 1992 года гостелерадиокомпания получила еще один подарок от власти — теперь уже по распоряжению Егора Гайдара: земельный участок ПВО в подмосковном Клину площадью в 75 га с техническими сооружениями, оборудованием связи, с котельной, гаражом, пожарным депо, столовой, убежищем, инженерными сетями и коммуникациями. Тут предполагалось создать Центр спутниковой связи.

Два этих объекта — на Шаболовке в Москве и в Клину — оказались на балансе ВГТРК и находились в ее хозяйственном ведении, оставаясь госсобственностью.

И вот спустя всего неделю после утверждения Сванидзе председателем гостелерадиокомпании, то есть 17 февраля 1997 года, в Московской регистрационной палате регистрируется некое акционерное общество "РТР-Сигнал". Его в единственном числе учредила ВГТРК. И она же по акту, подписанному Сванидзе, передала обществу в качестве своего вклада в уставной капитал оба вышеупомянутых объекта на Шаболовке и в Клину со всеми их потрохами.

Зачатое таким образом АО "РТР-Сигнал" далее выпускает и продает акции общества, оставляя ВГТРК только 25 процентов от их общего количества. Что это означает? До 17 февраля государство имело недвижимость и оборудование, числившееся на балансе гостелерадиокомпании, а теперь не имеет.

Эксперты ВГТРК оценили стоимость объектов на Шаболовке и в Клину в 107 миллиардов рублей. Эксперты Счетной палаты оценивают их на 207 миллиардов больше, то есть в 314 миллиардов рублей. Отныне и вовек оба государственных объекта в 314 миллиардов перешли в частную собственность акционеров. При этом государство, потеряв все права на объекты, взамен ничего не получило.

По действующему законодательству в качестве вкладов (взносов) в уставной капитал акционерных обществ учредители могут вносить только то, что принадлежит им на правах собственности. Сванидзе же передал в АО "РТР-Сигнал" объекты, находившиеся в хозяйственном ведении ВГТРК и тем самым произвел незаконное отчуждение госимущества на сумму в 314 миллиардов в частную собственность.

Если бы то же самое сделал какой-нибудь генерал Смирнов, то он уже давно бы оказался на скамье подсудимых, а отчужденное им имущество было возвращено государству. Но то, что нельзя Смирнову, вполне можно Сванидзе.

Вот вывод аудитора Счетной палаты В. Соколова: "Характер выявленных нарушений при учреждении АО "РТР-Сигнал" дает основания для признания сделок недействительными в установленном законом порядке. Вместе с тем, постановка вопроса о возврате государству всей федеральной собственности, переданной в уставной капитал открытого акционерного общества "РТР-Сигнал" и, как следствие, прекращение его деятельности, нецелесообразно с учетом значимости осуществ-

ляемого ОА "РТР-Сигнал" проекта и реального вложения обществом средств в его осуществление..."

Беззаконие есть, но пресекать его нецелесообразно. Аудитор Соколов не желает пересаживать Сванидзе из кресла председателя гостелерадиокомпании на скамью в суде. Не настаивают на том и вожди Думы, которым суть аферы с "РТР-Сигнал" прекрасно известна. Дума молчит. Как молчит и Генеральная прокуратура. А компания Сванидзе продолжает обличать генерала Смирнова за приватизацию каких-то 10 миллионов деноминированных рублей.

1998

Кузькина мать от Черепкова

Художественная самодеятельность в России с приходом демократии тихо увяла. Но зато расцвела самодеятельность политическая. И дело артистов-любителей по непрофессиональному развлечению масс уверенно продолжили начальники-любители.

Журналист Гайдар в роли и.о.премьер-министра с успехом веселил умы чмоканием про рыночный рай. Физик Немцов, став нижегородским губернатором, с блеском согревал сердца сказками о чудо-капитализме в отдельно взятой области. Преподаватель училища Степашин, возглавив пять лет назад ФСБ, так невнятно бормотал о своей деятельности, что миллионы с затаением дыхания ломали головы: есть еще у нас спецслужбы, или они уже дали дуба?

Начальники-любители полностью исполнили дефицит эмоций, вызванный распадом кружков художественной самодеятельности. И хотя под их руководством жить в стране стало хуже, но жить не стало скучней.

Ныне невозможно установить: кто внес наиболее выдающийся вклад в борьбу со скукой российских граждан. Большое видится на расстоянии. Пока же видно лишь то, что самую яркую страницу в историю этой борьбы вписал владивостокский мэр-любитель Виктор Черепков.

Он в минувшие пять лет представал перед публикой в теленовостях и газетно-журнальных статьях реже, скажем, чем Гайдар с Чубайсом и Немцов с Собчаком. Но зато представал постоянно и всегда так, что у всех дух захватывало.

Кто из вышеупомянутых звезд политического шоу в свое время гулял по пляжу на Кубе в дамском купальнике и женском халате? Никто, кроме Черепкова. Кто из них в ожидании посетителя залезал под свой рабочий стол, чтоб пообщаться с силами Космоса? Никто,

кроме Черепкова. А кто переоборудовал комнату отдыха при кабинете в больничную палату, развешивал там трусы с носками и хворал без отрыва от руководящего места? Никто, кроме Черепкова.

Оригинальность поведения у Виктора Ивановича, как свидетельствуют его биографы, была замечена уже тогда, когда он еще состоял начальником отдела в военном НИИ. Ни один подобный начальник при получении новой пишущей машинки не обязывал подчиненных писать инструкцию по пользованию ею, ни один не проводил сеансов гипноза с матросами и не сочинял писем генеральным секретарям ЦК КПСС — Андропову и Горбачеву.

Все это доказывало: к пятидесяти годам Черепков имел как недюжинные силы, так и отменную жажду облагодетельствовать соотечественников. В рамках отдела НИИ, где под его началом находились лишь 15 женщин и всего двое мужчин-мичманов, ему явно было тесно. Он долго ждал шанса бросить неумную свою энергию на службу широким народным массам и в конце концов дождался. Пришествие в страну демократии вывело его из незаслуженного прозябания в должности рядового столоначальника. В начале 91-го, когда в Приморье были назначены первые свободные выборы в краевой Совет, Черепков не замедлил предъявить избирателям свои таланты — и они их по достоинству оценили, одарив Виктора Ивановича депутатским мандатом. Но новое поприще далеко не отвечало ни его потенциальным возможностям, ни благородным устремлениям.

Через полгода, в августе 91-го, Черепков сделал попытку объявить себя главнокомандующим всеми вооруженными силами Приморья. Личной корысти в данном намерении не было никакой. В Москве в это время правил ГКЧП, который отнюдь не намеревался разгонять Советы. Стало быть, Черепкову не грозили потеря статуса депутата и возвращение в постылый НИИ. И он не о себе заботился, когда замахивался на командование всем Тихоокеанским флотом и всеми воинскими частями в крае. К этому его толкало хотение сохранить в Приморье демократию и не допустить в нем чрезвычайщины.

Коллеги-депутаты самоотверженный порыв Черепкова не только не поняли и не приняли, но и осмеяли. Во всем краевом Совете не нашлось никого, кто бы увидел в Викторе Ивановиче спасителя демократии в ранге самостийного главнокомандующего всеми вооруженными силами Приморья. Это больно ударило по ранимой душе Черепкова и он решил временно отстраниться от высокого служения в политике и отдаться бизнесу.

В 92-м им была зарегистрирована частная фирма "Милосердие, здоровье и благотворительность", на счет которой ему удалось собрать миллион рублей — не совсем малую по тем временам сумму. В том же году Черепков совершает три поездки в Японию и привозит оттуда девять автомобилей — семь подержанных "ниссанов" и "тойот" и две новые "мазды". Все автомобили после регистрации в ГАИ бесследно исчезли. Так же без следа улетучились со счета милосердно-благотворительной фирмы и 800 тысяч рублей из миллиона. Но биографы Черепкова, указывая на эти факты, даже намека не делают на то, что от них пахнет первоначальным накоплением капитала. Автомобильно-благотворительный бизнес был для Виктора Ивановича лишь эпизодическим хобби, а не подготовкой к вхождению в храм Золотого тельца.

С третьей партией автомобилей из Японии Черепков возвратился 31 декабря 1992 года. А днем раньше два приморских журналиста обнародовали историю о голоде и болезнях матросов на острове Русском. Эта история подвинула Виктора Ивановича мгновенно забыть о бизнесе и вновь вспомнить о своем высоком предназначении печься о близлежащем человечестве. Он едет на остров с прикупленной в Японии видеокамерой, снимает живые скелеты матросов и распространяет пленки с записями во все четыре стороны света. Главным правозащитником Приморья Черепков при этом себя не провозгласил. Но у отдельных сознательных граждан он и без того пробудил к себе самые нежные чувства.

До трагедии на острове Черепков выделялся среди всех прочих депутатов краевого Совета только наличием у него уникального свидетельства "Целитель 6-го разряда". Раскрутка же им обстоятельств трагедии породила обращения некоторых граждан к общественности, в которых Черепкова награждали титулом "Совесть России". И ему после успешного коммерческого визита в Японию обрести такой титул было, видимо, особенно приятно.

Матросов на о. Русском заморило правительство Егора Гайдара. То есть Гайдар взрыхлил Черепкову почву для завоевания народной любви. И Виктор Иванович как порядочный человек не мог не испытывать благодарности к Егору Тимуровичу. Со временем благодарность материализовалась в том, что Черепков стал членом исполкома созданного Гайдаром движения "Демократический выбор России".

Но это будет потом. А в первые месяцы 1993 года сделавшемуся неожиданно российской совестью Черепкову предстояло исполнить очередную благодарную миссию — взять власть в Приморской столице.

"Я поначалу отказывался от просьбы стать мэром Владивостока, -- признавался он, впоследствии не боясь показаться малодушным. -- Но затем передумал, потому что видел: к власти могут прийти бандиты. Никогда не простил бы себе, если бы не попытался преградить им дорогу".

В решении Черепкова баллотироваться в мэры, как видим, личной корысти не было. Как не было ее и в августе 91-го, когда он ради свержения ГКЧП попытался взять на себя командование всеми вооруженными силами Приморья. Но тогда самоотверженность Виктора Ивановича оказалась не затребованной ввиду отсутствия у него известности. Теперь он от известности также не страдал. Его правозащитная деятельность по поводу трагедии на острове Русском запомнилась лишь тем, кто мог оценить, что депутат Черепков ради снискания титула "Совесть России" отказался продолжить выгодное дело купли-продажи японских автомобилей. Людей с таким тонким вкусом во Владивостоке было немного. Но немного жителей приморской столицы пришло и на выборы мэра — всего 19 процентов от имеющих право голоса. Среди них некоторая часть полюбила как светлый образ правозащитника и целителя 6-го разряда, так и его обещание ввести бесплатный проезд по городу. Но маленького кусочка народной любви вполне хватило для победы: Черепков набрал больше всех голосов и был провозглашен мэром.

С тех пор минуло почти пять лет. За это время Виктор Иванович несколько не утратил своего благородства и стремления служить на высоком посту высоким идеалам.

Служит он им, не щадя себя и своих близких: "Мне 15 дней некогда ездить домой. И когда мне привозят еду, я сам покупаю воду в бутылках. Я дома не бываю, сын ко мне на прием записывается".

Черепков служит идеалам, страдая. Но кто при этом страдает больше: он сам или жители Владивостока?

Заняв пост мэра, Виктор Иванович остался погруженным в благородные замыслы и отказался погружаться в городские проблемы. Их он поручил решать бывшему лейтенанту ГАИ Гельгенбургу, назначив его на вновь учрежденную должность управляющего городом. Сам же ломал голову над стратегическими вопросами: надо ли учредить в мэрии отдел стоянок и гаражей, отдел проблем глухих и слепых? Надо ли ликвидировать в городе районы, разогнать райадминистрации и управлять Владивостоком из мэрии напрямую?

Крупные мысли, которые рождались в голове Черепкова, подолгу обсуждались на всевозможных совещаниях. С борьбой за идеалы во

владивостокской мэрии все было в порядке, с работой коммунальных служб — туговато. И первый ливень Черепкова снегопад парализовал город.

Кадры Виктор Иванович как целитель 6-го разряда подбирал по их энергетической значимости. Социальную сферу, например, он вверил бывшей проводнице поездов дальнего следования, а руководить народным образованием поставил бывшего тренера по гандболу. Интуиция иногда Черепкову изменяла. Но в ошибках он не стеснялся признаваться и смело менял своих замов и руководителей отделов. Но и при строгой кадровой политике с нравственностью в мэрии не все оказалось гладко.

В начале 94-го из агентурной сети Приморского УВД начали поступать сигналы: пять сотрудников мэрии берут мзду за льготное выделение земельных участков и нежилых площадей, за неправовую сдачу в аренду городской собственности. Этим пятерым было решено в ходе согласованной с МВД РФ операции "Вирус" предложить провокационные взятки. Одновременно три миллиона рублей и швейцарские часы "Омега" были преподнесены и самому мэру Черепкову. Соратники Виктора Ивановича сознались, сам же он занял круговую оборону: ничего не брал, не беру и даже цветов не принимаю. Но поскольку при обыске в кабинете Черепкова за сейфом были найдены 2,3 миллиона из трех, а в кармане пиджака обнаружена упаковка, в которую "вирусные" деньги были завернуты, то родилось обвинение в получении взятки. После того указом Ельцина он был отстранен от должности мэра.

Но весной 95-го дело о взятках во владивостокской мэрии вдруг превратилось в дело "о фабрикации группой сотрудников Приморского УВД доказательств получения взятки". Четверо сотрудников этой группы были арестованы и помещены в Лефортовскую тюрьму в Москве. Указ же президента о Черепкове был опротестован в суде, и президент Ельцин его отменил. Но "злодеи"-милиционеры до сих пор не осуждены. Процесс над ними то и дело откладывается и, как считают специалисты, обвинению в фабрикации доказательств взятки суждено в суде рассыпаться.

Так брал благороднейший Черепков мзду часами "Омега" и тремя миллионами рублей образца 1994 года? Пока приговор милиционерам не вынесен, "нет" на сей счет сказать не может никто. Тогда почему Ельцин, не дожидаясь установления истины, отменил свой указ и позволил Черепкову опять занять пост мэра?

Если погасшие звезды снова зажигаются, значит, это кому-то нужно.

В сентябре 93-го Ельцин отстранил от должности брянского губернатора Юрия Лодкина, избранного двумя третями избирателей области. Отстранил за то, что Лодкин остался верен Конституции РФ и отказался исполнять указ № 1400. Ельцин явно нарушил закон. Но Лодкин три года стучался во все суды, и его иск к Ельцину нигде к рассмотрению принят не был, ибо никому из имеющих реальную власть в стране это не было нужно. В восстановлении же в должности владивостокского мэра нужда у окружения Ельцина была.

У арестованных по делу Черепкова приморских милиционеров в Лефортове кулаками выбивали информацию "о якобы преступной и противоправной деятельности руководителей Приморья и их силовых структур". Слова в кавычках взяты из письма одного из арестованных — майора Дудина на имя министра внутренних дел.

Борьба за возвращение к власти во Владивостоке великого праведника Черепкова явилась началом борьбы окружения Ельцина с руководством Приморского края.

Губернатор края Евгений Наздратенко не принял приватизацию по Чубайсу и помешал санкционированному Кремлем отъему Китаем части российской территории. Но за это его "замочить" нельзя — он станет национальным героем. А врезать ему за незаконный арест якобы блаженного "целителя" и "правозащитника" Черепкова — самое оно.

Выбить у милиционеров компромат на Наздратенко не удалось. Но обратный ход черепковскому делу президентское окружение все-таки не дало. Виктору Ивановичу был возвращен пост мэра. Возвращен с расчетом на то, что он своими чудачествами создаст проблемы во Владивостоке и тем самым ударит по хозяйственной репутации губернатора края.

Возложенные на него надежды Черепков оправдал целиком и полностью. Он отказался возратить долги мусорщикам — и Владивосток летом минувшего года был завален горами бытовых отходов. Он не рассчитывался с энергетиками, и в городе периодически отключали свет. Он не платил зарплату врачам, и во владивостокских больницах разразились забастовки. Но при всем том на счетах мэрии было полно денег. В середине августа — 43 миллиарда рублей, а в середине сентября — 72 миллиарда.

Черепков создавал проблемы, а у Наздратенко отбирали его законные полномочия, назначая ему регента в лице представителя президента с особыми правами, и Чубайс уже весьма прозрачно намекал на необходимость "самых решительных мер" в отношении приморского губер-

натора. Но как только выяснилось, что Наздратенко просто так не спихнуть, что его поддерживают и Совет Федерации, и большинство населения края, то стало ясно и другое: пламенный идеалист и скромный чудик Черепков вел игру не только в пользу окружения президента, но и в свою собственную.

До правительства стали доходить слухи о финансовых злоупотреблениях мэрии, и оно решило провести проверку. Но не тут-то было. Из письма министра финансов РФ Михаила Задорнова от 9 февраля 1998 года: "В августе и сентябре 1997 года дважды создавалась ревизионная группа из работников территориальных органов Минфина России для проведения комплексной ревизии финансово-хозяйственной деятельности мэрии г. Владивостока. Однако мэрией в обоих случаях группы не были допущены к ревизии".

Чубайс и окружение Ельцина использовали скромнягу Черепкова для борьбы с Наздратенко, Черепков же использовал покровительство Чубайса и президентской администрации для такой своей деятельности, которую ни за что не хочется показывать Минфину.

23 января сего года суд обязал Черепкова представить для ревизии необходимые документы. С 4 по 29 апреля ревизия финансово-хозяйственной деятельности мэрии состоялась. И что выявила?

Заглянем в акт контролеров-ревизоров I категории, оперирующих цифрами деноминированных рублей: "Всего за два последних дня декабря 1997 года мэрией перечислено во всевозможные коммерческие структуры 24175 тысяч рублей, которых было бы достаточно для покрытия задолженности по заработной плате работникам здравоохранения...

Мэрией г. Владивостока передано средств городского бюджета Неяскину В. В. в сомнительные его структуры в общей сумме 26253 тысячи рублей...

При отсутствии свободных средств мэром города Владивостока издавались распоряжения на выдачу беспроцентных, безвозмездных ссуд предприятиям и учреждениям с различной правовой формой собственности, некоторые из которых даже не входили в структуру города. Всего за 1997 год выдано таких ссуд на общую сумму 48842 тысячи рублей...

В проверяемом периоде имели место случаи отвлечения денежных средств бюджета города на приобретение векселей различных банков. На момент проверки в мэрии числилось векселей на 11,2 миллиона рублей..."

Мы прочитали четыре цифры на четырех страницах из 22 подобных. Но только эти четыре цифры означают, что 80 миллионов новых

рублей или 80 миллиардов рублей старых изъяты из казны города и направлены на нужды, известные только главному распорядителю бюджета — мэру Черепкову.

Мэр Черепков борется и страдает. А городская казна все больше напоминает расчетный счет знаменитой черепковской фирмы "Милосердие, здоровье и благотворительность", которая из всех имевшихся у нее средств 200 тысяч рублей тратила на благотворительность, а 800 тысяч — неведомо на что. Но пусть Минфин только попробует бросить тень актом ревизии на благородного мэра. За последнее время Черепков подал 82 иска в суд на приморских депутатов, чиновников и журналистов, задевших его честь и достоинство. Не меньше исков получают и деятели Минфина, если вздумают опорочить Виктора Ивановича. А кроме того, им придется иметь дело с закаленной в пятилетних битвах митинговой группой поддержки Черепкова, которая способна действовать на любых часовых поясах в самых экстремальных условиях. Дрожи, Минфин! Под сенью Гайдара, Чубайса и Савастьянова вырос матерый политик с мягкой добродушной улыбкой и стальными челюстями, который пообщавшись с силами Космоса под столом, способен добиться какой-угодно цели и кому угодно показать Кузькину мать.

1998

Запрос на Бабурина

Искусственные звезды на политической сцене могут блистать долго лишь в благополучной стране. В стране же голодной, в стране с распадающимися системами жизнеобеспечения Моське трудно изобразить, что она сильнее слона.

В России лимит на околпачивание граждан не исчерпан, ибо мы узрели только край пропасти, а не саму пропасть. Но 98-й год — не год 92-й. И ныне кукле от МВФ — Кириенко, в отличие от такой же куклы — Гайдара, уже немыслимо придать образ великого реформатора, как и немыслимо коммерсанта от политики Жириновского выдать за народного мстителя.

Кто в нашей политике есть раздутое прессой ничтожество, а кто — личность, кто склонен служить себе, любимому, и дядям с мошной, а кто стране — из рейтингов не высвечивается. Суть и потенциал политика определяют по следам, оставленным им в минувшем.

У Сергея Бабурина в начале 90-х была самая настоящая слава. То есть широкая известность, основанная на признании его дара в политике. Тогда фигура Бабурина привлекала не меньше внимания, чем сегодня фигура Лебеда. Но Лебедь выплыл из политического небытия не сам по себе. Своей популярностью он обязан и тем, кто оплачивал статьи о нем китайца Мин-кина из "Московского комсомольца", и тем, кто без конца посылал к нему в Приднестровье телекамеры, и уж, разумеется, тем, кто вложил огромные деньги в его рекламу на президентских и губернаторских выборах. Бабурин же прорвался на политическую сцену без блата и, кроме себя, никому и ничем за популярность собственного имени не обязан.

Весной 90-го Бабурин был лишь одним из тысячи с лишним народных депутатов РСФСР. Летом 91-го он стал главным претендентом на второй по значению пост в республике — пост председателя Верховного

Совета, который только что оставил избранный президентом Ельцин. Сам Ельцин, все его тогдашнее окружение, все кумиры так называемой демократической общественности жаждали видеть председателем ВС Руслана Хасбулатова. Но большинство на депутатском съезде составляли люди без четкой политической ориентации, которые с одинаковым недоверием воспринимали как лозунги рвавшейся к власти авантюрной "Дем. России", так и сохранявшей пока власть импотентной Компартии. В результате кандидат демократов Хасбулатов — в двух турах голосования уступил независимому депутату Бабурину, хотя квалифицированного большинства ему для победы не хватило. Его, пусть и относительный, но успех был предопределен не политической одежкой, а достоинствами личности. Голосуя за Бабурина, депутатство голосовало за молодого, энергичного человека, который выделяется среди тысячи депутатов характером, умом и интуицией и который при всем том был настроен на разумное обновление страны.

После августовских событий 91-го волна демократического утара накрыла депутатский съезд, и Хасбулатов взял верх. Бабурин остался рядовым членом Верховного Совета, но из центра политической жизни сделавшийся суверенной России не исчез.

Его фамилия звучала в эфире и мелькала на газетных полосах не только благодаря прямой трансляции речей со съездов народных депутатов. Бабурин летит на Дальний Восток и начинает там разворачивать кампанию по срыву переговоров о передаче Японии Южных Курил. Бабурин едет на Северный Кавказ и ходит под пулями, пытаясь остановить осетино-ингушский конфликт. Бабурин собирает в своем кабинете депутатов, которые поднимают шум на депутатском съезде и заставляют-таки российские власти прекратить вооруженную агрессию Молдовы против Приднестровья. Бабурин во главе делегации Верховного Совета прибывает в Севастополь — на митинги возмущенных насильственной украинизацией города и потом сколачивает группу депутатов, которая пробивает постановление парламента о незаконной передаче Крымской области из РСФСР в СССР...

Массовая пресса восторга от деятельности Бабурина не испытывала, но не замечать ее не могла, и потому старательно охаивала. Брань разными людьми воспринималась по-разному. И фамилия рядового депутата Бабурина склонялась на тот или иной лад едва ли не в каждом российском доме.

Славу, как установил писатель Бальзак, при желании всегда легко превратить в нечто съедобное. Например, в хлебную должность в исполнительной власти.

Депутат по кличке "Голенище с усами" — Александр Руцкой, замеченный широкой публикой благодаря разводу с правоведами коммунистами, перекочевал в кресло вице-президента. Депутат с обликом тараканчика — Сергей Шахрай, проявив доблесть в овладении съездовскими микрофонами перед телекамерами, сделался вице-премьером правительства РФ. Вечно сеющий скуку депутат Сергей Филатов запомнился зрителям новостей сидением за столом президиума Верховного Совета, и стал главой президентской администрации.

Кого хоть как-то знают в народе, тому охотней внимают и верят. Режим Ельцина от избытка народного доверия никогда не страдал, и потому постоянно вербовал в свой аппарат известных политиков. Причем не только тех, кто, подобно Шахраю и Филатову, изначально представляли перед Ельциным с выражением: чего изволите?

Лебедь четыре года пошвыривал камушки в кремлевский огород. Но ему все проказы простили, когда его популярность понадобилась Ельцину, и он в 96-м получил пост с широчайшими полномочиями.

Рыбкин шесть лет носил маску коммуниста-оппозиционера, голосовал в свое время на депутатском съезде за отставку Ельцина, но это ему нисколько не помешало после обретения паблисити в роли спикера Думы занять место в ближнем президентском окружении.

Цена известности у Бабурина в первой половине 90-х была меньше, чем у Лебеда и Рыбкина. Но его даже не пытались позвать во власть ни для того, чтобы ослабить оппозицию в Верховном Совете в 93-м, ни для того, чтобы прибавить голосов Ельцину в 96-м. Причина отсутствия ангажемента — довольно проста: Бабурин по своей природе оказался непригоден к политическому торгу ради личных интересов, что творцам российской демократии стало очевидно еще семь лет назад.

До избрания в депутаты Бабурин был деканом Омского университета. Жил с родителями на окраине города и на работу ездил полтора часа с двумя пересадками. Его семья, как и любая другая, стояла в очередях и не надеялась, что завтра стиральный порошок снова будет в продаже. У Бабурина не было оснований любить власть партноменклатуры и, стало быть, дружить с Омским обкомом. И поэтому в мае 90-го он в числе только что избранных провинциальных депутатов, не ладивших с местной бюрократией, получил приглашение на съезд "Демократической России", которая готовилась поставить Ельцина во главе Верховного Совета РСФСР.

Бабурин сам хотел перемен в стране и обещал добиваться их своим избирателям. Поэтому для него разжалованный партийный функцио-

нер Ельцин, который бил себя в грудь и клялся, что не может есть икру, когда у соседки нет денег на аспирин, был предпочтительней, чем любая действующая номенклатурная шишка, выставленная в противовес Ельцину ЦК КПСС. Не расходился Бабурин с "Дем. Россией" и по другому важнейшему вопросу повестки дня предстоящего депутатского съезда.

Его анонимный биограф из справочника "Кто есть кто", изданного в минувшем году, замечает: "Сейчас Бабурин не любит вспоминать, что он голосовал за полный суверенитет России и, стало быть, и за развал СССР".

В этой фразе три утверждения. Два из них — абсолютно лживы. Бабурин не только не отказывается вспоминать голосование за Декларацию о суверенитете — он включает в книгу "Российский путь: утраты и обретения", изданную им в том же 1997 году, стенограмму своего выступления на I Съезде депутатов про ту самую Декларацию. Данное выступление напрочь опровергает вторую ложь анонимного биографа: голосуя за суверенитет РСФСР, Бабурин не голосовал за развал СССР. Заглянем в стенограмму съезда:

"Мы должны заявить в Декларации о суверенитете о том, что Российская Федерация будет не только пользоваться теми богатствами, которые находятся на ее территории, но и обладать в полном объеме правом владения, правом распоряжения.

Как соединить, казалось бы, несоединимое — экономическую заинтересованность россиян с интернационализмом? Я убежден, что эти вещи соединить можно и нужно. Одна из наиболее ярких наших особенностей состоит в том, что Российская Федерация никогда не бросала других в беде. И ныне мы должны быть готовы помогать нуждающимся на основе взаимной ответственности и взаимной выгоды". Устами депутата Бабурина о суверенитете РСФСР говорил рядовой трезвомыслящий мужик из Сибири. Ему, страдающему от бездорожья и тесноты в своей квартире, надоело слушать рассказы о превосходных автотрассах и роскошном жилье в Латвии и Грузии. Этот сибирский мужик больше не желал, чтобы РСФСР была сырьевым придатком для Прибалтики и Закавказья. Но не желал он и перекрывать движение товаров и людей по одной шестой суши границами и таможнями. И потому предлагал ничего не разваливать, а перестроить отношения внутри единого союзного государства "на основе взаимной ответственности и взаимной выгоды".

Декларация о суверенитете РСФСР была своего рода скальпелем. Сибирские и уральские, псковские и ярославские мужики рассчи-

тывали прооперировать им живой, но больной организм Советского Союза. Московские же джентльмены, толпившиеся вокруг Ельцина, планировали этому скальпелю иное применение.

Депутат из Омска Сергей Бабурин не знал секретов столичной политической кухни. Но обладал инстинктом русского государственника и патриота. И, не видя изначально в играх околоельцинской тусовки ни намерений сокрушить СССР, ни, тем более, планов распродажи советской империи, он, тем не менее, не ринулся в ее распахнутые объятия. Все депутаты из провинции, приглашенные накануне первого их сбора на съезд движения "Дем. России", вступили в это движение. Все, кроме Сергея Бабурина.

Его роман с "демороссами" завершился на стадии знакомства. И чем успешней они набирали силу и яснее декларировали свои истинные цели, тем больше он от них отдалялся.

В Верховном Совете, избранном I съездом депутатов, вокруг Бабурина объединяется группа единомышленников, которые не горели желанием следовать указаниям ЦК КПСС и входить во фракцию "Коммунисты России", но и не хотели исполнять установки доминировавшей в парламенте "Дем. России". То есть не хотели крушить союзный Центр, поспешно заменять партийную вертикаль власти в РСФСР на президентскую и копировать западную модель экономики.

Эта группа образует фракцию "Россия". Собственных сил для победы в завязавшейся схватке с "Дем. Россией" у нее не хватало. Фракция же коммунистов, сбита с толку метаниями Горбачева, сохраняла нейтралитет, что позволило Ельцину за две недели получить пост президента, за два месяца обрести фактическую независимость от высших органов власти СССР и потом разгромить трусливую союзную бюрократию, попытавшуюся поставить его на место.

Бабурин и фракция "Россия" никоим образом не были причастны к действиям ГКЧП, и им ничто не мешало, сохраняя лицо, признать триумф "Дем. России", отказаться от противоборства с ней и тем самым обеспечить себе безоблачное существование в новой народившейся системе власти. Но в то самое время, когда Александр Яковлев под одобрительный рев толпы "деморосов" у Дома Советов требовал расправы над всеми, кто так или иначе потворствовал ГКЧП, Бабурин едет защищать обвиняемых в идейной подготовке путча русских писателей, у которых демкомиссары вознамерились отобрать их особняк на Комсомольском проспекте. Когда же Ельцин, вопреки всем законам, издает указ о роспуске КПСС, то Бабурин, никогда не питавший симпатий к

ее здравствующим вождям, заявляет, что остается членом запрещенной партии и не собирается из нее выходить. Чуть позже он войдет в редколлегию газеты "День", которую пресса победившей демократии именует фашистской, и станет выступать на митингах, где скандируют: "Банду Ельцина — под суд!"

После августа 91-го Бабурин не поступился ни единым принципом, не отрекся ни от одного своего политического союзника, ни разу перед столпами режима Ельцина не прогнулся, чем отрезал себе все пути к государственным постам в этом режиме.

Превратить славу в нечто съедобное ее обладатель вполне может и, оставаясь в оппозиции к исполнительной власти, — без всяких должностей в последней. Это убедительно продемонстрировал Владимир Вольфович Жириновский. Пятилетку своей известности он употребил во имя и во благо собственной семьи и партии, которая, в меру браня власть и час от часу оказывая услуги ей и капиталу, сделалась весьма богатой корпорацией, имеющей все.

Бабурин в конце 91-го вместе с несколькими народными депутатами РСФСР учредил движение "Российский общенародный союз". Его влияние в Верховном Совете вряд ли было сильнее, чем ныне у фракции Жириновского в Думе. Но тогда парламент играл в деловой жизни страны более значительную роль, и шуры-муры с председателем РОСа Бабуриным вождели завести самые разные свежесвылупившиеся бизнесмены, для которых важно было — не какого цвета кошка, а способна ли она ловить мышей. Депутаты из РОСа могли приносить пользу людям из числа разбогатевших на реформах "шоковой терапии", и, стало быть, могли по-тихому закладывать материальную базу своего движения ограбленных этими реформами и не испытывать при том никаких угрызений совести, ибо деньги — это оружие, и главное — не как оно добыто, а на какие цели направлено.

Шансы на вооружение РОСа Бабурин до кончины Верховного Совета практически не использовал. Не использовал, вероятно, потому, что в то время абсолютно не стремился занять собственную, подконтрольную ему лично, мощную массовую политическую организацию.

Через три месяца после I съезда РОСа, в феврале 92-го, Бабурин выступил с инициативой объединения красных, коммунистических партий и движений — с белыми, патриотическими. К осени того же года эта идея воплотилась в структуре Фронта национального спасения. Бабурин, являясь де-факто лидером парламентской оппозиции, мог с полным правом претендовать на первую роль и в оппозиции внепарламентской.

Но он даже не попытался забрать бразды правления в ФНС, и руководителем его исполкома был избран Илья Константинов.

Возглавив РОС и став одним из пяти сопредседателей Фронта национального спасения, Бабурин, по сути, остался политиком-одиночкой, политиком-горланом, но не главарем.

Расстрел Дома Советов заглушил трепетание всех голосовых связок, и с лидерством в оппозиции Бабурину пришлось расстаться. Квелое его движение было допущено до выборов в Думу, но подписей собрало в обрез, и когда двадцать тысяч из них после налета ОМОНа исчезли, оно не попало в избирательные списки. Бабурин прошел в Думу по одномандатному округу в родном Омске. В новом парламенте его узнавали, но замечали редко. Сольные партии для политиков-одиночек в Думе не предусматривались. В ней могли солировать только предводители депутатских ватаг: Зюганов, Жириновский, Явлинский...

К очередным парламентским выборам в 1995 году страна начала подзабывать Бабурина, и его совместный с плачущим большевиком Николаем Рыжковым избирательный блок "Власть — народу!" пятипроцентный барьер не перешагнул. Но фракция КПРФ добавила к числу их сторонников из депутатов-одномандатников несколько депутатов-коммунистов, и в результате родилась депутатская группа "Народовластие", от имени которой Бабурин получил пост зампреда Думы.

Деятельность его на этом посту, как и в роли председателя РОСа, около двух лет в поле зрения широкой публики почти не попадала. Не попадала до октября прошлого года. Тогда лидеры нынешней парламентской оппозиции Зюганов, Рыжков и Харитонов сняли с повестки дня Думы вопрос о недоверии правительству Черномырдина, а Бабурин начал собирать подписи депутатов за возвращение к вопросу недоверия. Это заставило Зюганова заявить журналистам: "Мы, распределяя посты в Думе, выдвигали условие — по всем важнейшим вопросам предварительно консультироваться с нами. Бабурин это обязательство не выполнил".

Данное заявление нельзя было рассматривать иначе, как приговор: мы Бабурина сделали зампредом Думы, мы его и разжалуем. Но исполнения приговора не последовало ни в октябре 97-го, ни в июне 98-го. Почему?

Недоброжелатели Бабурина из оппозиции оставили его в покое отнюдь не из милости, а потому что неожиданно для себя вдруг выяснили: за два с половиной года пребывания в тени Бабурин незаметно нарастил мускулатуру, при которой его трудно без последствий переста-

вить с места на место. В бытность депутатом Верховного Совета он чурался черновой партийной оргработы. В бытность **запредом** Думы, оказывается, ею не гнушался. На последнем съезде его РОСа участвовали делегаты из 62-х субъектов Федерации. Среди них были местные законодатели и 11 депутатов Госдумы. Еще два десятка думских депутатов готовы присоединиться к Бабурину, если он со своими сторонниками выйдет из "Народовластия" и объявит о создании новой депутатской группы, разрушив тем самым рыжковскую.

К своему образу яркого политика-оратора Бабурин мало-помалу прибавляет черты крепкого политика-организатора, что при безупречной его репутации непреклонного слуги Отечества может привлечь к нему множество людей из самых разных групп населения.

С 91-го года Бабурин и его РОС пишут в их документах: экономические реформы в России должны опираться на наши национальные традиции, и мы должны прежде всего создавать условия для развития отечественного предпринимательства.

Сейчас власть, дабы вырваться из финансового кризиса, начнет драть три шкуры не с олигархов-компрадоров, составляющих ее опору, а именно с отечественных коммерсантов и промышленников. Национальный бизнес вынужден будет защищаться и, соответственно, политизироваться, и не исключено, что он в значительной своей части может сделать ставку на Бабурина, патриотизм которого не нуждается в доказательствах.

Около половины респондентов в некоторых опросах на предмет "Кто есть кто в российской политике" считают, что Бабурин является одним из лидеров КПРФ. Его приверженность принципам социальной справедливости — очевидный факт для огромного числа граждан. Как очевидно для них и то, что Бабурин, в отличие от многих деятелей Компартии, никогда не сюсюкал с поправшей эти принципы властью и никогда не вступал с ней в сомнительного свойства компромиссы.

Запрос на Бабурина в обществе появится. Появится, если в надвигающейся смуте он найдет способы предъявить стране те качества политика, которые у него есть в наличии.

1998

Депутат своего кошелька

Иосиф Кобзон получил мандат депутата Госдумы от Агинского Бурятского автономного округа.

Освещать триумфальное избрание там Кобзона в депутаты столичные журналисты ездили за его счет. И не все оправдали надежд спонсора. Так, корреспондент телекомпании НТВ Лобков, по словам Иосифа Давыдовича, пьяным сел в самолет, пьяным из него вышел и заснял в репортаже только стадо коров и уборную. И это при том, что в районе, где был Лобков, есть 10 музеев, 10 библиотек и 10 клубов. Не заметил спецкор НТВ и того, что во всем округе, оказавшем доверие Кобзону, нет и никогда не существовало детдомов, поскольку родители там не бросают детей, а родственники не оставляют без опеки сирот.

Иосиф Давыдович обличал Лобкова на первой своей депутатской пресс-конференции как истинный и наикрутой агинско-бурятский патриот. И его внезапно вспыхнувшую любовь к далекому сибирскому округу легко можно было объяснить. Ему, Кобзону, новоявленному Мистеру-Твистеру, — бывшему главному советскому солистеру, а ныне владельцу фабрик-заводов, газет и пароходов, надо было дать понять журналистам, что избран он в Госдуму не каким-то диким и деградировавшим, а культурным и высоконравственным населением.

Защита Кобзоном достоинства жителей Агинского Бурятского округа отвечала и их интересам, и интересам самого Иосифа Давыдовича. И с его окружным патриотизмом все ясно. Но почему, обжившись в Госдуме, Кобзон вдруг решил стать крайне радикальным патриотом всего бурятского народа, многие аналитики не могут понять до сих пор.

Дело в том, что в свое время большевики, жаждавшие каждой нации, кроме русской, дать собственное обширное государственное образование на территориях, где проживали русские, создали Бурят-Мон-

гольскую АССР. Она имела место быть 14 лет. Но поскольку управлять ею, ввиду огромности ее пространств, было трудно, то в 1937 году она была Сталиным разделена на Бурят-Монгольскую АССР, Иркутскую и Читинскую области. В составе этих областей, в районах со значительной долей бурятского населения, тогда же были учреждены автономные национальные округа — Усть-Ордынский и Агинский Бурятский.

В 1958 году Хрущев переименовал Бурят-Монгольскую АССР — в Бурятскую. Вопросы же о пересмотре административно-территориальных преобразований 1937 года ни в годы так называемой "оттепели", ни позже никто не ставил, ибо нужды в нем не было: последние шестьдесят лет бурятам в автономных округах с точки зрения соблюдения их национальных прав жилось не хуже и не лучше, чем бурятам в Республике Бурятия.

Нет ущемления прав бурятов в округах и в настоящие дни. Но сегодня в Москве есть думский депутат от Агинского Бурятского округа Иосиф Кобзон. И он требует от высших органов власти России создать Великую Бурятию. То есть требует объединить Республику Бурятия с двумя автономными округами, находящимися в Иркутской и Читинской областях.

Эта идея родилась не в многомудрой голове Иосифа Давыдовича. Произвели ее на свет активисты Конгресса бурятского народа во главе с отставным бурятским Чубайсом — бывшим председателем Госкомимущества Бурятии Евгением Морозовым. Зачем Морозову нужны административно-территориальные перипетии — понятно: на их волне он может смести нынешнюю элиту республики и возвысится на государственном объединении бурят, как генерал Дудаев возвысился на государственном разделении чечен и ингушей. Но чего ради идею Великой Бурятии подхватил и проталкивает Кобзон?

Ни у Усть-Ордынского, ни Агинского Бурятского округов нет общей границы с Бурятией. В первом из округов русских, украинцев и татар в два раза больше, чем бурят. Во втором буряты составляют большинство, но не подавляющее — их там 42 тысячи человек, а русских — 31 тысяча. Объединение округов с Бурятией будет означать потерю их статуса субъектов РФ, и они лишатся четырех мест в Совете Федерации и двух мандатов в Госдуме. Выгоды от объединения населения округов никакой не получит, а трений на национальной почве получить может с избытком. И, стало быть, на благодарность избирателей Кобзону рассчитывать не приходится. Шансы извлечь

корысть от радикал-бурятского патриотизма также не просматриваются. Что остается?

Уразуметь суть этого патриотизма Кобзона можно, обратившись к его заявлению, сделанному сразу по получении депутатского мандата: "Меня спрашивают — зачем мне Дума? Мне нужен иммунитет? Иммунитет мне не нужен. Мне нужен статус. Он даст мне право заставить чиновника разговаривать со мной и отвечать на мое обращение. И, в общем-то, мне нужен статус для того, чтобы не принадлежать никому". *Именно об этом Кобзон говорил, когда был избран депутатом!*

Иосиф Кобзон любит гулять сам по себе. Поддержка идеи Великой Бурятии — это его личная прихоть. Иосиф Давыдович -- свободный человек, который волен делать то, что ему нравится и что ему выгодно. Он носит с идеей объединения Бурятии с округами потому, что она ему по душе, он принимает участие в кампании по травле генерала Макашова, отказываясь сидеть с ним вместе в зале заседаний Госдумы, по своекорыстному расчету.

Так называемые антисемитские высказывания Макашова имеют не национальный, а социальный характер. Самое крамольное в них сводится главным образом к тому, что генерал просто громко повторяет утверждения еврея-патриота Тополя о том, что почти все деньги в России захватили евреи. И отказ Кобзона заседать в одном зале в Думе с Макашовым — является всего лишь протестом против повторения генералом утверждений Тополя.

Кобзон — один из самых богатых евреев России. Ему невыгодно, чтобы разоренная страна осознала факт богатства еврейских банкиров и думала о способах его происхождения. И выступая в Госдуме против Макашова, Кобзон действует как истинный депутат своего кошелька.

1998

Восемь голов Гусинского

"Мы вкладываем деньги в СМИ, чтобы обезопасить открытость информации от посягательств. Это наш способ самозащиты. Как только журналисты утратят свободу, я думаю, частные банки прекратят свое существование".

Данное заявление президент "Мост-банка" Владимир Гусинский сделал в 1993 году, когда его банк стал главным по затратам соучредителем телекомпании НТВ и газеты "Сегодня". Гусинский, возможно, не первым среди российских олигархов увидел в прессе оружие, необходимое для защиты собственного бизнеса, но первым на это оружие раскошелился. Позднее его примеру последуют и Березовский с Потаниным, и Авен с Алекперовым...

Скупая в последние годы действующие средства массовой информации и учреждая новые, финансовые тузы исходили из логики Гусинского: имеешь свою прессу — можешь защитить свой бизнес и капитал. Но Гусинский вдруг изменил этой логике. В январе 97-го он покидает пост президента "Мост-банка", создает холдинг "Медиа-Мост", в который передаются все акции, принадлежащих банку СМИ, и становится гендиректором этого холдинга, давая таким образом всем понять, что теперь пресса в первую очередь нужна ему не для защиты банковского бизнеса, а сама по себе.

У многих политологов смена кресел Гусинским вызвала недоумение. "Мост-банк" процветает и имеет превосходные перспективы. Но его владелец, прославившийся умением делать деньги, устраняется от ведения банковских дел в то время, когда на спекуляциях с ГКО можно снимать огромные барыши. Неужто Гусинский с жиру взбесился и решил на торговле информацией заработать больше, чем на процентах с ценных бумаг?

Недоумение у большинства политологов рассеялось только тогда, когда стали ясны масштабы и возможности информационной машины Гусинского.

"Медиа-Мост" включает в себя структуры электронных и печатных СМИ. Первые объединены в "НТВ-холдинг", в который входят восемь компаний: собственно НТВ, имеющая право вещания на 4-м частотном канале, НТВ-плюс, НТВ-кино, НТВ-профит, НТВ-дизайн, телесеть ТНТ, радио "Эхо Москвы" и ЗАО "Бонум-1".

Все названные компании самостоятельны. Но контрольный пакет каждой из них принадлежит холдингу "Медиа-Мост". А 70 процентов его акций находятся в личном владении Владимира Гусинского. Чего у него как у собственника всех электронных компаний больше — доходов или расходов?

Коммерческая деятельность на всем телевидении России — тайна сия велика есть, ибо там основные расчеты производятся "черным налом". Настоящих доходов НТВ, ОРТ, РТР, ТВ-6 не знают даже самые компетентные спецы из налоговых органов. Но любому обывателю известно, что основной источник доходов на телевидении — реклама и что ее объем на 4-м канале НТВ примерно такой же, как на других каналах. Но программы компании Гусинского — от представления "Куклы" до авто-шоу "Перехват" — самые дорогостоящие. Служба новостей НТВ отличается особой оперативностью. Ее журналисты, как правило, первыми узнают о горячих событиях и первыми пребывают туда, где они имеют место быть — причем в любой точке России и в любой стране мира. А это тоже стоит огромных денег. Репортеры ни одной российской телекомпании, кроме НТВ, не имеют техники для передачи информации с места события прямо в эфир. А это также стоит денег весьма немалых.

По качеству покупаемых фильмов НТВ-кино, по мнению ряда спецов, превосходит прочие российские и, стало быть, платит за них больше.

В минувшем году НТВ-профит произвело 20 полнометражных фильмов, в году нынешнем планирует изготовить 25. Окупятся они не завтра, а деньги на них истрачены. Та же структура холдинга Гусинского (НТВ-профит) занимается скупкой кинотеатров и созданием собственной сети кинопроката, на что уже угрохала значительную часть из выделенных 120 миллионов долларов.

Над графикой, цвето-световым и звуковым оформлением заставок на НТВ работают лучшие специалисты, которых приглашает компания

НТВ-дизайн. А найм лучших предполагает наивысшую оплату труда.

Энтэвэшная структура ТНТ-телесеть установила партнерские отношения с 70 региональными негосударственными телекомпаниями. Контрольные пакеты 10 из них она уже приобрела, еще 10 — приобретет до конца нынешнего года. Осуществление этого проекта прибавит холдингу Гусинского около 30 миллионов новых зрителей, и за это он заплатит свыше 100 миллионов долларов.

Для ОРТ и РТВ спутниковые телесистемы — непозволительная роскошь. А НТВ нажатием на кнопку пальца Черномырдина запустила первый спутниковый канал уже в сентябре 96-го, и сейчас компания НТВ-плюс вещает по пяти спутниковым каналам, демонстрируя по ним фильмы, спортивные и детские передачи, музыку, танцы и эротику. Ведающая спутниковой трансляцией НТВ-плюс ЗАО "Бонум-1" имеет земную станцию с мощными передатчиками и арендует два спутника телевещания. В настоящее время "Бонумом" заказаны еще два спутника. Один из них — "Ритм-Мост" — делается в США, другой — "Галс-16" — в Красноярске. Сколько денег брошено НТВ на спутниковую телесистему — можно лишь догадываться.

До того, как Гусинский купил контрольный пакет акций радиостанции "Эхо Москвы", она вещала лишь на столицу и Подмоскowie. Сейчас ее передачи принимают от Калининграда на западе до Тобольска на востоке, от Мурманска на севере до Сочи и Одессы на юге.

Холдинг Гусинского на сей день — это сплошные расходы. Расходы на то, что завоевать зрителя, слушателя и читателя (печатные СМИ "Медиа-Мост" — газета "Сегодня" и журналы "Итоги", "7 дней", "Караван историй" и "Искусство кино" — также существуют только благодаря денежным вливаниям холдинга). Пост президента "Мостбанка" Гусинский разменял на пост гендиректора "Медиа-Моста" не для того, чтобы преумножить свой капитал, а для того, чтобы растратить сотни и сотни миллионов долларов. Растратить из какого кармана и с какой целью?

Личные богатства каждого из российских олигархов достаточно велики. Но они состоят из недвижимости и акций банков и предприятий, а не из живых денег. Гусинский принадлежащие ему недвижимость и акции не продавал, стало быть, огромную информационно-развлекательную машину НТВ создавал не на свои деньги. А на чьи?

"НТВ-холдинг" родился, действует и бурно развивается в долг — на кредиты западных, в первую очередь американских банков, которым важно сохранить Россию в ее нынешнем виде сырьевого придатка

развитых капстран. Дабы она не свернула с пути реформ Ельцина и опять не подумала стать суверенной и могучей державой, ею нужно управлять. Лучшее средство управления людьми в современных условиях — телевидение и кино. Кто вкладывает в них деньги, тот определяет общественное сознание и ход событий. Движение России в нужном Западу направлении стоит любых денег. Весь вопрос: кому их для этой цели дать?

Основные потоки финансового капитала в США контролируют евреи. Гусинский — президент Российского еврейского конгресса. Он близок с кредиторами духовно, идейно и надежен как менеджер. И поэтому именно ему были доверены капиталы на управление умами в России. И он с успехом доверие оправдал. То есть толково употребил деньги на создание информационно-развлекательной машины. "НТВ-холдинг" сегодня — это многоголовая телегидра, которая через оперативные, привлекательно подаваемые новости, через с блеском поставленные шоу, через производство кинофильмов и через захват кинопроката и телевидения на провинциальных станциях уверенно навязывает миллионам граждан России ценности и ориентиры, заказанные международным еврейским капиталом.

1998

Русский ответ

Водоворот восстания в октябре 93-го, как водный раствор лакмуса, высветил, кто есть кто в русском сопротивлении: кто вышел на поле боя с долларовым режимом, а кто спрятался в нору, кто растерялся и напорол глупостей, а кто действовал отважно и с умом.

Все мы — очевидцы восстания — субъективны и пристрастны. Но между нами не может быть спора о героизме и патриотизме Жириновского, носа не высунувшего на те московские улицы, где ОМОН ломал кости его потенциальным избирателям. Не будем мы спорить и о том, справедливо ли Руцкой, исполняя обязанности президента РФ, заслужил эпиграмму: "Коли с усами не видно ни зги, надо усы заменить на мозги".

Раздавать лавровые венки — дело историков. Но я не ошибусь, если скажу: все прошедшие пять лет назад через мясорубку у Дома Советов помнят, что парни из Русского национального единства Александра Баркашова блеснули доблестью в момент триумфа восстания и не уронили достоинства в пору его разгрома. Так кто же они и чего стоят?

Поговорим о Русском национальном единстве подробно — о его днях вчерашних и сегодняшних.

Родилось РНЕ от "Памяти" Дмитрия Васильева в октябре 90-го. Впервые заявило о себе публично в августе 91-го, когда префект Центрального округа столицы Музыкантский предписал правлению Союза писателей России выселиться из его здания на Комсомольском проспекте. Писатели — от Бондарева до Распутина — выполнять предписание отказались, забаррикадировали двери и решили отбиваться от музыкантских комиссаров — кто чем может. В это время к ним пришли крепкие парни Баркашова и предложили свою помощь в обороне.

Ведущие русские писатели никогда не пылали любовью к Марксу с Лениным, но и не переваривали Горбачева с Международным валютным фондом и Сахарова с Ельциным, Собчаком и Поповым. Протягивая руку дружбы правлению Союза писателей, Русское национальное единство тем самым сразу дало понять, что является организацией не коммунистической и не демократической, а претендует на роль некой третьей силы.

За два последующих года лицо свое РНЕ общественности практически не показало. Ее колонн никто не видел ни на антиельцинских митингах, ни на стычках демонстрантов с ОМОНОм в Останконо, ни на Ленинском проспекте. То, что Русское национальное единство — организация не бумажная, обыватель мог узнать только из демократических газет, где печатались фото с едкими подписями — вот эти мерзкие националисты тренируются в тире, вот — проводят политзанятия. Но для чего тренируются, какую политическую грамоту осваивают и с какой целью? Это читающая публика уразуметь смогла лишь осенью 93-го.

Вечером 21 сентября, когда еще и часа не минуло после зачтения антиконституционного указа Ельцина, у белых стен Дома Советов уже стояли около сотни парней в черных одеждах. Они были построены в шеренгу, с толпой прочих граждан пришедших выразить поддержку Парламенту, не смешивались и демонстрировали полное равнодушие к разговорам вокруг и потом — к речам с балкона Дома Советов. Время от времени отряд РНЕ то ли для того, чтобы ноги размять, то ли понта ради, перестраивался в колонну и по команде коренастого мужика, печата шаг, передвигался по площади. А затем снова замирал в шеренге. Численность отряда помаленьку увеличивалась.

К отдававшему ему команды мужику и к парням в шеренге подходили любопытные и спрашивали: "Вы — против Ельцина? Вы — за Парламент, за Конституцию?" Ответы разнообразием не отличались: "Нам плевать на Ельцина и на Парламент, мы пришли исполнять приказы нашего руководителя — Александра Петровича Баркашова".

Переговоры Баркашова с лидерами Верховного Совета и назначенными в ту ночь чинами исполнительной власти завершились тем, что его отряду выдали оружие и он взял под охрану подземные коммуникации Дома Советов и этаж, на котором находился штаб обороны Парламента.

Из этого следовало: руководитель РНЕ решил не плевать на Верховный Совет и Съезд народных депутатов и приказал своим парням их защищать.

Целую неделю — с 21 по 28 сентября — перед балконом Дома Советов бурлил бессрочный митинг. Баркашов слово на нем не брал, но его точка зрения на противоборство двух ветвей власти до сведения митинговавших доводилась. Ее излагали в толпе соратники Баркашова, распространявшие литературу РНЕ. Суть их высказываний сводилась к следующему: Ельцин — слизняк. Он исполняет волю мировых финансовых центров, которые хотят уничтожить Россию и русский народ. Парламент — это, в большинстве своем — сплошь ни на что не способные краснобаи. Назначенный ими исполнять обязанности президента Руцкой — это Голенище с усами и без принципов. Русское национальное единство на самом деле не поддерживает ни Ельцина, ни Парламент с Руцким. Но РНЕ здесь, с депутатами, потому, что международные финансовые олигархи, отменив через Ельцина Конституцию, совершили акт глумления над русскими людьми: мы, что хотим, то и творим, а вы, быдло, все должны терпеть. РНЕ пришло сражаться с марионетками глумителей и будет сражаться вместе со всеми теми русскими, которые себя быдлом не считают.

В Доме Советов и на площади парни в черной униформе держались друг друга и сильно выделялись. Их часто снимали телекамеры. Снимали таким образом, чтобы зрители потом видели не столько лица парней из РНЕ, сколько эмблему на их рукавах — восьмиконечную звезду с вписанным в нее крестом с загнутыми концами — свастикой. Показ эмблемы, разумеется, сопровождался воплями: смотрите, кто защищает Парламент — фашисты.

Митинговавшие у Дома Советов об этих воплях знали, и многие из них при удобном случае на соратников Баркашова "наезжали": вы дискредитируете своей эмблемой всех сторонников Конституции — уберите с рукавов ваши фашистские знаки. Те на "наезд" обыкновенно отвечали пропагандой: свастика — древнейший символ света, солнца и жизни у арийских народов Европы и Азии. На Руси она была особенно популярна и называлась "Коловрат" (в переводе с древнерусского — возвращающий солнце). Коловратом украшали оружие, стяги, костюмы, дома, храмы. В Софийском соборе в Киеве на иконе Богородицы Державной есть изображение Коловрата. Он — исконно русский символ. От него нельзя отказываться из-за того, что гитлеровцы им пользовались. Вон демократы повесили над Кремлем флаг, под которым армия генерала Власова по приказам Гитлера убивала русских, — и не сгорают от стыда.

На поклонников серпа с молотом и пятиконечной звезды эти доводы мало действовали и их отношения с парнями из РНЕ оставались натянутыми, пока не начались крутые события.

3 октября, после того, как тысячи демонстрантов проломили своими телами все заслоны из собранных со всей страны омовцев и прорвались к Дому Советов, по ним из здания мэрии открыли огонь на поражение. Отряд РНЕ во главе с Баркашовым быстро и решительно — почти без выстрелов — ворвался в мэрию и разоружил спецподразделения. И по-военному четко выставил в мэрии караулы, чтобы предотвратить мародерство.

Их умение действовать с оружием оценили сторонники Парламента. Но оценили это и оконфуженные начальники из силовых структур, которые утром следующего дня получили приказ штурмовать Дом Советов. И когда он начал содрогаться от разрыва снарядов и пулеметно-автоматного огня и стало ясно, что штурм не отбить, то парни Баркашова иллюзий не питали и не надеялись, что им просто так простят взятие мэрии и двухнедельную демонстрацию свастики-коловрата в центре Москвы.

С убеждением, что расправа неизбежно обрушится на отряд РНЕ, покинули разгромленный Парламент и многие другие его защитники. И в последующие месяцы в Москве полно было разговоров о том, что в Доме Советов и рядом с ним — на стадионе, ОМОН расстрелял десятки и даже сотни баркашовцев. На самом же деле — они выбрались из-под пуль с минимальными потерями, поскольку страху не поддались и пути к спасению искали с холодными головами.

Баркашова взяли под стражу только на исходе декабря. Причем лишь после того, как он был ранен и попал в госпиталь. В розыске находились и некоторые его соратники. Но их арестовать так и не удалось до объявления амнистии.

В подполье связей между Центральным советом и низовыми структурами РНЕ не растеряло, ряды свои сохранило и веру в собственное будущее не утратило.

"Мы выиграли в духе", — в этих словах Баркашова, сказанных им в интервью газете "Завтра" по освобождению из тюрьмы, не было бравады. С октября 93-го РНЕ стало восприниматься как организация реального сопротивления гораздо большим числом русских людей, чем прежде. Контакты с ней, например, через газету "Завтра", искали и тогда, когда Жириновский наслаждался триумфом ЛДПР на выборах в Госдуму, и тогда, когда КПРФ затмила ЛДПР.

Среди моих знакомых после октябрьских событий не было сомневающих в том, что РНЕ — движение бескомпромиссного и деятельного противоборства с нынешним режимом. Не было — до лета 96-го. Тогда, накануне второго тура президентских выборов, Баркашов вдруг решил провести пресс-конференцию. Главное его заявление полностью соответствовало программной позиции РНЕ: "Русское национальное единство не сотрудничает ни с одной из ныне существующих партий потому, что ни одна из них реально не отстаивает интересы России и Русской нации". Раз нет сотрудничества с существующими партиями, значит, нет и поддержки ни одному из их ставленников — ни Ельцину, ни Зюганову. Это Баркашов выразил так: "Я не могу сказать электорату, который мне доверяет, — голосуйте за того или иного кандидата". И это никого не удивило. Но было им заявлено и очень неожиданное для многих. На вопрос: "Что будет означать, по-вашему, приход к власти Зюганова?", Баркашов ответил: "Будет гражданская война. Никто сейчас не согласится на политический террор коммунистов. Естественно, будет ответная реакция и будет полномасштабная гражданская война".

Действительно ли Баркашов верил, что коммунистка Горячева, сменив модное платье на кожанку Ларисы Рейснер, возьмется расстреливать непокорных ЦК КПРФ матросов? На самом ли деле он думал, что коммунист Семаго с радостью национализирует собственные казино и на пару с попутчиком партии Подберезкиным из "Духовного наследия" организует отстрел владельцев прочих казино?

Идея представить избирателям зюгановских коммунистов в образе ленинских большевиков-насильников родилась в ельцинском предвыборном штабе во главе с Чубайсом и реализовывалась всей демпрессой, изо дня в день твердившей, что Зюганов со товарищи — это террор и гражданская война. Баркашов, по сути, лишь повторил то, что выплескивалось с экранов и полос демократических газет. Почему повторил? Что заставило его следовать установкам Чубайса?

На сей счет летом 96-го выдвигались две версии. Версия первая. Баркашов затеял игры со службой безопасности Ельцина, зашел в них слишком далеко, запутался, попал в зависимость от Коржакова и теперь действует под его диктовку, которая не расходится с тактикой чубайсовского штаба. Версия вторая. Баркашов считал и считает, что только он и его движение могут наладить в России тот порядок, который нужен русским. Стало быть, на происходящую борьбу за власть Баркашов смотрит исключительно со своей колокольни. А ему для накопления

политического веса откровенно антинациональный режим Ельцина выгоднее, чем режим розовых думских коммунистов, которые блага для страны не сделают, а патриотическими фразами отвлекут сторонников от РНЕ. Поэтому Баркашов подыграл Чубайсу в пользу Ельцина. Но подыграл с расчетом на себя.

Какая из этих версий была более правдоподобна — выяснилось только спустя два года — летом 98-го, когда Русское национальное единство начало выбирать делегатов на съезд и проводить региональные конференции и когда на страницах центральных и местных либеральных газет замелькали панические заголовки:

- "РНЕ взяло Москву в кольцо" ("Независимая газета");
- "Пермь — центр национал-социализма" ("Новый компаньон");
- "Нацисты уже взяли Кострому" ("Комсомольская правда");
- "В наши двери стучат вежливые парни со свастикой!" ("МК - Брянск");
- "Их долго ждали. И они пришли". ("АиФ — Смоленск");
- "РНЕ: будущее за ними?" ("Эхо месяца" — Воронеж).

Под этими и тому подобными заголовками — скупая информация и море эмоций.

Информация в обобщенном виде выглядит так: областные и краевые организации Русского национального единства активно действуют в 64 субъектах Российской Федерации и имеют в них более тысячи городских и районных отделений. Они намерены направить на съезд около 5 тысяч делегатов. Всего же в рядах РНЕ состоит, по одним данным, 25 тысяч, а по другим — 100 тысяч человек. В тридцати двух областях и краях структуры Русского национального единства официально зарегистрированы в региональных органах юстиции. У них есть офисы, спортзалы, тир, клубы. Большинство среди одетых в черную униформу членов РНЕ составляют люди от 17 до 30 лет.

Подача этой информации под выше указанными заголовками, как правило, сопровождалась либо обращением к общественности ("Остановить коричневую чуму!"), либо гневом в адрес местных начальников ("Поразительно: под сборище нацистов администрация Костромы отдала свое здание!"), либо призывами к центральной власти ("Запретить и истребить!").

Чем структуры РНЕ вызывают у пишущих либерал-демократов столь яростное недовольство? Может быть, они создают финансовые пирамиды, собирают деньги у граждан и потом их присваивают? Может, устраивают в спортзалах оргии, а в клубах спаивают молодежь?

Откроем "Независимую газету": "В Калуге баркашовцы участвуют в поддержании порядка на церковных празднествах, в восстановлении и охране храмов. Аналогичной деятельностью, кстати, РНЕ занимается и в других городах, в том числе и в Москве. А в Волгограде один из храмов фактически стал штабом РНЕ... В Твери действует поисковый клуб РНЕ и скоро здесь должна состояться церемония захоронения 300 воинов, павших в боях Великой Отечественной".

Заглянем в газету "Труд": "К службе Отечеству юных на Ставрополье готовит военно-патриотический клуб "Русские витязи". А создан он по инициативе краевой организации РНЕ, под крылом соратников Баркашова и действует. Около сотни парней, прошедших здесь курс обучения, сегодня служат в армии, получая, кстати, в основном, лишь благодарности от командиров. Потому что пришли они в казармы не хлюпиками. "Витязи" были заранее основательно ознакомлены с тактикой миноподрывного дела, прошли стрелковую подготовку, прыгали с парашютом, освоили приемы рукопашного боя".

Оборотим взор к журналу "Огонек": "Крепнут ряды верных бойцов Баркашова в областях вокруг столицы. Например, во Владимире, в Туле, в Сергиевом Посаде, в Клину и Рязани эрэнешники имеют удостоверения дружинников и вместе с местным ОМОНОм "шмонают" рынки. Раньше по рынкам ходили отряды казаков, но казаки, как рассказывают местные, были нечисты на руку: одних нарушителей правил торговли прогоняли, с других брали мзду и оставляли. А эти — идейные".

И, наконец, цитата из труда пламенного борца с "фашизмом" — обозревателя владимирской газеты "Призыв" Новожиловой: "Организация РНЕ совершенно легально существует во Владимирской области. В нее принимают детей с 6 лет — по заявлению родителей. Многие родители не против, чтобы их дети вступали в РНЕ. Они считают: пусть лучше дети занимаются там спортом и находятся под присмотром, чем бегают по улицам".

Ни в одном, ни в другом, ни в третьем, ни в десятом видах деятельности нет, как мы видим, ничего предосудительного. Так почему же гnevаются и возмущаются тогда все жаждущие испепелить РНЕ?

Еще раз процитируем владимирскую журналистку Наталью Новожилову: "Вы не знаете, что дети в "школе РНЕ" Малышева, кроме физической подготовки, подвергаются промыванию мозгов?"

А что же пакостного капают на мозги детям и юношеству активисты РНЕ во Владимире и Калуге, в Перми и Воронеже, в Костроме и Ставрополе?

Из интервью газете "ТВ-плюс" руководителя Георгиевской районной организации РНЕ Ставропольского края Игоря Стекланникова: "Реальности сегодняшнего мира таковы: Россия обладает 1/8 частью суши, благоприятной для проживания, и имеет громадный запас невос требованных природных ресурсов. Во всем этом остро нуждается Запад, Восток, Америка. Чтобы контролировать наши богатства, им нужно либо уничтожить русский народ физически, либо одурманить, развратить, сподить его, что успешно делается на протяжении последних лет. Нам же для того, чтобы попросту выжить, нужно: 1) понять причины происходящего и, исходя из этого, формировать национальное мировоззрение на основе нашей многовековой истории, наших духовных и морально-нравственных ценностей; 2) это мировоззрение нужно распространить и укрепить в народном сознании. Для выполнения этих задач возникло и продолжает расширяться РНЕ.

Мы, русские националисты, не позволим за бесценок скупать нашу землю и заводы и превращать десятки миллионов русских и россиян в полуголодных нищих, как это происходит при демократах. Мы сделаем все для того, чтобы талантливый и трудолюбивый русский народ смог работать на себя, а не на заморских и местных паразитов".

Заморским и местным паразитам, которые назначают и снимают министров в правительстве России и заказывают музыку в прессе, слышать эти слова, наверное, не страшно, а лишь неприятно. Страшно им то, что произносят их не разрозненные одиночки, а члены единой, спаянной жесткой дисциплиной политической организации. Эта организация состоит из людей идейных, и на идейной основе вбирает в себя выброшенную из жизни нынешней властью русскую молодежь и наводит мосты с нищенствующей армией и милицией. Эта организация не склонна ни к каким компромиссам за счет русских и нацелена дать адекватный ответ на их унижение. И у нее есть шанс на то, что миллионы русских повернут к ней лицо.

1998

Кого съест Лужкова съезд

Свершившееся на минувшей неделе явление Лужкова как кандидата в президенты РФ состояло из двух актов. В акте первом он запретил проводить в Москве съезд движения "Русское национальное единство", в акте втором — созвал свой съезд и образовал на нем собственное движение "Отечество".

Какой из этих актов дает более полное представление о линии поведения Лужкова в борьбе за власть в России?

Лицо учредительного съезда "Отечества" определяли вечно благополучные люди: артисты Кобзон с Хазановым, вышедшие из рядов областной партноменклатуры губернаторы Лисицын со Складчиковым, бывший член ЦК КПСС, ставший вождем директоров-капиталистов Вольский, профбосс с двенадцатилетним стажем Шмаков. Все звезды лужковского движения не бедствовали в советские времена, и в годы правления Ельцина не только ничего не потеряли, а многое приобрели. Им есть за что благодарить ельцинские реформы, но нет резона связывать свое будущее с теми, кто эти реформы осуществлял. Гайдар, Чубайс и Черномырдин помогли звездам "Отечества" приумножить благосостояние, но они не могут обеспечить его сохранение, ибо страна их ненавидит.

На съезд к Лужкову пришли не самые преуспевшие на реформах, но самые умеренные из них. То есть те, кто готов довольствоваться уже имеющимся и кто не прочь пощипать наиболее разжиревших во имя того, чтобы ненависть к реформам не обернулась социальным взрывом.

Вечно благополучные и умеренные сделали ставку на Лужкова потому, что именно он отвечает их целям и задачам. Московский мэр не позволил разворовать достояние столицы, сумел кое-что построить и кое-что сберечь и доказал свою способность управлять так, чтобы и волки были сыты, и овцы поголовно с голоду не околели.

Право на некую политическую самостоятельность и свой московский вариант реформ Лужкову никто не давал. Он его взял, заслужив особое доверие сильных мира сего.

Вспомним, как в ночь на 22 июня 1992 года был безжалостно разгромлен пикет у телецентра в Останкине. Вспомним, какое побоище мирных демонстрантов на Ленинском проспекте устроил московский ОМОН 1 мая 1993 года. Вспомним, как в сентябре того же года колючей проволокой, тяжелыми грузовиками и рядами омовцев был отрезан от мира Верховный Совет РФ, и как всякому пытавшемуся прорваться сквозь оцепление ломали кости.

В 92-93-м годах в Москве били протестующих против реформ Гайдара и Чубайса. Но если любого из тех, кто пострадал тогда, спросить сегодня, по чьей воле их били, то будут названы фамилии не Егора Тимуровича и не Анатолия Борисовича, а их оппонента в последующем — Юрия Михайловича Лужкова.

Насилие над противниками реформ в Останкине, на Ленинском проспекте и у Дома Советов в оппозиционных режиму Ельцина кругах тесно увязано с именем московского мэра, потому что только он в те годы блистал волей к подавлению протестов, за которую его не могли не отметить в мировых финансовых центрах и за которую не могли не вознаградить возможностью иметь несколько отличное от Гайдара и Чубайса мнение.

Утверждение Лужковым общероссийского движения означает, что отныне он намерен стать президентом и распространить московский вариант реформ на всю страну. То есть скорректировать ее социально-экономический курс так, чтобы не только жирные жирели, но чтобы и тощие не вымирали. Что для этого необходимо? Разрешение сильных мира сего. А что нужно, дабы его получить?

В мировой финансовой элите преобладают евреи, которым не по нраву ни заявления Макашова о том, что почти все российские деньги оказались в еврейских руках, ни утверждение Илюхина о том, что геноцида русских в годы реформ не случилось, если бы в окружении Ельцина не было засилья евреев.

Лужков — человек с понятием. Ему известен менталитет финансовых тузов и он решительно и бесповоротно осуждает Макашова и Илюхина. Но так же их осуждают и прочие кандидаты в президенты — Явлинский и Лебедь. Словам цена невелика. Дорого стоят поступки. И за три дня до учреждения своего президентского движения

Лужков совершает поступок, которым в глазах мировой финансовой элиты утирает нос Явлинскому с Лебедем.

Согласно 31 статье Конституции РФ, все российские граждане "имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания". Подчеркнем: все, в том числе и те, кто состоит в движении "Русское национальное единство". 19 декабря 1998 года четыре с половиной тысячи членов РНЕ — делегаты от региональных организаций — мирно, без оружия по праву, дарованному им Конституцией, имеющей прямое действие, должны были собраться на свой съезд в арендованном ими московском Дворце спорта. Но 15 декабря 1998 года правительство Москвы съезд запретило и тем самым отняло у них конституционное право на свободу собраний.

В июне 92-го, в мае и сентябре 93-го у граждан России в Останкине, на Ленинском проспекте и у Дома Советов так же было право на свободу пикетов и демонстраций. Но тогда власти это право попрали, и глава правительства Москвы Лужков за это никак не ответил. Репрессии против недовольных реформами отвечали интересам мировых финансовых тузов. А что будет на сей раз?

Русское национальное единство пишет в своих листовках:

- "— займы иностранцам выплатят те, кто их получил;
- краденая собственность будет конфискована;
- земля и недра России будут принадлежать всей нации, а не шайке преступников".

Но кроме провозглашения "экстремистских" лозунгов, РНЕ занимается построением централизованной дисциплинированной на идейной основе организации, ряды которой бурно растут, причем в основном за счет молодежи. Такая организация не может не беспокоить заказчиков и дирижеров российских реформ, и запрет ее съезда, видимо, останется безнаказанным, несмотря на любые иски в правоохранительные органы и обращения к гаранту Конституции РФ.

В декабре 98-го московский мэр столь же успешно блеснул волей и решимостью, как в июне 92-го, как в мае и сентябре 93-го. Блеснул он ими на сей раз, чтобы получить добро сильных мира на собственную линию поведения не только в пределах московской кольцевой дороги, но и в пределах всей России. Шесть лет назад ему разрешили действовать так, чтобы население Москвы сокращалось медленнее, чем население Иванова и Перми. А что разрешат теперь, когда он вместе с Кобзоном и Хазановым собрался взять управление над всеми российскими городами и весями?

1998

Прокол

Победителей не судят. Этим постулатом, как звездой путеводной, Юрий Михайлович Лужков руководствовался все смутное время реформ и сильно преуспел.

До 90-го он был верным солдатом партии по хозчасти и, как положено таковому, милости от партноменклатуры не требовал, но и от ласки ее не бегал.

В 1974 году партия сделала Лужкова директором бюро при Минхимпроме СССР, потом повысила до руководителя объединения, а затем вверила ему посты начальника управления и члена коллегии министерства.

Сей путь Лужков проделал за 12 лет, и далее вверх по минхимпромовской лестнице подниматься ему ничто бы не помешало, если бы им просто оправдывалось доверие партии. Но он его оправдывал по-особенному, то есть давал понять, что готов служить партии не только всегда, но и везде. Намеки новоиспеченного члена коллегии Минхимпрома не остались незамеченными, и в 1987 году партия переводит Лужкова с чисто хозяйственной на административно-хозяйственную работу. Он становится первым зампредом Мосгорисполкома и по-прежнему продолжает быть верным солдатом партии.

Ни в 87-88-х годах, когда КПСС пинали лишь в "Огоньке" и "Московских новостях", ни в 89-м, когда ее начали поносить через микрофоны Съезда народных депутатов СССР и с трибун многотысячных митингов, Лужков ни одним словом и ни единым поступком не выказал нелояльности к родной партии и не завел амуральных связей с демдвижением. Но грянул 1990 год. Республиканские и московские выборы депутатов выигрывает "Демократическая Россия", и ее кандидаты получают первые посты в РСФСР и в столице. КПСС теряет шансы вершить политику там и тут. Но это не означает, что все ее

верные солдаты должны утратить право распоряжаться людьми и собственностью.

Председателем Моссовета "Дем.Россия" избирает одного из самых знаменитых демократов — Гавриила Попова. Он умеет писать статьи и произносить речи, но не умеет управлять городским хозяйством, бразды правления которым надо бы отдать в надежные демократические руки. Но все проверенные демократы умеют лишь то, что умеет Попов. И "Дем.Россия" решает оставить городские службы в ведение того, кто им ведал, и предлагает пост и. о. председателя Мосгорисполкома Юрию Лужкову.

Перед демократическим большинством Московского совета не стояло вопроса: звать или не звать на хозяйство деятеля из партхозноменклатуры? Необходимо звать. Лужков же мог или послать демболтунов к едреной фене и получить в ЦК КПСС новое назначение в союзном правительстве, или с достоинством принять предложение сих болтунов, держа кукиш в кармане. Но Юрий Михайлович неожиданно для многих выбирает третий вариант. Он не только соглашается служить "Дем.России" с исполнительным сроком, но и начинает делать все для того, чтобы избавиться от аббревиатуры и. о. при наименовании своей новой должности. То есть начинает искать полного расположения и окончательного доверия дембольшинства в Моссовете.

В его интервью той поры и звучат перепевы установок Гавриила Попова (разрушить административно-командную систему!), и блещут эмоции в духе Леры Новодворской (я пришел дать вам волю!). Короче говоря, Лужков решительно присягает на верность идеалам "Дем.России" и отрекается от родной КПСС. И оказывается прав.

После августа 91-го вся не державшая нос по ветру партноменклатура превращается в политическую труху, а плоть от плоти этой номенклатуры Юрий Лужков, вовремя перекрасившись, делается вторым человеком в столице. А кто осудит победителя?

В 90-м и в 91-м Лужков лишь дополнял Попова. В 92-м его затмил. Возвышение Юрия Михайловича предопределила не столько административная беспомощность Гавриила Харитоновича, сколько изменившаяся социально-экономическая ситуация в стране.

В начала 92-го Ельцин запускает реформы. Реформы, которые бросают в нищету большинство граждан и обогащают меньшинство. Жиреющие меньшинство хочет иметь гарантии защиты от возмущений тощающего большинства. Меньшинство в столице любит профессора, оратора и писателя Попова. Но не Попов демонстрирует жестокость

при разгоне манифестации голодных ветеранов в феврале 92-го и не Попов беспощадно расправляется с антиельцинским пикетом в Останкине в июне того же года. Пресечение возмущений меньшинство связывает с твердой рукой Лужкова и потому без сожаления отправляет в отставку милейшего Гавриила Харитоновича, и указом президента передает всю власть в Москве Юрию Михайловичу. И не ошибается. В 1993 году Лужков дважды срывает аплодисменты меньшинства: в мае, когда происходит показательный погром противников реформ на Ленинском проспекте, и в сентябре-октябре, когда с ломкой костей защитников Конституции изолируется от внешнего мира высший орган власти страны.

Лужков доказал активному хищному меньшинству способность исполнять его волю. И именно благодаря этой своей способности, а не хозяйственным талантам, он получил и сохранил за собой пост мэра Москвы.

Ныне Лужкову предстоит бороться за пост главы РФ. Успех на президентских выборах во многом, как свидетельствует опыт 96-го, зависит от хозяев отечественных и западных капиталов. Добиться их расположения мечтают все кандидаты в президенты. Лужков — не исключение. И первую заявку на завоевание симпатий сильных мира сего он уже сделал. Причем сделал старым, испробованным уже методом.

Ни олигархам в России, ни денежным тузам на Западе не нравится деятельность Русского национального единства. Не нравится она им прежде всего потому, что идеология РНЕ, несовместимая с их идеологией, медленно и верно набирает популярность. Сегодня Русское единство претендует не на посты во власти, а на умы, но сам факт его существования хозяев капиталов раздражает и тревожит. Это понимают все кандидаты в президенты и все не прочь побрызгать на РНЕ слюной. Лужков же решил всех опередить и, как и в 92-93-х годах, поспешил блеснуть политической волей во исполнение воли богатого меньшинства и мировых финансовых центров.

Запретив проводить в Москве съезд РНЕ, Лужков нарушил статью Конституции, дарующую всем гражданам право на свободу собраний. Дав команду милиции на отлов распространителей зарегистрированной по закону газеты "Русский порядок" и на задержание лиц с символикой РНЕ, Лужков допустил превышение должностных полномочий. А сойдет ли ему это с рук?

Победителей не судят. Но не судят именно победителей. В 93-м беззаконие победило потому, что репрессии против демонстрантов с

красными флагами вызывали одобрение не только богатого меньшинства, но и значительного в Москве ^{малого} среднего класса, который получил возможность заниматься частным предпринимательством. А видя тогда на Тверской лозунги "Трудовой России", малый и средний бизнес не мог не думать: начнется буза, власть захватят затаившиеся в Верховном Совете коммуны и закроют все ларьки, вещевые рынки и банки, отнимут парикмахерские и автомастерские... Возврата к старому многочисленный в Москве средний класс не желал ни в коем случае. А в том, что такой возврат возможен, его каждый день убеждало и телевидение, и радио, и печать. Он этому верил и потому на все беззакония в отношении противников режима Ельцина смотрел сквозь пальцы.

Так было в 93-м, но так не может быть в 99-м. Ныне Лужков — не гарант сохранения малого и среднего бизнеса, а лишь один из кандидатов в президенты, среди которых никто опасности для этого бизнеса не представляет. Рядовой предприниматель больше не боится реставрации прошлого. Его заботит, как выжить в настоящем и будущем... Ему нужен президент, который обеспечит спокойствие и благополучие. А какое спокойствие может быть с Лужковым? Если он сегодня в угоду олигархам преследует законопослушное политическое движение, то что ему помешает завтра в угоду тем же олигархам обрушить административный произвол на малый и средний бизнес?

Репрессиями против РНЕ Лужков оттолкнул от себя не только предпринимателей, но и рядовых, симпатизировавших его хозяйственным проектам русских рабочих, многие из которых ныне гораздо острее, чем в 93-м, чувствуют себя русскими и не могут не задаваться вопросами: почему съезд русского движения Лужков запрещает, а празднование еврейской "хануки" благословляет? Почему русским парням с древней национальной символикой нельзя колонной пройти по московской окраине, а азербайджанцам можно собираться толпами на Комсомольском проспекте?

Восторг от очередного проявления Лужковым политической воли испытали олигархи, Кобзон с Хазановым и Алла Гербер с Лерой Новодворской. Но они и без того не страдали от дефицита симпатий к московскому мэру. А Ивановы и Петровы, Кузнецовы и Столяровы, Волковы и Медведевы и миллионы им подобных, видя в телевизоре страстные выступления Лужкова в защиту русского языка на Украине, не перестают недоумевать: как можно отстаивать права русских за пределами РФ, а русских в Москве загонять в подполье?

Спец по заварухам

Историю ельцинизма можно изучать по биографии Сергея Шахрая, ибо он, никогда не попадая в центр общественного внимания, готовил все решения, определившие лицо режима Ельцина.

В июле 91-го завлаб МГУ Шахрай, имевший мандат народного депутата РСФСР, становится советником Ельцина по правовым вопросам. Через месяц в Москве начинается буза. В ответ на робкую, но законную попытку руководителей СССР ввести в стране чрезвычайное положение российский президент Ельцин, вопреки всем законам, своими указами назначает себя верховным главнокомандующим и запрещает деятельность КПСС. Писались эти внеправовые указы явно не без участия правоведа Шахрая, поскольку после того как представители компартии подали иск в Конституционный суд, то вести с ними тяжбу от имени Ельцина и доказывать обоснованность его запретительных указов взялся именно Шахрай.

В декабре 91-го он же, будучи по-прежнему правовым советником российского президента, принимается за составление юридического документа, перечеркивающего волю большинства граждан РСФСР, которые высказались за сохранение Советского Союза. Организатором подготовки Беловежских соглашений по расчленению СССР являлся Бурбулис. Шахрай был разработчиком их текста. И его перу должны быть благодарны 30 миллионов русских, в одночасье превратившихся в иностранцев на родных землях.

Приложив руку к разгоранию межнациональных конфликтов на территории СССР, Шахрай не остался в стороне и от таких же конфликтов внутри Российской Федерации. В ноябре 92-го он в качестве члена Совета безопасности РФ возглавляет временную администрацию в районе распрей ингушей и осетин, и так управляет там, что примирение двух соседних народов становится невозможным.

Во второй половине 93-го Ельцин вновь затребовал правоведческий талант Шахрая. На сей раз для изготовления фундаментального юридического труда — президентского проекта нового Основного Закона РФ. И когда после расстрела парламента этот проект был опубликован, родился анекдот:

"— Что общего между Конституцией 1936 года и Конституцией 1993 года?

— В первой видны усы Сталина, во второй из всех статей торчат усы Шахрая".

В начале 94-го из теоретика Шахрай опять превращается в практика. В январе он становится министром по делам национальностей, а в апреле — одновременно и зампредом правительства. Как главный дирижер нацполитики Шахрай до конца года обеспечил разгром про-российской оппозиции Дудаеву и дал отмашку на бомбежки жилых кварталов в чеченских городах, что удесятирило ряды дудаевской армии и удвоило ее готовность к сопротивлению. Провальные военные операции федеральных войск последовали вслед за провалом шахраевской политики в отношении Чечни.

После 95-го ключевых постов в правительстве Шахраю больше не предлагали. Но из властной номенклатуры не выставили. В 97-м он был назначен заместителем главы президентской администрации и представителем президента в Конституционном суде. Ни в том, ни в другом качестве ему не суждено было ничем отличиться, ибо режим Ельцина больше не выдвигал рискованных задач.

Пылкая, всегда готовая к щекочущей нервы теоретической и практической деятельности натура Шахрая смириться с прозябанием не смогла. Именно поэтому он рванул от Ельцина к фрондирующей с ним властной стае в надежде получить там острые ощущения.

Когда телеканалы передали устами Аушева сообщение о том, что имя Шахрая внесено в избирательные списки "Отечества" и "Всей России", я связался с источником в московской мэрии: как и на какой основе бывшему придворному Ельцина удалось навести мосты с Лужковым? Ответ был такой: Шахрай учился в Ростовском университете с пресс-секретарем мэра Цоем. Вместе они родили некий пропагандистский проект, который должен вытянуть на своих связях Шахрай. Кроме того, он может пригодиться блоку и как юрист в случае сложностей в Центризбиркоме. Да и в более отдаленной перспективе прошлый опыт Шахрая вполне может пригодиться в команде Лужкова.

Специалист по политическим заварухам по-прежнему в цене. Кто, как не Шахрай, сумеет лучше подготовить соглашение по отделению от России Татарстана и Башкирии? Кто лучше в случае волнения русских в Поволжье навсегда поссорит их в татарами? И, наконец, кто с большим блеском перепишет федеративную Конституцию в конфедеративную?

1999

Тридцать сребреников — за партию

10 августа. Большой зал Центрального дома литераторов. Начинается представление прессе свежее испеченного лидера избирательного блока "Отечество — Вся Россия". И повторяется сцена из заключительного акта "Вишневого сада".

В пьесе Чехова господа помещики забыли в запертом доме лакея Фирса. В политспектакле в ЦДЛ вожди блока забыли за кулисами, то есть забыли провести с собой сквозь охрану крестьянина Михаила Лапшина.

Перед выходом вождей к журналистам в зале появился Сергей Ястржембский — бывший пресс-секретарь Ельцина, а ныне паж Лужкова. Он оглядел стол, где таблички с именем Лапшина, председателя включенной в блок Аграрной партии не было, и, видимо, счел это в порядке вещей. В результате Лужков, Шаймиев, питерский мэр Яковлев, думский деятель Морозов и трое функционеров "Отечества" под аплодисменты прошествовали к столу, а Лапшина охрана отрезала.

По умыслу или по рассеянности лужковская обслуга плюнула в первого агропартийца — не ясно. Очевидно лишь то, что к столу его охрана допустила только после просьбы Примакова и что лишь под взглядом последнего функционер Боос уступил ему свое место.

Почему не Лужков, не Шаймиев, не Яковлев, а именно Примаков вспомнил о забытом за кулисами Лапшине? Потому, вероятно, что Евгению Максимовичу и Михаилу Ивановичу в блоке региональных и отставных федеральных начальников отведена совершенно одинаковая роль, делающая их политическими братьями-близнецами.

Лужков и тогда, когда собирался на выборы с собственным "Отечеством", и когда объединился с шаймиевской "Всея Россией", не устал звать Примакова возглавить избирательные списки. С какой целью?

За Примаковым нет денег. Нет под ним и структур. Он стар, немощен и не может быть центром оргработы. Прожив без малого семьдесят лет, Евгений Максимович не родил никаких оригинальных политических идей и лозунгов, не написал ни одного яркого публицистического труда и не произнес ни одной запоминающейся речи.

Ценность Примакова как организатора, идеолога и оратора ничтожна. Но, тем не менее, он нужен лужковско-шаймиевскому блоку. Нужен позарез.

Почти все составляющие этот блок начальники: от Лужкова до Шахрая — ассоциируются в массовом сознании с эпохой Ельцина и растреклятыми его реформами. Примаков же, кандидат в члены политбюро ЦК КПСС и председатель палаты Верховного Совета СССР — это осколок советской империи, по безбедной жизни в которой тоскует большинство избирателей. Кроме того, недавнее премьерство Примакова ввиду падения рубля и сокращения импорта совпало с ростом отечественного производства, что автоматически добавило ему, чиновнику старой школы, симпатий.

Блоку начальников ельцинской поры Примаков нужен как приманка для пострадавшего от реформ большинства. И тут неважно, есть ли у него мозги и силы. Приманкой, способной удовлетворить тоску по былой советской уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне, может быть даже ходячая мумия Примакова. Имидж на выборах — все, суть личности — ничто

Одновременно с возведением в лидеры блока Примакова отцы "Отечества" и "Всей России" сделали еще один привлекательный для масс ход — впустили к себе Аграрную партию России во главе с Лапшиным, толково это обставив. Дабы представители ограбленного и униженного крестьянства не выглядели анекдотично рядом с богатыми чинушами, данный союз был оформлен не как межпартийный, а как союз отдельной партии и личности. Сначала правление АПР сделало заявление: "Базовым условием нашего участия в данном блоке ("Отечество-Вся Россия". — Н.А.) является лидерство в нем Евгения Максимовича Примакова — наиболее авторитетного и влиятельного на сегодняшний день общественного деятеля России, настоящего патриота, государственника, человека, понимающего нужды села, доказавшего это и своей недавней деятельностью на посту председателя правительства РФ". А затем, когда указанное условие было выполнено, агропартийцы вступили в блок и соединили свои сердца как бы не с Лужковым, не с Боосом и Ястржембским, а с заслужен-

ным патриотом и крестьянофилом — несравненным Евгением Максимовичем.

Таким образом, Примаков был призван под знаменем "Отечества" и "Всей России", чтобы украсить их своим светлым имиджем, а Аграрную партию приняли в блок начальников, чтобы она крестьянским ликом Лапшина украсила самого Примакова.

Музыку на выборах заказывает тот, кто оплачивает мандаты. Примаков, став лидером блока, не стал при том распорядителем его кассы. Соглашаясь прийти на все готовое, он не мог не отдавать себе отчет, что по важнейшим вопросам ему придется лишь утверждать уже принятые решения. То есть Примаков осознанно взялся исполнять роль приманки для блока родственной ему по духу номенклатуры, дабы разменять свой взвинченный обстоятельствами и прессой его союзников рейтинг на возможность потешить властные амбиции. Мотивы брака Евгения Максимовича с "Отечеством" и "Всей Россией" вполне прозрачны. Но почему на роль приманки при приманке клюнул сопредседатель Народно-патриотического союза, лидер Аграрной партии Михаил Лапшин? Почему 17 членов правления АПР проголосовали за ее вхождение в блок Лужкова-Шаймиева под ничего не значащего в нем Примакова?

Ответы на эти вопросы не найти, не покопавшись в истории Аграрной партии.

Она родилась через год после начала реформ Ельцина-Гайдара, в феврале 93-го. Родилась от страха перед политикой новой власти в сельском хозяйстве. Правительство Гайдара в три раза уменьшило госсубсидии для села, позволило в сотни раз поднять цены на потребляемые в аграрной сфере промышленные изделия и сделало невозможным адекватный рост цен на сельхозпродукцию, ибо открыло страну для ввоза с Запада дотируемых там государствами продуктов.

Получив удар поддых, агропромышленный комплекс России попробовал сопротивляться. Был учрежден Координационный совет коллективных действий тружеников АПК. Он провел в 1992 году две акции всероссийского крестьянского протеста. Но их не удалось довести ни до перекрытия дорог тракторами, ни до вываливания с грузовиков навоза перед Домом правительства, ни до погромов складов с импортными харчами. Обе акции свелись к митингам и пикетам, от которых властям не стало ни холодно ни жарко.

Крестьянство в целом, коему за последние 40 лет драться за кусок хлеба не доводилось, к бунту оказалось малопригодно. И руководители

сельхозпредприятий борьбу за спасение АПК начали переводить в политическую плоскость.

В том же 92-м актив Аграрного союза России РСФСР собрал более трети подписей народных депутатов РСФСР за изменение меры пресечения своему председателю — Герою Соцтруда, члену ГКЧП Василию Стародубцеву. И прокуратура вынуждена была его освободить из тюрьмы. С помощью структур Агросоюза — союза сельских товаропроизводителей — их руководящий корпус в начале 93-го и учредил собственную политическую организацию — Аграрную партию России. Во главе ее был поставлен народный депутат РСФСР, директор подмосковного совхоза "Заветы Ильича" Михаил Лапшин.

В событиях сентября-октября 93-го политсовет АПР и ее лидер никак себя не обнаружили. Съезд партии, который состоялся через пару недель после расстрела Дома Советов, от обсуждения и оценки свершившегося государственного переворота уклонился. Власти оценили лояльность АПР. Она была допущена к выборам в первую Госдуму и, несмотря на то, что агитационно-пропагандистская кампания ее была весьма скромной, добилась внушительного успеха. За АПР проголосовало шесть миллионов человек, или 10 процентов от пришедших к урнам избирателей, и она получила возможность образовать в нижней палате парламента свою фракцию из 55 человек.

Ни личности, возглавлявшие списки АПР, ни ее предвыборная программа широко известны не были. Успех партии предопределило ее название. Шесть миллионов крестьян отдали голоса аграриям, то есть социально близким, своим.

Их надежды фракция АПР в общем и целом оправдала. Она кричала: "Братцы, караул!" То есть взывала о помощи крестьянину. Она обличала разрушительную политику власти в деревне. Она вносила собственные предложения по изменению этой политики и всеми возможными способами пробивала в правительстве дополнительное финансирование АПК.

Лоббистские усилия фракции сельский избиратель оценить не мог, ибо они не подлежали огласке. Обрести же свое политическое лицо, чем-то особо привлекательное для крестьянства, за время работы первой Госдумы Аграрная партия не сумела. На очередных парламентских выборах в декабре 95-го она не набрала пяти процентов голосов и, соответственно, не получила права создать собственную фракцию. Но чуть больше двух десятков представителей АПК стали депутатами в одномандатных округах. К ним присоединились депутаты от КПРФ, и

во второй Госдуме была образована Аграрная группа, имеющая почти такой же статус, как и фракция. При всем том, интересы АПК в парламенте не остались бесхозными.

Аграрная группа занималась тем же, чем и фракция АПР, и проводила необходимые законопроекты и постановления с не меньшей эффективностью, ибо всегда находила взаимопонимание с депутатами из КПРФ и группы "Народовластие".

Сохранились партнерские отношения с парламентской оппозицией и у безмандатного лидера Агропартии Лапшина. В 96-м году он и весь актив АПР работали на президентских выборах на Зюганова и после его поражения не порвали с ним. Партия аграриев вошла в созданный Народно-патриотический союз, а Лапшин стал сопредседателем НПСР. В следующем же, 97-м году, Зюганов со товарищи использовали все свое влияние на Алтае для того, чтобы Лапшин смог там победить на выборах в Госдуму по одномандатному округу.

Вернув мандат, Лапшин пожелал вернуть себе и кабинет руководителя думской Аграрной группы. Но это не нашли резонным ни депутаты-аграрии, ни депутаты-коммунисты, ибо возглавлявший группу Николай Харитонов вполне устраивал и тех и других.

Трещина в союзе КПСР и АПР возникла из-за амбиций первого агропартийца. Но она вряд ли бы разрослась, если бы осенью 98-го в новое правительство Примакова на пост вице-премьера не был приглашен член правления Аграрной партии Геннадий Кулик.

При Черномырдине тот же пост уже занимал активист АПР — Александр Заверюха. Но для него интересы партии власти были выше партии аграриев, и он в конце концов с последней расстался. Кулик же решил, что те и другие интересы совместить. И едва он обосновался в Доме правительства, как в прессе замелькали такого вот рода заметки: "Есть на Малокалужской улице в Москве особнячок, принадлежавший до революции управляющему одним из московских заводов. Уютный особнячок с надежной охраной, отремонтированный в этом году по высшим западно-европейским меркам. Недавно здесь скромно справила новоселье... Нет, вовсе не преуспевающая фирма, которую обошел стороной кризис. И не банк. Хозяевами здесь стали аграрии, а точнее говоря, Аграрная партия России, штаб которой обосновался в особнячке, арендованном на скромные взносы сельских партийцев у банковской группы "СБС-Агро".

С чего бы это глава группы Александр Смоленский так задружил с АПР? Одно дело кредитовать аграрный сектор, но пустить к себе на квартиру партию — согласитесь, совсем иной коленкор.

Ситуацию слегка прояснил заместитель председателя совета директоров "СБС-Агро" Юрий Трушин, заявив на недавнем кустовом совещании АПР, что их банковская группа поддержит на предстоящих в 1999 году парламентских выборах избирательное объединение "Аграрная партия России" ("Интерфакс-АиФ" № 47, 1998),

Данное заявление Трушина было сделано глубокой осенью девяносто восьмого. То есть в разгар финансового кризиса, когда "СБС-Агро", как и другие банки, спекулировавшие на ГКО, горел синим пламенем и остро нуждался в стабилизационном кредите от правительства. Ему пошли навстречу. И в ответ на любовь Кулика "СБС-Агро" полюбил Аграрную партию, а та получила не только прекрасный офис, но и возможность расширить аппарат и досыта его накормить.

Любовь вице-премьера Кулика к родной партии, вероятно, проявлялась не без санкций премьера Примакова. Отсюда и произошел новый курс руководства АПР: мы пойдем на выборы с теми, с кем будет Примаков.

Решение о вхождении Аграрной партии в блок "Отечество — Вся Россия" в ее правлении было принято 17 голосами "за" и 6 "против" (всего в правлении — 38 человек). С этим решением не согласились 17 депутатов-агров в Госдуме. Отвергли его и в целом ряде местных отделений АПР. Вот резолюция от 19 августа внеочередной конференции Алтайской краевой организации Аграрной партии:

"Считать главной задачей АПР сохранение и укрепление Народно-патриотического союза России, выступление на выборах в Государственную думу 3-го созыва единым блоком с КПРФ и другими участниками НПСР.

Осудить практику определенной части центрального руководства АПР, которая келейно приняла решение по стратегическому для партии вопросу, каким является ее вхождение в блок "Отечество-Вся Россия". Учитывая позицию председателя АПР М.И.Лапшина, поставить на съезде вопрос о смене руководства партии".

Еще более гневную резолюцию на сей счет приняла Краснодарская краевая организация АПР:

— Осудить решение правления как граничащее с предательством интересов тружеников села.

— Выразить недоверие членам правления, принявшим это решение.

— Призвать съезд АПР решить вопрос о создании блока левых патриотических сил на базе АПР и КПРФ, то есть блока "За победу".

Судя по всему, украшать мумию Примакова в блоке Лужкова-Шаймиева будет не Аграрная партия, а кучка барышников, торгующая ее именем.

Бонапутизм

- *Армяне лучше, чем грузины.*
- *Чем лучше?*
- *Чем грузины.*

Логика мифического армянского радио есть логика реальной кадровой политики Ельцина. Те высшие чиновники, которых он увольнял, и те, которых назначал, были абсолютно похожи. Похожи бесстыдной готовностью проводить один и тот же удушающий страну социально-экономический курс.

- Новые чины от Ельцина лучше, чем прежние.
- Чем лучше?
- Чем прежние.

Бессмысленной кремлевская чехарда с кадрами была для России. Но не для тех, кто ее грабил. За сменой ключевых фигур в правительстве при Гайдаре, Черномырдине и Кириенко вполне просматривалось столкновение интересов разных финансово-промышленных кланов. Кабинет Примакова, призванный заморозить развал в экономике, был пролоббирован кризисом, а не одним из кланов. Но разгром этого кабинета произошел не без придворных интриг, ибо сопровождался радостным воплем Березовского: "Ельцин предотвратил угрозу коммунистического переворота".

До сих пор каждая из отставок премьер-министров хоть как-то была выгодна каким-то олигархическим кругам и какой-то политической группе-силы. Теперь же, выставив вон безобидного Степашина, не успевшего, как и Примаков, сделать ни хорошего, ни плохого, Ельцин не угодил никому.

Не угодил Чубайсу, который два дня рвался к нему на прием в надежде отговорить его от увольнения Степашина.

Не угодил Березовскому, Гусинскому и Потанину, пресса которых вволю поязвила по поводу очередного правительственного кризиса.

Не угодил вскормленному олигархами Лебедю, который не замедлил запустить камушек в кремлевский огород: "Когда все подчиненные подряд плохие, то плох начальник".

Не угодил Лужкову, который заявил: "Отставка Степашина — это абсурд власти".

Не угодил любимцу Запада Явлинскому, который в новом витке кадровой чехарды узрел лишь "безумный стиль президента".

Не угодил и богатым дядюшкам на Западе, которые о выделении кредитов и реструктуризации долгов договорились со Степашиным и от него ожидали выполнения договоренностей.

Все, жадною толпой стоящие у трона Ельцина, заинтересованности в отставке Степашина и назначении в премьеры Путина не имели. Никакой подковерной борьбой в Кремле нынешнюю замену главы правительства объяснить, похоже, нельзя. Ельцин принял решение вопреки пожеланиям всех бывших фаворитов. Значит ли это, что в его окружении отныне не будет места разным группам влияния и что он откажется от тактики сдержек и противовесов между ними и начнет властвовать совершенно по-иному?

Обратимся к словам Ельцина, переданным в информагентства его пресс-секретарем Якушкиным: "На текущем этапе стране нужен политик новой формации. Путин — политик нового типа, сформировавшийся в последние десятилетия".

Если в первом предложении слово "страна" заменить на слова "семья Ельцина", то сказанное в нем будет чистой правдой. На текущем этапе самому Ельцину, его чадам и домочадцам действительно нужен на посту премьер-министра политик новой формации. Не тот, с которым можно наслаждаться властью и прилагающимися к ней благами, а тот, который избавит от наказания за бездарное и преступное использование власти и гарантирует сохранение нажитых капиталов.

Такую роль для семьи Ельцина не могут выполнить ни Гайдар с Черномырдиным, ни Чубайс с Немцовым, ни Кириенко с Березовским. Им в первую очередь надо думать о том, как самим унести ноги. Гарантом будущего семьи мог бы стать имеющий неподмоченную репутацию Примаков. Но у него не было резона брать обязательства перед ней. Получив премьерство, он наведывался в Кремль с кукишем в кармане и тем самым преопределил свою отставку.

Степашин, в отличие от Примакова, всей своей карьерой был обязан Ельцину. Ельцин подполковника Степашина произвел в генерал-лейтенанты и назначил руководить Ленинградским КГБ в 91-м. Ельцин спустя три года одарил его главным постом на Лубянке и после провала в Буденновске приютил в аппарате правительства. Ельцин же вернул Степашина из политического небытия, сделав его сначала министром юстиции, а потом первым милиционером страны.

В лице Степашина семья увидела политика преданного и надеялась увидеть в нем политика сильного. Но обманулась в надеждах. На текущем этапе "семье" нужен премьер-министр, способный врезать по физиономии хищной команде Лужкова и застрачивать оппозицию во главе с Зюгановым. Степашин же за три месяца продемонстрировал только умение балагурить и читать стихи. Вместо желанной для "семьи" атаки на лужковское "Отечество" он завел шуры-муры с его союзниками из шаймиевской "Всей России", рассчитывая таким образом оторвать их от "Отечества". Но у него, липового генерала, не выигравшего ни одного сражения, ничего не вышло. Блок Лужкова и Шаймиева состоялся.

Отставка Примакова произошла ввиду его нелояльности к "семье". Верный же Степашин получил пинка из-за своей беззубости. В результате на пост премьера был выдвинут, как выразился Ельцин, "политик нового типа", политик, сочетающий преданность "семье" с умением и готовностью отбить наскоки всех ее противников, — Владимир Путин. Действительно ли он обладает упомянутым набором достоинств?

Сразу после назначения Путина и.о.премьера политсовет "Отечества" обнародовал заявление: "Стало ясно, что у Кремля нет осмысленной социально-экономической стратегии и кадровой политики. Его действия потеряли всякий смысл и предсказуемость. Более того, они являются опасным индикатором движения власти к силовым методам решения политических проблем".

Итак, в глазах лужковской команды Владимир Путин — это индикатор силовых методов в политике. Откуда такое мнение?

Вспомним телерепортаж того времени, когда Ельцин отстранил от исполнения обязанностей генпрокурора Скуратова. На экране с объяснением обоснованности отстранения предстают двое: руководитель федеральной службы безопасности Путин и министр внутренних дел Степашин. Первый говорит, второй поддакивает. Но и это не все. Путин говорит категорично и безапелляционно, в том числе и о том, что требует подтверждения еще не состоявшейся экспертизы.

Далее. В ходе расследования знаменитого теперь уже дела о перекачке валюты за рубеж распоряжение о проверке фирм супруги Лужкова Елены Батуриной подписал начальник следственного отдела Владимирского управления ФСБ майор Коматовский. Согласовал ли он свое распоряжение с начальником управления? Не мог не согласовать. А тот решился бы ли замахнуться на выемку документов у сиятельной особы, не поставив в известность вышестоящее начальство в Москве?

Лужков расценил внимание к коммерческой деятельности его жены как политический наезд на него самого и устроил скандал на весь мир. Но никто из владимирских чекистов после этого не пострадал и никто с Лубянки не побежал к мэру Москвы извиняться.

Два этих факта свидетельствуют: в отличие от Степашина Путин не боится рисковать и наживать влиятельных врагов. То есть не боится драки. И не боится он ее, скорее всего, потому что обладает немалым бойцовским потенциалом.

Путин родился в семье питерского слесаря. Поступил на юрфак Ленинградского университета при конкурсе в 20 человек на место. Учился по индивидуальному плану. На "пятерку" защитил диплом и получил приглашение на работу во внешнюю разведку КГБ, где за 15 лет дослужился до подполковника.

В девяностом году, когда Гайдар был в редколлегии "Правды", когда Черномырдин рулил Газпромом, когда Степашин заседал в Верховном Совете РСФСР, Путин занял скромную должность советника председателя Ленсовета, а через четыре года стал вторым лицом во второй столице — первым зампредом правительства Санкт-Петербурга, без визы которого на стол к мэру Собчаку не попадала ни одна бумага.

Гайдар, Черномырдин и Степашин прыгнули во власть с трамплина. У Путина же, как и у третьего премьера Кириенко, не было политического прошлого. Но Кириенко, мелкий коммерсант из Нижнего, попал в кремлевские коридоры по протекции. Путин же пробился туда самостоятельно.

В Санкт-Петербурге времен Собчака крутились колоссальные шальные деньги, которые не могли не липнуть к рукам власть имущих. Но лучшие сыщики из Генпрокуратуры на бывшего мэра города, кроме махинаций с личной квартирой, ничего повесить не смогли. Собчак вышел из воды почти сухим, потому что финансовыми потоками в Питере с блеском управлял его первый зам Путин.

Это не осталось незамеченным в Кремле, и после поражения Собчака на губернаторских выборах Путина приглашают в заместители

управделами президента. При дворе его опять-таки **вверх** никто не толкал. Он поднимался по кремлевской лестнице по мере предъявления своих способностей: зам. главы президентской администрации, начальник Главного контрольного управления, первый зам. главы администрации. С июля 98-го он становится директором ФСБ, а с марта 99-го — одновременно и секретарем Совета безопасности.

На пути к телу Ельцина Путин не забывал старого шефа. Не без его помощи Собчака вывезли с допроса в больницу и потом нелегально переправили за границу. Вернуться обратно Собчак смог только потому, что позиции Путина в Кремле стали крепки.

Шестой премьер-министр умеет быть верным и умеет служить не только преданно, но и толково. И его характеристика Ельциным как политика нового типа недалеко от истины. Путин — первый руководитель правительства, который шаг за шагом сам себе сделал карьеру в годы реформ. И ему первому доверено быть вторым "я" президента.

На вопрос: останется ли в правительстве один из фаворитов семьи — Николай Аксененко, Путин ответил: "Абсолютно не важно, кому нравится какой-то министр, а кому нет. Он должен понравиться мне — только после этого решение о его вхождении в новое правительство может быть принято".

Такие заявления не позволялись ни Гайдару, ни Черномырдину, ни Кириенко, ни Примакову, ни Степашину. Все они были при президенте. Путину же, судя по всему, будет передана часть президентских полномочий. Передана для завоевания им личной популярности и спасения за счет нее президентской семьи. И он, единственный среди премьеров настоящий военный (Степашин стал подполковником на преподавательской работе в училище), вполне вероятно, попытается выступить в роли Бонапарта, то есть в роли политика с погонями, который твердой рукой наводит порядок в стране.

Порядок в России немыслим без усмирения Кавказа и без придушения самых крупных воров в Москве. Стало быть, о реальной, а не вздутой популярности Путина не может быть и речи, если он не положит перед телекомментаторами головы Басаева и Хаттаба и не замахнет на национализацию Газпрома, нефтяных компаний и банков. Для исполнения того и другого твердости в руке у нынешнего премьера, видимо, вполне достаточно. Но разрешено ли ему на самом деле проводить политику бонапартизма, или же предписано лишь сыграть роль опереточного Бонапарта?

1999

Кадры решают все

"Тогда был культ личности, — сказал о сталинском времени Михаил Шолохов, — но тогда была и Личность".

Потом наступила эпоха культа Должности. Оды Хрущеву слагались под анекдоты о его убожестве. Слабоумие Брежнева лишь увеличило поток адресованных ему славословий. Политический импотент Горбачев за шесть лет не растерял жаждущих лизнуть его ботинок.

В благополучном королевстве место красит короля.

Посеявшего смуту Горбачева Ельцин вытолкнул из Кремля не авторитетом — силой. Силой он удержал власть в 93-м и с угрозой применения силы — или я, или гражданская война! — сохранил ее на выборах в 96-м.

Изнасилованная страна имеет ныне президента, который вобрал в себя черты всех прежних правителей эпохи культа Должности. Как Хрущев, Ельцин потешает театральную элиту на юбилее Ленкома. Как Брежнев, без конца обнимается с главами так называемых дружественных держав, отщипывая им при этом что-то от России. Как Горбачев, он издает указ за указом и тут же о них забывает.

Ельцин олицетворяет собой вырождение номенклатурной власти, утратившей все способности, кроме способности сосать. Эта власть не только высосала соки из экономики, науки, культуры и армии. Она семь лет не обновляет системы жизнеобеспечения страны. А это значит, что вслед за грохотом падающих на жилые дома самолетов и взрывами в шахтах у нас неизбежно начнут останавливаться АЭС и электростанции, и выходить из строя водо- и теплосети.

Россия превращается в Дикое поле, в огромный бантустан, где полно природных богатств и где население можно либо заставить обменивать алмазы на тряпки, либо просто перебить. Диким полем Россию называла белая эмиграция в начале двадцатых, видя, как ее

недра переходят в концессию к иностранному капиталу. Но тогда произошло, казалось бы, невероятное: из сырьевого придатка Запада страна вдруг стала превращаться в индустриального гиганта, из года в год набирающего мощь.

Возможно ли такое сегодня? На исходе 90-х Россия располагает основными фондами и грамотными работниками, которых у нее не было в середине двадцатых. Сегодня есть объективные предпосылки для экономического подъема. Но нет субъективных. Нет реальных планов и организаторов этого подъема — и потому нет энергии в обществе. Пока нет.

Русский медведь свирепеет, когда в берлогу проникает холод. Ныне дело идет к тому, что паразитическая власть оставит нас без тепла в квартирах. Медведь рассвирепеет. А когда руководить государством становится опасно, ничтожества не задерживаются у власти.

В двадцатые России нужна была Личность, отвечающая ее запросам, и она вручила всю полноту власти Сталину. Наш новый лидер будет похож на Сталина. Похож тем, что он тоже будет Личностью. Откуда следует ожидать его появления?

В беседе с Черчиллем Сталин заметил, что кровопролитнейшую Отечественную войну ему психологически перенести было легче, чем коллективизацию. Почему?

По официальному своему статусу от рождения Сталин являлся крестьянином Тифлисской губернии. То есть грузинским крестьянином. Но в грузинской семье, уже не занимавшейся земледелием, родился и вырос Иосиф Джугашвили. Иосиф же Сталин был рожден на необъятных просторах Российской империи и духовно вскормлен русским крестьянством.

Есть карта ссылок и побегов Сталина. Семь черных стрелок на ней — это его пути под конвоем с Кавказа и Питера в Иркутскую и Архангельскую губернии, в Нарымский край Томской губернии и заполярный Туруханский край Енисейской губернии. Шесть красных — это пути его нелегального возвращения в центральную и южную Россию. За тысячи километров дороги за тысячи часов в пересыльных тюрьмах, в ночлежках, деревенских избах и на вокзалах Сталин выслушал тьму грешников и праведников Святой Руси.

В годы Гражданской войны его называли специалистом по катастрофам. Сталин был на всех фронтах в самый разгар самых страшных боев. Он рисковал жизнью вместе с одетыми в шинели крестьянами, посылал их на смерть, делил с ними еду и кров и одерживал победу за победой.

Столкнувшись с миром русского крестьянина в беде и в огне, Сталин не мог не оценить его радушие и щедрость, его государственный инстинкт и его готовность к самопожертвованию и стремление к высокому. Идеалы русского крестьянина сделались и идеалами Сталина. И это отчетливо проявилось в 20-х годах, когда в наполненных марксистскими терминами сталинских речах зазвучала великорусская державность.

Коллективизация, с ее насильственным выталкиванием мужика на стройки и заводы и его почти бесплатным трудом в колхозе, была необходимым условием будущего могущества страны. Сталину приходилось крушить мир, который он, судя по всему, не только ценил, но и любил. И именно поэтому так тяжело это переносил.

Крестьянская Россия, восемьдесят процентов всего населения, простила Сталину насилие. Простила потому, что его идеалы — идеалы великой и справедливой страны, были и ее идеалами.

Сегодня идеалы сталинской империи так же являются идеалами восьмидесяти процентов российских граждан, которые хотят иметь сильное, ни перед какой "семеркой" не заискивающее государство, хотят, чтобы им платили по труду, хотят, чтобы власть, как и прежде, содержала школу, науку, культуру, армию и защищала от произвола. Идеалы большинства не изменились. Но изменилось качество этого большинства.

К началу XX века верхи общества, развращенные сытостью и праздностью, были поражены инертностью. В низах же энергия была ключом. Там рождались и росли самые пассионарные люди. И потому низовая крестьянская Россия сумела выдвинуть в лидеры страны человека из своей среды — крестьянина Тифлисской губернии, бомжа и каторжника.

За годы Советской власти произошел перелив энергии. Все самые башковитые и хваткие люди из низов могли без труда получать образование и перемещаться в верхнюю часть социальной пирамиды. Но прогнившая партноменклатура не давала простора их способностям. И когда старый режим рухнул и все стало разрешено, то наиболее энергичные люди из верхних слоев ринулись в банки, в коммерческие структуры, в бандформирования, в региональную власть.

В результате в производстве, науке, в образовании, в армии остались честные, совестливые, талантливые в своей профессии, но инертные. А где буйных мало, там нет вожakov и потому трудовые коллективы и воинские гарнизоны, не получая месяцами зарплаты, никакой заварухи не устраивают.

Горючая смесь возникнет и полыхнет, когда недовольство пассивного большинства сольется с недовольством властью хотя бы части активного меньшинства. В их совместном противостоянии режиму и родится новый лидер России.

В пожаре 1917 — 1922 годов на роль вождя России претендовало несколько десятков человек. В той политической группе-силе, которая затушила пожар, претендентов осталось пятеро. Победил угодный Богу и народу.

Духовная природа страны не может измениться за столетие. Какого вождя Россия в лице самого волевого и энергичного пласта населения выбрала в двадцатые, такого она выберет и теперь.

✓ Кто не поэт в своем ауле, тот не поэт вообще. Кто не вождь среди пяти соратников, тот никогда не будет вождем миллионов.

Для бесстрашного, недюжинной силы боевика Камо Сталин был вождем с детских лет, для яростного Орджоникидзе — с юности. С луганским слесарем Ворошиловым Сталин познакомился на съезде в Лондоне, с мецданином Молотовым — в ссылке в Сольвычегодске, с казачьим вахмистром Буденным — при обороне Царицина, и со дня знакомства и до смерти Сталина все они видели в нем своего лидера. Не рожденный повелевать главенствовать может только в каком-то безобидном "Духовном наследии".

Троцкий тоже умел завоевывать к себе расположение — речами и статьями. Авторитет Сталина складывался в первую очередь из его организационной работы. Будущий вождь может не быть центром словопрений, но он не может не быть центром в постановке дела.

До революции Сталин находился в подполье подполья большевистской партии и был посвящен в самую интимную ее жизнь — финансовую. Через него проходили в партийную кассу огромные суммы денег от ограблений и вымогательств, совершавшихся подчиненными ему боевыми отрядами. То есть он сидел на партийном мешке с золотом. Но по несколько лет ходил в одной и той же одежде и никогда не имел личного запаса денег. Равнодушным к материальным благам он оставался и после революции. Власть ему нужна была не ради выгод, которые она дает, и широкий партактив это увидел и оценил.

Способность завоевать уважение и доверие партийных кадров сделала Сталина вождем партии. Способность управлять этими кадрами в интересах масс сделала его вождем народа.

У современника Сталина, выдающегося русского металлурга Грум-Гржимайло есть такие строки: "Люди, отлающие сухие приказания, не

могут иметь успеха в России. Для этого русский народ недостаточно дисциплинирован. Объясни русскому рабочему цель, к которой ты стремишься, и в русском работнике ты найдешь помощника-энтузиаста.

Все статьи, книги и речи Сталина на пленумах и съездах в двадцатых годах — это прежде всего объяснение партии и стране великих целей.

Все его кадровые приговоры тех лет — приговоры тем, кто не принимал этих целей, кто не хотел или не умел их исполнять.

В 33-м Сталин подвел итог своей деятельности как пропагандиста и администратора: "У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь".

Великие идеи теперь признали все кадры. В том числе и те, которые прибыли делать революцию из салонов Якова Шифа и пансионатов Швейцарии. Они взялись соревноваться в покаянии перед ним. Но он, каторжник, посвященный в тайны партии, знал, из какого материала они сделаны, и знал, что с потерей наркотика — власти — им не дано смириться никогда. А надвигалась война.

"Пока в царстве не будет должного порядка, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель не укрепляет постоянно войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем".

Сталин не мог не учитывать этого предостережения Ивана Грозного. И ради великих целей в стране началась великая чистка кадров.

К 1939 году на руководящие посты в государстве и партии было выдвинуто 500 тысяч новых работников. Из 333 секретарей обкомов и крайкомов было заменено 293.

Сталин был великим проповедником, великим управляющим и великим инквизитором в одном лице, который по суетным замыслам ничего не делал, опирался на твердыни общества и потому стоял непоколебимо.

После войны с кадрами, добытыми, как добывают золото, — через отсеивание пустой породы, Сталин позволял себе работать по царскому принципу: властвовать — значит доверять.

Осенью 46-го он позвонил из Сочи новому секретарю ЦК Патоличеву: "Запишите постановление секретариата ЦК. Пункт первый: "Назначить ответственным за хлебозаготовки 1946 года Патоличева М.С." Записали? В пункт второй впишите все, что нужно вам для успешного проведения хлебозаготовок".

Страна в немыслимые для трех лет сроки восстановила разрушенные города и села, первой из участниц войны отменила карточки на продукты, вышла на первое место в мире по числу студентов, создала атомную бомбу и приступила к осуществлению программ по освоению космоса.

Когда власть в России находится в руках Личности, кадры решают все. Когда роль лидера страны захватывает Посредственность, кадры решают только один вопрос: как побольше украсть. Так было в русской истории до Сталина, так есть теперь.

Раздел II

ВЛАСТЬ СЛАБАЯ И ЛУКАВАЯ

Часть I

ВИД НА КРЕМЛЬ

Глава 1

Клуб советов

Товарищ Петров — рядовой красноармеец в Советской России — мыслил, как засвидетельствовал поэт Маяковский, конструктивно:

*“Своего апогея никому не отдадим,
А чужих апогеев нам не надо”.*

Господа капиталисты в ельцинской России чувство меры потеряли. Не все, разумеется, потеряли, но многие. Некоторые олигархи — и всероссийского, и провинциального масштабов, во-первых, не хотели признавать — где их апогей, а где — не их, а во-вторых, напрочь позабыли сказанное им в школьные годы Гоголем в повести “Тарас Бульба”: кто тебя породил, тот тебя может и убить.

На рыночном Западе из века в век капитал творит власть. В постсоциалистической России при Ельцине власть производила капиталистов. Кто вхож был в Кремль и в губернаторские особняки, тот стал всех богаче. Разумеется, изготовленные властью толстосумы желали и дальше хапать и хапать. Но поскольку самые лакомые куски государственной собственности ко второй половине 90-х уже были поделены, то началась пора войн между самими олигархами: почти каждый из них

спал и видел, как в мраморном сортире морально замочить на золотом унитазе другого и нечто у него оттяпать. А это можно было сделать опять-таки только с помощью власти. Поэтому олигархические войны стали войнами за влияние на власть через общественное мнение. Суть этих войн вполне точно отражена в реплике, оброненной Виктором Черномырдиным тогда, когда он ещё не имел генеральских погонов от украинских казаков, а был простым премьер-министром России: два еврея — Гусинский с Березовским — поссорились и всю страну взбаламутили. Пресс-битвы олигархов с целью натравить власть на конкурентов не прекращались при Ельцине и продолжились при Путине. Но продолжились недолго. Весной 2000-го новый президент вступил в должность, а летом в Бутырской, а не в комфортабельной Лефортовской, тюрьме оказался самый защищённый от карательных мер власти олигарх — Владимир Гусинский. Он имел на обихоженном его теле сразу два бронежилета. Один — пост руководителя Российского еврейского конгресса, другой — статус главы не обычной финансово-промышленной группы, а медийной. И тем не менее попал в камеру с двумя интеллигентными уголовниками.

Что думать могли остальные олигархи, узнав об аресте Гусинского? За арестованного вождя “Медиа-Моста” обязательно вступятся могучие еврейские организации в США и Европе. За его свободу станет драть глотку вся шизанутая на свободе слова мировая общественность. Гусинского-то рано или поздно из тюрьмы выпустят. У любого же другого олигарха — хоть еврея, хоть русского — покровителей, способных надавить на Кремль, нет. А если власть, которая раньше закрывала глаза на то, как сколачивались крупные состояния, сейчас начнёт искать нарушения закона новоиспечёнными богатеями, то она их всенепреренно найдёт. У того, у кого захочет.

Уголовным делом на Гусинского Кремль явно дал понять олигархам, что им пора вспомнить судьбу младшего сына Тараса Бульбы: не перечьте породившей вас власти. Не смирился с сей установкой только Березовский. И ни его связи, ни мастерство в закулисных интригах и публичных драчках ему не помогли. Обвиняемый теперь Борис Абрамович, как и Гусинский, по уголовному делу.

Отменив прежние правила игры с олигархами, Кремль предложил им новые. Летом того же 2000 года президент Путин встретился с наиболее влиятельными богатеями и внятно намекнул им: надо бы вам сотворить структуру, которая представляла бы интересы всего частного бизнеса — с её лидерами общие для этого

бизнеса проблемы будут регулярно обсуждать и президент, и правительство. Обсуждать, чтобы решать.

Рекомендация Путина воспринята была как руководство к действию. Но олигархи творчески воплотили её в жизнь. А именно: они ничего не создали, а реанимировали полуживую организацию — Российский союз промышленников и предпринимателей.

РСПП явлен был на свет в июне 90-го под именем Научно-промышленный союз СССР. Возглавил его Аркадий Вольский — помощник трёх Генеральных секретарей ЦК КПСС — Андропова, Черненко и Горбачёва. Под своей крышей Вольский собирал лояльных к Горбачёву хозяйственников — тех, которые не вступили в структуры будущих членов ГКЧП — в Аграрный союз Стародубцева и в Союз промышленных директоров Тизякова. Успешно служа Горбачёву, Вольский не заслужил и недовольства главного Горбачёвского конкурента в политике — Ельцина.

Когда Ельцин взял верх и выставил Горбачёва из Кремля, Научно-промышленный союз Вольского благополучно переименовался в Российский союз промышленников и предпринимателей, сохранил офисные помещения, в том числе и в здании уничтоженного ЦК КПСС, и через год неожиданно для многих обрёл второе дыхание.

Запущенные в 92-м реформы Ельцина-Гайдара в шттики встретили руководители всех почти предприятий. Тогда же начали восставать против этих реформ и депутаты Верховного Совета России. И, дабы не допустить слияния политической оппозиции с оппозицией экономической, Кремль стал покровительствовать РСПП Вольского. Ему, по всей видимости, были предоставлены широкие возможности для лоббирования интересов отдельных предприятий в структурах власти, и хозяйственники валом повалили не в оппозиционные Ельцину партии, а в организацию Вольского. В его РСПП с осени 92-го по весну 93-го вступили 1200 предприятий и фирм. Вольский в глазах директорского корпуса превратился в крупнейшую фигуру.

Единения хозяйственников с политической оппозицией не случилось, Верховный Совет как центр борьбы с курсом реформ был разгромлен, новую Конституцию удалось протащить, и Ельцин, сделавшись, по сути, самодержавным правителем, переизбрался на второй президентский срок. Укрепление режима его власти автоматически влекло за собой убавление политического веса и влияния Вольского и его союза.

РСПП и дорогой некогда Аркадий Иванович стали не нужны Кремлю и к 2000-му они оказались перед такой перспективой: союзу тихо-мирно сыграть в ящик, а Вольскому воспользоваться, наконец,

правом на заслуженный пенсионный отдых. Но в РСПП влились олигархи, и он снова обрёл второе дыхание. Как это произошло?

Прочтём отрывок из интервью Аркадия Вольского газете “Ведомости”.

“Вопрос. Но всё-таки, кто именно пришёл к вам первым с этой идеей? (То есть с идеей бракосочетания РСПП и олигархов — Н.А.).

Ответ. Одним из первых был Михаил Комиссар, генеральный директор “Интерфакса”. Первая беседа у нас с ним — в августе-сентябре 2000 года — была часа четыре. Один на один. А потом уже пошло развитие — появилась первая рабочая группа, в которую вошли Михаил Ходорковский из “Юкоса”, Олег Киселёв из ИМПЭКСБАНКа, Владимир Евтушенков, Комиссар. Потом собрались шире, вместе с Чубайсом и другими. Потом ещё шире, и так вот пошли”.

Согласно сказанному Аркадием Ивановичем, инициатива бракосочетания исходила от олигархов. Верить его словам или нет? Есть мнение: Кремль подозревает финансово-промышленных тузов в скрытой оппозиции к Путину, и потому именно он затолкал их под крышу к Вольскому, дабы Аркадий Иванович, всегда без лести преданный любой власти, пас их, как пас недовольных Ельциным хозяйственников в 92-93-м. Так это или не так?

Вся власть в нынешнем Российском союзе промышленников и предпринимателей принадлежит не съезду, не правлению из 178 членов, а Бюро правления, где всего 27 человек и где подавляющее большинство составляют акулы-олигархи. Они хоть завтра могут отправить на пенсию дешёвого теперь в политике Аркадия Ивановича и ничего от этого не потеряют. Олигархи просто купили для себя лейбл РСПП, как покупают известный товарный знак, дабы облегчить достижение своих целей. Каких именно?

Вот точка зрения члена Бюро правления РСПП, главы ИМПЭКСБАНКа Олега Киселёва: “Политической силой мы быть не можем. Но есть ещё и гражданское общество, а в нём группы влияния. Мы — одна из них. Мы объединились, исходя из четырёх базовых задач: динамичный диалог с властью, диалог с обществом, диалог друг с другом и диалог с международным сообществом. Это и есть потенциальные объекты нашего влияния”.

Как ни суди и не ряди, самый главный для олигархов из четырёх диалогов есть диалог с властью. Как он складывается? Заглянем в сообщения информационных агентств:

“На третьей встрече с членами Бюро правления РСПП Путин подтвердил регулярный характер консультаций на высшем уровне по линии “власть — бизнес”. На встрече Владимир Потанин говорил о шлогах, Михаил Фридман — о судебной реформе (в частности, о необходимости принятия нового Арбитражного процессуального кодекса с поправками, предложенными бизнесом), Михаил Ходорковский — о проблемах ТЭКа, глава “Северстали” Алексей Мордашев — о перспективах вступления России в ВТО. Потанин предложил легализовать вывоз капитала за рубеж, дабы декриминализировать эту сферу деятельности. Прошедшая встреча стала очередным проявлением президентского курса в отношении групп влияния. Путин не отторгает их, а создает целостный и структурированный механизм консультаций — с бизнесменами на встречах с представителями “обновленного” РСПП, с губернаторами — на заседаниях Госсовета”.

И ещё: “Поручение Владимира Путина в ответ на просьбу Михаила Фридмана сформулировано предельно конкретно: “Включать представителей РСПП в совещательные комиссии и органы при президенте и правительстве РФ”. Это значит, что в околоправительственной среде возник новый и автономный центр динамики. Отныне предпринимательские инициативы будут воздействовать на правительство по всему периметру”.

Как видим, высшая власть вроде бы готова нынешний Российский союз промышленников и предпринимателей не только слушать, но и к нему прислушиваться. Руководители РСПП представили в правительство свои предложения по всем самым острым проблемам — от реформы банковской системы и реструктуризации естественных монополий до условий вступления России в ВТО.

Если обернуться назад, то можно углядеть: бывший президент Ельцин склонен был вести диалог только с семьёю олигархами. Только им дозволялся доступ к президентским телесам и только в их интересах в первую очередь верховная власть принимала решения. Новый президент Путин объявил о равной удалённости от Кремля разных солидных групп капитала. Они в это поверили и, задрав штаны, помчали под крышу Российского союза промышленников и предпринимателей, где 178 членов правления и 27 членов бюро правления.

Путин ведёт диалог со всем РСПП. Но действительно ли всяк состоящий в Союзе равен перед Кремлём? Дабы высокодоходная “Славнефть” досталась Фридману и Авену, власть отсекала от участия в аукционе по её продаже всех конкурентов. Недовольство этим на

очередной встрече РСПП с Путиным выразил глава ЮКОСа Ходорковский: нечестный был аукцион. И что же? Путин жёстко закрыл тему: а самое большое количество разведанных нефтезапасов досталось ЮКОСу по-честному?

Лично лицезреть телеса нынешнего президента может весьма широкий круг капиталистов. Но встречи Путина с активом Российского союза промышленников и предпринимателей — это своего рода дискуссионный клуб, где каждому дадено молвить слово и высказать советы. Конкретную же выгоду из всех участников встреч получают только те, кто составляет узкий круг так называемой кремлёвской семьи.

Время течёт. В Кремле новый президент с изменённым несколько ближайшим окружением. Принцип же фаворитизма остался неизменным в верховной власти. Она всех толстосумов теперь слушает, а прислушивается лишь к тем, с которыми у неё есть интимные отношения.

Николай Васильевич Гоголь, уроки которого не учли Гусинский с Березовским, заметил в одном из писем: “Надо, чтоб сверху всё было честно, снизу будет всё честно само собой”. Нынешняя наша высшая власть по-прежнему употребляется для избранных и с честностью в политики у нас по-прежнему острый дефицит — и наверху, и внизу.

Глава 2

Бунт под одеялом

Все почти московские газеты, от “Коммерсанта” капиталиста Березовского до “Советской России” коммуниста Чикина, отозвались на кончину Совета Федерации как Палаты бояр.

“Два ноль в пользу Вовочки”.

“Кремль взял власть и деньги”.

“Сенаторы согласились “мягко удалиться”.

Из этих газетных заголовков видно: лишаться кресел в верхней палате парламента бояре — начальники провинций и двух столиц не желали. Между ними и хозяином Кремля Вовочкой — президентом Владимиром Путиным — шли баталии, и завершились они тем, что бояре с поднятыми вверх руками покинули особняк на Большой Дмитровке. Разборка исполнительной власти с властью законодательной на сей раз завершилась не только без стрельбы из танков в центре Москвы, но и без мордобоя.

Когда у нас был полноценный парламент, то есть парламент с серьёзными полномочиями, тогда и страсти в противоборстве двух ветвей власти кипели всерьёз. Дабы усидеть в Кремле и сохранить ущербный для страны социально-экономический курс, который хотели и могли изменить депутаты, президент Ельцин в октябре 1993-го кастрировал парламентаризм. Расстрелял Верховный Совет и протащил Конституцию — Основной Закон, где у власти законодательной истреблялось реальное право на власть — право на расстановку кадров и распоряжение собственностью.

Парламент ельцинского покроя, состоящий из двух палат — нижней в лице Госдумы и верхней в образе Совета Федерации, стал

придатком президента и назначаемого им Кабинета министров. Обеим палатам отводилась лишь роль одобрительниц решений Кремля и правительственного Дворца на Пресне. Но поскольку и это кое-что значило, нижняя палата сделалась притягательной для политиков, не имеющих портфелей ни на одном уровне исполнительной власти, а палата верхняя возымела цену для руководителей республик, краёв, областей, Питера и Москвы.

Я присутствовал на первых заседаниях Совета Федерации в январе 1994-го. Тогда членство в верхней палате разыгрывалось на выборах, а не доставалось по должности начальникам административных территорий. Такой порядок формирования СФ ельцинская Конституция предусматривала как временный — на два года. Но упомянутые начальники ждать дарованных им через два года халявных мест в верхней палате не согласились и в абсолютном своем большинстве рванули в неё избираться. Удача улыбнулась далеко не всем. Но тем не менее изрядная доля мандатов в Совете Федерации в 1994-м оказалась в руках начальников территорий. С какой предметной целью они сих мандатов возжелали — очень скоро выяснилось.

На пост председателя верхней палаты в тот год Кремль выдвинул своего кандидата. А так как им был герой криминальных разоблачений в расстрелянном Верховном Совете — Владимир Шумейко, то успех ему не светил. На первом голосовании Шумейко недобрал один голос, на втором — пять. Совет Федерации явно склонялся к тому, чтоб отдать бразды правления в нём крайне нелояльному к Кремлю директору химкомбината из Красноярска — Петру Романову. Но наступает следующий день, и Шумейко вдруг получает на 12 голосов больше, чем надо. Что же произошло за ночь?

Ответ на этот вопрос дал самый любимый в ту пору Ельциным печатный орган — “Московский комсомолец”: “Сенаторы (читай порусски, депутаты Совета Федерации — Н. А.) были мрачны, вероятно, от недосыпу. Всю ночь президентская команда работала с теми, кто не голосовал за Шумейко. Злые языки шептали, что провинциалы выторговывали у Ельцина кредиты и льготы для своих регионов”.

Торг удался. И не Романову, а Шумейко вменили председательствовать в палате и, соответственно, контролировать её. Совет Федерации не был пригоден для свершения потребной стране политики, но пребывание в нём начальников Субъектов Федерации позволяло им урывать что-то от Кремля под сиюминутные интересы вверенных им территорий и под свои личные интересы.

С 1996-го, когда начальники — главы исполнительной и представительной властей Субъектов заняли все кресла в нижней палате, выгода от членства в СФ вышла на первый план. Кто из начальников примерно себя вёл, кто правильно в верхней палате голосовал, тот от федеральной власти получал максимум удовлетворения сиюминутных интересов.

Впрочем, желающих яростно бунтовать против Кремля в Совете Федерации не завелось. Верхняя палата парламента, в отличие от нижней, не метала в адрес Кремля громов с молниями и не пыталась хоть что-то в его стратегии изменить к лучшему. Не пыталась потому, что Кремль во второй половине обеспечил процветание не только вскормленных им олигархов, но и избранных гражданами начальников территорий.

Не имея опоры в народе, Ельцин создал себе в провинции опору административную, подкупив губернаторов и зависимых от них глав местных депутатских собраний неограниченной свободой. В том числе и свободой воровать. Ельцин разрешил начальникам стать полными мадыками территорий и использовать власть себе всласть, а они помогли ему удержаться в Кремле, закрыв глаза на мерзопакость его политики и подавив сопротивление ей в городах и весях.

Дарованная Кремлем вольница без конца и края настолько была соблазнительна для начальников, что даже многие из тех, которые побеждали на выборах в краях и областях с помощью оппозиционной Ельцину Компартии, не замедляли перекрашиваться. То есть превращались из так называемых красных губернаторов в серо-буро-малиновых — в деполитизированных хозяйственников.

В ходе президентских выборов 2000 года ни один из начальников провинций не выступил с призывом голосовать против преемника Ельцина — Владимира Путина. Весь почти административный ресурс в провинции был брошен на то, чтобы преемник прописался в добровольно уступленных ему апартаментах Кремля. Нужду в этом ресурсе Путин испытывал, воспользовался им, но благодарности за него после избрания президентом не выказал. Более того, он начал вдруг выделять выкрутасы с ножницами вокруг сложившихся отношений Центра с региональными властями.

Под туманные словеса о необходимости укрепления вертикали власти в стране Путин реальным указом учредил семь федеральных округов и поставил над начальниками провинций семь своих наместников, имеющих право вмешиваться в их дела. Начальники это прогло-

тили. Но сильно поморщились. Когда же, вопреки Конституции, были введены семь замов Генерального прокурора по округам, руководители территорий испытали изжогу. Тем не менее, нововведение в законе большинством голосов утвердили в Совете Федерации, позволив без конфликта с Кремлём установить над собой дополнительный надзор независимых от них силовых чиновников.

И вот Путин возникает на телеэкранах и возвещает: здравый смысл требует нового порядка формирования верхней парламентской палаты — главам исполнительной и представительной властей в Субъектах Федерации резонно сосредоточиться на работе по прямому назначению, а в Совет Федерации они должны делегировать своих представителей, коим так же резонно посвящать себя исключительно законотворчеству.

Могли ли владыки территорий сию инициативу Путина воспринять только с наморщенными лбами и только с лёгкими болями в желудке? Не могли.

Членство в Совете Федерации — это парламентская неприкосновенность. Какая бы местная правоохранительная структура, с какими бы обвинениями ни наехала на начальника территории, он всех может посылать на три буквы до того, пока коллеги в СФ не проголосуют за лишение его депутатского иммунитета. А они из чувства клановой солидарности за то фиг когда проголосуют.

Членство в Совете Федерации — это возможность для группы начальников публично лягнуть словом тех высших чинов федеральной исполнительной власти, с которыми по тем или иным частным проблемам не удавалось договориться негласно: а ну, подать в верхнюю палату парламента Ляпкина-Тяпкина — самого ли премьер-министра, министра ли силового или финансового!

Короче говоря, членство в Совете Федерации, с одной стороны, обеспечивало владыкам территорий абсолютную личную безопасность, с другой — давало им шанс шантажировать поркой на трибуне палаты отдельных представителей кремлёвской номенклатуры. И совсем коротко: пребывать в верхней палате руководителям Субъектов Федерации было выгодно и желанно. И как они отреагировали на попытку Путина отнять у них драгоценное членство?

Бунтом отреагировали. Но бунтом — под одеялом. Против путинского варианта формирования верхней палаты открыто возбухнули, говоря языком современной молодёжи, не первые лица территорий, а вторые, чих без них не делающие — главы представительной власти. Губернаторы же и президенты нацреспублик, за исключением воеводы Чува-

нии, бывшего ельцинского министра Николая Фёдорова, делали вид, что заявленную Путиным реформу СФ в общем и целом принимают.

Для изменения состава верхней парламентской палаты требовался федеральный закон. Госдума такой закон приняла. Но он не мог обрести силу без его утверждения в Совете Федерации. То есть без санкции начальников территорий о лишении ими самих себя ценнейшего членства в СФ. “Да” или “нет” они имели право сказать тайным голосованием, и первые прения при поступлении закона в палату наглядно свидетельствовали — и раз, и два, и десять раз Кремлю скрытно будет показан кукиш.

Бунт под одеялом, при котором разгневанных физиономий не видно, благородством не блистал — но и никого из главных бунтовщиков персонально не компрометировал. Успешное же протекание этого бунта грозило оконфузить президента Путина. И оконфузило бы, не грянь гром — арест Гусинского.

Дело Гусинского с дискуссией о новом порядке комплектования Совета Федерации никак вроде бы не было связано. Формально не связано. Своими СМИ Гусинский раздражал Кремль по разным поводам. И, разумеется, ему припомнили старые финансовые грехи и переместили его из роскошного дворца в приличную тюремную камеру не потому исключительно, что он широко рекламировал неприятелей путинской реформы СФ. Иными словами, в тюрьму Гусинский попал далеко не только за пресс-поддержку бунтовщиков в верхней палате. Но его арест стал главным аргументом в усмирении в ней бунта, ибо перепугал владык территорий так же, как и олигархов.

Антикремлёвское бузотёрство ныне чревато крупными неприятностями. Если Гусинскому, вождю еврейской общины страны и медиамагнату, с которым тузы на Западе олицетворяют свободу слова в России, команда Путина отважилась подобрать уголовную статью, то что ей стоит поохотиться тем же способом на прочих высокопоставленных склочников, у коих нет влиятельных заступников по всему свету? Ничего не стоит.

В аресте не поладившего с Кремлём Гусинского, а не какого-то иного политически пассивного олигарха, содержался прозрачный намёк: несправедливо обогащаться по-прежнему можно, супротивиться же заморочкам высшей власти — нельзя. Начальники провинций намёк поняли, и поскольку редкий из них полагал, что за ним не числится деяний, попадающих под уголовное преследование, то бунт под одеялом в верхней палате затих. Первые и вторые лица территорий проголосовали за собственное выдворение из Совета Федерации и “мягко удалились”.

Ну а чего ради Путин затеял кампанию за отъём у них членства в СФ и, соответственно, парламентской неприкосновенности? Вразумительно объяснить это крайне трудно. Порядок формирования верхней парламентской палаты теперь новый, отношения между Центром и руководителями Субъектов Федерации — те же. В десятках провинций сотни тысяч людей остаются зимой без тепла и света, повсюду идет банкротство предприятий и передел собственности в интересах местных правящих элит, повсюду же бюджетные средства расходуются по нецелевым назначениям. Но в результате проявления некомпетентности и нечистоплотности хоть один начальник провинции отстранён от должности или посажен на скамью подсудимых? Ни один.

Парламентской неприкосновенности у владык территорий при Путине не стало, ответственности перед Центром не появилось. Не карает их Центр, как и ранее, ни за бездарное управление, ни за личную корысть. Так зачем же тогда надо было выкуривать начальников из Совета Федерации? Затем, наверное, чтобы пустить народу пыль в глаза — Путин якобы меняет осточертевшую всем политику Ельцина. Путин лучше, чем Ельцин. Но лучше ли?

Глава 3

Сказки придворных мудрецов

За три часа до выхода в Кремле президента Путина с посланием парламенту в телеэфире между прочим прозвенела новость: крупнейшие предприятия Хабаровского края отключены от электросети. Пролетариат Дальнего Востока, в миг лишённый Чубайсом работы и зарплаты, в тот день, надо полагать, с особым интересом внимал президентскому слову: намерена ли высшая власть прекратить издевательства над человеком в индустрии?

Полно заинтересованных слушателей у Путина было и в Сибири. В Красноярском крае, например, учителя и врачи тем днём справляли юбилей — пять месяцев без зарплаты — и им с голода не терпелось узнать: как в Кремле смотрят на искусственное опустошение местной казны и собираются ли пресечь разорительные фокусы краевого руководства?

Далеко неравнодушно воспринималось путинское послание и в Центральной России. Скажем, в Воронеже квартплата приблизилась к среднему размеру пенсии, и воронежским старикам крайне важно было услышать: даёт ли президент добро на то, чтобы власти города и области оставили их без куска хлеба?

Ни с хабаровчанами, ни с красноярцами, ни с воронежцами в 2002 году Путин не объяснился. Точнее, он даже не упомянул об их проблемах. А это значит, что произвол Чубайса, головотяпство и воровство чиновников в провинции для Кремля — норма.

Положением дел в стране, как следует из послания, Путин не шибко доволен. Бедность в России, возвестил он парламенту и миру, отступила, но продолжает мучить 40 миллионов россиян. С какого кремлёвского потолка эта цифра списана — неведомо, но совершенно очевидно, что

действительности она не соответствует. Если попытке бедностью у нас подвергнуты только 40 миллионов граждан, то кто же из остальных 145 миллионов живёт богато и зажиточно? Среди людей наёмного труда и госслужащих, которые составляют основную массу взрослого населения, даже профессор МГУ сегодня — настоящий бедняк.

Зачем понадобилось Путину вводить общественность в заблуждение — объяснить можно. Президент, желающий быть переизбранным на второй срок, должен вселять в народ оптимизм. Путин не прочь сохранить свой нынешний пост и потому пообещал всем создать условия для больших заработков. Каким образом? Через модернизацию исполнительной власти и введение новых, более либеральных законов.

Ныне, утверждалось в путинском послании, аппарат власти плохо организован и действует неэффективно, у чиновников есть широкие возможности брать взятки, ибо в стране мало экономических свобод, налицо административное давление на бизнес, который денно и нощно думает, как обойти существующие законы. Когда всё это было произнесено, в моих извилинах пронеслось: ба, знакомая-то песня! Путин в апреле 2002 года по сути повторил сказанное Ельциным в его послании парламенту в феврале 1994-го. Итак, заглянем в ельцинский текст:

“В работе органов власти как в центре, так и на местах много неразберихи и путаницы. Быстро растёт армия чиновничества. Углубляется новое отчуждение власти от народа. Именно позорная взятка становится зачастую пропуском к решению многих проблем. В нынешней российской ситуации выживает не тот, кто производит лучшую и качественную продукцию, не тот, кто работает на потребителя, в ней выживает тот, у кого больше льгот и привилегий, кто добился покровительства властей”.

Почему тогда, восемь лет назад, аппарат власти, по словам президента Ельцина, скверно, неэффективно управлял и был пронизан коррупцией, и почему теперь, по словам президента Путина, он таким же и остался?

Созидательную энергию власти рождают деятели с благородными целями. А при Путине, как и при Ельцине, погоду в политике делает одна и та же порода людей, для которых служение Родине и народу — пустой звук. Они пришли во власть корысти ради, они использовали её, используют и будут использовать для собственного обогащения, невзирая ни на какое расширение экономических свобод в писанных законах.

Личные интересы нынешних российских коммерсантов от политики тесно увязаны с интересами зарубежных финансовых центров. И

они при Путине, как и при Ельцине, делают всё, чтобы сохранить социально-экономический курс, пагубный для России и выгодный для Запада.

Однажды в послании парламенту Путин обмолвился — ежегодно из России уплывает 25 миллиардов долларов — и потом замолк на сей счёт навсегда. Кремлёвские мудрецы, видимо, убедили молодого президента: не надо дразнить народ рассказами о том, как его грабят.

На российских просторах нет такого предприятия, которому бы были не нужны кредиты с щадящими процентами. Все наши хозяйственники и предприниматели мыкаются в поисках таких кредитов. А тем временем Центробанк России золотовалютные резервы страны чуть ли не в 100 миллиардов долларов держит в зарубежных банках и кредитует западную экономику. Об этой проблеме Путин также умалчивает, обращаясь к парламенту.

В недрах Госдумы лежит закон о национализации экспорта энергоносителей, который позволил бы государству изымать в казну принадлежащую ему по праву природную ренту. Сейчас она оседает на счетах олигархов или вкладывается в строительство личных дворцов, в покупку лимузинов и предметов роскоши. Возвращение государству природной ренты стало бы мощным стимулом в развитии и производства, и социальной сферы. Но указанный закон внимания Путина не привлекает.

Послание президента парламенту задумано было отцами ельцинской Конституции как некое творение главы государства, где он ежегодно даёт установки, что делать по разрешению самых животрепещущих проблем. Путин выступил перед депутатами уже с четырьмя посланиями, и во всех уклонился от главного — никогда за 4 года не сказал, что ни одна из мучающих сегодня граждан проблем не может устранена без предотвращения утечки капитала за рубеж, без восстановления справедливости в использовании общенародного достояния, без жёстких мер по истреблению казнокрадства и публичных судов над сановными взяточниками.

Послания Путина — это утешительные сказки для взрослых. Надо-то нам всего — добавить амбиций правительству, переставить в нём по-иному стулья, упорядочить налогообложение, внедрить побольше либерализма в законодательство... И тогда по щучьему велению, по всеобщему хотению всё само собой образуется: разжиревшее меньшинство откажется от масштабных растрат на роскошь, а голодное ныне большинство станет жить-поживать да добро наживать.

Глава 4

Рэкет без оружия

✓
*Нам демократия дала
Свободу матерного слова.
И уж не надобно иного,
Чтобы воспеть её дела.*

Матерят демократию в России лирики и физики, нищие черно-рабочие и толстосумы-работодатели. Причина мата от разного люда состоит прежде всего в том, что всеобщая демократизация страны обернулась её сплошной бюрократизацией.

Прежняя наша система власти была далеко не идеальной. В ней доминировала излишняя для управления структура — партия. Сталин в своей Конституции 1936 года ни словом не упомянул о партии. Странного в этом ничего нет. Сталин — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) — не узаконил свою власть в Основном законе потому, что рассматривал Компартию как временный инструмент, который необходим для захвата и удержания власти, для распространения идеалов социальной справедливости и контроля над несогласными с этими идеалами управленцами.

К концу сороковых абсолютное большинство в советском обществе коммунистические взгляды приняло, и в мае 1941-го Сталин занял пост Председателя Совета министров. С данного момента главным центром принятия решений постепенно становится не ЦК партии, а Совмин, то есть законное правительство, а не партийный орган, не предусмотренный Основным законом.

12 с половиной лет — с 1939-го по 1952-й — Сталин, нарушая устав ВКП(б), не собирал партийные съезды. А когда всё-таки собрал, то, оставив за собой должность Председателя Совмина, отказался быть Генеральным секретарем ЦК. Дело явно шло к тому, чтобы партия как субъект власти приказала долго жить и превратилась в сугубо идеологическую структуру.

Так должно было случиться и так случилось бы. Но в марте 1953-го находившийся в полном здравии Сталин неожиданно умирает и прорвавшиеся в Кремль тупоголовые Хрущёв и Брежнев всё возвращают на круги своя. Центр власти снова перемещается в ЦК, и незаконные партийные органы опять возвышаются над законными государственными. Брежневская Конституция фактическое самоуправство партии оформила де-юре — в ней появилась статья о руководящей и направляющей роли КПСС. Но здравого смысла в системе власти от того не прибавилось.

Отделы в райкомах-обкомах и ЦК партии целиком и полностью дублировали деятельность госчиновников на разных уровнях. Любое более или менее серьёзное решение всегда согласовывалось в двух инстанциях — партийной и государственной. А это вело к круговой поруке и исчезновению персональной ответственности за головотыпство. Двоевластие вредило стране. И когда демократическая революция 1991-го смела партию, то многим казалось: мы наконец-то избавились от лишнего управленческого звена и теперь аппарат власти у нас станет вдвое меньше по численности и значительно практичнее, ибо ему уже не надо будет следовать устаревшим партийным догмам. Ну а что произошло на деле?

Назначенные новыми демократическими правителями чиновники обосновались в апартаментах ЦК, крайкомов-обкомов, горкомов-райкомов. Но и здания Совмина, министерств и исполкомов в провинции не остались пустующими. Аппарат власти не только не сократился, но медленно и верно из года в год продолжал увеличиваться, обживая новые кабинеты. И сейчас государственных чиновников в Российской Федерации в несколько раз больше, чем было чиновников партийных и советских в 1991-м.

Как объяснить рост аппарата и почему вакансии во властных структурах немедленно заполняются? Чем привлекательна ныне должность чиновника во всех инстанциях?

Демократические преобразования по западным образцам начались в России с воплей идейных интеллектуалов. Производили же эти преобразования прагматики-чиновники, у которых вместо идеалов были меркантильные интересы. Согласно ценностям западной демократии

собственность надлежало отделить от государства. Её чиновничество и отделило. Отделило таким образом, что собственность перестала обогащать государственную казну, но не самих чиновников.

На сей день вся бывшая общенародная собственность поделена между крупным, средним и малым капиталом. И каждый из этих капиталов платит дань чиновничеству, ибо не может не платить.

В пяти самых крупных частных компаниях России государство имеет свои пакеты акций и, стало быть, своих представителей в советах директоров этих компаний. Роль представителей бесплатно исполняют высокопоставленные чиновники. Они отнюдь не во всех компаниях могут предопределять решения, но любой из компании способен напасть. А что из этого проистекает? За правильное поведение по отношению к нему крупный капитал должен тайно отстёгивать чиновнику крупные суммы.

Акции государства сегодня размещены в 40 тысячах частных российских компаниях, и как минимум 40-50 тысячам чиновников дан шанс доить как крупный, так и средний бизнес.

Немалая доля общенародной собственности в ходе её дележа отошла в хозяйственное ведение и оперативное управление так называемых ГУПов — Государственных унитарных предприятий при федеральных и региональных органах власти. ГУПы министерств и ведомств распоряжаются миллионом зданий и сооружений. Чем одарены такие же предприятия при администрациях республик, краёв-областей, городов-районов — тайна сия велика есть. ГУПы — это, по сути, обыкновенные коммерческие структуры, но только государственные. И их руководителей, в отличие от частных фирм, назначают чиновники. А им, родимым, желательно верить госпредприятия тем, кто в наибольшей степени сумеет облагодетельствовать благодетелей.

Крупный и средний бизнес через акции государства в частных компаниях и ГУПы вынужден вдоволь кормить крупных и средних чиновников, малый бизнес поставлен перед необходимостью наполнять карманы чиновников мелких.

Мой старинный товарищ недавно от покойных родителей получил в наследство трёхкомнатную квартиру в центре Москвы — на первом этаже дома на шумной улице. Желающих снять её как квартиру за два месяца не нашлось, но обнаружилась фирма, вознамерившаяся разместить в ней свой офис. Но для этого товарищу понадобилось перевести квартиру в нежилой фонд и заплатить мелким чиновникам полугодовую свою зарплату.

Продмаг рядом с моим домом в минувшую пятницу закрылся часа на три раньше обычного. Нагрянула экологическая милиция. Дабы она не закрыла магазин из-за якобы "нечистых" продуктов, хозяину пришлось ей заплатить. Платить ему приходится и милиции обычной, и пожарным, и сотрудникам санэпидстанции.

Ныне по всем законам лицензии на экспедирование грузов не требуется. Любое юридическое или физическое лицо, если оно зарегистрировано в Центре фирменного транспортного обслуживания МПС, может возить всё от Москвы до самых до окраин. Таких фирм в России около ста. Но лишь десяток из них — те, которые близки к руководству МПС, получают скидки до 70 процентов на тарифы и аренду вагонов. Понятно, что государственные чиновники в железнодорожном ведомстве за подобные услуги внакладе не остаются и борьба с коррупцией, которую начинали уже не раз, есть лишь блеф.

Банк, где работает мой близкий родственник, находил и вкладывал в отечественное производство иностранные и российские деньги. Но сей банк из своих прибылей не отстегивал чиновникам, которые отвечают за выдачу лицензий. В результате он был лишён лицензии, и договора на инвестиции в объеме 1 млрд. 900 тысяч долларов были расторгнуты. Интерес чиновничества взял верх над интерес общества.

Всё бизнес-сообщество России, включающее и олигархические финансово-промышленные группы, и скромные юридические лица, и индивидуальные предпринимателей, ежегодно тратит на взятки чиновникам всех рангов 30 миллиардов долларов — одну десятую часть стоимости валового продукта страны. Эта цифра, если верить газете "Время новостей", прозвучала на исходе февраля на встрече президента Путина с активом Российского союза промышленников и предпринимателей.

Данная тема беспокоит тузов не только исключительно из их шкурных интересов. Некоторым крупным финансово-промышленным группам сейчас, чтобы повысить свою эффективность, необходимо значительно сократить персонал. Но потерявшим работу некуда будет деться, поскольку малый и средний бизнес душится чиновничьими поборами и не способен открывать новые рабочие места, что чревато социальной нестабильностью в стране. А если бы не царил у нас произвол чиновников, то те же крупные российские ФПГ обрастали, как на Западе, подсобными предприятиями и проблем с безработицей сокращённого персонала не было бы.

Председатель совета директоров "Северстали" Алексей Мордашев уведомил президента Путина, что его знакомый давно возжелал

открыть магазин в Подмоскowie, да всё никак не откроет — не может собрать 137 разрешительных подписей разных чиновников. Вывод из выступления Мордашева сводился к следующему: мы видим рост влияния госаппарата и на местах, и в Центре, и это тормозит развитие экономики.

Открытые и чёткие правила игры — это не всё, чего желает крупный бизнес от власти. Есть и ещё проблема. “Государство, — сказал на встрече с Путиным глава “Интерроса” Владимир Потанин — должно иметь только то имущество, которое необходимо для исполнения возложенных на него функций”.

При Сталине госчиновники управляли всем имуществом страны. И управляли эффективно, поскольку просчёты и халатность могли стоить жизни. При Хрущёве и особенно при Брежневе и Горбачёве страх перед наказанием за бездарное руководство исчез — и экономика начала разваливаться. Заставить ныне чиновников успешно распоряжаться собственностью под страхом невозможно — увы, нет у нас сейчас ни товарища Сталина, ни товарища Берия за его спиной. Поэтому, вероятно, Владимир Потанин прав — чем дальше будут госчиновники отодвинуты от управления имуществом, тем лучше будет положение дел в экономике.

Почти в самом начале встречи с активом Союза промышленников и предпринимателей президент Путин заметил, что “искоренить коррупцию только карательными методами невозможно”. Утверждение это слов нет, верное. Дабы умирить аппетит чиновника к взяткам, ему надо платить по ведомости не гроши, как сегодня, а нормальные деньги. Но для этого необходимо тузов бизнеса, жалующихся президенту на коррупцию, заставить сильно поделиться своими доходами с государством. Произойдёт это — чиновник будет дорожить своим высокооплачиваемым государством местом, он тысячу раз станет думать прежде, чем попросить взятку в тысячу долларов, и если рост его и без того немалой зарплаты напрямую поставить в зависимость от доходов бюджета, то он пламенно начнет радеть о наполнении казны.

Первое условие искоренения повальной коррупции — легальное завидное многим благосостояние чиновника. Условие второе — громкие судебные процессы над высокопоставленными взяточниками. Но кто у нас может обеспечить выполнение этих условий?

Желающих поговорить о борьбе с тараканами в нашей властной и экономической элите — тьма, способных навести чистоту и порядок в доме — кот наплакал.

Протокольная слеза

Уход в мир иной Анатолия Собчака — это гибель в результате моральной травли. Так считают Путин, Чубайс, “генерал” Дима Якубовский.

Есть и другая версия причин скоропостижной смерти бывшего питерского мэра. В номере калининградской гостиницы Собчака “трампули” редким препаратом, который, вызывая тромб в сосудах, удерживается в крови всего двенадцать минут.

Не выдержало ли собачье сердце происков вельможных недоброжелателей, или остановилось оно от уникального яда, — выяснить вряд ли удастся. Но вполне очевидно, что смерть Собчака крайне выгодна Путину.

Когда популярный в царствование Николая II писатель Леонид Андреев возвращался в Питер с дачи и видел на перроне среди встречавших его менее десяти журналистов, то заболел на целую неделю. Собчак так же, как и Андреев, привык быть знаменитостью, и поэтическая его натура не могла не страдать от недостатка внимания. Совершив однажды упоительное хождение во власть, Собчак, вероятно, уже не представлял себе жизни без неё. Но что ему светило после проигрыша на выборах в Госдуму в 1999-м? Только солидный пост милостью его бывшего подчинённого Путина, который ныне сидит в Кремле и собирается в нём надолго остаться.

Во времена обитания Путина не в Кремле ещё, а на Пресне в роли премьер-министра, боевой листок Лужкова — газета “Версия” — опубликовала вопросы к новому главе правительства, касающиеся его деятельности в питерской мэрии: совершал ли он приписываемые ему

аферы в целях личного обогащения? Обо всех путинских делах и делишках своего заместителя мэра Питера Собчак был весьма осведомлён. Слово Собчака о прошлом Путина многое бы значило для его настоящего и будущего. Путину нежелательно было иметь врага в лице Собчака, но ему и нерезонно было тащить за собой во власть бывшего начальника с превеликими амбициями.

Смерть Собчака избавила Путина от возможных щекотливых свидетельств и полностью освободила от всяких обязательств перед бывшим патроном. Но не только в этом её значение.

Острая сердечная недостаточность приключилась у Собчака как раз в тот момент, когда в прессе обсуждались слухи о его назначении генеральным прокурором или главой президентской администрации. Случайным ли было такое совпадение — не важно. Важно то, что теперь любой, кто мог бы, добиваясь постов и покровительства, шантажировать Путина, будет думать: вдруг и мое сердце откажет в один прекрасный момент?

Все мы видели безутешно-скорбное лицо Путина, сидевшего рядом со вдовой Собчака Людмилой Нарусовой. Но всем нам из официальных сообщений известно, что после трогательно-слёзного пожатия её руки он поехал обсуждать текущие дела с питерским губернатором Яковлевым, которому вдова запретила присутствовать на похоронах со словами: “Предателям не место у гроба”.

Из члена команды Собчака Яковлев некогда превратился в его политического противника. И ему, стало быть, можно так же пришить обвинение в моральной травле бывшего путинского начальника. Но Путин, говоря, что травля — причина гибели Собчака, как ни в чём не бывало общается в день похорон с одним из её участников. Заявление Путина о травле — это прежде всего заявление, направленное против генпрокурора Скуратова с его разоблачениями кремлёвской “семьи”, из рук которой Путин получил власть.

Смерть Собчака позволила Путину защитить себя от возможного шантажа. И отправляясь от Нарусовой к Яковлеву, он явно продемонстрировал свое не наигранно скорбное, а прагматичное отношение к собачьей смерти.

Глава 6

Горби-2

Скверен тот правитель, которого народ ненавидит. Плох тот правитель, которого в народе любят. Хорош тот правитель, о существовании которого народ знает. ✓

Древняя эта китайская присказка весьма актуальна для новейшей нашей истории.

Коммунистический расстрига Ельцин, свергнув своими реформами в нищету большинство граждан и озолотив меньшинство, вызвал к себе ненависть первых, а искренней благодарности вторых не заслужил — и прощения ему никогда не будет.

Восседавший до Ельцина в Кремле Горбачёв старательно искал народной любви и находил её — и у знаменитого актёра Ульянова, и у никому не известного слесаря Пупкина. Играть на публику генсек-президент умел, добиваться им же заявленных целей был не способен, и в конце концов стал не нужен никому — ни Ульянову с Пупкиным, ни порождённым его политикой богачам-кооператорам, ни обречённым при нём на очереди за стиральным порошком учителям с инженерами. От власти его отлучили при всеобщем к нему презрении.

Сменивший Ельцина Путин не страдает таким словесным поносом, как Горбачёв, но столь же часто, как и он, ходит в народ за добыванием его любви.

Вспомним кадры в новостях последних лет. Путин вручает имен-ные ножи воинам в Чечне. Путин пьёт морскую воду на подлодке в Баренцевом море и кумыс на сабантуе в Казани. Путин сидит на трибунах во Дворцах спорта и выписывает загогулины на горнолыжных трассах. Путин навещается на службу в древнерусский храм

Владимира и на обед в семейный детский дом в Калужской области. Путин в толпе то горожан, то селян — там и тут.

Не подобные ли пёстрые картинки, только не с залысинами Путина, а с лысиной Горбачёва на народном фоне мы видели во второй половине 80-х?

Регулярно общаясь с рядовыми тружениками, Путин не обделяет вниманием и олигархов, которые этих тружеников обобрали. Путин желает нравиться всем — и волкам, и овцам, — он явно хочет добиться мира-лада между ними, и это наглядно раскрывает качество его правления.

Кинем взор ещё раз на древнюю китайскую присказку: хорош тот правитель, о существовании которого народ знает. Знает народ о таком правителе не по числу сделанных им рукопожатий массам на открытом воздухе и под крышей, а по тому, какие решения в своём рабочем кабинете он принимает — политические, экономические, кадровые и военные.

Сталин не разгуливал по спортсооружениям, по цехам предприятий и колхозным фермам, не напрягал своими визитами коллективы ученых, учителей и врачей, но при нём количество стадионов и спортзалов, количество промышленных и сельскохозяйственных объектов, количество вузов, школ и больниц неуклонно росло.

В 20-30 годы пламенные революционеры из так называемой ленинской гвардии через нелегальные кассы Коминтерна, Профинтерна и торговые операции Министерства внешней торговли увели из СССР на свои счета за границей огромные суммы валюты.

Влияния в стране у сих революционеров, занимавших важнейшие партийные и государственные посты, было не меньше, если не больше, чем сегодня у олигархов. Конфликт с ними мог в два счёта обернуться крахом для Сталина. Но он прежде думал о Родине, а потом о себе, и конфликта не убоился. Пламенным же революционерам дороже всего была собственная шкура — и наворованное они вернули.

Страна не ведала, чем изо дня в день занимается Сталин, но она знала, что у неё есть великий вождь, поскольку жизнь в ней становилась и лучше, и веселей. Хороший правитель к хуле и похвале относится равнодушно, и без шума-гама решает главные для народа проблемы, а плохой — о них в лучшем случае только говорит.

В послании парламенту в 2001-м Путин констатировал: каждый год из России за рубеж уплывает свыше 20 миллиардов долларов. Важна для всех нас эта проблема? Само собой — жизненно важна. Какие же меры по предотвращению утечки капитала предпринял Пу-

тин? Никаких. В его президентских посланиях в 2002-м и в 2003-м о поднятой ранее проблеме не сказано ни слова.

Игра на публику и склонность прятать голову в песок в острых политических ситуациях — это не единственное, что сближает Путина с Горбачёвым. За пару лет своего президентства Путин догнал и перегнал Горбачёва по числу зарубежных визитов и количеству принятых им в России важных иностранных персон. Путин добивается популярности на Западе с таким же усердием, как и Горбачёв, и добивается таким же образом — за счёт безоговорочного потворства интересам западных партнерам и уступок интересов собственной страны. Разница во внешне-политическом поведении второго президента России и первого президента СССР есть, но она несущественна. Горбачёв особо отличился перед Германией и получил титул Лучшего Немца года, у Путина особые заслуги перед США, и не удивительно будет, если его вот-вот объявят Лучшим Американцем начала XXI века.

Путин убрал неудобные США российские военные базы на Кубе и во Вьетнаме. Путин поддержал ввод войск Америки и её союзников в Среднюю Азию. Путин закрыл глаза на начало военного присутствия США в Закавказье. Путин в осуждении американо-английской оккупации дружественного нам Ирака не пошёл дальше союзников США по НАТО.

Замечательно схож второй президент РФ с первым президентом СССР и ещё в одном: Горбачёв успешно разорвал историческую общность народов Российско-Советской империи, Путин столь же успешно не пытается эту общность восстановить.

Характерный тому пример. Для очередного возбуждения любви народной Путин направляет стопы в Кардиологический центр имени Бакулева и там, беседуя с врачами о трудах их тяжких, вдруг выплёскивает на людей в белых халатах гнев. Гнев, вызванный у него белорусскими властями: они за союз с Россией, но за какой союз — не понятно. “И чего они наводят тень на плетень, чего кочевряжатся?” — было написано на раздражённом путинском лице. Валовой национальный продукт Беларуси — это лишь 3 процента от российского.

С апломбом сказанное Путиным о разнице потенциалов двух республик трактовать можно только однозначно: Россия без Беларуси легко обойдётся и не дорожит существующим пока только на бумаге Союзным государством. Почему равнодушен к нему господин Путин? Потому, вероятно, что сильным мира сего выгодно похоронить зарождающийся союз России и Беларуси. *Против Белорусии — да!*

Сталин строил СССР как целостный живой организм, все части которого дополняют друг друга. Искусственное расчленение этого организма нарушило естественные экономические связи и больно ударило по промышленности и сельскому хозяйству всех республик. Их возрождение невозможно без восстановления былых связей. Новая интеграция республик неизбежно усилила бы их экономическую мощь, а России дала бы шанс вернуться на мировой рынок в роли индустриального товаропроизводителя — некогда наша отечественная дешёвая бытовая техника, наши трактора и автомобили успешно продавались во всех почти развивающихся странах, а наше оружие в них пользовалось наивысшим спросом.

Не страх перед призраком коммунизма сам по себе подвигнул Запад на холодную войну с СССР. Он развязал и вёл её более 40 лет не столько по политическим, сколько по экономическим причинам. Развалив-таки СССР с помощью Горбачёва, Запад убрал с мирового рынка сильного конкурента. На это были угроханы огромные деньги. Так может ли сегодня западный капитал позволить России отвоёвывать на рынке то, что имел на нём Советский Союз? Разумеется, не может. Следовательно, никакого экономического укрепления России через интеграцию с бывшими советскими республиками быть не должно. И точка.

Горбачёв, обеспечив в угоду Западу крушение СССР, разладил взаимовыгодное сотрудничество между его народами. Путин же, похоже, принял на себя обязательство перед Западом отнять у народов саму надежду на возобновление такого сотрудничества

Глава 7

Правитель над правителями

Беседа с депутатом Госдумы, бывшим заместителем министра энергетики СССР Георгием Тихоновым

Николай АНИСИН. Реформа РАО Единые Энергетические Системы пока не запущена. Что-то в её планах верховная власть ещё может изменить. Но вряд ли кто из знатоков кремлёвской кухни полагает, что президент Путин и деятели правительства осмелятся перечить Чубайсу. Как он решил, так ЕЭС и будет перестраиваться.

Вы, Георгий Иванович, отдали энергетике 40 лет. Вы один из тех, кто создавал нашу энергосистему, кто хорошо осведомлён о нынешнем положении дел в ней и о её реформе по Чубайсу. Но прежде чем спросить вас о сути этой реформы, мне бы хотелось малость поговорить с вами о самом Чубайсе.

В начале 1990 года лидер избирательного штаба ленинградских демократов Пётр Филиппов несколько раз предлагал доценту инженерно-экономического института и активисту популярного тогда в Питере демклуба “Перестройка” Анатолию Чубайсу баллотироваться в депутаты РСФСР или Ленсовета. Его шансы пройти в тот и другой орган власти были одинаково велики. Но Чубайс несколько раз отвергал предложение Филиппова. Более того, когда многие члены “Перестройки” стали депутатами — и российскими, и городскими, и районными — Чубайс вышел из совета клуба.

Весной 1991 года на сессии Ленсовета его председатель Анатолий Собчак выдвинул кандидатуру Чубайса на пост руководителя Ленгорисполкома. Но Чубайс публично отказался сей пост занять.

Крах СССР Чубайс встретил в скромной должности советника Собчака. В ней он пребывал и в последующие два месяца. Но вот наступает ноябрь 1991 года и Чубайса делают председателем Госкомимущества России и наделяют его правом распоряжаться всем огромным достоянием страны. Как вы можете объяснить ~~власть~~ Чубайса из грязи в князи? Случайно ли он уходил в тень и избегал видных постов при Советской власти, и с бухты ли барахты именно ему доверили делить несметную государственную собственность России?

Георгий ТИХОНОВ. Компетентный ответ на ваш вопрос, я думаю, могут дать только спецслужбы. Для меня карьера Чубайса так же загадочна, как и для вас. Но некоторые свои предположения я могу высказать. Сегодня ни для кого не секрет, что в СССР действовала широкая сеть агентов влияния Запада. Кому-то из них надлежало взрывать страну изнутри публично, кому-то — тайно. У меня нет доказательств, что Чубайс, который, как вы выразились, уходил в тень при Советской власти, был тайным агентом влияния. Но если он, как всем теперь известно, человек, чрезвычайно амбициозный и властолюбивый, и от депутатского мандата отказался, и руководить хозяйством Ленинграда не согласился, то, стало быть, у него были на то причины — далеко не все в КГБ СССР готовы были в 90-91-м покорно глядеть в рот Горбачёву с Ельциным, подчинявшимся указке Запада. А раз так, то зачем светится, зачем привлекать к себе внимание значком депутата или должностью председателя Ленгорисполкома?

Вопрос о власти есть вопрос о собственности. Эту истину признают и социалисты, и капиталисты. Прозападный по своей природе режим Ельцина не устоял бы без передела собственности по западным рецептам. А что из этого следует? Пост председателя Госкомимущества в ельцинской России был главным политическим постом, от которого зависела судьба режима, и следовательно, назначение на него Чубайса произошло отнюдь не с бухты-барахты.

Я помню, что в 1992-м газета "День" опубликовала стенограмму переговоров один на один президента России Ельцина с президентом США Бушем-старшем. Подлинность её никем не подвергалась сомнению, поскольку было официально объявлено о служебном расследовании — кто допустил утечку конфиденциальной информации из Кремля? Так вот, позволю себе напомнить вам одну фразу из той стенограммы. Ельцин говорит Бушу: "Вы просили оставить Козырева на посту министра иностранных дел и я выполнил вашу просьбу". Как видим, ключевые кадровые назначения у нас в начале девяностых происходили

под диктовку Запада. И к руководству раздачей российской госсобственности мог быть допущен только тот, кто доказал свою преданность тем, кто делал погоду на Западе. Чубайсу, судя по всему, Запад верил, и он его доверие оправдал. Самые лакомые куски общенародного достоинства получили за гроши самые лояльные к интересам капитала в Европе и Америке. Чубайс энергично и цинично реализовал установки мировых финансовых центров и завоевал право быть их полномочным представителем в России. Отсюда и его непотопляемость в российской политике — полпреда Фининтерна никому топить не позволено. С Чубайсом всегда обязан был ладить Ельцин, с ним вынужден будет ладить и Путин, иначе акулы мирового капитализма его немедленно сожрут.

Николай АНИСИН. В августе 1998-го команда младореформаторов, фактическим лидером которой был Чубайс, обрушила рубль. Это больно ударило по богатым и бедным в России и вызвало всеобщее недовольство в обществе. Правительство было отправлено в отставку. Но если Чубайс действительно является полпредом Финансового Интернационала, то почему Ельцин не сохранил за ним пост вице-премьера, а трудоустроил в РАО ЕЭС?

Георгий ТИХОНОВ. Вот тут для меня загадки никакой нет. В правительстве Чубайс много лет славно поработал и свою миссию там выполнил. Проведённая им приватизация и та макроэкономическая политика, которая через него с сотоварищами была нам навязана, превратила Россию в сырьевой придаток Запада. Но запас прочности у нашей индустрии был велик и она на сей день всё-таки скорее жива, чем мертва. То есть у неё есть шанс возродиться. А чтобы этот шанс отнять, что надо сделать? Правильно — надо лишить промышленные предприятия энергетической базы. Этой цели и пытается сейчас добиться Чубайс, затеявая свою реформу РАО ЕЭС.

Коммунизм по Ленину — это Советская власть плюс электрификация всей страны. Колониальный капитализм по Чубайсу — это власть сырьевых олигархов плюс деэлектрификация индустриально развитых регионов страны.

Николай АНИСИН. Беседуя недавно на ТВС с Киселёвым, Чубайс сказал, что суть его реформы можно передать в двух словах — инвестиции и тарифы. Свершится реформа, пойдут капиталовложения в энергетику, возникнет конкуренция между производителями — и прекратится постоянный рост цен на электричество. То есть Чубайс уверяет нас, что он планирует реформу, которая ведёт к модернизации отрасли и удешевлению её продукции. Вы же утверждаете, что реформа

РАО ЕЭС по Чубайсу — это деэлектрификация страны. Какие у вас на сей счёт есть доводы?

Георгий ТИХОНОВ. Нашей системой энергетики в советское время восхищались специалисты многих развитых стран. Она создавалась как единый живой организм. Она эффективна в управлении, экономически целесообразна и сверхнадёжна в эксплуатации.

Помните, как несколько лет назад весь Нью-Йорк остался ночью без света? Почему? В США электроэнергию производят и продают отдельные частные компании. Случилось что-то в одной из них — возникают проблемы. У нас же перебои со светом в одном месте всегда можно компенсировать перекачкой из другого. В США энергетики содержат на аварийные случаи 30 процентов резервных мощностей, мы же на исходе Советской власти прекрасно обходились 3-5 процентами. Существование нашей системы энергетики именно как единого организма позволяет избегать издержек, планируя, где выгоднее сжигать газ, где уголь, где мазут, где выгоднее построить АЭС, где — ГРЭС.

Я так долго говорю о преимуществах российской энергосистемы потому, что чубайсовская реформа как раз и призвана покончить с ними: РАО ЕЭС как единый организм ликвидируется, генерирующие мощности (электростанции) выделяются в самостоятельные компании, акционируются и отлучаются от электросетей (они попадают в руки отдельной компании). Всё это подается публике как панацея от нынешних бед энергетики. Ей нужны капвложения? Нужны. Сейчас их нет. Но как только огромное РАО ЕЭС разделится, богачи со всего света начнут покупать акции мелких электрокомпаний — вот вам и инвестиции. Каждая компания заинтересована продать в электросети как можно больше энергии, покупать же больше будут у тех, у кого дешевле. Вот вам конкуренция и снижение стоимости электричества.

Что сразу приходит на ум, когда первый раз знакомишься с реформой по Чубайсу? Готовится очередная афера по обогащению избранных. Вся собственность РАО ЕЭС ныне оценена на бумаге в 5 миллиардов долларов. Реально же она стоит миллиардов 200. Кто в первую очередь будет допущен Чубайсом и властью к торгу за самые прибыльные электростанции, тот сорвёт солидный барыш. Это мы уже проходили в первые годы приватизации. Но цель чубайсовской реформы не сводится только к тому, чтобы набить деньгами карманы хороших и нужных людей.

Приведу пример. Есть у нас Саяно-Шушенская ГРЭС. На её строительство когда-то государство потратило в рублевом эквиваленте около 9 миллиардов долларов. На балансе у Чубайса ей цена —

70 миллионов долларов. Рядом с ГРЭС — алюминиевый комбинат, за который сегодня дают 250 миллионов долларов. Если дорогой комбинат купит контрольный пакет акций “дешёвой” электростанции и она станет частной, то тогда ей можно будет комбинату отпускать энергию по минимально низким ценам, остальным потребителям — по максимально высоким. Не станут они её брать — и не надо. Реформа Чубайса предусматривает сбыт энергии через единые электросети в Европу. А там цена за киловатт в 2,5 раза выше, чем в России. Чем все это обернётся? Полным крахом нашей наукоёмкой и высокотехнологической индустрии.

Приватизация по Чубайсу — это главная социальная афера XX века. Реформа российской энергосистемы по Чубайсу — главная экономическая диверсия XXI века.

Николай АНИСИН. Насколько мне известно, таким же, как и вы, противником чубайсовской реформы является и заместитель министра энергетики РФ Виктор Кудрявый. Вы и он — против капитальной ломки РАО ЕЭС. Но как, не дробя и не распродавая по частям нашу единую энергосистему, найти денег для её модернизации? Она ведь на самом деле остро нуждается в капвложениях.

Георгий ТИХОНОВ. В последние годы СССР себестоимость электроэнергии на наших тепловых электростанциях равнялась 1,59 копейки за киловатт, на АЭС — 1,1 копейки, на гидростанциях — 0,15 копейки. Только с ГЭС мы имели чистой прибыли 3,5 миллиарда долларов в год. Сегодня, как и прежде, все гидроэлектростанции стоят на месте и работают, вода в российских реках по-прежнему течёт бесплатно, амортизационные расходы на ГЭС — мизерны. А куда огромные прибыли делись?.. Надо не крушить РАО ЕЭС, а пресечь в нём воровство. И тогда недостатка в инвестициях в энергетику не будет.

Премьер Касьянов, выступая недавно в Госдуме, обронил такую фразу: реформа РАО ЕЭС нужна для того, чтобы обеспечить прозрачность его финансово-хозяйственной деятельности. Премьер должен знать, что контрольный пакет акций РАО принадлежит государству, премьер должен мочь просветить его деятельность. Но не может. Не может, вероятно, потому, что не премьер Касьянов и президент Путин контролируют Чубайса, а он контролирует их обоих.

Глава 8

Высших чинов – в космос. Навсегда

“Зато мы делаем ракеты...”

А немцы с их “мерседесами” и “ауди”, а японцы с их “сонями” и “тошибами”, а шведы с их “вольвами” и “электролюксами” ракеты, спутники и самолёты делать не могут. Кишка тонка.

Наши же летательные аппараты, наша космическая аппаратура были и остаются пока лучшими в мире. И танки наши всё ещё лучшие в мире, и зенитные комплексы лучшие, и автоматы.

Когда нами правил великий Сталин, мы блистали не только военной техникой. Русские автомобили и трактора, русская обувь и одежда, русские часы и радиоприёмники в послевоенные годы не уступали по качеству мировым стандартам.

Сотворённая Сталиным система экономики по инерции успешно работала и после его смерти. Но на планете набирала темпы научно-техническая революция, и она диктовала совершенно новые правила игры в экономике. Сменившие же Сталина вожди, отменив жёсткий спрос за результаты труда, законсервировали прежнюю систему административного управления всем и вся. К чему это привело, известно — страх перед наказанием за плохую работу у народа исчез, а стимулов работать как можно лучше у него не появилось.

При Хрущёве наша власть начала тупеть, при Брежневе — тупеть продолжила. Партийно-хозяйственная номенклатура в стране не обновлялась, её никто не стегал за отставание в научно-технической гонке, и она не только не стремилась к обновлению номенклатуры производствами, но и не желала лишний раз обременять себя хлопотами по внедре-

нию новшеств. Прорыв изобретение стало проблемой. Поэтому мы уверенно топтались на месте в производстве разнообразной техники и ширпотреба, а Запад из года в год совершенствовал их качество. Там изобретение щедро поощрялось и незамедлительно воплощалось в конкретном изделии.

Высшую власть в двадцатилетнее почти брежневское правление всерьёз беспокоило только одно — как сохранить саму себя. А для этого надо было не проиграть НАТО в вооружении и ударно наращивать добычу природных ресурсов — основу бюджетного благополучия. И два производственных комплекса — военно-промышленный и сырьевой — оказались в особом положении. В них не удушилась административными рычагами научно-техническая мысль, они не знали недостатка в финансировании, и потому сохранили свою конкурентоспособность. Тупое и неэффективное администрирование почти не распространялось и на фундаментальную науку, на некоторые виды искусства. Они также не утратили своих позиций.

*“Зато мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди планеты всей”.*

Этот популярный некогда стих хоть и недостаточно полно, но всё-таки верно отражал картину достижений страны в постсталинский период отечественной истории.

В пору Хрущёва и Брежнева власть с размахом возводила заводы по производству ракет, спутников, самолётов всех классов и в весьма скромных масштабах вела строительство жилья для тех наших граждан, которые жили в бараках, общежитиях и коммуналках. Власть воздвигала тогда космодромы, аэродромы, центры управления полётами, станции наблюдения — и денег на всё это хватало. Но их не хватало на то, чтобы ликвидировать сплошное бездорожье в Центральной России. На запуски кораблей и спутников в космос власть отпускала столько средств, сколько было надо, а на питание детей в школах и пионерлагерях — экономила.

Расходы на аэрокосмическую отрасль производились в ущерб условиям жизни и, стало быть, во вред здоровью народа. Но народ, понося втихую хрущёвско-брежневскую власть за абсурдные кукурузно-мелиоративные проекты, за насаждение уравниловки в зарплате, за зажим

инициативы, за пустозвонные лозунги и речи, затраты на авиацию и космонавтику в вину ей не ставил. Покорение небес на заре космической эры подавляющее большинство граждан встречало "на ура", а потом воспринимало наши рекорды в воздухе и безвоздушном пространстве хоть и без восторженных эмоций, но и без раздражения — как то, что нужно и важно.

В пик популярности космонавтики — в середине шестидесятых — в колхозах и совхозах была введена гарантированная почасовая оплата труда вне зависимости от урожаев и надоев. И тогда же родился анекдот, который всю гулял в домах учителей и врачей, писателей и историков, артистов и художников:

— Кому сейчас на Руси стало жить хорошо?

— Гагарину Юрке, доярке Нюрке, Леониду Брежневу, ну а всем по-прежнему.

Часть интеллигенции, гуманитарной в основном, недовольна была аэрокосмическими программами государства всегда — и в шестидесятые, и в семидесятые, и в восьмидесятые годы: зачем нам делать столько самолётов, спутников и космических кораблей, если мы автомобиль по доступной цене купить не можем?

Самая же высоколобая техническая интеллигенция все упомянутые годы рассуждала совершенно иначе: в себестоимости ли самолёта, спутника ли, космического корабля где-то около 25 процентов — это затраты на материалы, а 75 процентов — это оплата труда голов и рук. Производить и продавать летательные аппараты — и военные для стран-союзниц, и гражданские для всех, — гораздо выгоднее для Советского государства, чем экспортировать сырьё. Сырья у нас много, но оно — не возобновляемо. Прибыль же с труда отечественных голов и рук можно получать вечно. Поэтому, раз мы сильны не в автомобилях с тракторами, не в телевизорах с видеками, не в холодильниках с пылесосами — так уж вышло, — а в аэрокосмической технике, то максимум всех наших ресурсов надо бросить на развитие её производства. Достигнем мы в нём совершенства — получим курицу, способную нести золотые яйца. Будет в стране изготавливаться первоклассная аэрокосмическая техника — будет у её граждан полно и всякой другой хорошей техники: продадим за границу один самолёт, на деньги от его продажи накупим там тьму автомобилей и телевизоров, и отдадим их по дешёвке в нашу розничную торговлю.

К исходу восьмидесятых мы имели аэрокосмическую отрасль, которая умела производить всё, и всё — самое лучшее. США к тому

времени успели ~~поднять~~ мир кораблем-челноком — слетал он в космос и обратно вернулся. Мы не задержались с тем, чтобы утереть нос американцам. Создали свой челнок — “Буран-Энергию”. И он был эффективнее — ~~технически~~ и экономически. Отрасль на самом деле стала способна играть для страны роль курицы, которая несёт золотые яйца. Оставалось только умело её использовать во благо всех и каждого. Но в начале девяностых переменилась власть. Коммунисты с заплывшими жиром мозгами отдали бразды правления бойким, одержимым жаждой личной наживы демократам, и отрасли пришлось думать не о том, как озолотить народ, а о том, как просто-напросто выжить самой.

Передо мной документ — отчёт аудитора Счётной палаты Бесхмельницина о проверке финансово-хозяйственной деятельности Росавиакосмоса в последнюю пятилетку XX века. Главный вывод господина аудитора таков: “Ракетно-космическая и авиационная промышленность Российской Федерации обладают высоким научно-техническим и производственным потенциалом, который в настоящее время полностью не используется и во многом утрачивается”.

Отрасль, как драгоценная курица, сегодня ещё способна нести золотые яйца, а завтра-послезавтра может откинуть лапки.

Росавиакосмос теряет кадры, которые, как известно, решают всё. На ракетно-космических заводах — имени Хруничева в Москве и “Прогрессе” в Самаре — количество персонала сократилось более чем в полтора раза. В авиационной промышленности численность работающих уменьшилась вдвое. Растет на предприятиях, в НИИ и КБ только удельный вес пенсионеров.

Худо в отрасли с головами и руками, не лучше и с орудиями труда. На заводе Хруничева только 0,7 процентов производственных мощностей имеет возраст до 5 лет, на “Прогрессе” — 0,3. Все остальные станки и приборы — старье. На ракетном комплексе “Энергия” 85 процентов оборудования выработало нормативный срок.

Первопричина упадка в отрасли — невостребованность её собственным государством.

Запуски в космос в интересах Минобороны сократились более чем в два раза. Также вдвое уменьшилось у нас и количество космических аппаратов, составляющих орбитальную группировку России.

Возникает резонный вопрос: а может, нам вполне достаточно нынешнего числа полётов и аппаратов?

85 процентов космических аппаратов, которые сейчас находятся на орбите, выработали срок их активной эксплуатации. Два спутника-

пенсионера, используемые Росгидрометом, рухнуть ~~могут~~ в любой момент и погоду метеорологи будут определять по тому, ~~ведет~~ ли поясницу у Ельцина или нет.

По закону "О космической деятельности" аэрокосмическая отрасль должна получать госассигнования в размере ~~не менее~~ одного процента от валового внутреннего продукта. То есть ~~власть~~ законодательная признаёт: надо выделять деньги на космические полёты и аппараты. Власть исполнительная с ней соглашается и утверждает Космическую программу. Но финансирует её за пятилетку только на 22 процента от ~~ею же~~ запланированного.

На полёты в космос с оборонными и научными целями у исполнительной власти денег нет, на бесчисленные полёты Ельцина и Путина по Америкам, Европам и Азиям она их всегда находит.

Дефицит средств у нас, как каждый знает, мнимый. Десятки миллиардов долларов от продажи сырья ежегодно утекают за границу и ~~власть~~ закрывает на то глава. Другими словами: власть не желает найти деньги на сохранение и возрождение нашей аэрокосмической отрасли. Более того, она умышленно вредит ей.

Яркий тому пример — кредитные гарантии правительства РФ "Медиа-Мосту" Гусинского для покупки спутника телевидения "Бонум-1" в США. Такой спутник без проблем могли изготовить наши предприятия, если бы им дали кредит в 140 миллионов долларов. Но эти миллионы благодаря правительству РФ ушли в Америку.

Упадок в аэрокосмической отрасли власть порождает как напрямую сама, так и через назначаемых ею руководителей отрасли.

За пятилетку Росавиакосмос получил внебюджетных средств от иностранных заказчиков на 750 миллионов долларов, от российских — за два последних года века — 600 миллионов долларов. Но куда они ушли — на производственные нужды или в карман частных лиц — ни Счётной палате, ни какому-то другому контрольному органу неизвестно.

Сомневаться же в чистоплотности вождей отрасли заставляют два следующих факта. В 2000 году дочка Росавиакосмоса — ЗАО "Пусковые услуги" обязалось вывести на орбиту американский космический аппарат "Квик Бёрд". Он взлетел, но до орбиты не долетел. Рухнул. Причины аварийного пуска не установлены. Но вот что любопытно: изготовление "Квик Бёрда" обошлось в 60 миллионов долларов, а застрахован он был на 265 миллионов. Так не сознательно ли дочка Росавиакосмоса сорвала исполнение контракта по запуску? Американским владельцам аппарата — барыш колоссальный, нам — кукиш с маслом.

В следующем, 2001 году ЗАО "Пусковые услуги" благополучно вывело в космос израильский аппарат "Эрос". Его орбита имеет наклонение 97,33 градуса и пролегает над территорией России. Израиль не включён в список государств, которым мы можем помогать снимать из космоса наши просторы. Дочка же Росавиакосмоса на сие ограничение наплевала. Но и это не всё. За запуск "Эроса" израильская фирма заплатила 10 миллионов долларов. А по оценкам экспертов "Рособоронэкспорта" такой запуск стоит от 80 идо 100 миллионов долларов. Кому досталась разница между декларированной и реальной стоимостью? Отнюдь не тем, на ком держится потенциал нашей аэрокосмической отрасли.

Мы можем сохранить и возродить эту отрасль, мы можем и впредь одерживать победы в воздухе и в безвоздушном пространстве во благо всей страны, но для этого нам надо первых лиц нынешней власти отправить в космос. Навсегда.

Часть II

**ВИД НА ВЛАСТЬ
В ПРОВИНЦИИ**

Глава 1

Мода на чистых профи

У губернаторов в современной России — судьбы фруктовых деревьев на приусадебном участке: если они не приносят ожидаемых плодов, их вырубают под корень и не дают им воспроизводиться. Кто из бывших глав провинций в минувшее десятилетие вернул себе утраченный пост? Никто.

Не стал исключением даже самый из самых возлюбленных Кремлём времён Ельцина — Борис Немцов.

В 1995-м я ездил в Нижегородскую область изучать его губернаторскую деятельность. Изучил. И в отчётной заметке написал: “Немцов гремит — в уйме статей и телепередач”.

Немцов гремит — его зовут на приёмы в столицы Европы и Америки, включают в список “Мировые лидеры XXI века”, к нему примеривает высший пост в РФ Ельцин: “Сегодня Немцов настолько вырос, что вполне может претендовать на роль президента”.

Немцов гремит. И не все при этом думают, что греметь способна лишь пустая бочка.

Минуло семь лишь лет. И кому ныне в мире взбредёт в голову занести Немцова в число потенциальных лидеров планеты XXI века? И есть ли на сей момент в России сумасшедшие, которые считают, что Немцов — жалкая марионетка Чубайса в Союзе правых сил — хоть когда-то будет способен завоевать Кремль?

Чин губернатора в Нижнем в 1991-м Немцов получил от окружения Ельцина за пламенные речи на съездах народных депутатов РСФСР — за речи против Компартии и за рынок с демократией. Продлить

свои губернаторские полномочия на выборах Немцову также удалось словесами — словесами о превращении области в полигон рыночных реформ и о немислимых ей выгодах от этого.

Немцов умел преподнести себя так, как по нраву было новой верховной власти в России, и она его, зелёного физика, не доросшего даже до руководителя лаборатории в своём НИИ, и управлять крупнейшей областью страны поставила, и долгое время покрывала из федеральной казны огромные убытки нижегородской экономики от авантюрно-дилетантского хозяйствования Немцова.

Физик Немцов в первой половине 90-х был отнюдь не единственным говоруном во власти в провинции. За доблестное обличение прежней коммунистической власти и за заслуги в обещании скорых благ от рынка с демократией посты губернаторов тогда получила целая обойма не имеющих управленческого опыта дилетантов. Скажем, Владимирской областью по указу Ельцина руководить назначили сотрудника ящурного НИИ Власова, Калужской — доктора наук Дерягина, Амурской областью — корреспондента ТАСС Кривченко. Но не все дилетанты обладали таким актёрским даром, как Немцов, и далеко не каждому из них Федеральный центр мог оказывать столь щедрое финансовое покровительство, как нижегородскому физика. И потому Немцов с его искусственно раздутой популярностью хоть и не вернулся в Нижний на белом коне, но до сих пор остаётся на политическом плаву. Остальные же ему подобные губернаторы один за другим ушли в политическое небытие.

Если с 1991-го по 1995-й непременным условием прихода к власти в провинции являлся антикоммунизм кандидата с его публично выраженной преданностью рыночным и демократическим принципам, то во второй половине 90-х — наоборот, появился спрос на коммунистичность претендентов в губернаторы. При равных примерно личных достоинствах избиратели в разных областях и краях стали отдавать предпочтение тем кандидатам, которые именовали себя коммунистами. Рядовые российские граждане, измученные рынком с демократией, вольно или невольно умозаключали для себя: при власти КПСС мы жили лучше, чем теперь, Ельцин разгромил Компартию и большинство вогнал в нищету, нынешние коммунисты против ельцинского режима, и губернатор-коммунист — найдёт хоть какое-то противоядие от пакостей режима.

На волне таких или тому подобных настроений в 1996-2000 годах власть в провинции получили десятки так называемых красных губер-

наторов. То есть губернаторов, которые имели красные партбилеты Компартии Российской Федерации. Красными все они были в ходе избирательных кампаний, а по их завершении и получении губернаторских мандатов почти все они, за исключением, пожалуй, тульского губернатора Стародубцева, превращались в серо-буро-малиновых. Демонстрировать свою красноту — открытое неприятие политики Федерального центра — действующему губернатору нельзя, ибо Центр удушит твою область или край финансовой удавкой, наводить в вверенной тебе территории социальную справедливость — тоже нельзя: распределение собственности и тарифы на системы жизнеобеспечения определяет всё тот же Центр. Что остаётся красному губернатору? Правильно: следовать установленным в Кремле правилам игры и принимать свои решения с учётом хитросплетений подковерной борьбы там.

Красные губернаторы, как и густопсовые губернаторы-демократы вроде самарского губернатора Титова или саратовского — Аяцкова, работают в существующей системе координат социально-экономической политики Центра, и каждый из них не подлежит вырубанию избирателями только в том случае, если он в этой системе не допускает резкого падения их благосостояния. Идеино-политические воззрения начальников провинций сегодня мало что значат. Была мода на губернаторов-демократов, потом пришла мода на губернаторов-коммунистов. Пришла и сплыла.

Коммунист Лодкин, он же бывший корреспондент ТАСС, он же нынешний губернатор Брянской области, и коммунист Черногоров, он же бывший преподаватель государственно-правовых дисциплин, он же нынешний губернатор Ставропольского края, сумели сохранить свои посты только во втором туре и с незначительным перевесом голосов. Коммунисту же Шабанову, губернатору Воронежской области, и коммунисту Прохорову, губернатору Смоленской области, избиратели в доверии вообще отказали. Другими словами, вырубали их с занимаемых должностей.

Ни ярлык демократа, ни партбилет КПРФ пропуском во власть в провинции больше не являются. На дворе иное время, и обновление сегодняшнего нашего губернаторского корпуса — великовозрастного в большинстве своём — будет происходить по иным критериям. Чем же ныне тот или другой кандидат на пост главы территории может быть симпатичен избирателям?

Ответ на этот вопрос, я полагаю, можно найти, если оборотить взор к недавней выборной кампании на берегах Енисея.

Итак: Красноярский край — край превеликих природных богатств и могучей индустрии. Там первосортный лес валят в изобилии, там добывается тьма дешёвого угля, там выдаются на внешний и внутренний рынок ходовые и суперприбыльные металлы: алюминий, никель, платина, медь, кобальт. И при всём том дефицит бюджета в богатейшем крае был похлеще, чем в обделённых природными ресурсами российских территориях, — зарплату красноярским учителям, врачам, милиционерам, дворникам и библиотекарям не выплачивали по полгода.

Десять почти лет краем руководили два губернатора-любителя — профессор Зубов и генерал Лебедь. Генерал погиб, инспектируя возводимую горнолыжную базу, и нищенствующим в большинстве своём красноярцам досрочно предстояло решить: кому вручить над собой власть?

Претендентов на неё набежало — пруд пруди: от мелких московских коммерсантов до крупных местных начальников, включая мэра Красноярска Пимашкова и спикера Законодательного собрания края Усса.

Александр Усс в Красноярском крае родился, он здесь учился, женился, здесь троих детей родил и ему и только ему, как показывали социологические опросы в начале избирательной компании, светила победа на выборах. Но Усс вышел во второй тур выборов и проиграл рождённому на Цейлоне сыну русского переводчика Госкомвнешэкономсвязей СССР Александру Хлопонину. Почему же Усс проиграл?

В 1995-м первоклассный московский адвокат Михаил Кузнецов, который чуть ранее избавил меня от выплаты 150 миллионов рублей по судебному иску ко мне от Лужкова и Гусинского за мою статью “Юрий Длиннорукий”, принял дело “Норильскгазпрома”. Эта структура, не входящая в РАО “Газпром”, требовала в суде признать банкротом комбинат “Норильский никель”, который в советское время производил продукции на 7 миллиардов долларов. “Норникель” потреблял газ “Норильскгазпрома” и за него с ним не рассчитывался. У сверхприбыльного комбината на самом деле не было денег для расчёта с поставщиком энергоресурсов. При масштабном воровстве доходов комбината ему надлежало околеть и с ним вместе исчезнуть должен был и весь славный город Норильск. Но на исходе 1995-го сменился собственник “Норильского никеля”, а в следующем году его возглавил руководитель банка “МФК” Хлопонин и вопрос о банкротстве комбината был снят.

Как новый гендиректор “Норникеля” хозяйствовал — не важно. Важно то, что за 4 года его директорства комбинат увеличил объём

производства на 2 миллиарда 300 миллионов долларов и стал финансово прозрачным, обеспечивая 70 процентов доходов в бюджет Красноярского края. При всём том спасённым оказался город Норильск со всей своей социальной сферой. И именно эта способность Хлопонина как антикризисного управляющего предопределила то, что сначала его избрали губернатором Таймыра, а затем и всего Красноярского края.

Спикер Законодательного собрания Усс — свой в крае. Но он до похода во власть был доцентом в университете и потом успешно овладел лишь управлением депутатскими словопрениями. Поэтому большинство красноярских избирателей поставило не на сказанное, а на содеянное кандидатами. Если Хлопонин как кризис-менеджер разобрался с проблемами градообразующего комбината-корпорации, то разберётся и с проблемами края.

На “Норникеле” Хлопонин значительно обновил кадры управленцев, но и со многими прежними специалистами не расстался. И к формированию своей администрации края Хлопонин отнёсся как чистый прагматик, для которого цену имеет опыт и квалификация, а не идейные и клановые пристрастия. Заместителями губернатора назначены и люди из команды Лебеда (Василий Кузубов и Татьяна Давыденко), и люди из окружения соперника Хлопонина на выборах — мэра Красноярска Пимашкова (Анатолий Матюшенко и Николай Глушков), и высоко зарекомендовавшие себя работой на Таймыре Лев Кузнецов и Юрий Олейников.

“Норильским никелем”, с которого пришёл в политику Хлопонин, в своё время руководил Владимир Иванович Долгих. Руководил он им так, что в 1965 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. А ещё спустя четыре года его сделали главой всего Красноярского края. В роли первого секретаря крайкома Долгих так же всех уважать себя заставил и был потом избран секретарем ЦК КПСС, которому надлежало предопределять развитие всей советской индустрии.

Голосуя за Хлопонина, красноярские избиратели по сути голосовали за возвращение прежнего советского кадрового принципа: возглавлять край должен самый успешный в нём хозяйственник. И если Хлопонин не менее, чем Долгих, талантлив как управленец, и если он в новых капиталистических условиях обеспечит такой же рост благосостояния края, какой обеспечивал в условиях социалистических Долгих, то вся Россия всенепременно согласится с лозунгом:

Лучших руководителей производства — в губернаторы!

Глава 2

Лидер нового призыва

Закавказские республики жаждали независимости. Массовые и воинственные митинги в Тбилиси, Баку и Ереване на исходе 80-х — это первые удары по советско-российской империи.

Россия ушла из Закавказья. Каждый народ там обрёл вожденный суверенитет и... пошёл в Россию.

Азербайджану и Грузии не повезло с правителями. Они так распорядились властью и достоянием республик, что большинству граждан стало трудно не только жить, но и выживать. Режим в Армении антинародным не назовешь. Но в ней скудные материальные ресурсы, и перед многими также встал вопрос: куды бечь?

Миграция миллионов азербайджанцев, грузин и армян в Россию — не зло и не добро. За Уралом у нас — три жителя на квадратный километр и полно неосвоенных природных богатств. Острая потребность в рабочих руках есть и в окраинных областях российского Нечерноземья, и на Северо-Западе, и в Поволжье. И если бы огромные деньги, которые имеют закавказские общины в России, были брошены на развитие производства и обустройство мигрантов-соплеменников на малонаселённых территориях, то кому бы это не понравилось?

Интересы всех русских в России могли бы совпасть с интересами всех драпающих от нищеты из республик Закавказья. Но не совпали. Кто в том виноват? Российская власть — и исполнительная, и законодательная — закрыла глаза на проблему миграции, и стало быть, уклонилась от правового и организационного регулирования её потоков. Закон о положении иностранных граждан позволяет им оседать не там, где выгодно российскому обществу, а там, где они хотят. Лидеры же закавказских общин в России стремились привечать бедствовавших соплеменни-

ков в Москве и Питере, в областных городах Центра и на благодатных землях Юга. В результате самый большой наплыв мигрантов из Закавказья пришёлся на самые густонаселённые и благополучные территории. Благодаря племенной кровной солидарности закавказские мигранты сумели завоевать солидные позиции в самых прибыльных видах бизнеса — торговле и сервисе — и преуспеть в рэке. Таким образом, неконтролируемая миграция новый импульс в развитие производства не принесла, а межнациональные противоречия распалила: спаянные меж собой закавказские кланы, не брезгающие ни подкупом чиновников, ни криминальным давлением на конкурентов, захватили те места под солнцем, на которые претендовали коренные жители России.

Сильный, как известно, всегда прав. Но поскольку своего влияния в бизнесе кланы мигрантов добились не в честной конкурентной борьбе, а в неравном противоборстве с разрозненным русским предпринимательством, то недовольство лицами кавказской национальности в русском обществе обречено нарастать.

Пока оно выливается в погромы на рынках, а чем завершится — никому неведомо. Дабы избежать надвигающегося межнационального пожара, надо что-то делать. Что?

Подчеркнём написанное выше: миграция — не зло и не добро. Она может быть и тем, и другим. И если её регулировать в интересах и самих мигрантов, и русского общества, то проблема исчезнет. Но нынешняя властная элита России поражена космополитизмом: мигрантов нельзя ограничивать в выборе места жительства, а недовольство русских их засильем — преступно и его надо подавлять. К чему такая позиция в конце концов приведёт — ясно. Но, увы, здравый подход к решению проблемы мигрантов сегодня непреклонно демонстрирует только один имущий реальную власть политик — губернатор Кубани Александр Ткачёв.

Краснодарский край не испытывает дефицита в рабочей силе. Создавать её избыток и принимать мигрантов из Закавказья краю нет необходимости. Но и это не всё. Кубань при сохранении темпов притока мигрантов очень скоро может повторить участь сербского Косово: пришлое население превысит по численности коренное, потребует автономии, станет навязывать коренному меньшинству свою политическую волю — и до межнациональной войны один шаг.

Космополитизм в миграционной политике — это война. Ткачёв же и его соратники исповедуют просвещённый законодательный национализм. Нет нужды в переселении в русский край других народов — нет у них там права жить. Ищите счастья, господа хорошие, на тех русских землях, где в вас есть потребность.

Данную точку зрения Законодательное собрание Кубани не так давно оформило в постановлении “О мерах по усилению государственного контроля за миграцией и административному выдворению лиц, незаконно находящихся на территории Краснодарского края”. Тем самым кубанские депутаты решили ввести то, что есть во всех демократических странах — регулирование миграции и высылку нежеланных гостей. И как отозвалась на это наша демократическая общественность?

Заглянем в старый рупор демократов-космополитов — газету “Известия” от 19 апреля сего года: “Стараниями краевых властей Краснодар постепенно превращается в столицу великорусского национализма”. На следующий день, 20 апреля, упомянутое постановление депутатов Кубани и слова губернатора Ткачёва о необходимости выполнять решение законодателей и высылать лиц без краснодарской прописки “Известия” расценили ещё круче: “Расизм политический — на уровне высказываний и даже действий облечённых властью людей — поднимает голову. Этнические чистки на Кубани — первая осознанная попытка практического воплощения фашистской идеологии в России”.

Высылка незаконных мигрантов из Англии или Польши — это правовая норма, высылка таковых с Кубани — это фашизм. Подобные известинским бредни распространили все почти так называемые демократические СМИ. Но под пальбой из всех информорудий губернатор Ткачёв не дрогнул и не открестился от своих взглядов на проблему миграции: как постановили, так будем её решать.

На сей день Ткачёв — единственный губернатор России, который не боится говорить о русских национальных интересах и де-факто отстаивает их. И не только в миграционной политике.

22 апреля на заседании Госсовета об обороте сельхозугодий только Ткачёв заявил: сельскому хозяйству нужен не свободный оборот земли, а эффективное управление, государственная, как на Западе, поддержка льготными кредитами и дотациями, защита от импорта с демпинговыми ценами. Это истина очевидна наверняка, как для русского крестьянства, у которого нет денег на покупку земли, так и для многих губернаторов. Но все они в угоду Путину и стоящим за ним кукловодам промолчали.

За год с небольшим губернаторства Ткачёва на Кубани положение дел в экономике края не ухудшилось, а улучшилось. То есть в его лице мы имеем не только национально мыслящего и национально действующего политика, но и успешного хозяйственника. И если ему хватит воли, то во властной российской элите наконец-то появится лидер нового типа, которого давно ждут русские и другие коренные народы России.

Глава 3

Вертикаль

Пройдёшь по Ленина, свернёшь на Кирова, ступишь на Театральную — и везде прочтёшь: **“Калужской губернии — 225 лет”**.

С рекламных щитов в центре Калуги политика вытеснила коммерция. Вытеснила не на день и не на неделю. К празднованию дня рождения губернии калужские власти готовились задолго.

Два века с четвертью — дата как бы не вполне круглая. Но её в Калуге отмечали по-юбилейному. Без помпезности, но торжественно: выставки современных калужских товаров, издания книг о старине, театрализованное представление, приём гостей из соседних областей и столицы, скромный салют.

История, как известно, является оружием, которое можно использовать в текущих политических целях. Мы все помним грандиозное шоу в Москве по случаю её 850-летия. Что придало ему невиданный размах и пышность? Президентские амбиции столичного мэра. Москва в дни роскошного юбилея превратилась в Четвёртый Рим, где Цезарю из Кремля не было места.

Умеренные торжества в Калуге к борьбе за власть никакого отношения не имели — очередные выборы губернатора состоятся в области только на исходе 2004 года. Но раз эти торжества, которые можно было бы и не проводить, проводились, значит это для чего-то нужно. Для чего?

Демократическая революция в августе 91-го всё смешала во властной калужской элите. Матёрые управленцы из Калуги не рванули в Москву присягать на верность новому хозяину Кремля, и указом Ельцина во главе области был поставлен губернатор-любитель, доктор

физико-математических наук Дерягин, доказавший свою преданность идеям демократии. Хозяйство области при нём ускоренно деградировало, и опустившего вожжи инертного доктора Кремль заменил на идейно близкого ему энергичного лирика — кандидата философских наук Савченко. Вместо одного любителя во власть пришёл другой и темпы деградации областного хозяйства сохранились.

Дефицит собственного управленческого опыта Савченко попытался компенсировать, сделав своим первым замом красу и гордость калужской партноменклатуры Демичева. Он блистал в комсомоле. Возглавлял два райкома партии. Обучался в аспирантуре академии ЦК КПСС. И четыре последних года Советской власти был вторым лицом в облизполкоме. Но с 91-го по 94-й Демичев работал вне системы управления областью и к новым правилам экономической жизни адаптироваться в свои пятьдесят лет не смог. Ему пришлось покинуть пост не из-за идейных разногласий с Савченко, а от интереса к его персоне со стороны правоохранительных органов.

Осенью 96-го в области состоялись первые губернаторские выборы. Для победы на них назначенца Ельцина Савченко был брошен весь областной и кремлёвский административный ресурс. Но крах экономики перечеркнул все пропагандистские потуги. Избиратель отверг дилетантизм Савченко и провальную политику администратора старой школы Демичева. Выиграл выборы с отрывом почти на 40 процентов председатель Законодательного собрания области Валерий Сударенков.

Он в своё время руководил Калужским горкомом, был заместителем председателя Совета Министров Узбекистана и за полтора года до роспуска КПСС вернулся в Калугу на должность первого секретаря обкома партии. Сударенков имел более богатый управленческий опыт, чем Демичев. Но, в отличие от Демичева, реально оценивал свои шансы использовать прежний опыт в новых условиях. Поэтому на выборы в роли вице-губернатора он пригласил с собой сорокатрёхлетнего менеджера с советской и рыночной школой Анатолия Артамонова, который, уйдя добровольно с поста первого секретаря райкома, состоялся как второй руководитель крупнейшей строительной корпорации с 15 тысячами работников. Эта корпорация за шесть лет ельцинских реформ выжила в рынке вместе с Артамоновым и во многом благодаря ему. На него Сударенков и переключил всю черновую работу по руководству областным хозяйством.

Можно спорить, хуже или лучше для российской экономики стал макроклимат в стране после 1996 года, когда мировые цены на энерго-

носители падали и федеральный бюджет скудел, когда дефолт, с одной стороны, обрушил рубль, заморозил вклады граждан и предприятий в разорившихся банках, с другой — повысил спрос на отечественные товары. Но в экономике калужской при новой власти в области проявилась бесспорно новая тенденция — от деградации к подъему.

Из интервью с Анатолием Артамоновым, данному мне в начале 2001-го:

“Вопрос. Воды в Оке за четыре года вашего с Сударенковым управления областью утекло немало. И чем эти годы были для вас — только временем затыкания прорех, или вам удалось выработать некую иную стратегию в развитии области?”

Ответ. Поздней той осенью 96-го, когда мы пришли в областную администрацию, на большинстве наших предприятий происходило массовое сокращение кадров. Те, кто работу сохранил, зарплаты не видели по полгода. Выплаты пенсий задерживались на несколько месяцев. Детские пособия вообще не платились. Замерзали многие райцентры — где-то не было денег на топливо, где-то на ремонт жилищно-коммунального хозяйства. Пусто было и в областном бюджете. Поэтому первый для нас год — это сплошной аврал. Но, занимаясь, как вы выразились, затыканием прорех, мы одновременно проводили что-то вроде инвентаризации нашей экономики: какие предприятия в области наиболее жизнеспособны, кому помогать в первую очередь и где может быть быстрее отдача, чем калужская индустрия и деревня способны привлечь ресурсы со стороны. Разумеется, ни в первый год, ни в последующем мы не прекращали поиск инвесторов. Под наши производственные планы выстраивались и социальные программы. Своего рода стратегию мы выработали и немало из запланированного реализовали.

Все традиционные калужские производства у нас сохранились — от машиностроения и радиоэлектроники до керамики и бумагоделания. Запущены и совершенно новые предприятия. Область делает теперь и волоконно-оптические кабели, и тару из гофрокартона, и огромные металлоконструкции — перекрытие над спортивной ареной в Лужниках у нас сработано.

С мёртвой точки сдвинули мы многое и в социальной сфере. Достроили почти все школьные здания, заложенные в советское ещё время. И новые поставили. Газовых сетей в наших сельских районах стало больше на 600 километров, появились и 400 с лишним километров асфальтированных дорог.

Получилось у нас не только реанимировать все остановившиеся птицефабрики, молокозаводы и мясокомбинаты, но и поставить произ-

водство на них на совершенно новый технологический уровень. И впервые за десять лет калужская деревня дала рост объемов сельхозпродукции.

Прорыва на заоблачные высоты мы не добились, а медленный, но поступательный экономический подъем в области — налицо”.

Поступательный подъем — результат повседневной хозяйственной работы областной администрации. Этой работой — от поиска инвесторов и расшивки неплатежей до выбора оптимальных проектов капвложений — руководил вице-губернатор Артамонов. Но в поворотных решениях и спорных вопросах последнее слово было за губернатором Сударенковым. Он олицетворял областную власть и им как публичным политиком ей создан был тот авторитет, без которого невозможно разгребание экономических проблем. Сударенков в личной жизни строго держался принципа, именуемого в советское время партийной скромностью — и даже тесную для его семьи квартиру отказался поменять. Он пристально следил за переменами в общественном мнении и немедленно на них реагировал. Он умел находить общий язык с очень разными людьми — и конфликтов в области стало не больше, чем при всевластии КПСС. И когда за три месяца до очередных выборов Сударенков заявил, что не будет баллотироваться на второй срок и видит своим преемником вице-губернатора, то кандидатуру Артамонова поддержали обкомы всех партий — от оппозиционной Кремлю КПРФ до прокремлёвского “Единства” — и почти все влиятельные в области финансово-промышленные структуры.

Артамонов без особого труда выиграл губернаторские выборы, в конце 2000-го вступил в должность и сразу, на втором году его правления, область начала готовиться к празднованию своего 225-летия. Как только об этом было объявлено, мне позвонил приятель из калужского землячества в Москве и сказал: “Раз полуюбилейную дату решено отмечать, дела, видать, у Артамонова без Сударенкова плоховаты — надо дух народу поднимать праздником.” Так это или не так?

Процитирую ещё один отрывок из интервью Анатолия Артамонова, опубликованного в журнале “Российская Федерация” в январе 2002-го:

“Если говорить в целом, то 2001 год мы смогли проводить с лёгким сердцем. Объем производства промышленной продукции вырос на 17 процентов при среднем росте по регионам Центрального федерального округа в 6 процентов. Наметившаяся переориентация рынка на потребление российской продукции сыграла на руку многим нашим предприятиям. “Плитспичпром” в Балабанове, “Стройполимер-

керамика” в Воротынске, “Ремпутьмаш” в Калуге, “Трансвок” в Боровске и ряд других сейчас могут позволить себе работать на накопление и инвестирование собственных доходов. Активно занимаемся решением проблемы энергосбережения. В Малоярославце создали областную демонстрационную зону высокой энергетической эффективности, позволившую подобрать оптимальное инженерное оборудование. Ускоренными темпами идет развитие перерабатывающей отрасли. Пятую часть от общего объема производства в Калужской области составляют предприятия пищевой промышленности... В прошлом году построили несколько важных дорожных развязок, соединительную автодорогу между федеральными трассами Москва — Киев и Калуга — Тула, которая является обходом вокруг Калуги. Впереди — реконструкция автодороги на Оптину пустынь (по поручению российского Президента), строительство подъезда к Обнинску, продолжение работ на федеральной автомагистрали “Украина”. Областное правительство продолжает активную политику по привлечению инвестиций. По динамике развития инвестиционного потенциала наша область занимает вторую позицию в России после Калининградской. Уже готово к реализации несколько интересных проектов с российскими и иностранными партнерами. Есть решение о строительстве в Кирове молочного завода совместно со всемирно известной испанской компанией “Групо Лэче Паскуаль”. Интерес к созданию на территории нашей области лесоперерабатывающих предприятий проявила ассоциация лесопромышленников Италии. Проблема для нас актуальна, поскольку более половины вырубаемого леса уходит за пределы области в непереработанном виде, что крайне нерентабельно. Прошлый год считаю удачным и в плане установления деловых контактов на разном уровне в Москве. Надеюсь продолжить их с пользой для Калужского региона и в дальнейшем”.

Бах-бах — и мимо: ошибся мой приятель. С делами у губернатора Артамонова — полный порядок. Его коллегам из областей Центра, где рост индустрии почти в три раза меньше, остаётся только читать о свершённом им и завидовать.

Накануне торжеств я ходил в Калуге в гости к хорошим и разным людям. В одном доме мне показали местную газету, в которой стихотворец потешался над оброненной губернатором фразой: читатель должен любить прессу, как любят женщину. В доме другом между прочим при мне было сказано: “Раньше в администрации области был чистый прагматизм, теперь он местами перерастает в цинизм — губернатор заманивает в сельское хозяйство руководителей из города взятками в

виде безвозвратных кредитов на личные усадьбы". Ничего более предосудительного об областной власти я за день разговоров о калужской жизни не услышал. С имиджем у губернатора Артамонова и его команды — тоже порядок. Так чего же ради надумали они отмечать полукруглую дату, которую можно было не отмечать?

Мысли на сей счёт у меня появились тогда лишь, когда началось посвящённое образованию губернии торжественное собрание. Проходило оно в Калужском драмтеатре. Туда собралась вся властная и хозяйственная элита. Все места — от партера до верхнего яруса — были заняты. Лужи заполнены именитыми гостями. На сцене — золотистый занавес. На нём надпись — "Калужской губернии 225 лет".

Звучит гимн без слов. Гимн СССР-России. Занавес поднимается. А сверху на сцене опускается старинный калужский герб — корона в дубовых листьях. И, перекрывая парадную музыку, в театре гремит невидимый голос: "Губернатор Калужской области Артамонов Анатолий Дмитриевич".

Речь губернатора была лаконична и без перебора пафоса: у нас было славное прошлое и должно быть такое же будущее. Закончив речь, Артамонов не уходит со сцены, но в одиночестве у микрофона остается лишь на миг. Под ту же музыку тот же громовой голос провозглашает явление на сцене президента Путина — но не самого по себе, а в облике его полпреда в Центральной России — Георгия Сергеевича Полтавченко. Одновременно с выходом полпреда рядом с калужским гербом повисает полосатый российский флаг — по размеру в три раза больший, чем герб.

Полтавченко зачитывает поздравление области от Путина и оглашает президентский указ о награждении нескольких калужан орденами "Почёта" и "За заслуги перед Отечеством". За наградами на сцену выходят электромонтёр и монтажница, водитель и заливщица, два директора — музея и лицея, слесарь-инструментальщик и испытатель приборов, зоотехник и заведующая фермой. Они выходят и остаются.

После церемонии награждения на сцене оказываются три главных действующих лица калужского торжества — президент Путин в лице полпреда Полтавченко, губернатор Артамонов и народ. В таком триединстве есть суть нынешней вертикали власти. Это ясно было продемонстрировано всей заполнившей театр калужской элите. Председатель Законодательного собрания области, калужские депутаты Государственной Думы и Совета Федерации не только не появились на сцене — об их присутствии на собрании даже не упомянули.

Исполнительная власть сегодня — всё, остальная — пусть просто будет. Ещё одним тому подтверждением явилось приглашение на сцену губернаторов соседних с Калужской областей и мэра Москвы. Они не только приятно-праздничное калужанам говорили и подарки дарили, но и словом, и видом доказывали: губернаторский корпус в новой вертикали власти в стране как никогда монолитен и сплочён вокруг президента. И потому, улыбаясь, стояли рядом Герой Социалистического Труда тульский губернатор Стародубцев и Герой Капиталистического Труда московский мэр Лужков.

Торжества в Калуге, вне сомнения, сработали на усиление веса и влияния исполнительной власти в области, на установление новых правил игры для калужской элиты. Но была у торжеств, видимо, и прикладная цель.

Выступая на собрании в Калужском драмтеатре, мэр Лужков сказал: “Не в обиду другим регионам, с которыми работает Москва, мы во многих наших проблемах обращаем внимание на возможности калужан и самые прорывные, самые сложные задачи отрабатываем с калужской промышленностью. То, что есть у вас — это великая ценность, которую, слава Богу, вам удалось сохранить и сейчас мы можем говорить о следующих шагах в развитии”.

А что лучше этих слов может избавить калужскую элиту от возможных комплексов второсортности своей области и мобилизовать на новые достижения?

На состоявшемся после собрания театрализованном представлении актёры сыграли и Екатерину II, и Дениса Давыдова, и Пушкина с Натали. Показан был и сюжет из фильма о Циолковском. Но когда он жил в Калуге, она была заурядным купеческим городом, оптом торговавшим пенькой, лыком и холстиной. Вся индустриальная и научная калужская мощь, которую Лужков назвал великой ценностью, создавалась после Великой Отечественной. Многие творцы промышленности и науки в Калуге и области ещё живы-здоровы. Но о них, получающих жалкие пенсии, на торжествах не вспомнили. Нынешним передовикам на юбилее вручили ордена, героям труда прошлых лет слова доброго не сказали.

Сильная вертикаль власти на жёсткой иерархии — это инструмент дела. Но если она строится при беспамятстве, то рано или поздно начнет страдать бесплодием.

Глава 4

Погода на Курской дуге

Монументальный особняк с колоннами на Красной площади в Курске возвели для обкома КПСС. Теперь в нём — резиденция губернатора.

Смена вывесок случилась в 1991-м. А не так давно внутри особняка изменились декорации. В коридорах и кабинетах истреблён былой партийный аскетизм. На стенах и на полу с потолками — шик и блеск евроремонта, мебель — дух захватывает, оргтехника — солидник.

Отделку и переоснащение особняка произвел Руцкой — крупнейший артист на современной политической сцене. С 90-го года он сыграл несколько ролей и неизменно срывал аплодисменты — и у коммунистов, и у демократов, и у патриотов-националистов.

В Курске Руцкой выступал как внепартийный губернский властелин, как самодержец местного масштаба. А для сей роли требовалось придать бывшему особняку обкома облик княжеских хором.

Прошлой осенью обустроенный для Руцкого кабинет занял коммунист Михайлов. Он, говорят, ничего в нём не поменял. Только наискосок от портрета Путина повесил портрет Ленина. Владимир Ильич с Владимиром Владимировичем отлично уживаются в кабинете и в отсутствие Михайлова дружески беседуют: “Вы, товарищ Путин, присягали как офицер КГБ на верность Советскому государству?” “Присягал, товарищ Ленин”. “А я это государство основал. Выходит, батенька, мы с вами друг другу не чужды: я буду губернатора-коммуниста поправлять, когда нужно, а вы — помогать ему, когда можно”. “Так точно, товарищ Ленин”.

Из всех высших областных чиновников, назначенных Руцким, Михайлов две трети уволил, а треть оставил в особняке. Стало быть, декорации в губернаторской резиденции — прежние, и некоторые лица — те же. Так стала ли областная власть иной или нет?

Суть этой власти определяется самочувствием тех, кем она управляет. И, потопав по коридорам губернаторского особняка и потеряв штаны на дорогих стульях в трёх кабинетах, я поехал туда, где видно, кто и что имеет со знаменитого курского чернозема.

Касторинский район — самый отдалённый на востоке. До Воронежа от райцентра — 80 километров, до Курска — все 120. В Касторном в Гражданскую формировалась Первая конная армия. Отцом её касторинцы считают не Будённого, как написано в учебниках, а Миронова. Но и к Будённому очень уважительно относятся.

Руководит районом Виктор Дмитриевич Ермоленко. В своё время Руцкой выдернул его из Касторного и назначил рулить близлежащим к Курску районом. Но через год с небольшим Ермоленко со скандалом со вверенным ему постом расстался, воротился домой и стал мэром Касторного (в Курской области главы районов назначаются губернатором, а руководители райцентров избираются населением). И теперь Руцкой для Ермоленко — как Деникин для Будённого: “Мы все были у него пешками. Вряд ли кто из глав районов толком понимал, чего он от нас хотел. На совещаниях — сплошь фанфаронские монологи. Плюс рапорты о победах, где — враньё. Вот в области повысились надои на корову. Но поголовье сократилось и вал молока упал. А этого губернатору сказать нельзя. Сыночек Руцкого так поставлял на село ГСМ в кредит, что когда крестьянин рассчитывался сельхозпродукцией, то платил за литр топлива в два раза дороже, чем на рынке”.

Дать оценку Михайлову в первый год его правления Ермоленко отказался: “Худого не вижу, комплименты говорить не вправе — я им назначен. Скажу лишь: мы теперь можем нормально работать и нормально решать с областным руководством наши проблемы”.

Минутах в десяти езды от Касторного — Олымский сахарный завод. У его гендиректора Николая Ивановича Пабокова есть все основания Михайлова проклинать. Почему?

Сахар — товар первой ликвидности. Он уходит с завода влёт: чем больше объёмы, тем выше рентабельность. Но в себестоимости килограмма сахара половину составляют расходы на электроэнергию и мазут. Мыть, парить, резать свёклу, выжимать из неё сладкий сок и превращать его в сахарный песок — это работа огромных механизмов.

Каждый из них жрёт тьму энергии, цены на которую устанавливают монополисты.

С ними сахаропроизводчикам бесполезно бодаться: сколько запросят, столько и плати — иначе рубильник вырубят. А вот цена на сырьё — сахарную свёклу — может быть выше или ниже.

При Руцком из десяти сахарных заводов в области работали шесть. Если бы Михайлов закрыл ещё пять, то Пабоков воздвиг бы ему в Олыме памятник из сахара, ибо при всём том Пабоков превратился бы в местного Чубайса. То есть он мог бы сам единолично диктовать крестьянам цены на свёклу. Но Михайлов, так его сая, употребил власть для того, чтобы запустить три простаивавших завода. А чем больше покупателей свёклы, тем меньше шансов загнать в угол тех, кто её производит.

Сахарозаводчик Пабоков от политики Михайлова проиграл, крестьянин выиграл. Пабоков должен проклинать Михайлова. Но даже затаённой злобы на губернатора у олымского директора я не углядел. И это вполне поддаётся объяснению.

Есть день сегодняшний, но есть — и завтрашний. После смены власти в области инвесторы перестали бояться самодержавных поборов и в курские районы пошли деньги. В переоборудование Олымского сахарного завода питерская компания “Евросервис” вложила в этом году 50 миллионов рублей. Рядом с сахарозаводом в Олыме — скромное ОАО “Молоко консервы”. В нем — 300 работающих. Но его приобрела московская компания “Молочная страна”. Приобрела с серьёзными намерениями. Свидетельство тому — приглашение на директорский пост в ОАО Бориса Васильевича Масленченко. В своё время весь Советский Союз вкушал белорусскую сгущёнку. Распространялась она по одной шестой суши с предприятия, которым руководил Масленченко. Его менталитет со скромными масштабами производства несовместим, и вполне вероятно, что скоро сгущёнку из Олыма можно будет обнаружить от Балтики до Курил.

Пострадавший от политики Михайлова Пабоков не держит на него злобы, наверное, ещё и потому, что понимает: курская деревня находится между жизнью и смертью. Помрёт она — конец и сахарному заводу. А после избрания Михайлова губернатором многие фирмы стали вкладывать деньги в курский чернозём. В области открыт филиал “Россельхозбанка”, с которым крестьяне связывают хоть и маленькую, но надежду на кредиты со сносными процентами.

Машинно-тракторный парк в курских сельхозхозяйствах изношен на 90 процентов. А “Кировец” стоит почти 2 млн. рублей, “КамАЗ” с прицепом — миллион. Таких денег у крестьян не предвидится. Но от многих курян я слышал: хоть как-то обновить парк можно, если Михайлов ударит по рукам с Лукашенко — мы вам металл с нашего горно-обогатительного комбината, вы нам — трактора из Минска и сеялки с плугами из Гомеля. ГОКу за металл власть спишет часть налогов, получит право собственности на белорусскую технику и передаст её крестьянам с длительной рассрочкой платежей.

В Касторное я приехал вместе с Николаем Михайловичем Басаревым — замначальника комитета обладминистрации. До перестройки он руководил соседним с Касторновским — Советским районом с центром в Кшени. И когда поздно вечером, простившись с Ермоленко, мы уже собрались возвращаться в Курск, Басарев молвил: “Если я, будучи рядом, не заеду на благословенную кшеньскую землю, то отдельные на ней товарищи будут считать меня чистым подлецом”. Мы заехали. Встретились с отдельными товарищами — в том числе и с главой администрации Борисом Александровичем Носовым. Толкуя с ним, я заметил: “У вашего коллеги Ермоленко в районе — зерна собрали на 23 тысячи тонн больше прошлогоднего, озимых посеяли на 5 тысяч га больше, капвложений там хорошо прибавили, а долгов по детским пособиям немало убавили. А у вас лучше стало или хуже?”

Носова вопрос мой страшно обидел: “А как у нас может быть что-то иначе, чем в Касторном? Наши районы — близнецы-братья. Ермоленко напишет справку о положении дел, даст мне, я её перепечатаю, изменив название района, и всё совпадёт. Так, кстати, всегда было. Жуть у касторинцев наступила — и мы её не миновали. А теперь одинаковый просвет — и тут, и там”.

Мне ещё удалось побывать в Медвенском и Золотухинском районах. В них тоже — никакого уныния. Трудные времена на земле Курской не прошли. Но ушли времена безнадёжные.

Глава 5

Преданы без лести

Брат мой двоюродный Александр Николаевич Анисин в минувшее десятилетие переродился. Был он озорным гулякой, стал правильным и политически активным гражданином. Чудесное сие превращение не силы небесные предопределили, а исключительно обстоятельства жизни земной.

На исходе советской поры многие в брянском райцентре Локоть брату Александру завидовали. Он, учитель школы-интерната, выстроил просторный дом, обзавелся приличной мебелью местной фабрики и вместе с женой-учительницей и двумя детьми планировал в скором будущем помчаться к морю на стальном коне: его очередь на покупку автомобиля должна была подойти если не в 1991-м, то точно в 1992 году.

Сын брата на стыке двух эпох поступил в военное училище, дочь-старшеклассница приносила домой одни пятёрки, и всем довольный Александр праздник в душе стал отмечать не только по красным дням календаря, но и по будням. Нет-нет, сутками напролёт брат не бражничал — на работу при любом похмелье приходил вовремя. В подворотнях с кем попало он также не пил — берёт честь учительского мундира. Но поскольку дефицита приличных собутыльников в Локте не было, Александр с принципиальностью мужчины регулярно находил важные причины принять жидкости хмельной.

Сменившую социализм демократию брат встретил с устойчивой привычкой к вечному празднику и отказаться от неё не поспешил. Да, новая власть отменила его очередь на машину. Да, рыночные реформы напрочь истребили их с женой сбережения. Но все ведь пострадали, все

кругом жить стали хуже — а где наше не пропадало? Нигде. И не кончился Александр как заводила подогретых компаний, и по-прежнему чувствовал, что ему море по колено.

Рынок в стране торжествовал, брат-учитель на него поплёвывал, и поплёвывал бы и впредь, коли б однажды на трезвую голову не обнаружил: рынок — удавка ему, жене и детям.

Сын Александра, закончив училище, женился и с двумя малышами маялся в комнате в коммуналке, имея нищенское офицерское довольствие. Дочь-отличницу приняли на бесплатное обучение в медицинскую академию в Питере со стипендией, равной стоимости нескольких пар колготок. При всём том брат оказался перед выбором: или махнуть на детей рукой и продолжить озоровать-проказничать, или каждый рубль двух скромных-прескромных учительских зарплат употребить во имя и во благо сына и дочери.

Под залог дома Александр взял в банке кредит и помог сыну-офицеру купить отдельную квартиру. Выплаты за кредит надо было производить точно в срок, а зарплату брату и жене задерживали и на два, и на три месяца, и даже на полгода. И Александр, завязавший не только с выпивкой, но и с курением, теперь каждой утро просыпался с мыслью: у кого занять — занять на то, чтоб выпутаться из банковской кабалы, и на то, чтоб дочь в обшарпанном общежитии в Питере могла хоть что-то поесть.

С деньгами на руках в разорённом реформами Локте было очень напряжённо. Но добрые люди в нём не перевелись. Некоторые соседи и знакомые брата, увидав его или жену Надежду возле своих домов, немедленно запирали двери, а некоторые — последние свободные рубли отдавали в долг бедствовавшим учителям.

Александр с супругой экономили на всём. Во все тяжкие вкалывали на приусадебном участке. Развели все грибные места в окрестных лесах. И, невзирая на то, что зарплату им по-прежнему задерживали, рассчитались-таки за банковский кредит на сынову квартиру. Освободившись от кредитных выплат с бешеными процентами, Александр продал пианино дочери, спустил давние свои запасы стройматериалов, с выгодой толкнул оптом богатый урожай с участка, занял некую сумму у менее бедных, чем он, родственников и купил 14-летний “Жигуль”.

Не подержанный, а издержанный автомобиль брат собственными руками реанимировал и превратил в подобие средства производства. Кто-то просил Александра за деньги что-то привезти, кто-то — отвезти. Он в незанятое учительством время никому не отказывал и за счёт

извоза пусть скромно, но стабильно приумножал скудный семейный бюджет. Но появление возможности дополнительного заработка никак не сказалось на его отношении к демократической власти.

Отчаянная нищета, в которую эта власть ввергла брата в середине девяностых, вызвала у него не просто злобу, а злобу агрессивную. С тех пор он не только проклинает захвативших Кремль правителей, но и лично воюет с их политикой. Воюет так, как прикажет оппозиционная Компартия. Точнее, районная организация КПРФ. На всех минувших в последние годы выборах в районе Александр душой и телом был с кандидатами от оппозиции и выступал в их интересах и как агитатор, и как пропагандист, и как курьер, и как наблюдатель. На выборах грядущих он также готов исполнять любую роль и — только в пользу кандидатов-коммунистов. На чём держится прочный роман брата с Компартией прежде всего — на идейной или прагматической основе?

Брасовский район, центром которого является Локоть — это моя родина. Там похоронены деды и бабки, отец и дядя, там у меня помимо Александра есть ещё двоюродные родственники и там я обыкновенно праздную Пасху. В конце нынешней Страстной недели со мной вместе прикатил в район родной племянник Олег. Он на свет белый появился в той же деревне, где и я — в Нижних Авчухах, но в отличие от меня, брасовских мест не видывал лет двадцать — с окончания начальной школы. Брасов — от Брасова

Якорь мы с Олегом бросили в Локте — у Александра. Жёнушка его Надежда нас с дороги отменно постной едой накормила, а он сам поведал нам о житье-бытье брасовско-локотской родни и показал Олегу свой дом со двором и огородом. Далее в наших планах было — заехать за моим двоюродным племянником и полным тёзкой Николаем Михайловичем Анисиним и с ним вместе отправиться километров за десять на службу в старинный монастырь Плащанская пустынь. И тут между Александром и Олегом — парнем абсолютно аполитичным — случился нежданно-негаданно любопытный разговор на политическую тему.

Олег. Понравилось мне у вас, дядь Саш, всё в доме и вокруг. Всё с толком и с хорошим вкусом обустроено, всё благополучием отдаёт. И вы, наверное, на следующих выборах будете голосовать за партию президента Путина?

Александр. Я — за партию Путина? Я за холуёв олигархов буду голосовать?! Да ты, мил человек, кажись, не в меру хлебнул воздуха родины и у тебя в голове шарики за ролики заклинило. Путин и кто

им управляет и кто ему подчиняется — это мои враги. Самые натуральные.

Олег. Но, дядь Саш, гараж в вашем дворе совсем свеженький — явно недавно поставлен. Пристройка к дому — новая. В ней новый котёл газового отопления, новая ванная, новый кухонный гарнитур. Всё это ведь у вас при Путине появилось.

Александр. При Путине меня обворовывают так же, как и при Ельцине. А может, даже и больше. Мне и прочим простым людям в стране как ничего не выпадало от природных богатств, так и не выпадает, сверхдоходы с них кучка жуликов как захапывала, так и захапывает. Но я сейчас на самом деле стал жить лучше. Верней, комфортней. Почему? Да потому, что в нашей Брянской области свой экономический микроклимат — более благоприятный, чем во всей стране. Россией управляют те, кто обслуживает олигархов, а у нас на Брянщине у власти — коммунисты, которые максимум возможного делают для народа. Губернатором у нас — коммунист Лодкин, многие главы районов и депутаты всех уровней — коммунисты. И именно благодаря им я, рядовой учитель, смог недавно провести газ в дом, пристроить к нему ванную, туалет и кухню, соорудить гараж. Наша коммунистическая власть повышает и вовремя выплачивает нам с женой зарплату, выдаёт премии к отпуску, а дикого роста цен не допускает. И только поэтому у нас, привыкших экономить, скопились деньги на благоустройство. Уразумел?

Олег. Ещё как. Но с уразумлённым не могу согласиться. Жизнь учителей в последние пять лет к лучшему изменилась не только в вашей области, но и в прочих. Дефолт 1998 года обрушил рубль, и по всей стране возрос спрос на отечественные товары. Все стали больше производить и увеличились налоговые поступления в бюджет. Но это не всё. В том же 1998-м баррель нефти на мировом рынке стоил 8-10 долларов, а сейчас свыше 30. Выиграл от этого бюджет страны? Слов нет. Значит, выиграли и все бюджеты областные. Не грех допустить, что политика Путина вам ничего путного не принесла. Но и брянская коммунистическая власть к росту вашего благополучия не причастна. Его обеспечила благоприятная внутренняя и внешняя рыночная конъюнктура. И правители-коммунисты на Брянщине вряд ли содейали для народа больше, чем правители-демократы в некоторых областях и краях.

Александр. Ошибаешься, золотой мой Олежечек. Сильно ошибаешься. И я это тебе сейчас докажу.

После сих слов Александр сорвался со стула и из новой кухни направил стопы в гостиную. Воротился он оттуда через пару минут со стопкой брянских газет и, открыв одну из них, “Вестник”, обрушил на Олега информацию с её третьей страницы:

— Вот данные Госкомстата РФ за прошлый год. И статистика — упрямая дама — говорит, что Брянская область в 2002-м опережала среднероссийский уровень по объёмам промышленного производства и договорного строительства, по обороту розничной торговли, по реальным денежным доходам населения, по средней начисленной зарплате.

Из 18 областей Центральной России Брянщина — первая по обороту, темпам прироста валового сбора зерновых, сахарной свёклы, грузообороту автотранспорта и по объёму платных услуг.

Ну а какие же показатели у нас ниже, чем у остальных? — Александр отложил “Вестник” и выудил из папки газет “Брянскую правду”. — Самые низкие у нас цены на строительство и промышленную продукцию, самая низкая стоимость минимального набора продуктов питания. И хлебушек у нас самый дешёвый, и картошка, и капуста с морковкой, и пшено, и масло растительное, и сметанка с маргарином, и рыба. Житель Брянска, чтоб нормально есть-пить, должен тратить 1018 рублей, а житель, скажем, Смоленска — на 12, Калуги — почти на 20 процентов больше.

Прошлой зимой люди в десятках областей куковали то без тепла, то без света. А в нашей области перебоев в работе систем жизнеобеспечения не было. Почему не было? Потому, что у нас при власти настоящие коммунисты, которые, в отличие от демократов, думают, не как побольше украсть, а как позаботиться о народе. Ну, а теперь, — Александр пригвоздил Олега взглядом к спинке стула, — я убедил тебя, что неверно сравнивать по результатам наших правителей-коммунистов с правителями-демократами?

Равнодушный как к коммунистам, так и к демократам, Олег поднял вверх руки:

— Сдаюсь, дядь Саш. Убедил.

Я в разговор не вмешивался. На мой взгляд, доводы обеих спорящих сторон о причин роста благосостояния Александра и Надежды имели резон. Но при всём том я сам для себя заключил: минимальный набор продуктов в городах области — 1000 рублей, зарплата двух учителей с большим стажем — 4000 тысячи рублей, и если б сегодня Александру с Надеждой приходилось бы, как ранее, помогать деньгами семье сына-офицера и оплачивать расходы дочери-студентки в Питере.

если б к их зарплатам не прибавились пенсии за выслугу лет в школе-интернате, то не было бы у них ни гаража, ни пристройки к дому с кухней и ванной.

Для меня совершенно очевидно, что Александр идеализирует коммунистическую администрацию Брянщины. Но идеализирует абсолютно искренне. И это мне симпатично. Чем больше граждан пожелает видеть у власть имущих коммунистов способность к достижению справедливости, тем больше у них появится шансов стать силой социальной справедливости. Большие надежды — большой грех не оправдать.

Глава 6

Тургенев. Чернь. Волков

Гектар заурядного суглинка в подмосковной Жуковке стоит свыше миллиона долларов. Гектар отменного чернозёма в Чернском районе Тульской области оценивается сейчас в 500-700 долларов. На жуковском суглинке растёт нестройной лес с кустарником. На чернском чернозёме при дефиците техники, удобрений и гербицидов в нынешнем году соберут с гектара по 50 центнеров пшеницы. Но животворящий чернозём в провинции в полторы тысячи раз дешевле бесплодного суглинка в окрестностях столицы. Таким вот рынком одарили нас Ельцин с Чубайсом.

В Жуковке в своё время была построена усадьба для писателя Алексея Толстого. Автору “Петра Первого” и “Хождения по мукам” Советская власть предоставила в пожизненное пользование почтенного размера лесной участок с трёхэтажным особняком, отделанным морёным дубом и карельской берёзой, и домом для прислуги. Доходы государства от продажи книг Алексея Николаевича намного превосходили расходы на строительство усадьбы, но писатель не потребовал передать её ему в собственность.

Прошли годы. Пришёл к нам рынок, и в место творения “Петра Первого” навсегда въехал с женой, сыном и дочерью просто Пётр, который ни по каким мукам не ходил, а прославился разорительными для России сделками по экспорту минеральных удобрений. Бывший ельцинский министр внешнеэкономических связей, а ныне президент “Альфа-банка” Пётр Авен купил у государства усадьбу Алексея Толстого всего за 700 тысяч долларов. Это вызвало зависть-раздражение у отдельных акул бизнеса, и в буржуазной

прессе после того, как Авен с семьей справил новоселье, ему попеняли: потерял ты, Петя, партийно-капиталистическую скромность, пользуешься богатом в Кремле и, поплывывая на мнение общественное, беззастенчиво улучшаешь свои жилищные условия почти за-дарма — земля в толстовской усадьбе тянет более чем на миллион долларов, цена же роскошному особняку в ней с морёным дубом, карельской берёзой, ледником и винным погребом — не один миллион, а ты всё приобрёл за 700 тысяч. На тому подобный упрёк газеты “Версия” Авен ответил так: особняк был запущен и роскошным он стал тогда, когда я его отремонтировал.

Сколько банкир Авен вложил в ремонт, известно лишь ему самому. В самых же рядовых особняках под Москвой система отопления — это тысяч 30 долларов, кухонная мебель — тысяч 15. Десятки тысяч долларов для захававших самую прибыльную собственность страны мистеров Твистеров и их столичной obsługi — это не деньги.

В тульском же райцентре Чернь на реконструкцию закрытого четыре года назад роддома собрали всем миром, со всех юридических и физических лиц пожертвований на три тысячи долларов в рублёвом эквиваленте и в райбольнице — радость несказанная: можно начинать строительно-восстановительные работы.

На землях Черни подолгу жил писатель Иван Тургенев. Здесь у него было одно из имений, здесь он однажды, охотясь на тетеревов, заблудился под вечер и заночевал на Бежином лугу с пасшими лошадями в ночном деревенскими мальчишками. Случилось это 150 лет назад. И тогда, если верить Ивану Сергеевичу, он услышал от крестьянского подростка Ильюши пророчество о пришествии Тришки.

Заглянем в тургеневский рассказ “Бежин луг”:

“И будет Тришка такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне, выйдут на него с дубьём, оцепят его, а он им глаза отведёт — так отведёт им глаза, что они же сами друг друга побьют”.

Первый раз предсказанный в рассказе Тургенева Тришка явился нам в 1917-м. Явился в образе пламенных революционеров из салонов Якова Шифа в Нью-Йорке (Троцкий), из пансионатов Швейцарии (Ленин), из местечек Бердичева и Житомира (ленинская гвардия), и так убедил большинство хрестьян, что надо всё до основания разрушить, так отвёл им глаза, что между ними возникла бойня, в результате которой с 1918 по 1921 год погибло 10 миллионов человек.

Едва ухватившись за рычаги власти, пламенные революционеры приступили к экспроприации, к изъятию у ранее господствовавших классов недвижимости и всевозможных ценностей — от золота и валюты до драгоценной утвари и картин.

Изъятие проводилось под благороднейшим лозунгом: восстановить социальную справедливость — взять всё у богатых и передать в пользу бедных. Но бедные, то есть русские крестьяне и рабочие, от экспроприации у господ денег и ценностей ничего, по сути, не получили. А кто получил?

Сразу после завершения Гражданской войны в 1921 году в Западноевропейское бюро Коминтерна было переведено из России 122 миллиона марок. В том же году 50 миллионов марок из нашей страны оказались в секретном Франкфуртском фонде. Фактически деньгами за границей распоряжался лишь один человек — председатель исполкома Коминтерна Зиновьев-Апфельбаум.

В следующем, 1922 году, Германскую Компартию Россия облагодетельствовала на 43 миллиона марок, Французскую — на 640 тысяч франков, Итальянскую — на 4 миллиона лир, Чехословацкую — на 8 миллионов крон. Всего в этом году всем компартиям мира Россия выделила материальное пособие на общую сумму в 200 миллионов марок. Но поскольку у юной Советской республики с валютой было туго, то из Москвы в Европу, Азию и Америку тайно или по дипломатической, не подлежащей таможенному досмотру почте, везли золотые изделия, бриллианты, коллекции произведений искусства и нумизматики. Реализовать их было отнюдь не просто. Поэтому за рубежом были созданы торговые советские корпорации, такие, например, как Амторг в США или Аркос в Англии, которые через местные частные фирмы успешно превращали накопленные столетиями российские ценности в наличную валюту. Но куда она уходила? Действительно ли на политическую деятельность зарубежных Компартий или на счета российских руководителей Коминтерна?

*“Мне хочется вызвать тех,
Что на Марксе жиреют, как янки. .
Мы посмотрим их храбрость и смех,
Когда двинутся наши танки”.*

Эти строки, написанные в 1923 году, Сергей Есенин вложил в уста своего поэтического героя, не смирившегося с властью пламенных ре-

волюционеров в России. Есенин вряд ли тогда располагал сведениями о масштабах и тайных схемах переправки денег и ценностей за рубеж. Скорее всего, он ~~чужим~~ художника просто угадал: за ширмой лозунгов Маркса о справедливом обществе и всемирном братстве трудящихся отдельные коммунистические руководители и их родственники по всему свету ведут, грабя Россию, очень успешный бизнес.

Выкачка из России валюты и драгоценностей ~~любы~~ на дело мировой революции продолжалась более полутора десятка лет. Коллективный Тришка-революционер отводил и отводил глаза крестьянам. Но не всем. Нашлись-таки политики-крестьяне во главе с бывшим учеником православной семинарии Сталиным, которые покончили с обогащением ленинской гвардии и её заграничной родни. В 1935 году финансирование Компартий за рубежом было прекращено, а в 1937-38-м пламенные революционеры, разжигавшие на Марксе, были поставлены перед выбором: хотите выжить или умереть без мук — верните государству ваши накопления за границей. Сколько из наворованного через Коминтерн, Профинтерн и Минвнешторг возвратилось в страну — тайна сия велика есть. Но точно известно: в предвоенные годы наши производственные мощности увеличились в несколько раз.

Раньше денег на заграничные станки и оборудование не было и вдруг они нашлись — сразу после знаменитых судебных процессов над пламенными революционерами.

Оборотим снова взор к “Бежину луку” Тургенева:

“Ну и будет ходить этот Тришка по сёлам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ христианский...”

В начале XX века Тришка пришёл к нам в образе коммуниста-революционера, в конце века — в образе революционера-демократа. Генетически два этих образа весьма близки. Революция 1917-го вознесла в члены коллегии Наркомата внутренних дел неведомого прежде стране Бориса Моисеевича Эльцина. Революция 1991-го сделала властителем России третьесортного чиновника Бориса Николаевича Ельцина. В революции коммунистической отличилась семья Склянских, революция демократическая неразрывна с именем внука Склянских — Егора Гайдара.

Тришка-коммунист объявил войну дворцам, мир хижинам и провозгласил: труд правит миром. Тришка-демократ, соблазняя народ христианский, призвал к неограниченной свободе личности и потребовал поставить права человека выше прав общества и государства. Оба Тришки одинаково представлялись радетьями о благе народном и оба

одинаково народ обворовывали. С первым, наживавшимся на распродаже национализированных драгоценностей, крестьяне всё-таки разобрались, второй, увы, спокойно вот уже второй десяток лет обкрадывает страну на десятки миллиардов долларов в год и никто ничего ему сделать не может.

Я вспомнил предсказанного в тургеневском рассказе Тришку, побывав там, где Бежин луг — в Чернском районе Тульской области.

Как живут ныне земляки Ивана Сергеевича Тургенева, думаю, ясно из названного уже выше факта: у 25 тысяч черненцев нет роддома и в бюджете ни района, ни области нет денег на то, чтобы роддом открыть — его реконструкция ведётся сейчас исключительно на народные пожертвования.

Главные беды земляков Тургенева происходят от коллективного Тришки-демократа, который сидит в Кремле, в Доме правительства РФ на Пресне и позволяет кучке избранных присваивать общенациональные природные богатства. Макроэкономическая политика в стране предопределяет очень многое в жизни Черни. Но отнюдь не всё.

Какова была обстановка в России в начале реформ Ельцина? Власть отпускает цены и открывает границы. Поток дешёвых импортных харчей душил нашего крестьянина (на Западе государство дотирует сельхозпроизводителя, у нас — бросает на произвол судьбы). Душит крестьянина и бешеный рост цен на энергоносители, технику, стройматериалы: стоимость хлеба и мяса ограничивается иностранными конкурентами, стоимость бензина, солянки и электричества повышается так, как вздумается их производителям. Для сельского Чернского района политика центральной власти в первую пятилетку реформ была крайне разорительной. Но, как ни странно, район выдержал удар и свой экономический потенциал не утратил.

Во второй же реформаторской пятилетке дышать крестьянину стало несколько легче. Особенно после дефолта в 1998-м, когда доллар резко подорожал и спрос на отечественные продукты значительно повысился. Тогда же правительство мало-помалу стало сдерживать рост энергетических тарифов, что также было на руку крестьянину. Но в Чернском районе при всём том произошёл не подъём экономики, а спад.

С 1995-го по 2001-й производство зерна в районе сократилось на 20 тысяч тонн, а молока — на 11 тысяч. Урожай свёклы уменьшился в 4 с лишним раза, а сбор шерсти — почти в 3 раза. Рухнула в Черни и сельхозпереработка. В 10 раз меньше стали там производить сливоч-

ного масла, в 3 раза меньше — выпекать хлеба. На нет практически сошло строительство жилья, замедлилась газификация.

В первой пятилетке Ельцина политика центральной власти для экономики Черни была гораздо более вредной, чем во второй. А улучшение макроэкономической конъюнктуры в стране почему-то обернулось в районе разрастанием кризиса. Так почему же?

Как люди зависят от обстоятельств, так и обстоятельства в немалой мере зависят от людей.

В 1991-96-м главным действующим лицом в Чернском районе был Виктор Волков. Заметим: он не просто занимал первый пост, а являлся именно главным действующим лицом. То есть лицом, которое умеет изменять многие обстоятельства и может из ничего, казалось, бы сделать кое-что, а кое-что превратить в нечто.

Если рассуждать абстрактно, то нетрудно убедительно доказать: в условиях рынка роль отдельной личности во власти в районе — ничтожна. В конкретной же жизни получается: ушёл Волков от власти в Черни в 1996-м — всё там стало хуже, вернулся он на пост главы района в 2001-м — и немало в нём начало меняться к лучшему.

Как бы сам собой, недавно новый мост в райцентре появился, и новый многоквартирный дом для бюджетников невзначай как бы вырос. И сами собой вроде, нашлись у чернских крестьян деньги на то, чтобы увеличить посевы в этом году, и горючего на уборку урожая им хватит. Всё чаще и чаще со вторым пришествием во власть Волкова приезжают в Чернь представители разных фирм, в том числе московских и питерских. Приезжают на предмет: а не вложить ли деньги в остановленный кирпичный завод, а не реанимировать ли переработку мяса, а не переоборудовать ли молочный завод, а не прикупить ли, не арендовать ли в районе земли под сахарную свёклу?

У жителей и предприятий Черни — острейший дефицит денег. Но в стране-то деньги есть и не все ж они подлецам достались. Неужто нормальные и небедные ныне русские люди, которые читали Ивана Тургенева и Льва Толстого, не пожелают, чтобы их пусть и некрупные деньги крутились на производстве в окрестностях Бежина луга или Никольского-Вяземского — родового имения Толстых?

Неведомо пока как, но на развитие в районе производства Волков необходимые деньги найдёт. Утверждать это смело можно потому, что он раз уже доказал свою редкую способность — из ничего делать кое-что, а кое-что превращать в нечто. Типичный тому пример — реконструкция в Черни роддома.

Когда Волков заявил, что роддом будет восстановлен методом народной стройки, то у многих это вызвало улыбку. Но кто-то принёс в фонд восстановления пять рублей, кто-то пятьсот, кто тысячу — и набралось почти 100 тысяч рублей. Одно безденежное предприятие даровало на роддом кирпич, второе — цемент, третье — бетонные плиты, четвёртое — черепицу. Колхозы же взяли на себя обязательство бесплатно кормить строителей — и реконструкция роддома идёт полным ходом.

На прощанье Волков подарил мне брошюру-программу. В ней расписано, что и когда в районе будет сделано до 2005 года. Напротив некоторых пунктов программы уже можно ставить галочку: выполнено.

Тришка-демократ по-прежнему ворует, администратор Волков по-прежнему работает. Работает, невзирая на дефицит финансов. Работает во имя и во благо своих земляков и земляков Тургенева и Толстого. И у Волкова, как ни удивительно, кое-что получается.

Глава 7

Рука Москвы

Человек в здравом уме запах сирени не спутает с запахом черемухи и не примет чеснок за морковь. Охмурить нормальных людей в повседневной жизни непросто. Но как только тех же людей привлекают творить политику, то они раз за разом легко становятся жертвами обмана и делают свой выбор себе во вред. Почему?

Заглянем в текст, лаконично раскрывающий суть политического надувательства масс. Итак, читаем:

“Выборы — дело искусства, имеющего, подобно военному искусству, свою стратегию и тактику.

По теории, избранный должен быть излюбленным человеком большинства, а на самом деле избирается излюбленник меньшинства, иногда очень скудного.

Выбор должен бы падать на разумного и способного, а в действительности падает на того, кто нахальнее суется вперёд.

Казалось бы, для кандидата существенно требуется — образование, опытность, добросовестность в работе: а в действительности все эти качества могут быть и не быть. Они не требуются в избирательной борьбе, тут важнее всего — смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже с некоторой пошлостью, нередко действующей на массу.

По теории — избранные должны быть из лучших, излюбленных граждан. На практике — это наиболее честолобивые и нахальные граждане. По теории — избиратель подаёт голос за своего кандидата потому, что знает его и доверяет ему. На практике — избиратель даёт голос за человека, которого по большей части совсем не знает, но о котором натвержено ему речами и криками заинтересованной партии”.

Этим строкам — более ста лет. Принадлежат они перу Константина Петровича Победоносцева — обер-прокурора Священного Синода Российской Империи. Как свидетельствовал журнал “Московский вестник”, в громадном кабинете Победоносцева на Литейном проспекте в Питере с письменным столом колоссального размера и другими столами, сплошь покрытыми книгами и брошюрами, “становилось страшно от ощущения развивающейся здесь мозговой работы. Он всё читал, за всем следил, обо всём знал”.

Победоносцев не только обо всём происходящем в империи знал, но и многое в ней мог. За 25-летие его обер-прокурорской деятельности число учеников в церковноприходских школах России увеличилось почти в 140 раз. Влияние Победоносцева на всю российскую политику велико было в царствование его воспитанника Александра III и в значительной мере сохранилось при Николае II. Но с новым монархом Константин Петрович в конце концов разошёлся в главном — в отношении к институтам демократии, которую Победоносцев называл великой ложью его времени. И когда в 1905-м Николай II подписал манифест об образовании парламента в России, Победоносцев подал в отставку с поста обер-прокурора. Царский двор остался без духовного надзора и оказался пред лицом врага, им же самим созданного.

Погоду в Государственной Думе всех четырёх её созывов — с 1905 по 1917 — делали не самые образованные, опытные и добросовестные в государственных делах, а самые, как и предсказывал Победоносцев, честолюбивые и нахальные граждане.

Не имевшие никаких заслуг перед Отечеством керенские, милюковы, родзянки, шингаревы, получив депутатскую неприкосновенность и имея приличную зарплату от государства, яростно и упорно били через прессу по устоям государства. А одряхлевшая, утратившая политическую волю правящая элита ничего им противопоставить не могла.

Думские бузотёры своего добились — заговором заставили Николая отречься от престола и изменили государственный строй России. Демократия восторжествовала и породила всеобщий хаос. Покончить с ним могла только диктатура. В той политической группе-силе, которая железной рукой затушила пожар гражданской войны, было пять претендентов на роль единоличного правителя. Победителем среди них вышел воспитанник ведомства обер-прокурора Победоносцева.

Изучал ли Сталин в духовной семинарии труды Константина Петровича, читал ли их в тюрьмах и ссылках — историкам неведомо.

Но совершенно очевидно, что главная стратегическая линия в сталинской политике проводилась точь-в-точь с установкой Победоносцева: «Самые плодотворные для народа и прочные меры и преобразования всегда исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветлённого высокой идеей и глубоким знанием».

Кадры умелых и идейных государственников Сталин добывал, как добывают золото — через отсеивание пустой породы: право на власть на всех уровнях управленческой пирамиды сохраняли только те, кто мог осуществлять самые плодотворные для народа меры.

В 1941—45-м мы воевали с армией, на которую работала почти вся Европа. Мы выиграли войну у целого континента. Мы в кратчайшие сроки восстановили разрушенные города и сёла. Мы вышли на первое место в мире по числу студентов. Мы создали атомную бомбу и приступили к разработке программ по освоению космоса. Слава нашей страны в первые послевоенные годы росла и росла, а цены на товары в ней снижались и снижались. Мы во многом бы смогли стать впереди планеты всей, если бы кадровая политика Сталина продолжилась после его смерти. Но, увы, приток свежей крови в управленческую элиту на рубеже 50-60-х прекратился и центральная воля у государственных людей мало-помалу исчезла.

Советская бюрократия в середине 80-х сильно напоминала царскую бюрократию в период между двумя революциями — первой и второй. Чины из номенклатуры ЦК КПСС так же, как и сановники-дворяне, видели недовольство собой в обществе, и так же ничего кардинального не делали, дабы это недовольство преодолеть. Если бы Столыпин или другие первые лица империи нашли в себе мужество покончить с помещичьим землевладением, толкавшим к бунтам русское крестьянство, то потрясений в стране ни феврале, ни в октябре 1917-го не случилось бы. Если бы лидеры КПСС на исходе восьмидесятых по примеру лидеров Компартии Китая провели разумную реформу цен и создали для своих граждан настоящие стимулы к труду, то у нас в конце XX века была бы совсем другая история.

Всё то в политике и экономике, что вызывало народное недовольство, генсек ЦК КПСС Горбачёв и его окружение оставили, как есть. Извилины у них хватило лишь на то, чтобы наплодить кооперативов и ввести так называемые демократические выборы в высшие органы власти — СССР и союзных республик. Через кооперативы отмывались наворованные у государства деньги и высасывались материальные ценности госпредприятий. В результате в магазинах исчезли дешёвые

товары, богатые становились ещё богаче, остальные нищали. Выборы же на основе западных демократических ценностей, которые были ра венчаны в трудах Победоносцева ещё в прошлом веке, принесли мандаты народных депутатов СССР самым честолюбивым и нахальным. И не имевшие никаких заслуг перед Отечеством собачки, бурбулисы, заславские и старовойтовы стали бить в прессе по устоям Советского государства так же, как били по устоям Российской империи керенские милликовы, родзянки и шингаревы. Всё вернулось на круги своя.

Вслед за союзными парламентскими выборами состоялись российские — ещё более демократические, без квот по спискам. На них тем депутатских мандатов получили алчущие политического самоутверждения мистеры Никто — юшенковы, шахраи, якунины, филатовы. И старанием председателем Верховного Совета РСФСР был избран выдвинутый из партноменклатуры Ельцин. Вокруг него начал формироваться новый центр власти с задачей — вывести Российскую Федерацию из-под контроля союзного правительства и внедрить в неё продиктованную западными спецами рыночную модель экономики.

Остановить суверенизацию РСФСР союзный центр оказался не способен. Самые здравомыслящие деятели правительства СССР проиграли буйствовавшему в двух парламентах депутатству идейно — не предложили привлекательную для народа альтернативу попыткам сокрушить действующую вертикаль власти. А их моральное поражение переросло в организационное. Образовав для наведения в стране порядка Госкомитет по чрезвычайному положению, они дрогнули перед шумом толпы московских лавочников у российского парламента, сдались на милость Ельцину и отдали союзное государство на растерзание республиканским правителям.

СССР сгубили тупость и трусость высшей партийно-хозяйственной номенклатуры и поспешное, непродуманное введение ею института так называемых демократических выборов, в результате которых в политику пришли амбициозные и безответственные люди.

В ставшей абсолютно суверенной Российской Федерации, в том числе суверенной и от 25 миллионов русских, оставшихся за пределами её границ, выборы как главный инструмент демократии были провозглашены нетленной ценностью. Вместе с тем власти РФ в лице Ельцина и его окружения присягнули и на верность идее капиталистического рынка западного образца.

Построение капитализма ударными темпами с помощью методов шоковой терапии не могло не встретить широкого сопротивления в

городах и весях. Поэтому на время Ельцину пришлось пожертвовать принципами демократии — после августовского переворота в 91-м руководителей провинций он стал назначать. В 92—93-м потрясшей большинство граждан рыночной шоковой терапии воспротивилось сотворившее власть Ельцина российское депутатство. И ему снова пришлось поступиться демократическими ценностями и расстрелять демократически избранный парламент из танков.

Расстрел Дома Советов был рассчитан на то, чтобы напугать всех недовольных рыночными реформами и заткнуть им рты. Расчёт этот оправдался. Гора трупов в обгорелом здании парламента сделала своё дело.

Согласно принятой на референдуме 93-го ельцинской Конституции, которую редко кто из избирателей читал, избранию подлежали все ветви власти на всех уровнях. Новый Основной Закон таким образом провозглашал наступление в России сплошной всеобщей выборов.

Запустив в жизнь избрание всех местных и региональных начальников и депутатов, Кремль мало задумывался о последствиях этого. Окружение Ельцина после вступления в силу Конституции прежде всего заботилось о том, чтобы уберечь у власти самого Ельцина, ибо неприятие его реформ у большинства граждан сохранялось. В 96-м в Кремле ломали головы над тем, как Ельцину на президентских выборах победить коммуниста Зюганова, в 98-м — как ему избежать импичмента, в 99-м — за чью спину ему спрятаться после окончания второго срока его президентства. Когда преемник в лице Путина был найден, когда он въехал в Кремль на белом коне и стало ясно, что ему не грозит потеря симпатий большинства, в кругах высшей власти наконец-то обратили внимание на плоды демократии без конца и края. И что увидели?

Избранные народом руководители районов и городов независимы от тем же народом избранных губернаторов и часто откровенно враждуют с ними. Депутаты в представительных органах Субъектов Федерации принимают законы, которые прямо противоречат законам федеральным. Президенты национальных республик, прикрывшись своим всенародным избранием, плюют на обязательства перед всероссийским бюджетом.

Сказанные Путиным в 2000-м слова: "У нас кругом Чечня", — являлись констатацией того, что у нас кругом сепаратизм. В том же году Кремль предпринял ряд мер по восстановлению вертикали власти в стране — от введения государевых ок в Субъектах Федерации в

статусе полпредов президента до принятия законов, ограничивающих неприкосновенность руководителей регионов.

Де-юре сепаратизм в стране приостановлен. Но стала ли она при всём том управляема? Пока в провинции существуют выборы исполнительной и законодательной власти, то есть пока никому неведомо, какие честлюбивые и нахальные граждане завтра придут в губернаторы и депутаты и что они натворят в своих областях, краях и республиках, об управляемости страны говорить не придётся.

В полной управляемости регионами заинтересованы ныне и верховная власть, и группы крупного капитала. То есть политическая и экономическая элита страны. Ей, элите, нужна стабильность и предсказуемость власти в провинции. Но на отмену, скажем, губернаторских выборов, на которых могут побеждать прохиндеи и бездари, заручившиеся поддержкой местных денежных мешков, элита, скорее всего, не пойдёт, — а что скажет княгиня Мария Алексеевна в Америке и в Европе — в России кончилась эпоха демократии?

Мнение Запада для нынешней российской элиты важно. Но крайне важно для неё и иметь подконтрольную ей власть в регионах. Стало быть, управляемости страны Кремль и сотрудничающие с ним финансово-промышленные тузы будут добиваться через достижение управляемости выборами. Как?

Решением суда с губернаторской гонки в Курске был снят Руцкой, а в Приморье — Черепков. Суды, как известно, не только под Богом, но и под властной элитой ходят. А ей оба не допущенные до выборов претендента вряд ли могли быть любы. Руцкой в роли курского губернатора прославился несусветной кадровой чехардой и высокоартистичными монологами перед областным хозяйственным активом, после каждого из которых всё больше чернозёмных земель зарастало бурьяном и кустарником. Черепков на посту мэра Владивостока часто общался под своим рабочим столом с небесными силами и после многократных сеансов связи с ними из казны города, как установили ревизоры Минфина РФ, исчезали в неведомом направлении миллионы и миллионы рублей.

Второй рычаг управления выборами — аргументы правоохранительных органов. В Якутии в конкуренты действующему президенту Николаеву, желавшему переизбраться на третий срок, из Москвы был направлен заместитель генерального прокурора РФ Колмогоров. Николаев намёк понял, не захотел, чтоб прошлую его деятельность изучали следственные бригады Генпрокуратуры, и снял свою кандидатуру с

выборов. И тут же его примеру последовал Колмогоров — ему незачем было мешать излюбленнику Кремля Штырову.

В случаях с Ружким, Черепковым и Николаевым мотивы вмешательства властной элиты вполне объяснимы. Первые два кандидата — это политики-любители, политики авантюрного, трудно предсказуемого склада. Третий был в прошлом чересчур самостоятельным и к тому же в значительной мере выработал свой управленческий ресурс. Во всех этих трёх случаях управляемость выборами была во благо регионам и стране. Но в иных подобных случаях позицию властной элиты трудно не только объяснить, но и понять.

Почему в полном замалчивании оказался скандал, связанный с выборами в Иркутской области, где при подсчёте голосов полно вскрылось фактов подтасовок в пользу действующего губернатора Говорина?

Как многие утверждают в Липецке, матёрого администратора, гендиректора Новолипецкого металлургического комбината Лисина службы полпреда президента буквально вынудили отказаться от соперничества на предстоящих выборах с нынешним губернатором Королёвым. Опять вопрос — почему?

Российская политическая и экономическая элита может решать исход выборов в провинции и через финансирование избирательных кампаний, и через регулирование их информационного обеспечения. Но какие кандидаты нужны Кремлю и наиболее тесно связанным с ним финансово-промышленным группам? Удобные и приятные во всех отношениях для придворных вельмож и денежных мешков? Или толковые и дееспособные?

Часть III

ВИД НА ОППОЗИЦИЮ

Глава 1

Красный патриарх

На алой его визитке — серп с молотом, три титула, должность, фамилия, имя, отчество. Партийную свою кличку он в визитку не вписывает, но её новые знакомые узнают очень скоро. Кто оказывается с ним рядом где бы то ни было, тот непременно прослышит: он — Дед.

Так его именуют везде — в кругах власти, в недрах бузящей против власти Компартии, на работе и дома, в школе, вузе и детдоме, над которыми он шефствует.

У Деда было два инсульта и пара инфарктов. Здоровьем он не блещет, но уверяет друзей-товарищей:

— Я не помру, пока лично не приму участия в испепелении всех сволочей в Кремле.

Три титула Деда на визитке выглядят следующим образом:

“Заслуженный строитель СССР,
Заслуженный строитель РСФСР,
Дважды Лауреат Государственной премии”.

Во имя и во благо страны в советское время Дед вкалывал во все тяжкие. За труды праведные его одаривали не только званиями и премиями, но и высочайшем вниманием. Принимать построенный им объект приезжал председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Кунаев и Генеральный секретарь ЦК Компартии Франции Жорж Марше преподнесли Деду персональные подарки.

Дед, он же Пётр Захарович Шевцов, был при радевшей о стройках Советской власти зело успешным хозяйственником. Но вот власть по-

менялась и стала душить производство, а Дед, как ни удивительно, по-прежнему хозяйствует успешно. Но куда удивительнее то, что в стране капитализм, а на предприятии Петра Шевцова торжествуют принципы социализма: каждому по труду и всем максимум возможных бесплатных благ.

Дед Пётр живёт в славном городе Клину, а работает не только там, но и ещё в 12 районах Московской области, где находятся участки Клинского проектно-строительного комбината. Комбинат — закрытое акционерное общество. У Деда, председателя общества, — 8 процентов его акций, остальные поделены между прочими членами трудового коллектива. Коллектив владеет комбинатом, Дед им управляет. Управляет так, что к нему, верному ученику товарища Сталина, не грех направлять за опытом многих господ руководителей рыночно-демократического засола.

В 1992-м, когда дан старт был реформам Ельцина-Гайдара-Чубайса, Петру Захаровичу исполнилось 63 года. Глядя на происходящее вокруг, он реформаторов материл не крепко — с ними всё ясно, они враги, а себя корил больно:

— Не вовремя я, подлец, состарился. Было б мне на десяток лет меньше, то если не полк, то батальон для чистки в Кремле я точно б сформировал.

Жуть навязанного России дикого рынка потрепала Петру Шевцову нервы, но не затмила ему разум. Как прожжённый прагматик, он с превеликой горечью душевной в начале девяностых пришёл к выводу:

— Увы, нет сейчас в стране винтовки, которая могла бы родить иную, альтернативную режиму Ельцина власть. А раз так, то шоковую терапию дикого рынка, которая крушит промышленность, отменить нельзя, и надо искать ей противоядие для спасения своего комбината.

Действовать Дед стал в духе популярной в его молодые лета песенки:

“Умейте выжидать, умейте нападать.

При каждой неудаче

Давать умейте сдачи —

Иначе вам удачи не видать”.

Без паники выдержав первые удары реформаторов, Дед дал сдачи их ущербной политике тем, что резко ограничил зависимость комбината от буйства запущенной ими рыночной стихии.

Вы, сукины дети, зажгли зелёный свет для необузданного роста тарифов на отопление, а мы на своей главной производственной базе в

Клину отгрохали собственную котельную — фиг вам с нас достанется от взвинчивания цен на тепло.

Вы надумали оголодить-обессилить наших работников через неконтролируемое повышение стоимости продуктов, а мы заводим при комбинате подсобное сельхозхозяйство и, не ужасаясь ценниками в продмагах, сами себя накормим. И сами же себе одежду пошьём, открыв свое ателье.

Вы обложили налогом на добавленную стоимость (НДС) каждое необходимое для строительства изделие, вы хотите, чтобы мы покупали у разных поставщиков десять видов изделий и десять раз, разоряясь, платили вам налог, а мы, кладя на ваши заморочки болт с гайкой, начинаем всё-всё для возводимых объектов делать на нашем же предприятии.

Ныне Клинский проектно-строительный комбинат — это полный комплекс услуг заказчикам: от изготовления удобных им макетов-чертежей до сдачи изображённых на них зданий под ключ. Другими словами, высокие лбы и умелые руки комбината могут и сотворить проект объекта на любой вкус, и целиком объект построить. Причём из собственных материалов.

Замечательно придуманный герой Николая Васильевича Гоголя говаривал своему гостю: “Вот видишь — граница. Это всё моё. А за границей — тоже всё моё”.

Реальный Пётр Захарович Шевцов, он же Дед, показывая мне цеха производственной базы комбината в Клину, не меньше впечатлял, чем персонаж Гоголя:

— Вот бетонные глыбы под фундаменты зданий — это мы изготовили. Вот панельные стены — нами сработаны. Всю столярку, гляди, — окна, двери и прочие деревянные штуки мы сами мастерим. А вот, полюбуйся, какой блок из керамзита и цемента мы фабрикуем. Один такой блок заменяет шесть кирпичей. Шесть кирпичей стоят 42 рубля, а наш блок — 20 рублей.

Комбинат Деда, развернув под своей крышей производство всех стройматериалов, которые хороши как по качеству, так и по цене, стал привлекателен и для частных заказчиков, и для государственных. А поскольку есть спрос на комплексные услуги комбината, то есть у него и доходы. Они, конечно, не баснословны, но распределяются в интересах всего коллектива, а не отдельных лиц, и потому в стране капитализм, а на предприятии Деда — социализм.

Полноценный обед в столовой Клинского комбината — 6 рублей (из своих продуктов он готовится), официальная же, без премий и

побочных доплат, зарплата многих работников составляет 9000 рублей в месяц. То есть инженер-проектировщик или монтажник может пообедать за тридцать дней полторы тысячи раз.

Лечение в первоклассно оборудованном здравпункте комбината — бесплатное. Бесплатно также работники и их дети пользуются спортивным залом, бассейном и саунами, почти бесплатно 7 семей в год получают от комбината квартиры. На великой реке Волге, неподалеку от резиденции президента “Завидово”, у комбината есть пансионат на 126 мест. Там всё лето опять-таки бесплатно отдыхают дети работников и сироты из детского дома. Детдом в Клину и 16-ю школу города Дед и его коллектив считают своими и по-родственному им помогают.

Для пенсионеров в спортивно-оздоровительном комплексе комбината еженедельно натапливается русская баня. Получают бывшие работники от своего родного предприятия и денежные, и продовольственные, и прочие пособия.

Каждый год комбинат восемь самых лучших своих юных рабочих направляет в вузы и оплачивает их обучение там. Дед Шевцов очень тщательно бдит за подготовкой и расстановкой кадров. Ему самому уже 73 года, а на ключевых ролях в комбинате — люди самого что ни на есть цветущего возраста.

У порядочного мельника, как известно, вертится мельница, а не голова. Дед Шевцов запустил и отладил эффективно действующий производственный механизм, и ему остается лишь время от времени корректировать его работу. Голова мудрого Деда строительной суетой не забита, поэтому он внимательно следит за всем происходящим в стране, в Московской области, в городе Клину, и смеет своё суждение иметь по самым разным вопросам.

Формально Дед из политики ушёл, выведя сам себя из состава президиума Московского обкома Компартии Российской Федерации. Фактически же он является действующим политиком, поскольку его высокий авторитет хозяйственного руководителя придаёт сказанному им немалый политический вес. А за словом в карман Дед не лезет и ни перед кем не тушется.

Я познакомился с Дедом за скромным застольем в честь дня рождения моего земляка, депутата Госдумы от Брянщины Василия Шандыбина. Пётр Захарович дружит с Василием Ивановичем давно. Они встречаются и в Москве, и в Клину и, возможно, кое-что из известных всем выступлений Шандыбина с думской трибуны рождается в ходе его бесед с Дедом. Их, мне кажется, объединяет то, что они

оба не признают полутонов в политике и всё называют своими именами. Шандыбин заявляет в Госдуме: лидер фракции так называемого Союза правых сил Немцов — враг народа. Дед Шевцов, принимая у себя на комбинате первого помощника президента Ельцина господина Илюшина со свитой, так отозвался о тогдашнем премьер-министре Черномырдине, что у пожаловавших к нему челюсти отвисли.

Василия Шандыбина в своё время в Госдуме лишали на несколько дней слова за грубую, по мнению ряда депутатов, выходку против высокопоставленной подхалимки. Пётр Шевцов не так давно вызвал страшный гнев у бывшего губернатора Подмосковья Тяжлова за то, что на совещании при нём, используя непечатное выражение, поставил на место его зарвавшуюся чиновницу — министра финансов. Тяжлов, в прошлом такой же управленец-строитель, как и Шевцов, мстить ему административными способами не стал, а, по слухам, обратился в обком Компартии: рассмотрите факт публичной нецензурной брани и вынесите Деду партийное взыскание. Группа членов обкома, как говорил мне один из них, предложение губернатора обсудила и постановила:

— Есть мат обыкновенный и есть возвышенный. Мат возвышенный — это когда человек вкладывает в нецензурные слова свои искренние чувства. В случае с министром областного правительства коммунист Пётр Захарович Шевцов руководствовался именно чувствами. Считать данный факт употребления ненормативной лексики оправданным и впредь рекомендовать коммунисту Шевцову в отношении представителей власти использовать возвышенный мат всегда и везде, в отношении же товарищей по партии и подчиненных на Клинском проектно-строительном комбинате — только в исключительных обстоятельствах.

На бумаге процитированного постановления не существует, на словах его многие знают. Партийную дисциплину Дед уважает и негласные рекомендации членов обкома выполняет. Особенно в отношении представителей власти — им он свои чувства выражает и с возвышенным матом, и без него.

Летом минувшим комбинат Деда, разумеется, в сопровождении областного начальства, посетили два чина из российского правительства. Когда они попивали чай в рабочем кабинете Шевцова, один чин, взглянув на бюст Ленина, который подарил Деду Жорж Марше, и напротив него стоящий портрет президента Путина, спросил Петра Захаровича:

— Как объяснить такое странное соседство? Зачем вы Путина

Дед ответил немедленно:

— Даю шанс вашему Владимиру Владимировичу поучиться у нашего Владимира Ильича. За Лениным в октябре 1917-го были только самостоятельные отряды Красной Гвардии, но он всю собственность России забрал в пользу государства и народа. Путину же подчиняются и армия, и МВД и ФСБ, сам он, вроде, не прочь отъять у олигархов для трудового люда доходы с нефти, газа, металлов, леса — но ничего путного ему содейть не удаётся. И я решил: пусть Владимир Владимирович поглядит у меня на Владимира Ильича и, быть может, от беспомощности умишка своего избавится.

На следующий день в том же рабочем кабинете Деда появился сотрудник Федеральной службы безопасности:

— Вы вчера в присутствии официальных должностных лиц заявили о скудоумии президента Путина. Я вас должен допросить на сей счёт.

Дед тяжело вздохнул, с высоты своего стана в кресле кинул взгляд на мелкого капитана ФСБ на стуле напротив и молвил:

— Милок, я не помню, что говорил сегодня, а ты хочешь узнать, что мной сказано было вчера.

Дело на Деда не выгорело. Но если бы его все-таки завели, то Пётр Захарович вряд ли стал бы остерегаться везде говорить то, что думает, и всегда поступать так, как считает нужным. У независимости Деда две основы — объективная и субъективная.

Поэт Николай Алексеевич Некрасов некогда начертал:

— Не торговал я Лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У Лире звук неверный исторгала
Моя рука.

Что кроется за этими строками, каждый школьник-старшеклассник знает: когда возникла реальная угроза закрытия нелюбезного власти журнала “Современник”, который редактировал Некрасов, он согласился подсюсюкнуть царскому двору. Строителю-коммунисту Шевцову его комбинат дорог не менее, чем поэту-демократу Некрасову журнал, но у Петра Захаровича в отличии от Николая Алексеевич нет необходимости фальшивить и хоть как-то идейно заискивать перед имущими властью. Почему нет?

Комбинат Деда — финансово прозрачное предприятие, которое поставляет в казну налоги на миллионы и миллионы рублей. Для

подмосковных начальников угробить комбинат — значит **зарезать** высокоудойную корову, сильно пополняющую их бюджеты. Поэтому и бывший губернатор области Анатолий Тяжлов, и нынешний — Борис Громов, и мэр Клина Александр Подстриганин силой данной им власти не только не вредят комбинату, но и в меру помогают ему развиваться, невзирая на открытую и бескомпромиссную враждебность Шевцова к политике правящих страной чинов и олигархов.

Современник поэта Некрасова — писатель Салтыков-Щедрин в своё время убедительно доказал: главное для человека — не внешняя, а внутренняя свобода. Тот, у кого в голове на первом плане принцип “как бы чего не вышло”, никогда не будет волен в своих словах и поступках. Пётр Захарович Шевцов на сей принцип всегда поплёвывает и этим он сильно отличается от большинства своих руководящих товарищей по партии — коммунистов-хозяйственников и коммунистов, ставших мэрами и губернаторами.

В 1998-м исполнилось 70 лет крупному русскому писателю Петру Проскурину. Власти Брянщины, где появился на свет и вырос автор “Судьбы”, “Имя твоё” и “Отречения”, надумали отметить его юбилей на родине со всеми, кого он пожелает рядом с собой в свой праздник видеть. Короче говоря, администрация области пригласила писателя Проскурина, а тот пригласил на Брянщину друзей-писателей, в том числе и главного редактора газеты “Завтра” Александра Проханова. Когда в брянской администрации, которую возглавлял тогда и до сих пор возглавляет коммунист Лодкин, стал известен список приглашённых Проскуриным, на него из славного города Брянска обрушился шквал звонков:

— Пётр Лукич, мы просим, мы умоляем — не привозите с собой Проханова. Мы, коммунисты, в принципе хорошо относимся и к нему, и к его газете “Завтра”, но её ненавидят в администрации президента и в правительстве России. А оттуда будут представители на вашем юбилее. Как они воспримут присутствие на нём Проханова, неизвестно. Но вдруг его приезд к нам выйдет области боком?

А теперь вообразим ситуацию: в канун грядущего 75-летия Петра Захаровича Шевцова ему из высочайшей инстанции сообщают:

— К вам на юбилей решила пожаловать королева Великобритании. С ней вместе придут телекамеры со всего света. Это выгодно вашему комбинату, городу Клину, всей Московской области. Но надо, чтоб на вашем юбилее не было председателя Компартии Зюганова и уж, Боже упаси, непримиримого коммуниста Шандыбина. Отмените им свои приглашения.

Как на это предложение отреагировал бы Дед?

Поэт Олег Бородин, крайний антизападник и радикал-националист, одно из своих стихотворений завершил фразой:

“Я лично натяну презерватив на голову английской королеве”.

Солидный коммунист-хозяйственник Шевцов вряд ли бы уподобился хулиганистому Бородину. Но я абсолютно уверен: кто сказал бы Шевцову, что королеву Великобритании выгодно разменять на Зюганова и Шандыбина, тому выпала бы от него изрядная порция возвышенного мата.

Пётр Захарович рано стал мудрым и столь же рано окостенел. То есть разучился кланяться и в ту сторону, откуда следует личная материальная выгода, и в ту, откуда исходит опасность. И именно за уникальное сочетание премудрости с бескорыстием и мужеством он заслужил кличку “Дед”. Но среди коммунистов Шевцов — не просто Дед, а Красный Дед, своего рода Красный Патриарх, который, во-первых, непреклонно уверен, что служить Богу — значит служить людям, сотворённым по образу и подобию Божьему, и который, во-вторых, точно знает, как надо людям служить.

Глава 2

Замах на реванш

Замок на Охотном ряду был мозговым центром Советской империи. Высшие её чины на Старой площади и в Кремле лишь заказывали и утверждали музыку. А писали её, распределяя потоки денег и ресурсов, здесь — за сумрачными стенами Госплана на Охотном.

Нынешняя хозяйка замка — Государственная Дума — социально-экономическую музыку не сотворяет, а исполняет роль своего рода художественного совета: эти ноты узаконить, те — отклонить. Все решения Госдумы зависят исключительно от того, у кого в ней больше голосов — у Труда или у Капитала. Чьи ноты депутатскому большинству дороже сегодня — известно. А чьи — будут завтра?

Новые выборы в Госдуму в нынешнем году, на первый взгляд, — событие отнюдь не поворотное. В России по-прежнему президентская, а не парламентская республика, и обновление депутатского состава автоматически не ведёт к изменению курса страны.

Всё так. Если следовать формальной логике. Если же трезво взглянуть на реальные факты нашего бытия, то не миновать вывода: битва партий Труда и Капитала за мандаты на Охотном в 2003-м столь же судьбоносна для России, как и баталия законодателей с исполнительной властью в 1993-м.

Оглянемся назад на десять лет.

Верховная власть в стране де-юре принадлежит Съезду народных депутатов. Де-факто — она в руках президента Ельцина. Его депутаты наделили дополнительными полномочиями, и он может править по принципу — “что хочу, то и ворочу”. И таковым образом правит.

Политика Ельцина всё меньше и меньше устраивает депутатов, большинство из которых не заседает в Верховном Совете, а живёт среди народа и слышит вопли его недовольства происходящим в стране.

В начале 1993-го на Съезде депутатов ставится вопрос о вынесении Ельцину недоверия. Голосов за импичмент ему чуть не хватило. Но выпады депутатов против Ельцина на фоне растущего народного возмущения его политикой не прекратились, а усилились.

Расстрел Дома Советов произошёл в ходе, казалось бы, вполне цивилизованного противоборства президента и парламента. Но почему оно обернулось пальбой из танков и обильным кровопролитием в центре Москвы? Ответ простой: потому что противоречия между двумя конфликтовавшими сторонами были непримиримыми.

Эти противоречия создал не Ельцин, а Горбачёв. Он, генсек партии социальной справедливости и внепартийный президент с державным скипетром, сидел в политике на двух стульях. На одном стуле Горбачёв возвещал о необходимости социализма с человеческим лицом и прибавлении благ для всех и каждого, на другом — зажигал зелёный свет для кооперативов и совместных советско-иностранных предприятий, для коммерческих банков и бирж, через которые отдельные, приближённые к власти граждане могли легко обогащаться, умыкая для себя предназначенное для всех.

Все почти самые крупные ныне финансово-промышленные группы зародились в пору горбачёвской перестройки. Богатые при Горбачёве успешно богатели, бедные удачно беднели. Но первые в нём, талдычившем о всеобщем благе генсеке, не видели гаранта их дальнейшего процветания, вторые от него — и как от генсека, и как от президента, получали только прогрессирующую нищету. Поэтому Горбачёв стал не нужен ни тем, ни другим и всего лишь пинком под зад был вышиблен из Кремля.

Ельцин не стал уподобляться Горбачёву и решительно отказался угождать всем. Введя неконтролируемые цены и дав добро на халявную приватизацию, он тем самым внятно заявил спекулятивной буржуазии, бандитским группировкам, тузам-хозяйственникам и чиновничеству: вам обогащаться не только можно, но и нужно — хватайте всё, что сумеете схватить. Остальных оголодите — не беда: построение рынка частных капиталов требует жертв.

В западных странах, как известно, деньги делают власть. У нас же исполнительная власть в лице Ельцина и назначаемых им чиновников сама взялась изготавливать капиталистов и добровольно себя поставила на службу их интересам. В результате стал образовываться симбиоз

президента, правительства и денежных мешков, который можно назвать Капиталом с большой буквы.

Противоборство между Ельциным и Съездом депутатов являлось, по сути, схваткой между двуединым Капиталом и Трудом. Капитал не погнушался пролить кровь, люди же Труда, сбитые с толку продажной пропагандой, в пик схватки массовой поддержки парламенту не оказали: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Победа Капитала в октябре 1993-го полностью развязала ему руки.

Десять лет мы живём под диктовку Капитала — и десять лет ежегодно число наших граждан сокращается почти на миллион человек. Сокращается прежде всего от царящей в обществе вопиющей социальной несправедливости: кучка семей, захватившая главные богатства России, купается в роскоши — миллионы семей не имеют минимума денег на хлеб и лекарства.

Десять лет Капитал правит бал в стране — и десять лет она шаг за шагом уверенно обретает статус сырьевого придатка семёрки развитых стран: доходы от русской нефти, русского газа, русских металлов и русского леса оседают на Западе как беспроцентные кредиты его экономике, наша же экономика теряет самые высокотехнологичные отрасли из-за острого дефицита кредитов с щадящими процентами.

Капитал, то есть исполнительная власть плюс денежные мешки, мог достигать необходимых ему целей без власти законодательной. Но ради создания видимости демократии и прикрытия своей диктатуры он предусмотрел в Конституции малополномочный парламент.

Представим на минуту, что на выборах в Госдуму в 1995-м или в 1999-м абсолютное большинство депутатских мандатов получили представители Труда. Смогли бы они при кастрированном парламентаризме изменить социально-экономический курс Капитала? Увы, нет, ибо, согласно ельцинской Конституции у думских депутатов нет правовых рычагов для того, чтобы перекроить состав исполнительной власти и поставить её под свой контроль. Так почему же сейчас, в 2003-м, вопрос о главенстве в Госдуме Капитала или Труда стал вопросом о качественно ином состоянии страны?

В тридцатые годы XX века у нас в стране в ходу было выражение: социализм в СССР победил в основном, но не окончательно. На третьем году XXI века компрадорский капитализм в России тоже победил и тоже в основном, а не окончательно. Необходимо ещё разорвать и раздать в частные руки энергетические монополии, железнодо-

рожный транспорт и жилищно-коммунальное хозяйство. Произойдёт это — можно будет додушить индустрию страны и сдирать с её граждан три шкуры через тарифы ЖКХ и цены на грузовые и пассажирские перевозки.

Окончательная победа компрадорского капитализма в России требует соответствующих законов и, следовательно, победы кандидатов Капитала на грядущих выборах в Госдуму. Возьмут они верх — новый страшный виток нищеты и полная деиндустриализация нам будут обеспечены.

Нынешняя реальная оппозиция Капиталу — это прежде всего Компартия РФ и под её крылом входящие в Народно-патриотический союз России крохотные некоммунистические партии-движения и отдельные люди, для которых неприемлема политика ни при Горбачёве, ни при Ельцине, ни при Путине. Свидетельство о рождении НПСР получил осенью 1996-го. И с той осени каким он был, таким по сей день и остался — и по количеству членов, и качеству деятельности. Короче говоря, самый боеспособный отряд оппозиции компрадорскому Капиталу впал в застой. Почему?

Поэт Маяковский некогда изготовил агитку:

*“Антанта признавала Юденича,
Антанта признавала Деникина,
Антанта признавала Врангеля.
Больше Антанте ничего не осталось знать,
Кроме как душой себя признать”.*

Лидеры, составляющие ныне костяк руководства Народно-патриотического союза, в своё время посадили в кресло председателя Госдумы бывшего завкафедрой механизации животноводческих ферм Волгоградского сельхозинститута Ивана Рыбкина. Он так славно поруководил Госдумой от лица оппозиции, что ненавистный ей Ельцин наградил его весьма видным постом секретаря Совета безопасности.

Тогда же, в 1994-м, лидеры оппозиции заместителем Рыбкина в Госдуме сделали профессора-юриста Валентина Ковалёва. Он не менее замечательно, чем Рыбкин, потрудился во благо власти, и Ельцин одарил его должностью министра юстиции, который ему пришлось оставить после заснятия его на плёнку в бандитской бане с проститутками.

Чуть позже лидеры НПСР завели роман с плодовитым писателем и издателем, книги которого никто не покупал — Алексеем Подберёзкинским. Его они в 1995-м превратили в депутата Госдумы, в 1996-м —

в сопредседателя Народно-патриотического союза и создали ему ничем не заслуженную им известность. А он в 1999-м выступил на выборах в Госдуму с собственным избирательным объединением и отъял у Союза патриотов добрый процент голосов.

Вместе с Подберёзкинским лидеры оппозиции произвели в депутаты Госдумы в 1995-м не комсомолку, не спортсменку, не красавицу, а девицу с формами Виктора Черномырдина, называвшуюся главой Союза студентов России — Дарью Митину. Она в знак признательности за депутатский мандат от Компартии вылила на её фракцию в Госдуме в канун очередных думских выборов в 1999-го больше грязи, чем добрый десяток демократических политиков, вместе взятых.

И, наконец: рухнул СССР, а главная его газета — “Правда” — осталась. Бразды правления в ней достались не пишущему журналисту Геннадию Селезнёву. “Правда” — это всесветная известность и жутко дорогая торговая марка. Но Селезнёв достоинством газеты так распорядился, что обнищавший коллектив правдистов попросил его с поста главного редактора. Ему, журналисту без пера, светило полное забвение. Но он зачем-то понадобился лидерам НПСР. Им и только им Селезнёв обязан постом председателя Госдумы. Но теперь они от него узнали, что служебные блага ему дороже партбилета.

Обилие перебежчиков из оппозиции — явление не случайное. И в том вина не только её лидеров. Мы все с ними вместе признавали Рыбкина с Ковалёвым, мы признавали Подберёзкина с Митиной, мы признавали Селезнёва. И нам ничего не осталось знать, кроме как потерю здравого смысла в себе признать.

Когда коммунист Юрий Маслюков был первым вице-премьером в правительстве Примакова, его пресс-секретарь Антон Суриков опубликовал в газете “Завтра” крутую антиельцинскую статью. Бдительный Евгений Киселёв её засек и немедленно донёс о ней в Кремль через НТВ: надо принимать меры против вице-премьера с таким приближённым к его телу сотрудником-писателем. Маслюков на донос отреагировал весьма своеобразно — он не только не уволил Сурикова, но через него пригласил с собой в поездку по оборонным заводам Ижевска двух корреспондентов “Завтра”.

Почему Юрий Дмитриевич Маслюков не убоился гнева Ельцина? Да потому, что он, Маслюков, бывший председатель Госплана СССР — крупная фигура в финансово-промышленном мире России. Юрий Дмитриевич может быть вице-премьером или председателем думского комитета, может не быть ни тем, ни другим — и всё равно его знания

и опыт будут востребованы в серьёзных экономических структурах. Ну а кому нужны без высоких постов спец по механизации животноводческих ферм Рыбкин и угробивший знаменитую газету не пишущий журналист Селезнёв?

Неудачники, профессионально не состоявшие до прихода в политику люди должны долго-долго ходить в оппозиции в рядовых. Начнёт она у себя выдвигать на первые роли преуспевающих в экономике, науке, культуре — о предательствах забудет.

Как-то я пришёл на пресс-конференцию лидеров оппозиции и второму лицу в Компартии, Валентину Купцову, задал такой вопрос:

— В КПСС было принято партбилет №1 выписывать товарищу Ленину, который нам оставил собрание сочинений сомнительного свойства, и охаивать товарища Сталина, который отстроил и передал вам и мне величайшую в мире державу. КПРФ — преемница КПСС. Так не хотите ли вы как председатель оргкомитета очередного съезда Компартии предложить съезду восстановить историческую справедливость и партбилет № 1 выписать на имя товарища Сталина?

Валентин Александрович, оглядев нацеленные на него телекамеры, слегка, мелкими пятнами на румянном лице, побелел, но твёрдым голосом изрек:

— Отношение к товарищу Сталину наша партия определила на XX съезде КПСС.

Суду всё ясно. Валентин Купцов — природный русский крестьянин и, стало быть, основательный человек. Карьеру свою он начинал заведующим избой-читальней. Любовь к чтению, надо полагать, Валентин Александрович не утратил ни тогда, когда при Брежневле возглавил родную Вологодскую области, ни тогда, когда при Горбачёве его избрали секретарем ЦК КПСС. Образованному крестьянину Купцову противопоставлено быть последователем троцкиста Хрущёва и сыном похабного XX съезда.

Всё-то Валентин Александрович знает. Знает и истинную роль Сталина в нашей истории. Знает и почему решено было завалить мусором его могилу. Знает он и то, что ветер нашей же истории этот мусор развеет — каждый год выходят десятки книг, развенчивающие миф о сталинской тирании, повлекшей якобы миллионы невинных жертв. Но пока сей миф из массового общественного сознания не выветрен, Купцов и с ним многие наши соратники предпочитают прикидываться троцкистами.

Нам комфортней жить, не вызывая за правду огонь на себя, и мы фальшивим. А кто не твёрд в истине, тот не угоден и Богу, и людям.

Мы не рискуем вырваться из запретных догм и сокрушаем то, что безопасно сокрушать, но абсурдно.

Залы съездов КПРФ и НПСР украшает модернизированный символ Труда — серп с молотом на фоне книги. Добавив книгу к традиционному символу, оппозиция тем самым говорит, что ныне желает служить как крестьянам с рабочими, так и интеллигенции. Но она-то, родимая, сегодня всё больше трудится не с книгой, а с компьютером. Раскланиваясь перед интеллигенцией, мы и своё расположение военным не можем не выказать. Выходит, символом оппозиции должна стать композиция — серп, молот, клавиатура компьютера и автомат Калашникова?

Вписывать нечто в каноническую икону — грех, исправлять на свой лад классические произведения искусства — аморально, переделывать политические символы политически же нерентабельно. Серп и молот на гербе СССР и красных знамёнах в лучшие советские времена объединяли всё наше общество. Их принимали и академики с профессорами, и маршалы с генералами. И не надо нам угодничества в выверенных историей символах: русский человек ценит сильных, а заискивающих перед ним презирует.

После Великой Отечественной миллионы людей в нашей стране могли покупать у государства патент и заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Гражданский кодекс 1949 года разрешил в частном производстве использовать наёмных рабочих. В 1952 году товарищ Сталин, оставив за собой пост Председателя Совета Министров, отказался от поста Генерального секретаря ЦК. Это было первым шагом по отделению государства от партии и устранению ставшего не нужным дублирования в управлении.

Сталин понимал, что созданная им административно-командная система своё дело сделала и её надо реформировать. Но этого не поняли или не захотели понять пришедшие к власти после его смерти замаскированные троцкисты. Великого вождя они взялись оплёвывать, а его систему, которая его же самого уже не устраивала, законсервировали.

Некоторое время сталинская система ещё по инерции работала эффективно, а потом стала давать сбои. Под тупым всевластием хрущёвской, брежневской и Горбачёвской КПСС у нас творилось тьма глупостей. Миллионы наших граждан их помнят и само словосочетание — Коммунистическая партия — вызывает у них аллергию. Стало быть, чтобы привлечь на свою сторону всех недовольных нынешним режимом избирателей, оппозиция должна состоять из двух отрядов — коммунистического и национального.

Ингуши и чеченцы, армяне и азербайджанцы объединены по крови. У русских племенной солидарности нет, и нас поодиночке может сегодня душить община любой малой народности. Кто в оппозиции рявкнет, что русские являются самой униженной нацией России? Кого в ней русские захотят услышать? Какие качества русского политика-патриота в цене у русских избирателей?

Для ответов на эти вопросы времени осталось немного. Но оно всё-таки есть.

Вспомним, как действовали на последних думских выборах политики Кремля. Лужкова они объявили убийцей, Примакова — калекой, и их избирательный блок сдох. Кабинетного полковника Путина кремлёвские повара политики превратили в Наполеона — покорителя Чечни, привязали к нему серых людишек из наспех сколоченного “Единства” — и оно заняло второе место в гонке.

Выборы — это драка. Хоть и бескровная. А в драке побеждает тот, кто способен сокрушать противника любыми способами. Победителей же не судят.

Шансы оппозиции на победу зависят не столько от количества у неё сил и средств, сколько от того, как она их использует. И если в 2003-м мы продемонстрируем дефицит ума и воли, нам придётся уходить с политической сцены. Наше поражение на думских выборах предопределяет наше поражение на выборах президентских. А это будет означать, что мы — нынешняя оппозиция — народу больше не нужны. Но есть ли у нас порох?

“Коммунисты двинулись от стен Сталинграда!”

“Геннадий Зюганов начал Сталинградскую битву!”

“Волгоград пережил нашествие коммунистов!”

Это заголовки либеральных газет, рассказавших об отчёте перед избирателями думской фракции КПРФ в городе Сталина. Переполюх в кругах либералов сей отчёт наделал не фактами проделанной фракцией работы. И не тем, что крупнейшие коллективы Сталинграда смогли убедиться: экономическая программа Компартии гораздо предпочтительнее для них, чем программа действующей власти.

Во всех выступлениях коммунистов на Волге стержнем проходило:

— Доходы кучки олигархов вернуть народу, природная рента должна принадлежать всем гражданам России!

В Сталинграде Компартия впервые заявила себя как партия красного реванша. А народ наш весьма не прочь взять реванш за неправомерно отнятые у него богатства.

Глава 3

Работа над ошибками

Выборы — драка. А в драке кто сильнее, тот и правей. На парламентских и президентских выборах последних лет за политиками из оппозиции была правда, за ставленниками власти и капитала — кривда. Но оппозиция раз за разом получала лишь треть голосов тех, кого чины и толстосумы унизили нищетой.

То есть политики с правдой четырежды оказались неправыми в глазах большинства избирателей по весьма простой причине — из-за неумения искусно драться в полную свою силу.

За минувшее десятилетие режим в России не менялся и неизменными остались условия предвыборной борьбы.

У власти с капиталом — электронные пушки, которые каждый день палят в каждом доме и заданные их хозяевами идеи и настроения вбивают в голову каждому гражданину.

У власти с капиталом — газеты с огромным штатом высокооплачиваемых за счёт рекламы журналистов, которых корысть заставляет писать все, что велено.

У власти с капиталом на побегушках могучий госаппарат — миллионы клерков, которые их распорядительные полномочия могут использовать в избирательных кампаниях на пользу своим и во вред чужим.

Новейшая российская демократия построена по принципу старой русской поговорки: “Раздаёт кто пирожки, у того кругом дружки”.

После 1993-го власть и капитал позволили всем несогласным с ними издавать несколько газет, держащихся главным образом на перьях внештатных авторов, и разрешили на голом энтузиазме создавать организации с правом участия в выборах. Видимость народовластия режим

сохранил, возможности же оппозиции говорить с народом жёстко ограничил. Но политика режима в первой половине девяностых была настолько несправедна и безобразна, что оппозиция при абсолютно неравных с властью и капиталом пропагандистских и организационных ресурсах получила шанс победить на выборах — и президентских, и парламентских.

1996 год. Сотворённый режимом Ельцина олигархический капитализм явлен стране во всей красе. Олигархи не только уверенно умыкают за границу доходы с захваченной ими самой прибыльной собственности, но и успешно наживаются на легализованном грабеже скудного госбюджета через займы — даёшь государству в долг сто миллионов долларов, гарантированно получаешь спустя год двести миллионов. Казна напоминает обобранную проходимцами убогую вдову. Зарплата бюджетникам и пенсии старикам не выплачиваются по несколько месяцев. Как на дрожжах, растут долги работникам в промышленности и сельском хозяйстве — отечественные товаропроизводители не могут сбыть свою продукцию из-за наплыва импорта. Безработная молодёжь идет в банды, и в хронике происшествий чуть ли не ежедневно сообщается об убитых в криминальных разборках. Так называемый конституционный порядок в Чечне наводится непрофессионально как с военной, так и с политической точки зрения и оборачивается гибелью тысяч русских солдат, офицеров и мирных жителей.

Пострадавших от режима Ельцина — тьма, выигравших от него — капля в море. Сам Ельцин с его вечным нездоровьем и испитопуповой физиономией абсолютному большинству граждан омерзителен. Ему согласны отдать свои голоса только три процента избирателей. Но он едет на историческую родину, в Екатеринбург, осипшим голосом возвещает там о намерении повторно баллотироваться в президенты — и мало-помалу число желающих проголосовать за него начинает прибавляться. Почему?

Крупный капитал поставил на Ельцина добровольно, средний и мелкий в большей части — принудительно. В городах от Балтики до Курил представители власти прозрачно намекали предпринимателям: кто не отстёгивает денег в выборный фонд Ельцина, тот будет считаться сторонником коммунистов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бизнес вложился в Ельцина и он стал для него своим кандидатом. Между капиталом разного рода и властью оформился прочный союз. Но концентрация средств и сил вокруг антипатичной фигуры Ельцина сама по себе не могла вызвать к ней симпатий. Чтобы хворый, опостылевший большинству президент собрал нужное количество голосов,

надо было толково распорядиться приданными ему деньгами и людьми. И окружение Ельцина сумело это сделать.

Его избирательный штаб находился в "Президент-отеле". Двери в отель были открыты для всех тех интеллектуалов, кто по идейным или шкурным интересам хотел сохранить Ельцина в Кремле. В штабе ельцинистов царил непринуждённая обстановка, но там и неустанно ломали головы — как достичь успеха на выборах. Там родился главный лозунг кампании Ельцина: "Голосуй или проиграешь!" Там возник замысел издания массовой бесплатной газеты "Не дай Бог". Там из отъявленных циников составили редколлегия этой газеты, которая, не утруждая себя доказательствами, из номера в номер глаголила, что противник Ельцина коммунист Зюганов — это суцная напасть для страны, это — расстрелы без суда, это — лагеря для инакомыслящих, это — талоны на водку с сигаретами и очереди за колбасой. И, наконец, там же, в "Президент-отеле", дирижировали подспудным вселением через прессу страха в обществе: конечно, вам, господа-товарищи, Ельцина любить не за что, при его капитализме вы многое потеряли, но придёт вместо него коммунист Зюганов — начнётся гражданская война с хаосом, голодом-холодом и вы потеряете всё. Блага же хоть какого-то смена власти не принесёт — окружение Ельцина уже сыто, оно своё наворовало, окружение же Зюганова голодно и воровать будет с утроенной энергией.

Штаб Ельцина мобилизовал все благосклонные к нему мозги для интеллектуальной выборной драки и вёл её и агрессивно в наглую, и упорно исподтишка.

У Зюганова также был избирательный штаб. Он, наверное, занимался чем-то важным и нужным, но только не собиранием мозгов оппозиции для её драки с властью и капиталом. Журналисты оппозиционных газет не знали ни состава зюгановского штаба, ни его адреса. Их никто не зазывал в тот штаб для мозговых штурмов. И это бы ничего: журналисты не составляли цвет мысли оппозиции. Но в её рядах находились и те, кто сей цвет олицетворял. И если бы за один стол в штабе Зюганова иногда садились остросюжетный режиссёр Говорухин и острый, как бритва, публицист Бушин, если бы за тем же столом пили чай очень разные писатели Распутин, Лимонов и Власов, если б за ним нашлось место зело мудрому художнику Глазунову и заумному политологу Дугину, прекрасному актеру Губенко и злоязычному поэту-сатирику Лопусову, то, вполне вероятно, у оппозиции и появились бы оригинальные пропагандистские проекты, и пресса её обрела бы новое качество в выборной драке.

Спрос на оппозиционные издания в президентскую кампанию 1996-го был выше, чем ранее. Многие избиратели не только искали, где можно купить прозюгановские газеты, но и передавали их из рук в руки знакомым. Но у оппозиции не было такой чрезвычайной мобилизации умов, как в штабе Ельцина, и стрельба из всех её газетных ружей не заглушила даже одну их пакостную “Не дай Бог”.

Крупный спец по манипуляции общественным мнением Адольф Гитлер в своё время уверял: самая эффективная пропаганда — это пропаганда устным словом. Штаб Ельцина сию истину учёл и очень творчески использовал. Он за огромные деньги купил всех звёзд эстрады и направил гастролировать по стране с установкой развлекать, развлекать и развлекать молодой народ и, вызвав у него радость, между прочим дать ему понять: Ельцин — это клёво, Ельцин — это классно, Ельцин — это обалденно. Хорошего про Ельцина артистам сказать было нечего и они вызывали расположение к нему через подсознание.

Штабу Зюганова резонней было работать с устным словом, апеллируя к сознанию слушателей: вот содеянные Ельциным мерзости, вот так мы от этих мерзостей избавимся. Штаб должен был именно таким образом работать. Но не работал никак.

Недели за две до первого тура президентских выборов я прослышал, что депутаты Госдумы Григорий Куевда и Светлана Горячева по своей инициативе и на свои деньги отправляются по трём областям — Владимирской, Ивановской и Костромской — агитировать за Зюганова, и напросился с ними в поездку. И куда бы мы ни приехали, депутатов везде встречали полные залы. Их с вниманием слушали и засыпали записками, им аплодировали и страстно желали: добейте Ельцина! Когда я всё это видел, то не мог избавиться от одного занозистого вопроса.

За выдвижение Зюганова кандидатом в президенты высказались все яркие политики оппозиции — от Анпилова, Бабурина и Варенникова до Лукьянова, Макашова и Руцкого. Каждый из них гораздо известней, чем Куевда и Горячева, и они своим устным словом могли бы склонить к голосованию за Зюганова великое множество избирателей. Так почему же зюгановский штаб не организовал выступления упомянутых политиков по всей стране?

Президентские выборы 1996-го оппозиция не проиграла в трудной неравной борьбе. Она боролась на них спустя рукава, и по сути, то ли от собственной лени, по неорганизованности или трусости, сдала Кремль Ельцину.

Осень 1997-го. Всё в стране осталось, как до переизбрания Ельцина. Но цены на энергоносители на мировых рынках падают, российская казна

скудеет, нищета разрастается и ропот недовольства исполнительной властью в городах и весях всё слышнее и слышнее. Оппозиция в Госдуме этот ропот улавливает и ставит вопрос о недоверии правительству Черномырдина. Возникает альтернатива: или отставка Черномырдина, или роспуск Госдумы. Хлопни тогда оппозиция дверью, покинь думские кабинеты, пойдя в разозлённый народ — через три месяца она после внеочередных выборов вернулась бы в замок на Охотном ряду с двумя третями депутатских мандатов. Но рисковать оппозиция не решилась, затеяла переговоры с Ельциным и оконфузилась.

В марте 1998-го Ельцин сам выставил Черномырдина из Дома правительства и тем продемонстрировал стране: я покарал виновника народного недовольства, а думская оппозиция думает только о том, как сохранить за собой тёплые местечки на Охотном.

Благосклонность фортуны вечной не бывает. Обвал рубля в августе 1998-го увеличил спрос на отечественные товары. Новоиспечённое тогда же прагматическое правительство Примакова-Маслюкова ограничило разбазаривание бюджета через займы олигархов. Поползли вверх мировые цены на энергоносители и возросли доходы казны. Новые политтехнологи в Кремле оказались не менее смыслёнными, чем прежние, они через вторую войну в Чечне, через доблесть русского воинства изготовили из кабинетного клерка Путина кумира во власти, и оппозиции надо было либо поднять саму себя за шиворот и предстать перед народом в совершенно ином качестве, либо согласиться на роль девочки для порки Кремлём. В 1999-м оппозиция позволила отвоевать у неё протестные голоса безликому, но привязанному к Путину "Единству" и свои позиции в Госдуме ослабила. В 2000-м оппозиции ничего не предприняла для того, чтобы заставить Кремль сомневаться в победе Путина над её кандидатом Зюгановым на президентских выборах. Поднять себя за шиворот оппозиция, увы, не сумела.

Ныне объективные обстоятельства — снова в пользу оппозиции. Разваливаются системы жизнеобеспечения — в прошлом году люди замерзали в трёх Субъектах Федерации, в нынешнем — в тридцати двух. Воровство по всей стране как процветало, так и процветает, и забастовки с голодовками из-за невыплат из бюджета опять становятся явлением закономерным. Преемник Ельцина Путин, породивший у многих надежды на смену прежнего курса, всё более выглядит как истинный ельцинский преемник, который изменить что-то хочет, но ничего не может.

У оппозиции есть альтернатива курсу Ельцина-Путин. Она способна облечь её программу в доступные и понятные всем слова. Единственное, чего ей не хватает — воли к победе и искусства побеждать в драке.

Хорошо, что так! Лидеры!

Глава 4

Золото партии

Они заняли Кремль и кабинеты членов Политбюро на Старой площади. Они назначили своих начальников в провинции и обеих столицах. Они могли творить в стране всё, что угодно. Но они чувствовали себя временщиками. Им — Ельцину, Чубайсу, Гайдару и прочим — если не наяву, то в хмельном бреду чудилась реставрация. Реставрация власти Компартии: ну слишком всемогуща была КПСС, ну не могла она просто так околеть.

Бывшая правящая партия представлялась новым властителям эдакой спящей красавицей, коей ничего не стоит взять да и очнуться от летаргического сна.

Из подсознательного страха свежеиспечённых хозяев России перед жутко дюжим прежде высшим аппаратом КПСС родилась компания по его дискредитации: нечист сей аппарат был на руку.

Сразу после запрета Компартии в 1991-м вся почти подконтрольная Ельцину с компанией пресса заверещала о золоте партии — о заныканных деятелями КПСС огромных суммах валюты и тоннах драгоценностей. Шум о том не утихал и в последующие годы. И во что он вылился? В сотворение не документальных, а художественных детективов.

До сих пор мы не знаем: миф или реальность — тайное партийное золото? А отсюда вывод — то ли этого золота не имелось в наличии, то ли его бездарно искали и не нашли, то ли нашли и по-тихому, без огласки присвоили те, кто в августе 1991-го захватил бразды правления страной.

На пне срубленного дерева КПСС нечто враждебное режиму Ельцина не выросло. Компартия Российской Федерации родилась сама

по себе. Она не унаследовала от КПСС ни стратегии и тактики, ни материальной и финансовой базы. Первый при власти Ельцина съезд КПРФ прошёл зимой 1993-го в промёрзшем клубе за Мытищами и провозглашённая на нём партия состоялась и удержалась на политической сцене исключительно благодаря энергии тысяч и тысяч рядовых коммунистов, не принявших ельцинский режим.

Дважды за минувшие десять лет — в 1995-м и в 1999-м — Компартия опережала на выборах в Госдуму партию власти под разными названиями. Сегодня, за полгода до очередной парламентской кампании, у КПРФ, расценивающей Путина как проводника пагубной политики Ельцина, популярность опять-таки выше, чем у прокремлёвской “Единой России”. И если прогнозы о неблагоприятных для России переменах на мировом рынке оправдаются, если развал в стране, замороженный Путиным за счёт высоких цен на энергоносители, пойдёт вширь и все проблемы обострятся, то партия импотентной власти получит на выборах шиш, а КПРФ сорвёт куш.

Вероятное вполне взятие коммунистами Госдумы не могло не всполошить Кремль, и путинская команда с перепугу не надумала ничего лучшего, как повоевать с лидерами КПРФ тем же способом, каким боролась с тенью деятелей КПСС команда Ельцина. А именно: воплями о корыстолюбии.

Уже прокукарекано о деньгах Березовского для Компартии и прокуковано об обогащении её руководителей через продажу депутатских мандатов. И вот недавно совсем обнародован новый источник пополнения их кошелев.

Цветное, на великолепной бумаге выходящее издание Агентства федеральных расследований — журнал “Компромат.Ru” известил товарищей и господ избирателей:

“Оказывается, концерн “РоспромЮКОС” проспонсирует КПРФ на 70 миллионов долларов или около того — “сумма будет выделена в рамках стратегического соглашения между ЮКОСом и КПРФ на 5 лет (2003—2007). В предвыборные годы (2003, 2007 гг.) коммунисты будут получать от нефтяников по 20 миллионов долларов, в остальные — по 10 миллионов”.

Заметим, в данном тексте все от слова “сумма” до цифры “10 миллионов” взяты в кавычки. Это цитата. Откуда она выужена и кому принадлежит — журнал умалчивает. Кавычки сами по себе призваны доказать: башляет Компартию глава ЮКОСА Ходорковский. А чего ради башляет?

От разъяснений на сей счёт “Компромат.Ru” не уклоняется:

“На самом деле вопрос участия ЮКОСа в кампании КПРФ был согласован в Кремле ещё осенью прошлого года. Причём роль здесь сыграла даже не угроза активизации Березовского через спонсирование коммунистов. Дело в том, что ЮКОС в различных формах финансировал Компартию и раньше, и это было всего лишь частью системы политического баланса, который все эти годы выстраивала администрация президента”.

Уразумел, почтенный читатель? Капиталист Ходорковский отваливал Коммунистической партии прежде и вынужден отваливать ей и впредь десятки миллионов несправедливо нажитых долларов под нажимом президентской администрации. Ей, администрации Кремля, и при Ельцине было надобно, и при Путине потребно, чтобы Ходорковский делился захваченным с КПРФ. Чем вызвана забота Кремля о благосостоянии обличающей его политику Компартии?

“Отказ от помощи КПРФ на выборах, — уверяет журнал “Компромат. Ру”, — означал бы только одно — приход на политическую авансцену более радикальных и куда менее управляемых левых организаций и лидеров”.

Логика этого тезиса ясна. Но выглядит неубедительно. Ходорковский — бывший зам секретаря райкома ВЛКСМ — ныне мал напоминает безропотного комсомольца. И прежде чем раскошелиться по заказу Кремля на сохранение угодных власти оппозиционеров и недопущение в политику ей неудобных, он наверняка бы спросил президентскую администрацию: какие конкретно левые радикальные организации могут затмить КПРФ? Нет таковых. И потому и миллионов долларов для Компартии — тоже нет.

Версию о Ходорковском как о покорной овечке, принуждённой Кремлём одаривать КПРФ денежным молочком, нелепой посчитали и в редакции “Компромата.Ru”. Поэтому присовокупили к этой версии чисто личные отношения главы ЮКОСа капиталиста Ходорковского и Компартии:

“Вкладывая деньги в КПРФ, ЮКОС намерен произвести также и модернизацию партии, максимально приблизив её к западноевропейским стандартам социал-демократической парламентской структуры. Такие изменения давно назрели... Вполне естественны попытки ЮКОСа внедрить в КПРФ более вменяемых людей. Именно под структурные и идеологические изменения Компартии топ-менеджеры ЮКОСа “в свободное от работы время” инвестируют средства...”

Это обоснование вкладов ЮКОСа в КПРФ — железное. “Миша и Леня — Ходорковский и его первый зам Невзлин, — цитирую далее “Компромат.Ру”, — готовят себе политическую площадку к выборам 2004 года и к окончательной победе в 2008 года”.

Короче говоря, капиталисты Ходорковский с Невзлиным финансируют Компартию для того, чтобы она помогла им завладеть верховной властью в стране. Согласимся, резонный довод.

Золота КПСС, похищенного у государства, стране не было предъявлено. Но шум о нём своё дело сделал — хряпнул по репутации бывших партийных тузов. На золото КПРФ, полученное от олигархов, нам вряд ли дадут шанс взглянуть. Но тем, кто о нём вещает, не фактура надобна, а шум. А есть ли у Компартии России реальное золото?

Десять почти лет назад — в декабре 1993-го — лавры победительницы на выборах в Госдуму достались партии юрисконсульта издательства “Мир” Владимира Жириновского. Свой политический успех юрисконсульт разменял на деньги. Рядовому избирателю неизвестно, сколько у партии Жириновского роскошных особняков, квартир и лимузинов. Но он, рядовой избиратель, шкурой почуял корысть Жириновского и отправил его партию на обочину политики. О достоянии Компартии рядовому избирателю также ничего не известно. Но она впереди всех была и в 1995-м, и в 1999-м и, вероятно, первой станет в 2003-м. Избиратель верит в порядочность КПРФ — и это и есть её истинное золото.

Глава 5

Слово о батъке Кондрате

Беседа с депутатом Госдумы, председателем Кубанского движения "Отечество" (Кондратенко) Николаем Денисовым

Николай АНИСИН. Десять с лишним последних лет Кубань, как и всю Россию, била социальная стихия. Самый страшный удар реформы Ельцина нанесли по селу. Некогда могучий агропромышленный комплекс вашего края в начале девяностых погибал. Но не погиб, как во многих других российских провинциях. Кубань не только сохранила свой сельскохозяйственный потенциал, но и помаленьку наращивает его. За счёт чего он выжил? Велик был запас прочности? Спасла ли его особая предприимчивость кубанцев или особая политика краевой власти?

Николай ДЕНИСОВ. Реформы Ельцина — это действительно буйство социальной стихии. Но где-то их разрушительному удару противодействовали, где-то — нет. Власть на Кубани плыла в фарватере политики президента и правительства. И в первой половине 90-х всё в экономике края шло по нисходящей. Например, производство сельхозпродукции сократилось в два раза. И в будущем не было видно никаких перспектив. Реформаторы душили село финансовой удавкой. Оно нищало, сворачивало производство, а власть в крае спокойно за этим наблюдала. Так было до того, пока в декабре 96-го губернатором Кубани не стал Николай Игнатович Кондратенко. Он начал свою деятельность с организации мозгового штурма. В крае было проведено четыре научно-практических конференции по проблемам экономики. И на основе рекомендаций здравомыслящих ученых и хозяйственников со всей страны

новая краевая власть разработала программу первоочередных мер поддержки кубанской экономики. Эту программу удалось выполнить, и благодаря ей наш агропромышленный комплекс выжил. Но выжил он ещё, конечно, и потому, что в советское время Кубань была всесоюзной школой земледелия и высоких технологий. В ходе ельцинских реформ не удалось до конца разгромить материально-техническую базу нашего АПК и разогнать его первоклассные кадры. И поэтому приход во власть Кондратенко и меры помощи сельским товаропроизводителям оказались действенными. Кадры в конце концов решают всё.

Николай АНИСИН. Образцом процветания в ельцинской России принято считать Москву. Её мэру Лужкову прессой создан образ хозяйственника всех времён и народов. Но прославляющие Лужкова журналисты видят лишь строительство роскошных супермаркетов, домов-дворцов и не замечают краха московской промышленности. Столичные заводы-гиганты ЗИЛ и АЗЛК на ладан дышат, станкостроение в Москве вообще дуба дало, московские телевизоры и прочую московскую же бытовую технику в московских магазинах днём с огнём не сыщешь. Процветание Москвы не развитием производства обеспечено, а концентрацией в её особняках огромных денег, выкачиваемых со всех российских просторов. А что составляет основу экономики Кубани, и каким образом губернатору Кондратенко, силой данной ему власти, удалось обеспечить рост производства в крае?

Николай ДЕНИСОВ. Мне как-то думский коллега сказал: "Вот начнут землёй в России торговать, и один приличный банк всю вашу хваленую Кубань купит". Возражать ему я не стал. В той системе рынка, которую нам навязали по указивкам с Запада, ничего не стоит труд: токаря ли, ученого ли, писателя. Даже если у тебя семь пядей во лбу, но твой технический или художественный шедевр не угоден денежным мешкам, ты будешь нищим. В такой системе рынка, наверное, гроши будет стоить и наша земля со всеми её богатствами. А богатства у нас громадные. Кубань — это курорты на любой вкус. Кубань — это морские порты. Кубань — это транснациональный нефтепровод. Кубань — это обширные лесные массивы. Но главное достояние Кубани — это, безусловно, её чернозём и её сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия.

Агропромышленный комплекс и есть основа нашей экономики. Как удалось его спасти команде Кондратенко?

Она договаривалась с банками о щадящих процентах за кредит, давала свои гарантии его возврата, и околевавшие от недостатка оборотных средств товаропроизводители получали деньги. До Кондратенко в

помощь — в 5 раз. Детские пособия в крае выплачиваются такие же, как в Москве, а буханка хлеба в кубанских магазинах по-прежнему остается самой дешёвой в России.

Николай АНИСИН. Суть власти по плодам её узнаваема. Плоды правления Кондратенко свидетельствуют о том, что он — талантливый и успешный хозяйственник. Но, на ваш взгляд, почему Николай Игнатович, в отличие от всех прочих губернаторов России, не замкнулся только на хозяйственной деятельности и позволял себе сметь своё суждение иметь в большой политике? Редкий губернатор осмеливался камешек кинуть в кремлёвский огород. Кондратенко же не только камни в него метал, но и преступал запретную для каждого из власть имущих черту — говорил о пагубном влиянии сионизма на Россию. За это его расстреливали из всех электронных пушек, но он, рискуя потерять губернаторский пост, не замолчал. Как вы можете объяснить мотивы вторжения Кондратенко в большую политику?

Николай ДЕНИСОВ. Своё отношение к политике Кремля, я думаю, есть у всех нормальных граждан России — у рядовых и чиновных. Большинство из них, вне сомнения, понимало, что политика эта — не та, которая нужна. Но граждане в чинах, граждане при власти не только не выступали открыто против неё, но и обеспечивали ей молчаливую поддержку. Исключения, конечно, были. Министр Полеванов высказался за пересмотр преступной чубайсовской приватизации. Не скрывал своего неприятия ельцинской политики тульский губернатор Стародубцев. Остальные власть имущие на самом деле лишь иногда бросали камешки в кремлёвский огород.

Николай Игнатович Кондратенко рассматривал политику Кремля системно, вскрывал разные факторы её разрушительного действия и как мог им противодействовал — словом и делом. В первый год его губернаторства на Кубани был подготовлен иск в Конституционный суд, где доказывалось, что указы Ельцина, запустившие реформы, противоречат Основному Закону, ибо они подрывают основы благосостояния большинства российских граждан. И в последующие годы Кондратенко разоблачал именно принципиальные пороки ельцинской политики. И именно за это его, по вашим словам, расстреливали из всех электронных пушек.

Вторгаясь в запретные темы, Кондратенко рисковал. Но он мог себе позволить риск, ибо, в отличие от прочих начальников, имел абсолютно чистые руки и не попался на крючок Кремля. Сколько ни наезжало на Кубань комиссий, сколько они ни рылись в деятельности Кондратенко, ничего не нарыли.

Позиция Кондратенко — это позиция патриота, который не смирился с несправедливостью, неправдой и безобразиями в стране. Но, оставаясь губернатором, он получил шанс проявить себя в большой политике, потому что его патриотические взгляды не расходились с безупречной человеческой и гражданской порядочностью.

Николай АНИСИН. Если в Кремле и Доме правительства Кондратенко, мягко говоря, недолюбливали, если в Госдуме и Совете Федерации к его высказываниям относились неоднозначно, то в крае он имел высокую популярность. Так чего же ради ему понадобилось создавать собственное краевое движение “Отечество”, в котором теперь у вас — вторая роль?

Николай ДЕНИСОВ. Популярность на Кубани у Кондратенко была в советское время, была и после августа 91-го, когда его, по указу Ельцина, сняли с поста руководителя края и предъявили ему обвинение в измене Родине якобы за поддержку ГКЧП. Обвинение доказать не удалось, но Кондратенко путь во власть на несколько лет был заказан. Я не уверен, что он хотел в неё вернуться. Но полагаю, что если бы хотел, то выиграл бы губернаторские выборы, не имея собственного движения. Создавать “Отечество” он стал не в личных своих интересах.

После расстрела Парламента в 93-м стало очевидно: в Москве изменить политику в стране уже не удастся. Надежды на это надо похоронить, и надо думать об изменении политики на Кубани. А для этого необходимо сплотить в единую организацию все народно-патриотические силы. Такие силы в крае были, и Кондратенко в 1994-м удалось соединить их в “Отечестве”. И наше движение добилось своей цели — политика на Кубани изменилась, она совершенствуется и будет совершенствоваться в интересах большинства кубанцев.

Николай АНИСИН. Попытки слить под одну крышу оппозиционные Кремлю силы предпринимались во многих субъектах Федерации. Но, как правило, почти везде единый кулак оппозиционеров либо распадался, либо терял связь с губернатором, им же возведённым во власть. Ваше же движение в крае называют партией власти. Вы на своей конференции решили: губернатором на Кубани с благословения Кондратенко должен стать Александр Ткачёв. Он им стал, и потом мы все услышали по телевизору его слова: “Я горжусь тем, что являюсь выдвиженцем именно этой партии” (то есть движения “Отечество”). Как вам удалось сохранить единство рядов движения, и на самом ли деле “Отечество” — это партия власти на Кубани?

Николай ДЕНИСОВ. На губернаторских выборах в 96-м за Кондратенко проголосовало 82 процента избирателей. С таким же процентом победил на выборах год назад и кандидат “Отечества” Александр Ткачёв. Более половины нынешних глав городов и районов получили свои посты при поддержке нашего движения. 80 процентов мандатов в Законодательном собрании края принадлежит депутатам, выдвинутым “Отечеством”. Большинство наши депутаты имеют и в местных Советах. А теперь судите сами: является ли “Отечество” партией власти на Кубани?

Наше движение не распалось и не потеряло доверия избирателей потому, что высок был авторитет его лидера — Кондратенко, — и потому, что мы не выяснением отношений между собой занимались, а реальной созидательной работой.

Николай АНИСИН. Я с вашего разрешения ещё раз процитирую слова члена “Отечества” губернатора края Ткачёва: “Моя “партия” — Кубань, мои земляки — кубанцы. Им служил и буду служить”. Согласно уставу “Отечества”, одна из главных его задач — продвижение во власть своих ставленников. Но они нуждаются потом в своей партии Кубани. Что она им может предложить и чего от них требует?

Николай ДЕНИСОВ. Формула нашего движения — объединить в своей деятельности политические, административные и хозяйственные ресурсы. Объединить для достижения конкретных результатов в интересах большинства.

Руководитель и депутат, избранные с помощью нашего движения, действуют во власти самостоятельно. Но мы вправе пригласить их на своё собрание или конференцию и спросить: как они выполняют наказы избирателей и данные им обещания? Контроль и моральная оценка со стороны движения удерживают кадры на разных уровнях от нездоровых соблазнов и в значительной мере дисциплинируют их. Структуры движения необходимы руководителям и для разработки выверенных планов деятельности, и для решения самых разных проблем, в том числе и хозяйственных, ибо практических результатов трудно добиться без широкой поддержки общественного мнения. Короче говоря, кубанским властям нужно наше движение, а оно заинтересовано помогать получить власть тем, кто разделяет его программные цели и задачи.

Н. А. Допустим, власть в крае с помощью вашей партии сделает жизнь на Кубани лучше и веселее. Предположим, что вы, опираясь исключительно на собственные силы, достигнете определённых успехов, невзирая на неблагоприятную макроэкономическую ситуацию в стране.

Но при всём том ваша партия этим удовлетворится? У вас нет намерений изменить социально-экономический курс в стране, и можете ли вы внести свой план перестройки социально-экономической политики в России?

Н. Д. На последней конференции кубанского "Отечества" принято такое решение: "Предложить администрации края представить российскому руководству современную модель комплексного развития нашего региона в качестве образца для других территорий — по отраслям сельскохозяйственного и промышленного производства и социальной сферы. Кубань как апробированный в новых условиях пилотный вариант системного развития может представлять собой перспективный проект для всей России".

Наш опыт народовластия, сработавший на подъём экономики и повышение уровня жизни большинства кубанцев, — это уже есть вклад движения "Отечество" в дело корректировки социально-экономического курса России. Мы имеем и своё видение стратегических изменений в политической и духовной жизни государства, которое изложено в документах "Отечества". И, наконец, последнее: многие представители нашего движения считают необходимым делегировать лидера кубанского "Отечества" в руководство Народно-патриотического союза России. Кто из политиков-патриотов имеет столь же безупречную репутацию, как Николай Игнатович Кондратенко? Кто из них сумел вывести из кризиса огромный регион с населением в 5,5 миллиона человек? Кто умеет говорить на языке широких масс и вести их за собой, как умеет Кондратенко? На мой взгляд и на взгляд моих товарищей, приход Николая Игнатовича в руководство всероссийской оппозиционной организации нужен не только Народно-патриотическому союзу. В своё время Кондратенко изменил политику на Кубани, и он может её изменить в масштабах всей России.

Глава 6

ГКЧП: годы спустя

Они — высшие чины СССР — имели огромные властные полномочия, но не имели подконтрольной им прессы. Ею управляли те, кто давно в уме поставил на них крест. И с девяностого года все почти главные СМИ изгалялись над ними. Изгалялись толково и искусно, создавая им репутацию туповатых и не радеющих о народном благе сановников, которые озабочены лишь сохранением собственных постов и прилагающихся к ним привилегий.

Их били через прессу, а они не защищались и не нападали. И никто из них ни словом, ни деянием к августу 1991-го не снискал в народе широких симпатий — ни вице-президент Янаев, ни премьер Павлов, ни секретарь Совета безопасности Бакланов, ни руководители силовых ведомств Крючков, Язов и Пуго.

Покончить с разрушительной для страны политикой Горбачёва они решились, будучи морально разгромленными. Создание ими Государственного комитета по чрезвычайному положению популярности им не прибавило — массовых демонстраций в поддержку ГКЧП нигде не случилось. Дрогнув от криков толпы лавочников у Дома Советов и позорно сдавшись на милость президента и парламента РСФСР, они, казалось бы, окончательно политически себя похоронили. Но произошло удивительное.

Как только их бросили в тюрьму и пресса победителей наклеила им ярлык коммунистическо-фашистской клики, очень многие наши граждане вдруг стали размышлять примерно так: члены ГКЧП рисковали, запирая в Форосе всем опостылевшего Горбачёва. Рисковали ради чего? У них вдоволь было власти и благ и они не менее безбедно бы

жили, тихо-мирно уйдя в отставку. Значит, учреждая ГКЧП, его члены не о себе заботились, — значит, они на самом деле хотели навести порядок и избавить страну от безобразий, которые натворил Горбачёв.

Поскольку безобразий в советской экономике и политике после августовских событий не убавилось, а прибавилось, в глазах великого множества людей, которым всё ту же приходилось затягивать пояса, попытка введения чрезвычайного положения начинала выглядеть всё более привлекательнее: победил бы ГКЧП, приструнил бы главных воров, растаскивающих бюджетные деньги, истребил бы махинации на биржах, в коммерческих банках и в совместных советско-иностранных предприятиях, авось бы жизнь поменялась к лучшему.

Когда же в декабре 1991-го правители трёх самых крупных республик с попустительства союзного президента Горбачёва подписали в Беловежской пуще смертный приговор СССР, то миллионы людей на одной шестой суши уже не сожалели, а горевали о том, что члены ГКЧП не взяли верх: они же гарантировали сохранить единое великое государство, они бы не допустили разделения братских народов и семей по национальным закускам. Но самый крупный куш народных симпатий к себе сидевшие в тюрьме члены ГКЧП сорвали в следующем, 1992-м году — после того, как Ельцин и его мальчишки-министры запустили так называемы реформы шоковой терапии.

Шокировали они страну прежде всего своим цинизмом. То есть тем, что беззастенчиво ввергли в нищету большинство и любыми способами позволили обогащаться приближённому к власти меньшинству.

Такой цинизм новой демократической власти не мог не заставить обнищавшее большинство всё чаще и чаще вспоминать тех, кого в прессе именовали коммунистическо-фашистской кликой — членов ГКЧП: они предугадали истинное лицо Ельцина, Горбачёва и их окружения, они предвидели их не декларируемые, а настоящие планы — насадить в стране дикий капитализм, они отважились сорвать эти планы через введение режима чрезвычайного положения и теперь за попытку воспрепятствовать воцарению вопиющей социальной несправедливости они томятся в тюрьме.

Произведя шок в обществе, реформы Ельцина-Гайдара породили и ожесточённое им сопротивление. В Москве забушевали огромные яростно антиельцинские митинги, полную непримиримость к власти стала демонстрировать и большая часть депутатов Верховного Совета. На митингах нередко сразу после лозунга “Банду Ельцина — под суд!” гремело: “Свободу членам ГКЧП!” Это же требование не раз звучало и с трибуны

парламента. Оппозиция сделала ГКЧП своего рода символом сопротивления режиму Ельцина, и чем дольше бывшие советские руководители сидели в тюрьме, тем ярче становился их ореол героев-мучеников.

В январе 1993-го все обвиняемые по делу ГКЧП были выпущены из “Матросской тишины” под подписку о невыезде и некоторые из них стали появляться на публике. На вечерах оппозиции их встречали овациями. В этих овациях была не только дань уважения благородным замыслам ГКЧП, но и надежда на то, что его члены с их известностью, с их созданными жизнью героическими образами и, наконец, с их связями в номенклатурных кругах значительно усилят потенциал оппозиции. Но этого, увы, не произошло. Вице-президент СССР Янаев, возглавлявший в свое время советские профсоюзы, не встал в ряды “Трудовой России” рядом с Анпиловым. Премьер Павлов не вступил в Российский общенародный союз депутатов Бабурина и Павлова. Министр обороны маршал Язов не сменил в “Союзе офицеров” подполковника Терехова.

Члены ГКЧП, по сути, никак себя не проявили в политике — ни до, ни после расстрела Верховного Совета. Обстоятельства превратили их в героев сопротивления, но они быть таковыми или не пожелали или не сумели. *Умелых нет*

Кровавая расправа власти с оппозицией в октябре 1993-го положила начало новому видению ГКЧП. Ельцин, дабы остаться у власти, решился на пальбу из танков, а члены Госкомитета по чрезвычайному положению ради спасения Советской империи и сохранения благополучия народа даже из пистолета выстрелить не приказали. Почему? Вопрос этот тогда засел в головах многих и ответ на него полностью не ясен до сих пор. Но одно ныне совершенно очевидно: члены ГКЧП не были свободны в своих действиях.

На холодную войну с СССР Запад затратил несметные миллиарды долларов и вся перестройка при Горбачёве развивалась по его сценарию. Горбачёв своё дело сделал — довёл страну до кризиса. Но добить её и расчленить ему было не по силам — не позволяла действующая партийно-государственная система власти.

Поэтому прежде всего надо было сломать эту систему. Как? Через создание параллельного Кремлю центра в лице президента РСФСР Ельцина и российского Верховного Совета. Такой центр был создан и, чтобы разрушить прежнюю систему власти, необходима была некая провокация с её стороны. Например, незаконная изоляция Горбачёва.

Конфликт ГКЧП с Ельциным и Парламентом России — это театральная постановка с танками в Москве в виде декораций. Не было никакого конфликта, а была спланированная передача власти от одного центра другому. И те деятели в ГКЧП, которые имели право отдать приказ на применение силы против защищавшей Ельцина жалкой толпы, лишь исполняли волю мировых финансовых центров. Кто-то из членов ГКЧП, наверное, искренне желал блага стране и действительно хотел ввести чрезвычайное положение. Но в результате все входившие в комитет оказались просто пешками.

Лидерам главной силы оппозиции — КПРФ — приписывают то, что они играют по сценарию Кремля и получают деньги от олигархов. Эта мысль усиленно внедряется в общественное сознание, и лидеры Компартии превратятся в умах в таких же пешек, как члены ГКЧП, если не совершат рискованных поступков.

Часть IV

ВИД НА ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Глава 1

Дом ста народов

В степи — жара. В горах — дожди. На море — шторм. Так было на Кубани в конце мая. На залитых солнцем равнинах у автодорог торговали черешней и клубникой, под хмурым небом перевалов — горным мёдом, на улицах пасмурного Сочи — тьма лотков с розами. Свежая, только с ветки черешня на кубанских дорогах шла по 25 рублей за кило, роскошные розы сочинские продавцы предлагали по 2 рубля за штуку.

Фруктово-цветочная дешевизна продиктована отсутствием массового спроса. Отдыхающих на исходе мая в курортном крае не густо. Престижная гостиница “Жемчужина” в центре Сочи заполнена менее чем наполовину. И то потому, что некая фирма “Велла” завезла в неё на халяву девушек и юношей с раскрашенными вкось и вкривь волосами — для конкурса между ними. Недорогие относительно пансионаты и дома отдыха на сочинских окраинах тоже полупусты — в них в основном те, кому по месту работы продали льготные путевки.

Я прибыл в Сочи не в отпуск — в командировку. В преддверие курортного сезона там проходила всероссийская научно-практическая конференция. Меня на неё пригласили как журналиста, и я решил ума искать и ехать так далеко на скучное, казалось бы, мероприятие по двум причинам: во-первых, конференция в Сочи имела зело злободневное название — “Патриотизм, национализм, глобализм”, а во-вторых, она проводилась в крае, где особо ощутим удар глобализма и где патриотизм и национализм в народе — не абстрактные понятия.

У конференции было аж целых шесть организаторов — Государственная дума РФ в лице двух её комитетов, Общество “Знание” России,

Форум кубанской интеллигенции, Администрация и Законодательное собрание Краснодарского края, Администрация города Сочи. Всероссийский и краевых организаторов, теоретиков и практиков объединяла фигура председателя оргкомитета — Николая Денисова. Он — депутат Госдумы. Но он же — коренной кубанец. Он — профессор и доктор философских наук. Но он — и бывший заместитель губернатора Кубани.

Депутат Денисов открыл пленарное заседание конференции и доложил, чего ради оргкомитет её замысливал-затевал: надо выслушать мнения видных учёных и политиков и сформулировать рекомендации для федеральных и региональных властей — как им действовать в условиях наступившей глобализации, как воспринимать национализм и как относиться к патриотизму.

Когда с трибуны конференции прозвучали пять первых выступлений, мне на память пришла советская полулегенда-полубыль.

В Ливадийском дворце в Ялте в 1944-м беседуют трое.

Черчилль. Я сегодня увидал во сне, что меня назначили премьер-министром всей Европы.

Рузвельт. А я видел сон, что стал президентом всего мира.

Сталин. А мне приснилось, что я вас обоих на этих постах не утвердил.

Никто из выступавших на конференции слёз горьких не лил от того, что нет у нас больше Сталина и нет выстроенной им великой державы, при которой глобальный диктат в мире был невозможен. Страдать публично об утраченном и сожалеть о прошлом — бессмысленно. “Новый мировой порядок” — объективный факт, и разгромленной в “холодной войне” России нельзя с ним не считаться. Но есть ли у неё шанс в нынешней системе международных отношений занять более достойное, чем теперь, место?

“Национальное богатство России, — говорил с трибуны конференции профессор Российской академии госслужбы Григорий Атаманчук, — в два раза больше, чем у США. Используем мы своё достояние всего на два процента. А, скажем, Европа — на пятьдесят процентов. Её ресурсы рано или поздно истощатся. Наш же ресурсный потенциал огромен и у нас достаточно грамотная рабочая сила”. Но, будучи страшно богатыми, мы в абсолютном большинстве живём бедно, потому что, как выразился профессор Атаманчук, всё упирается во власть государственную и власть собственников.

Из всех возможных вариантов реформ экономики высшая власть в лице Ельцина и К° выбрала тот, который наиболее был выгоден

странам Запада и наиболее пагубен для России. Заметим: выбрала добровольно, а не под прицелом ракет. Та же власть так же добровольно в угоду Западу и в ущерб России отказалась от сотрудничества с её традиционными союзниками — Кубой, Вьетнамом, Ираком, Индией, Северной Кореей, Афганистаном. Опять-таки в стремлении угодить Западу высшая власть насадила в российском обществе приоритет прав личности и гражданские свободы без конца и края, что было на руку наглым и жестоким, а не талантливым и работоспособным, и что привело к разгулу преступности и коррупции, к размыванию нравственных устоев, к разрастанию в непомерных масштабах проституции, алкоголизма, наркомании и к процветанию продажной и порнографической прессы.

С приходом в Кремль Путина изменилась несколько риторика высшей власти, но не политика. Всё, что ныне делает президент и правительство РФ, подчеркнём, всё целиком и полностью, как и раньше, отвечает интересам Запада и идёт вразрез с нашими национальными интересами. Президент у нас новый — внутренняя и внешняя политика старая. Прибыли с самых доходных кусков российской собственности как уплывали за границу, так и уплывают. Серьёзных инвестиций в нашу экономику как не было, так и нет.

За десятилетнее угодничество ему Запад признал Россию страной с рыночной экономикой и обещает принять её во Всемирную торговую организацию. Выиграем ли мы что-то от статуса рыночной страны и членства в ВТО — бабушка надвое сказала. Но то и другое накладывает на Россию обязательство неуклонно следовать глобальному диктату. Добровольное исполнение установок Запада ввергло нашу экономику в глубокий кризис, а их исполнение обязательное не приведёт ли её к полному краху?

Стремление любой ценой заслужить милость Запада таит в себе угрозу не только экономике России, но и гражданскому миру в стране. В западной цивилизации провозглашён приоритет личности перед обществом и государством. Она давно на том стоит, и это для неё нормально, потому что в странах Запада сильные госинстанции бдительно следят за балансом интересов разных социальных слоёв и национальных групп. Нарушается баланс — перекося немедленно исправляется и, стало быть, права личности одной профессии или национальности не могут быть попорчены другой личностью.

Российская власть и де-юре, и де-факто так же присягнула приоритету личности. Присягнула, не имея ни сильного эффективного государства американского или европейского образца, ни разветвлённой, как на

Западе, сети гражданских организаций, которые обеспечивают защиту отдельной личности. В результате в нашем обществе возник дисбаланс интересов в социальной сфере — одни незаслуженно богатели, другие безвинно нищали — и в сфере национальной. Небывалое прежде материальное неравенство граждан пока не оборачивается поджогами роскошных офисов и загородных дворцов толстосумов, созданная же властью проблема в отношениях между народами уже вовсю даёт о себе знать в самых острых формах.

На территории нынешней Российской Федерации межнациональные конфликты в полном смысле слова не случались ни в царское, ни в советское время. Еврейские погромы в конце XIX — начале XX веков вспыхивали только в черте оседлости — в городах и местечках суверенных теперь республик: в Молдове, на Украине и в Беларуси. Национальных распрей в пределах современной России никогда не было потому, что на то не было объективных причин. Не было до распада советской империи и провозглашения в РФ демократии.

Оглянемся на десять лет назад. Застарелый территориальный спор между осетинами и ингушами в 1992-м перерастает в настоящую войну. Коренное население Чечни развязывает, по сути, вооружённый террор против русских — и 300 тысяч из них становятся беженцами. Власти Татарстана, Якутии, Башкирии принимают республиканские законы, противоречащие законам федеральным, и где явно, где косвенно дают понять — у титульных народов республик есть особые преимущества перед всеми остальными. Так на национально безоблачном российском небе появляются искусственно созданные грозовые тучи. Созданные именно искусственно.

Отцы-основатели демократии в России настолько жаждали понаравиться певцам демократических свобод на Западе, что решили каждой национальной республике дать столько суверенитета, сколько она может проглотить. В ведущих западных странах, как известно, принято особо печься о соблюдении прав меньшинств во всём мире; и новые российские правители, дабы выглядеть святее Папы Римского, возвели в абсолют приоритет отдельной нации перед общим для всех наций государством. Приоритет сей вопреки традиционным устоям жизни в России восторжествовал и породил абсурд. Чечня, проглотив максимум суверенитета, стала совершенно независима от Федерального центра, но Россию от себя не освободила. Вооружённые чеченские банды вели разбой по всему Кавказу, из Чечни в российские города шёл поток наркотиков, фальшивых денег и оружия, в чеченских же городах и аулах,

куда не могла ступить нога никаких федеральных органов правопорядка, укрывались преступники со всей страны и чувствовали себя там в полной безопасности. Остальные национальные республики о полной независимости не завили, но, указуя на пример Чечни (мы тоже так можем), выторговали себе договора о разграничении полномочий с Федеральным центром и получили возможность не платить в полной мере налоги в госбюджет и пользоваться особыми правами во внешнеэкономической деятельности.

С середины 90-х Россия уверенно шла к распаду. Но у правителей в Кремле сработал инстинкт самосохранения. Под визги ревнителей национально-демократических ценностей они провели две войны с Чечнёй и ликвидировали разбойничье гнездо. Реформа Совета Федерации и введение института полпредов президента РФ убавили сепаратистский пыл у лидеров республик. Республиканские законодательства приведены в соответствие с федеральным. Таким образом, верховная власть России, по сути, отказалась от принципа приоритета наций в государственном устройстве. Один вопиющий абсурд в российской национальной политике приказал долго жить, второй подобный же — здравствует по-прежнему. А именно: приоритет личности любой национальности перед российским обществом и государством вне зависимости от гражданства.

Нигде в мире нет такой свободы для мигрантов, как в России. А неумеренная свобода эта не может не иметь последствий. И от Москвы до самых до окраин страны мы видим сегодня то, что раньше и представить было невозможно: погромы торговых точек и общежитий, массовые драки и убийства на почве национальной неприязни. Причины всему тому не объективной какой-то реальностью созданы, а тем, что федеральная власть, слепо и безоговорочно поклоняясь принципу приоритета личности, уклоняется от жёстких мер по регулированию миграции.

Россия сама является крупным и стабильным миграционным донором. Как сообщил на сочинской конференции Валентин Никитин — председатель комитета Госдумы по делам национальностей — за годы реформ из нашей страны выехало за границу 4 миллиона человек. Абсолютное большинство из них — это учёные, инженеры, программисты. Убыли они в Европу и США по приглашению различных фирм. Прямые и косвенные потери России от “утечки мозгов” высококлассных специалистов в науке и технике оцениваются в миллиарды долларов. Внешняя миграция приносит нам огромные убытки. А чем обогатится для нас миграция внутренняя?

В 2000 году в Россию, по данным депутата Никитина, прибыло 15 миллионов человек, а убыло 11. Если эти цифры даже ниже среднестатистических за пятилетку, то, стало быть, на стыке веков у нас осело на жительство более 10 миллионов иностранных граждан.

В странах Европы и США право на постоянное проживание получают лишь те, на кого есть спрос и кто имеет приглашение на работу. В России прибежище и заработок может найти любой незванный гражданин из республик бывшего СССР и любой китаец, и вьетнамец с туристической визой. За рубеж наша страна экспортирует "мозги", а импортирует физическую силу, поскольку вакансий в российских наукоёмких и высокотехнологичных отраслях ничтожно мало.

Отчасти физическая сила мигрантов используется прямо по назначению — граждан Украины и Молдовы можно встретить на самых разных стройках. Они соглашаются вкалывать за минимальную зарплату, и работодатели охотно их нанимают, сбивая тем самым стоимость рабочих рук в России. Это не всем у нас нравится, но не это создаёт так называемую национальную напряжённость.

Основная масса мигрантов на российских просторах — это граждане республик Закавказья и Средней Азии, Китая и Вьетнама. А они едут в Россию не производить, а торговать и пополнять национальные преступные группировки.

Профессор Михаил Губогло, выступавший на конференции в Сочи, не так давно проводил социологический опрос среди школьников Казани и выяснил: самый высокий процент подростков, которые испытывают неприязнь к представителям других наций, — в 127-й школе. Почему именно в ней? Потому что рядом с этой школой — рынок. А на нём сплошь — лица не русской и не татарской, а кавказской национальности. Такую же картину можно наблюдать во всех крупных российских городах, за исключением городов Дальнего Востока, где на рынках доминируют китайцы.

Торговля, сервис и криминальный бизнес — супердоходные сферы. Это ясно русским школьникам и студентам, зрелым мужам и пенсионерам. Но далеко не каждому русскому понятно, почему он должен, скажем, на рынке переплачивать перекупщикам других национальностей.

При царях русские жили общинами и артелями, при вождях — трудовыми коллективами, и справедливости привыкли искать через органы власти. Новые демократические правители разрушили традиционный для России коллективистский уклад жизни и оставили граждан без

государственного покровительства — каждый выживает, как может. При всём том в выигрыше оказались наиболее способные к неформальному объединению, ибо успех в любом бизнесе требует сложения усилий многих людей. А тут решающее значение приобретает национальный фактор.

В природе русских нет племенной солидарности. А у евреев, кавказцев, китайцев и вьетнамцев она есть, и именно на её основе происходит сложение их усилий в бизнесе. Мигрант-азербайджанец, убежавший от нищеты из Баку, всенепременно найдет приют у соплеменников в Москве и станет винтиком их единой деловой машины. Русские уступают кавказцам не от своей неспособности к конкуренции, а оттого, что не могут на равных конкурировать с кровно сплочёнными национальными бизнес-сообществами. Социальная несправедливость — налицо. И поскольку число мигрантов в России неуклонно увеличивается, то неизбежно будет в ней расти недовольство их засильем.

Что сделать надо, дабы это недовольство не вылилось в кровавые межнациональные распри?

Участники конференции в Сочи на сей счёт выдали власти свои рекомендации. Суть их, в общем и целом, сводится к следующему: давайте, как в западных странах, провозглашать уважение к правам мигрантов, но давайте так же, как на Западе, жёстко управлять миграционными потоками и решительно выдворять тех иностранных граждан, которые или вопреки закону трудоустраиваются в России, или незаконно поселяются на её территории.

Услышат ли в Кремле, в Доме правительства и в Федеральном собрании рекомендации конференции? Сомнительно.

“На Кубань, — как уведомил участников конференции Владимир Бекетов, председатель Законодательного собрания края, — в первой половине девяностых въезжали ежегодно около 200 тысяч мигрантов — в основном из Закавказья. После того, как краевые законодатели ввели ограничения на приём иностранцев, в рабочих руках которых нет потребности, количество мигрантов сократилось почти в три раза. Но в 98-м Конституционный суд РФ признал ограничения незаконными. Поток мигрантов снова возрос. В нынешнем году Законодательное собрание снова ввело ограничения. И сразу демократическая печать в Москве возопила: власти Кубани разжигают национальную рознь”. На самом же деле, как заметил председатель Бекетов, кубанские власти своими ограничениями предотвращают межнациональный взрыв. Все чины в Москве, по словам Бекетова, признают, что проблема с миграци-

ей есть, но никто из них почему-то не хочет её решать — проект федерального закона о миграции, поддержанный крупнейшими субъектами Федерации, год уже без движения лежит в столичных инстанциях.

Открытая и честная позиция краснодарских властей по ограничению миграции протестов на многонациональной Кубани не встречает. Умным представителям самых разных коренных народов края очевидно: не будет перебора с мигрантами — не будет и национальной нетерпимости.

В городе Сочи, где живут люди 100 национальностей, действует Центр национальных культур. Участникам конференции показали концерт творческих коллективов Центра: русских и армянских, украинских и казачьих, греческих и адыгейских. Самодеятельные артисты разных народов прекрасно уживаются на сценах Кубани. И если абсурд в национальной политике Федерального центра будет преодолен, то сто кубанских народов с успехом решат одну проблему: как в ладу жить рядом друг с другом.

Глава 2

Горизонталь

Политика, как говаривал товарищ Энгельс, может вредить экономике, может не мешать ей, может помогать. Какой из сих вариантов у нас ныне?

Не худо, а с блеском, изо всех сил политика в России в последнее десятилетие помогает экономике. Но экономике не нашей, а стран Запада.

Призрак кризиса — кризиса перепроизводства не так давно уверенно бродил по Европе с Америкой и стал бы явью в конце XX века, если бы в начале 90-х власть в России не переменилась.

Российская политика настезь распахнула границы для товаров с Запада. Хлынувший к нам вал импортных харчей, шмоток, авто, бытовой техники, мебели, косметики обеспечил работой и приличной зарплатой миллионы и миллионы жителей западных стран.

Российская политика позволила кучке своих граждан не только присваивать доходы от продажи сырья и энергоресурсов, но и укрывать их в заграничных банках. Тем самым она выдала беспроцентный кредит Западу на сотни миллиардов долларов.

Российская политика ввела в нашей стране параллельную валюту — доллар — и сохранила благополучие гаранта стабильности Запада — США, которые получили возможность обменивать свои зелёные, ничем не обеспеченные бумажки на невозполнимые природные ресурсы России.

Ни кризис перепроизводства, ни финансовый крах на Западе не случились на исходе века исключительно потому, что его экономике российская политика помогала, а своей — не мешала. Не мешала умирать.

Благодаря правителям России западный работник в минувшее десятилетие мог получать либо дотации от его государства, либо очень дешёвые банковские кредиты. Нашего же работника напрочь лишили и того, и другого, но поставили перед необходимостью — сражайся с иноземцами на абсолютно открытом для них российском рынке на абсолютно неравных условиях.

Когда у хорошего работника неплохо с деньгами, у него в голове много мыслей на предмет: как сделать лучше и больше? Когда тот же работник испытывает острый дефицит денег, то перво-наперво мучается всего одной мыслью: где занять?

В западных банках, куда из России уходили сотни миллиардов энергетических и сырьевых долларов, кредит своим фирмам и гражданам давали под 5-6, а нередко и под 3 процента годовых. В банках же российских в первые лета реформ Ельцина процентная ставка запыривала за 200 процентов: взял 100 миллионов, возвращай через год — 300 с лишним.

Российская политика российскому же товаропроизводителю предоставила выбор: хочешь — живи в несносных условиях, хочешь — тихо помирай.

Упомянутый выше товарищ Энгельс в своё время совершенно справедливо заключил: настоятельная практическая потребность двигает науку к открытиям вернее, чем десятки университетов. *Не факт!*

Возникла крайняя потребность выжить — появились и открытия в науке выживания. Слабые работники разорялись, сильные — изобретали в чрезвычайной ситуации оптимальные модели хозяйствования. Некоторые из этих моделей, рождённых в начале 90-х, имеют не сиюминутную ценность и пригодны для организации эффективного производства при любой политике.

В 120 километрах от Краснодара, в центре Кубани, есть станция Выселки. Её название происходит от того, что некогда она являлась местом ссылки неугодных начальству казаков. Предкам коренных выселковцев, надо полагать, никакой чёрт не был страшен. Духи отчаянных казаков станицу, вероятно, не покинули, ибо именно в ней нашлись люди, которые не только не дрогнули перед напастью ельцинских реформ и не только сами выпутались из их удавок, но и другим взялись помогать.

До 1993 года на окраине Выселок мирно сосуществовали рядом два предприятия — АО «Комбикорм» и АО «Восход». Чем занималось первое АО, ясно из его названия. АО же второе откармливало бычков. Друг другу предприятия не завидовали. Интервенция в страну

продуктовой массы из-за границы и обесценивание через инфляцию сбережений наших граждан парализовали весь отечественный Агропром взаимными неплатежами.

“Комбикорм” мог купить зерно, мог его переработать и мог продать свою скотскую кормёжку. Но не мог получить за неё деньги с обнищавших крестьянских хозяйств.

С “Восходом” же не рассчитывались за бычков мясокомбинаты, задавленные иноземными колбасами-тушёнками-окорочками, и он не мог свой рогатый молодняк обеспечить комбикормом. поголовье на “Восходе” сократилось в 4 раза — с 8 до 2 тысяч бычков, а привесы их упали в 2 раз ниже нормы.

В перспективе у обоих предприятий было — либо по отдельности бедствовать, либо так же по отдельности околесть. Но в июле 1993-го они взяли да объединились в одно юридическое лицо.

Если сбить две лодки, шхуны не получится. Если же с толком сложить прежде разрозненные человеческие, денежные и материальные ресурсы, то новое качество нового субъекта той или иной деятельности — явление само собой разумеющееся.

Когда АО “Комбикорм” и АО “Восход” перевоплотились в единое ЗАО “Агрокомплекс”, их скромные совместные деньги были вложены перво-наперво в землю, принадлежавшую ранее “Восходу”. Повышенный с неё урожай зерна бесплатно внутри “Агрокомплекса” передавался на переработку в комбикорм, им опять-таки бесплатно вдоволь кормили бычков и те доблестно набирали вес. Поставки говядины из Выселок возрастали и возрастали.

А мясокомбинаты по-прежнему задерживали оплату за бычков. Один из комбинатов — “Краснодарский” — задолжал “Агрокомплексу” в старых рублях аж целых 17 миллиардов. И тогда руководители юной фирмы отважились на крайне рискованный шаг — на долговую кабалу: взяли кредит под 200 процентов годовых и начали строить здание и закупать оборудование для собственного мясокомбината.

Риск оправдался: в магазины пошла первая продукция “Агрокомплекса”, жёсткая же мобилизация им всех доходов, в том числе и с продаж комбикорма “Птицепрому”, позволила ему вернуть кредит и выплатить проценты.

Тем временем краснодарские приватизаторы выставили на аукцион за ваучеры два элеватора. “Агрокомплекс” уже работал и впредь хотел работать с зерном. И потому его руководство все свои мыслимые и немыслимые силы и средства бросило на покупку ваучеров.

Жуликам элеваторы не достались. Они отошли в собственность трудового коллектива "Агрокомплекса" и оказались на его балансе как два структурных подразделения.

Выигрыш на аукционе спровоцировал руководителей фирмы на новый производственный риск: раз мы имеем базу для хранения и доведения зерна до кондиции, то сами должны изготавливать муку, хлеб с булками и крупы.

"Агрокомплекс" снова влез в долги и опять, несмотря на всё те же дико высокие проценты за кредиты, сумел с ними расплатиться. На его территории на окраине Выселок выросли сначала крупяной завод и пекарня, а затем и две могучие мельницы — одна с первоклассным немецким оборудованием.

Руководители "Агрокомплекса" обладали золотой рыбкой. Называлась она — деловая хватка. Эту их хватку довольно скоро увидели и оценили как рядовые крестьяне, так и сельские начальники. И под юридическую крышу фирмы один за другим стали входить трудовые коллективы 9 хозяйств вместе с их полями и фермами, техникой и скотом. Попросились под ту же крышу и три птицефабрики. Появились на балансе фирмы и новые предприятия — два завода растительных масел и молокозавод. И после того, как "Агрокомплекс" обзавёлся десятками собственных магазинов, он действительно превратился в комплекс, то есть в единое целое, где неразрывно связано разное — производство сельхозсырья, его переработка и продажа продуктов.

"Агрокомплекс" ныне — это 7500 работников, это 75 тысяч гектаров пашни, это свыше 50 тысяч голов рогатого и хрюкающего скота, это — более 1 миллиона птиц, это 10 заводов и 80 магазинов. В перечне готовой продукции комплекса — сотни видов мясных, молочных и растительных товаров.

Продовольственная империя с центром в Выселках продолжает расширяться. Чем привлекает она хозяйства и предприятия?

Любой трудовой коллектив, вступив в "Агрокомплекс", теряет юридическую и финансовую самостоятельность и право собственности на принадлежащее ему имущество и производимую им продукцию. А что он приобретает? Свою долю в капитале всего комплекса и его денежные и материальные средства для развития своей производственной деятельности.

Де-факто все трудовые коллективы после вступления в "Агрокомплекс" не просто увеличивают, а резко увеличивают объёмы продукции и снижают затраты на неё.

Примеры.

Самостийная птицефабрика "Кубань" в 1997-м выдавала 800 тонн тушек бройлеров, имела суточные привесы птицы в 25 грамм и расходовала 3 кормовых единицы на килограмм мяса. Спустя три всего года та же фабрика, став цехом "Агрокомплекса", бройлеров уже выращивала в тоннах в 5 раз больше, привес в сутки подняла на 12 грамм, а расход кормов сократила на целую единицу.

До вхождения в "Агрокомплекс" крестьянские хозяйства содержали 5 тысяч свиней, сейчас — 22 тысячи, урожай зерна в них и надой на корову возросли в 2 раза.

Рост производства в комплексе не стихийно происходит, а по плану. Каждое подразделение фирмы получает задание на год — чего и сколько произвести. Под задание выделяются ресурсы. Не выполняет то или иное подразделение план из-за лени и некомпетентности руководителя — его увольняют, не достаёт ему денег или техники — добавляют. Концентрация средств в едином центре комплекса позволяет своевременно перебрасывать их на перспективные производственные участки и стимулировать наращивание товарного роста: прежде бедные обретают силу за счёт прежде богатых и в результате увеличивается их общий доход.

Внутри "Агрокомплекса" нет торговли. Крестьянские хозяйства по накладным передают мясо, молоко, зерно и прочее заводам, те превращают сырьё в разнообразные продукты и сдают их в магазины. Выручка от продавцов поступает на счёт фирмы и затем распределяется согласно произведенным затратам. Таким образом исключаются две операции купли-продажи и, соответственно, — выплаты налогов и расходы на содержание двух касс, что позволяет фирме сберегать свыше 20 процентов от её денежного оборота в миллиард почти нынешних рублей.

Все 7500 работников "Агрокомплекса" получают зарплату по единым для всех подразделений фирмы нормам выработки и тарифным ставкам. Расценки на оплату труда жестко зависят от качества и количества произведённой продукции. Средняя зарплата в комплексе составляет чуть больше 100 долларов в месяц. А его лучшие комбайнёры в минувшую жатву получили около 2000 долларов. В оплате же натурой в фирме — уравниловка: каждому работнику в год она выдает по 2 тонны комбикормов, по 80 килограмм муки, по 50 кг сахара, по 36 кг круп, по 18 кг масла. Тот же набор продуктов только, в несколько меньшем количестве, фирма предоставляет и каждому из 9 тысячи пенсионеров, ранее работавшим в его хозяйствах и предприятиях. На помощь школам, детсадам, домам культуры, стадионам, спорткомплексу и

дому-интернату для престарелых, которые находятся на территории 14 населенных пунктов 4 районов Краснодарского края фирма тратит ежегодно свыше 100 миллионов рублей.

Земледельческие показатели “Агрокомплекса” — не лучшие на Кубани. Скажем, колхоз “Хуторок” собрал в минувшем году пшеницы по 80 центнеров с гектара, а средний урожай в комплексе — 59. Но если учесть, что продовольственная империя со столицей в Выселках ежегодно включает в себя новые полуобанкротившиеся хозяйства с агротехнически запущенными полями, если принять во внимание, что она вынуждена отвечать по долгам включённых в неё коллективов, то нельзя не признать, что ей, созданной для выживания в неравной конкуренции на диком рынке, суждено процветать.

Модель комплекса, в котором неразрывно связаны по горизонтали поля, фермы, заводы и магазины, доказала свою эффективность. Придумали эту модель не в Выселках. Но именно там она заработала как должно. Заработала потому, что в Выселках не только захотели, но и сумели практически с нуля выстроить оптимальную хозяйственную горизонталь.

Основал “Агрокомплекс” молодой 33-летний человек — Александр Ткачёв. Он поставил фирму на ноги, передал бразды правления брату Алексею и ушел в депутаты Госдумы. Но остался, молва свидетельствует, идеологом развития комплекса.

В 2000 году кубанское народно-патриотическое движение “Отечество” во главе с Николаем Кондратенко выдвинуло Александра Ткачёва кандидатом в губернаторы края. Для многих в российских политических кругах это стало неожиданностью. Как депутат Ткачёв не был широко известен в стране. Но в крае он имел репутацию стратегически мыслящего и умелого управленца. И, скорее всего, именно данный факт предопределил и выбор “Отечества” с его лидером, и выбор рядовых кубанцев — за Ткачёва проголосовало свыше 80 процентов избирателей края.

Александр Ткачёв — первый в России успешный хозяйственник с рыночной школой, который получил чин губернатора крупного Субъекта Федерации. Вторым стал Александр Хлопонин — бывший гендиректор высокорентабельного “Норильского никеля”, ныне — губернатор Красноярского края.

Хлопонин недавно приступил к исполнению обязанностей, Ткачёв руководит Кубанью уже два года. Как руководит?

В 2002-м на Краснодарский край обрушились три страшные, неви-

данные прежде наводнения. Но именно нынешними летом и осенью кубанцы собрали самый большой с 1990-го урожай. Поступления в бюджет за два года губернаторства Ткачёва увеличились почти в два раза и, стало быть, производственная горизонталь Кубани стала вдвое эффективнее работать во имя и во благо её жителей.

Если успешный хозяйственник Хлопонин проявит себя на губернаторском посту так же, как проявил себя на том же посту успешный хозяйственник Ткачёв, то, вероятно, всем нашим гражданам станет очевидно — кому следует верить в власть в стране.

При Ельцине погоду в политике России делали: журналист Гайдар, доцент-экономист Чубайс, философ Бурбулис, сотрудник НИИ Авен, физик Немцов.

При Путине политическую погоду сотворяют: клерк из Госплана Касьянов, юрисконсульт Греф, сотрудники НИИ Волошин и Кудрин, профессиональная комсомолка Матвиенко.

Допустим, что все упомянутые лица — не агенты влияния мировых финансовых центров и российскую политику они поставили на службу экономике Запада не сознательно, а по недомыслию. Учиться и исправлять свои ошибки никогда не поздно. Предположим, что наши правители-дилетанты опаматовались и взялись исправлять перекосы в политике. Но что полезное они могут сделать для российской экономики, в которой никто из них не руководил никаким производством?

У нас грустная перспектива: одной половине страны надо изучать английский язык, другой — китайский. Не изменим мы политику в пользу своей экономики, будем проглочены великими державами. Но изменить нашу политику благодатно для нашей же экономики могут только те, кто изнутри эту экономику знает, и знает конкретно, как повести её от выживания к процветанию.

Р. С. На состоявшихся на днях выборах в Законодательное собрание Краснодарского края победу одержало движение "Отечество", которое в исполнительной власти представляет Александр Ткачёв. Патриотизм в сочетании с прагматизмом и управленческим профессионализмом принят на Кубани, и у нас есть шанс надеяться, что такое сочетание восторжествует во всей России.

*Синиман, хорошие результаты! Именно потому
Путин оторвался от реальной власти. Хлопо-
нин не страшился в свои союзы, а Ткачёва
на друзей зовёт.*

связанные спорные вопросы. Каждому своему члену ВТО предоставляет максимально благоприятные условия для продажи товаров во входящих в неё странах. Окажется Россия в ВТО — полузакрытые сейчас для неё зарубежные рынки откроются. Таможенные пошлины российские производители станут платить по минимальному тарифу, как и другие члены организации, административные запреты на объёмы поставок не будут на них распространяться. В результате устранения всех барьеров за границей Россия, как подсчитали в Минэкономразвития, сможет ежегодно зарабатывать на экспорте почти на 20 миллиардов долларов больше, чем сейчас.

При вступлении в ВТО Россия может сорвать барыш, а может наступить на мину замедленного действия. Главная задача Всемирной торговой организации — обеспечить наибольшую конкуренцию между товаропроизводителями разных стран. То есть такую конкуренцию, при которой слабый погибает, а выживает только сильный — тот, кто производит более качественную и дешёвую продукцию. А это, если Россия распахнёт свои границы перед Западом так же, как он перед ней, грозит нам в настоящий момент крупными неприятностями.

Большинство наших предприятий, в отличие от западных, находится на территориях с суровым климатом и у них выше энергетические издержки. На многих заводах в России по-прежнему “висит” социальная сфера и расходы на коммунальное хозяйство, детсады, больницы, пансионаты значительно увеличивают себестоимость их продукции. Проценты за кредит у нас в несколько раз больше, чем на Западе. Короче говоря, наши товаропроизводители, как правило, конкурировать на равных с западными не способны. Стало быть, нацеливаясь на куш от ВТО, мы должны обойти мину и не взорвать свои лучшие предприятия, не оставить без работы десятки миллионов российских граждан. Как это сделать? Среди хозяйственно-финансовой элиты на сей счёт есть две точки зрения.

После недавней встречи Касьянова с членами Совета по предпринимательству при правительстве РФ СМИ обнародовали слова, сказанные премьеру главой холдинга “Интеррос” Владимиром Потаниным: “Следует подготовить правительственную концепцию, где были бы перечислены цели вступления в ВТО и отрасли, находящиеся под защитой государства. Ведь вокруг переговоров о вступлении уже начался парад лоббистов”. На бизнес-совещании в Ростове-на-Дону руководитель “Интерроса” изложил свою позицию по ВТО более развёрнуто: вступая во Всемирную торговую организацию, надо чётко

оговорить с ней — российское государство намерено поддерживать и защищать те отрасли экономики, которые не готовы к прямой конкуренции и которые жизненно необходимы стране.

Какие отрасли России надо сохранить, чтобы не оставить без куска хлеба десятки миллионов граждан и не превратиться в Верхнюю Вольту без ракет и машин — ясно. Это предприятия военно-промышленного комплекса, способные делать лучшее в мире оружие. Это авиостроение: чем наши самолёты хуже американских? Это автопром и сельхозмашиностроение — на российские автомобили, трактора, сеялки и плуги с культиваторами, ввиду их низких по сравнению с мировыми цен, покупатели у нас есть и будут. Это нефтегазовое оборудование — оно везде работает и работает исправно.

Базовую отечественную индустрию с вступлением в ВТО государство опекает в конкуренции, какие-то отрасли поддерживает временно (или за пять-семь лет модернизируйтесь — или исчезайте), какие-то в обмен на открытие западных рынков сразу отдаёт на съедение: нет у нас хороших станков и телевизоров — будем их покупать за границей. Таким образом, точка зрения Владимира Потанина и его единомышленников в конечном счёте сводится к следующему: настало время вступать в ВТО и воспользоваться преимуществами, которые даёт организация, но надо выторговать у неё право на защиту от тотальной конкуренции. В этом случае и Запад своё получит, и мы останемся страной с наукоёмкой и высокотехнологичной продукцией.

Иной взгляд на роман России с ВТО имеют крупнейшие российские экспортёры. Они от вступления в организацию получают самый крупный выигрыш, ибо наше членство в ней избавляет их от антидемпинговых преследований и ограничительных административных квот. Но именно ими подаётся: надо погодить со вступлением, невзирая на успех торга об условиях, и несколько лет надо всего лишь обсуждать проблему.

“Вступать сейчас в ВТО, — цитирую президента группы “Сибирский алюминий” Олега Дерипаску, — непозволительная роскошь. Это откроет российские рынки для дешёвых импортных товаров, но лишит Российскую Федерацию инвестиций. Зачем завозить новое оборудование в страну, если можно заработать деньги на элементарном товарном импорте?” А вот набат тревоги, который исходит от руководителя Новолипецкого комбината Владимира Лисина: “Вступление в ВТО надо хорошо просчитать. Надо учитывать тот факт, что наше сельское хозяйство, машиностроение, сельхозмашиностроение, автомобильная про-

мышленность и многие другие отрасли в принципе не готовы к открытию рынка”.

Подчеркнём в высказываниях двух генералов от металла по одному словосочетанию. У Дерипаски: “это откроет российские рынки для дешёвых импортных товаров”. У Лисина: “многие отрасли (российские — Н.А.) в принципе не готовы к открытию рынка”. И вопросом зададимся: где чаще обитает Дерипаска — на Сейшельских островах или в Сибири, где больше времени проводит Лисин — в славном городе Липецке или в курортных городках на Средиземном море? Рынки российские для импорта открыты были вчера и остаются такими сегодня — средняя таможенная пошлина у нас равняется 11,4 процента. А на переговорах России с ВТО фигурирует цифра — 14 процентов. Руководители Всемирной торговой организации требуют от российской делегации на переговорах понизить импортные тарифы всего на 89 товаров из 11033, дают они добро и на то, чтобы дотации российского государства сельскому хозяйству, о котором неистово радуется господин Лисин, составляли 16 миллиардов долларов. А сейчас сумма дотаций на несколько порядков меньше.

Тревога металлургических генералов по поводу открытия наших рынков из пальца высосана. Но им, сплавляющим основную массу продукции их предприятий за рубеж, на самом деле есть повод тревожиться от недалёкой перспективы вступления России в ВТО. Членство в сей почтенной организации потребует от наших властей не только адаптировать к её нормам российское законодательство, но и установить жёсткий контроль государства за ценообразованием и движением финансовых потоков крупнейших экспортеров. А кому из них такое по душе придётся? Но и это не всё. Упомянутый выше господин Лисин в мае сего года жаловался “Российской газете” на преследующие его за демпинг западные власти: “И, прежде всего, нас обвиняют в низкой зарплате... что даёт, мол, и искусственно заниженную себестоимость продукции”.

Сейчас Лисин — барин на комбинате: сколько хочу, столько работаю и плачу. А вступит Россия в ВТО на приемлемых для неё условиях, экспортёрам придётся подтягивать зарплату рабочим и инженерам до европейского уровня. А кто от этого выиграет и кто проиграет?

Часть V

**ВИД НА ИНЖЕНЕРОВ
ДУШ**

Глава 1

Спрос на Доренко

Каркуша с Забубушей не обольщают — не кадрят их Музу. Она к ним приходит по вызову — в любое время суток. Приходит и остаётся до полного удовлетворения.

С одной и той же Дамой творчества Каркуша Сванидзе и Забубуша Караулов сожительствуют в равной мере плодотворно. То есть с равной в неделю производительностью рожают с ней угодное сильным мира.

Да, Николай Карлович Сванидзе и Андрей Викторович Караулов не столь талантливы, как Сергей Леонидович Доренко. Но на безрыбье и раки — рыба.

Когда Сванидзе неистово каркает, здравомыслящей публике ясно, что в нём беспристрастна и неподкупна только его бородёнка. Когда Караулов страдальчески бубнит под душещипательную музыку, многим телезрителям очевидно, что боль в его сердце — фальшивая. Избавиться от следов соития с продажной Музой ни Сванидзе, ни Караулов, увы, не способны. Доренко же в 1999-м, работая чисто по заказу Кремля и придворных олигархов, блистательно сыграл роль отчаянно-независимого, готового к самопожертвованию журналиста, которому просто должно верить.

На предыдущих парламентских выборах 1999-го Кремль более всего беспокоила группировка региональных баронов — “Отечество — Вся Россия”. Если бы она, перехватив лозунги оппозиционной Компартии, завоевала большинство в Госдуме, то один из её лидеров — Лужков или Примаков — получил бы реальный шанс положить на лопатки кандидата Кремля на президентских выборах в 2000-м.

У избирательного блока “ОВР” всё необходимое для оглушительной победы имелось — солидные финансы, изрядный административный ресурс, отменная репутация Лужкова и Примакова как самых успешных в ущербном рынке руководителей. Последнее из вышеперечисленных преимуществ блока было первым по важности в расположении к нему избирателей. В Кремле это уразумели и в дискредитации “ОВР” главную ставку сделали на подрыв авторитета её лидеров, ангажировав для того Сергея Доренко, который из-за скверного характера не уживался долго ни на одном из телеканалов.

Осенью 1999-го кремлёвские мудрецы заключили с Доренко пакт о нападении на Лужкова с Примаковым и переместили Сергея Леонидовича с занюханной шестой телекнопки на первую — с самой широкой аудиторией. И началось многосерийное кино. Было ли оно истинно документальным или художественным — не важно. Важно то, что от сказанного и показанного Доренко у народа дух захватывало. Ну надо же, московский мэр Лужков, оказывается, не только самодовольный феодал, с коего жир капает, но и уголовный пахан — на нём кровь убиенного американского бизнесмена. А Примаков-то, Примаков — с виду солидный, на самом деле — ничего по большому счёту не свершившая пустышка, да и хвора к тому же.

Кино Доренко не укладывалось в общепринятые сюжетные стандарты, с неподдельно страстью исполнялось и не могло не вызвать доверия. Лужков и Примаков под нагло-неожиданными ударами растерялись и нелепо стали оправдываться от обрушенных на них обвинений. А кто жалко обороняется, тот всегда неправ. Доренко подмочил доброе имя лидеров “ОВР”, поставил крест на победе их блока на парламентских выборах и отбил им охоту баллотироваться в президенты.

Сегодня региональные бароны тихо-мирно влились в партию центральной власти — “Единую Россию”. С их бузотёрством покончено. Всерьёз противостоять ставленникам Кремля в грядущей схватке за мандаты Госдумы будет только Компартия. Меньшую ли, чем некогда “ОВР”, головную боль доставляет она теперь стратегам за зубчатыми кремлёвскими стенами? Ничуть не меньшую.

Окрепла ли Компартия за четыре минувших года — можно лишь гадать. А вот то, что потенциал Кремля в охмурении избирателей ослаб — факт. В 1999-м в избирательной игре у кремлёвской семьи на руках был козырный туз — якобы волевой, якобы бесстрашный, якобы нацеленный истребить все безобразия в стране новый премьер Путин. Он с его искусственно раздутыми достоинствами у тьмы народа породил

надежды на отказ от всем обрыдшей ельцинской политики, и привязанный к нему наспех состряпанный блок “Единство” опередил по количеству голосов деморализованное Доренко лужковско-примаковское движение “Отечество — Вся Россия”.

Ныне “Единство” и “ОВР” — это нечто целое под названием “Единая Россия”. Она вместе с алчущими ласки Кремля депутатами-одномандатниками контролирует Госдуму. Но удастся ли ей сохранить статус-кво после парламентских выборов 2003-го — большой вопрос.

Как от запрягания в одну упряжку двух лошадок не получается автомобиль, так от объединения под одной вывеской чиновников разного уровня и их прихлебателей не образуется качественно иной политический субъект. Сложение в новой партии лысин и шевелюр не придало ей привлекательности. “Единая Россия” является образцовой бюрократической структурой и как таковая не пригодна к тому, чтобы говорить на языке масс и воспламенять умы и души. Кроме того, “ЕР” откровенно экспонирует себя как придаток исполнительной власти, как партию Путина. Когда он, голубок, был премьером и популярность его росла, это имело смысл. Сейчас же, когда за три года президентства Путин сберёг все разъедающие страну язвы ельцинизма, всё меньше людей связывает с ним надежды на лучшее. Заморозить произведённую Ельциным разруху Путину удалось за счёт роста мировых цен на энергоносители. Сие он сам признал в своём последнем послании Федеральному Собранию. Но к нынешней осени, весьма вероятно, нефть с газом изрядно подешевеют, разруха проявится во всей красе, число её жертв резко возрастет и не исключено, что “Единую Россию”, провозгласившую интимную связь с главой исполнительной власти, в декабре 2003-го избиратель сделает козлом отпущения. Кто в таком случае овладеет Госдумой? Разумеется, бранящие Путина коммунисты.

Дабы предотвратить на парламентских выборах триумф Компартии, Кремлю нужно скомпрометировать её лидеров. Каким образом? Был бы, как и прежде, в распоряжении кремлёвских волхвов Сергей Леонидович Доренко, то он одного коммунистического вождя превратил бы в главаря наркомафии, второго — в обладателя гарема, третьего — в фальшивомонетчика. Политически активная публика мастеру политических спектаклей с волнением охотно б внимала и, возможно, к желанным бы для Кремля выводам приходила. Но Доренко скачет на своих породистых жеребцах и заказа на отстрел лидеров Компартии не домогается. Поэтому для данной цели Кремль вынужден использовать подмастерьев — Каркушу Сванидзе и Забубушу Караулова. Из-за

одинаковой творческой ограниченности они оба одинаково начали исполнять поставленную цель — о чём первый каркает, о том второй бубнит. А именно: о корысти лидеров Компартии, об их злоупотреблении служебным положением для личной наживы.

Меня в адвокаты ни к одному из видных деятелей Компартии никто не нанимал и я речь вести об их моральном облике не намерен. Моя тема — профпригодность бойцов кремлёвского Агитпропа. А раскрыть её я хочу через повествование о деле, которое очень занимает двух бойцов — Сванидзе и Караулова. Первый уже объёмно вытащил его на телеэкран, второй пока скромно о нём обмолвился. Итак, дело “Росагропромстроя” в свете программы “Свой дом”.

Об упомянутой программе я впервые услышал от своего приятеля Серёги — успешного торговца-оптовика. Услышал весной 1996-го. Тогда как-то Серега пригласил меня поужинать и молвил мне следующее:

— Ты знаешь, что в сентябре-октябре 1993-го я с автоматом в руках куковал в Доме Советов и готов был воевать с Ельциным. Ты, думаю, понимаешь, что сегодня капиталец мой изрядно прибавляется не благодаря, а вопреки ельцинской власти. Власть эта — по-прежнему скверная. Но на выборах нынешним летом я буду голосовать за Ельцина. И не только из-за опаски того, что с его заменой в стране станет ещё хуже. Режим Ельцина не безнадежен. Он может трансформироваться в нормальный. И вот первое серьёзное тому доказательство. Смотри, — Серёга положил передо мной текст на трёх листах, — это указ Ельцина о разработке федеральной программы “Свой дом”. В указе предусмотрен комплекс мер, который миллионы и миллионы людей должен обеспечить дешёвым и добротным жильём. Каждая наша семья теперь может взять на дом или квартиру льготный кредит на 10-25 лет и не платить налоги за построенную ею недвижимость до полного погашения кредита. Государство по указу возьмёт на себя обязательство помогать проектированию жилья и производству стройматериалов по доступным всем ценам. Предстоит строительный бум, участвовать в котором выгодно. И моя фирма, скорее всего, перегонит часть средств из торговли продуктами в структуры стройиндустрии.

Я напомнил Сереге: через два месяца президентские выборы, а большинство народа Ельцина ненавидит. Чтоб преодолеть ненависть и сохраниться в Кремле, он сейчас может пообещать всё, что угодно. Но даже если Ельцин искренне возжелал развернуть указом масштабное жилищное строительство, надо учесть: ни один из многих его экономического толка указов, кроме тех, по которым

растаскивалась в частные руки госсобственность, до сих пор никогда не выполнялся.

Мои доводы Серегу не переубедили. На президентских выборах он проголосовал за Ельцина. Но перекачивать свои торговые деньги в стройиндустрию жилья не поторопился. И тут-то он не ошибся.

За пять дней до второго тура президентской гонки 1996-го, когда переизбрание Ельцина все ещё выглядело проблемным, правительство приняло его указ по “Своему дому” как руководство к действию и постановлением от 27 июня возвестило миллионам страдающим от тесноты жилищ: возведение дешёвых, но благоустроенных домов и квартир за счёт госкредитов и госфинансирования проектной и строительной базы запускается на полную катушку. Ура, господа-товарищи избиратели!

Реклама благих намерений власти явно облегчила оформление победы действовавшему президенту во втором туре. Сам Ельцин вскоре по завершении выборов лёг в больницу ремонтировать собственное сердце и про обещанные избирателям их дома, естественно, позабыл немедленно. Но правительство от громогласно заявленных планов по строительству домов-квартир сразу отказаться не посмело. Кое-что для их исполнения оно взялось делать, и в декабре 1996-го в числе прочих юридических лиц привлекло в реализацию программы “Свой дом” корпорацию “Росагропромстрой”.

Под иным названием эта корпорация в советское время сдавала ежегодно в селах-деревнях не один миллион квадратных метров жилья. В пору ельцинских реформ ей удалось сохранить кадры — около 700 тысяч работников в разных областях страны. Не утратила она и производственно-техническую базу. Но её надо было перевооружать, дабы в рамках “Своего дома” строить современно и дешёво.

На модернизацию базы “Росагропромстроя” правительство распорядилось выделить безвозмездные субсидии. Деньги корпорация получила, но в несколько раз меньше, чем было установлено. Дарованных средств хватило на то, чтоб вести перевооружение 12 из 82 предприятий. Тем не менее, структуры “Агропромстроя” хотели и могли строить. Но федеральная власть отказалась выдавать населению льготные кредиты на жильё — а вдруг неосознательные граждане их не вернут? Таковым образом правительство, возглавляемое Черномырдиным и сменившим его Кириенко само же расправилось с его же программой “Свой дом” в целом по стране. Тогда руководство “Росагропромстроя” выходит с инициативой на очередного нового премьер-министра

Степашина: дайте кредиты под 6 процентов годовых нам, мы построим жильё для селян, сами произведём с ними расчёты и сами погасим кредиты. Степашин в июне 1999-го инициативу поддержал.

Затем её спустя три месяца одобрил заменивший Степашина на посту премьера Путин. Когда Путин переквалифицировался в президенты и его место в правительстве занял Касьянов, то и он на исходе 2000-го сказал “да” инициативе “Росагропромстроя”. Но кредитов на строительства жилья у корпорации как не было, так и не стало.

В мае 2001-го президент Татарстана Шаймиев, глава Алтайского края Суриков и губернаторы шести областей России — Стародубцев, Михайлов, Тихонов, Савченко, Чернышов, Бочкарев и Максютя — направили премьер-министру Касьянову послание:

“Уважаемый Михаил Михайлович!

У нас в соответствии с постановлением правительства РФ заключены договора с корпорацией “Росагропромстрой” о совместной деятельности по реализации программы “Свой дом в сельской местности”.

У нас созданы фонды индивидуального жилищного строительства.

У нас подготовлена нормативно-правовая база, подобраны и обучены кадры.

У нас привлечены средства из территориальных бюджетов.

У нас сформированы списки застройщиков.

У нас уже во многих районах начато строительство индивидуального жилья. Но сейчас оно практически свёрнуто.

Из-за вас свёрнуто, Михаил Михайлович, точнее, из-за подчинённого вам Минфина — отказывает он “Агропромстрою” в кредитах — в тех самых кредитах, которые предписали ему выделить парламент и президент в законе о бюджете”.

Далее цитирую послание строго по тексту: “Учитывая государственную важность увеличения объёмов индивидуального строительства в сельской местности, просим Вас, Михаил Михайлович, поручить Минфину России и другим заинтересованным федеральным органам исполнительной власти незамедлительно решить вопросы финансирования, как это предусмотрено в законе “О федеральном бюджете на 2001 год”.

Премьер Касьянов на просьбу руководителей Субъектов Федерации откликнулся. А именно: он растиражировал и переправил их послание в Минфин Кудрину, в Минсельхоз Гордееву, в Госстрой Шамузарову, в Минэкономразвития Грефу. И что же произошло? Да ничего. Закон о бюджете в части кредитования “Агропромстроя” как не

выполнялся, так и не стал выполняться. Программа “Свой дом в сельской местности” уверенно была похоронена.

Похоронена центральной властью. Но не все так думают. Есть в нашем Отечестве оригинальные инакомыслящие. Однажды Николай Карлович Сванидзе с натугой, бедняжка, ломая голову, как уесть Компартию, вдруг уронил взгляд на “Агропромстрой”. Кто его возглавляет? Виктор Видьманов — член президиума ЦК, то есть один из высших руководителей Компартии. Он получал деньги из бюджета на программу “Свой дом”? Получал. Программа сгинула? Да. А не потому ли сгинула, что Видьманов не по назначению миллионы направил, а в личную или партийную кошелек? Возможно. Так надо привлечь к нему внимание, надо покопаться в архивах “Агропромстроя” и чего-то крамольное там обязательно обнаружится. А удар по Видьманову будет ударом по главной сопернице Кремля — Компартии.

Помимо Сванидзе Видьманов попал и в поле зрения пламенного искателя коммунистических миллионов Караулова. Оба телебойца, вероятно, ещё не раз наставят свои камеры на “Агропромстрой”.

Перспектива телешумихи вокруг Видьманова интересна. Но не для Кремля. Основную сумму субсидий из госбюджета “Агропромстрой” получил до думских выборов 1999-го. И если б Видьманов замышлял на субсидиях пожить, то он вряд ли бы расстался с депутатским мандатом и, соответственно, с парламентской неприкосновенностью. А поскольку ему неприкосновенность не потребовалась, то сколько бы Сванидзе с Карауловым не шумели, ничего дух захватывающего им, наверное, не сотворить.

Компартии же внимание телебойцов к Видьманову выгодно. Замелькает он часто на экранах — получит широкую известность. А с ней ему легко превратиться в убойного обличителя Кремля: я и огромный мой коллектив каждый год могли строить на селе десятки тысяч домов — но не строим, потому что премьер Касьянов, его министры и назначающий их президент Путин угробили позарез нужную строительную программу. В результате удар по Компартии может обернуться ударом по Кремлю.

Судя по замахам Сванидзе и Караулова, политических киллеров из них не выйдет. А Кремлю они остро необходимы. Так не пойти ли кремлёвским стратегам на поклон к Сергею Леонидовичу Доренко?

Глава 2

Как Караулов сам себя выпорол

Беседа с депутатом Госдумы, первым секретарём Татарстанского Республиканского Комитета КПРФ Александром Салием

Николай АНИСИН. Александр Иванович, тёплым майским воскресеньем накануне Дня пионерии половина России узнала, что вы, Салий — это Пельше сегодня. Данный факт раскрыл 70 миллионам зрителям телеканала ТВЦ журналист Андрей Караулов в своей передаче “Момент истины”. Арвид Янович Пельше в пору Брежнева долгие годы заведовал Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС. А поскольку тогда Компартия стояла над государством, то почти все важные чины страны были подконтрольны Пельше и почти все боялись его, как огня. В отличие от КПСС, КПРФ сегодня не всевластна, а полностью безвластна. Но она крупнейшая партия России с разветвлённым аппаратом. И любопытно выяснить: вы, Салий, для деятелей ЦК КПРФ и секретарей парткомов в провинции такая же гроза, как Пельше?

Александр САЛИЙ. Сравнив меня с Пельше, Караулов отпустил мне комплимент. Но комплимент, к сожалению, незаслуженный. Я не являюсь в КПРФ тем главным контролёром, каким был в КПСС Арвид Янович. Не являюсь по весьма простой причине. Роль Комитета партконтроля, которым руководил Пельше в Компартии Советского Союза, в Компартии Российской Федерации исполняет контрольно-ревизионная комиссия. А её по решению ЦК возглавляет не Салий Александр Иванович, а Никитин Владимир Степанович. Он у нас в партии — Пельше сегодня, и ваш вопрос надо адресовать ему.

Николай АНИСИН. Караулов приписал вам не занимаемую вами партийную должность. Сознательно приписал или просто обмислился?

Александр САЛИЙ. А вы взгляните в лицо Караулова на телеэкране. Он же страшно доволен собой и своей телепродукцией. Он всё знает, обо всём может судить и всему без сомнений готов выносить приговор. Он — не ведущий программы “Момент истины”, а истина в последней инстанции. Заразившись самодовольством, Караулов утратил необходимое для успешного журналиста качество — изучать и проверять факты. Кто-то кое-где сообщил ему, что Салий обладает контрольными функциями. Это действительно так. Да, я как председатель комиссии Госдумы по применению избирательного законодательства, имею право ездить по регионам и контролировать — насколько там кампании по выборам соответствуют законам. И совершаю поездки с такой целью регулярно. Нормальный, не заражённый самодовольством журналист, услышав про полномочия на контроль некоего Салия, обязательно бы удостоверился — на какой контроль именно. Но Караулов — он же звезда журналистики. Надо ли ему проверять поступившую информацию о полномочиях Салия? Не надо. Звёздная болезнь Караулова с сопутствующей ей ленью и породила то, что он меня, думского контролёра по выборам, объявил контролёром организационно-финансовых дел партии. Говоря вашими словами, Николай Михайлович, — обмислился парень. Ну, а теперь позвольте мне спросить вас, журналиста: если б сегодня на Западе телеведущий переврал обязанности героя передачи, то чтобы ему впереди светило?

Николай АНИСИН. Наверное, увольнение за профессиональную непригодность.

Александр САЛИЙ. Дикие там при хвалёной демократии нравы. Гуманизм торжествует только у нас в России — Караулов, я уверен, за грубую фактическую ошибку даже замечания от начальства не получит.

Николай АНИСИН. “Момент истины” исказил истину в части вашей роли в партии. Но и правда же в передаче была. Вы на самом деле один из видных деятелей КПРФ. Вы член её ЦК, вы лидер коммунистов Республики Татарстан и вы, как ярко поведал сюжет Караулова о вас, используя своё высокое партийное положение в республике, приказываете милиции сажать за решётку невинных, но неугодных вам людей. А это разве не истина?

Александр САЛИЙ. Я — полковник запаса. Я прослужил в армии 24 года и очень люблю приказывать. Я могу структурам МВД

Татарстана отдать любой приказ. Но вот беда — ни офицеры с большими звёздами, ни рядовые милиционеры не подчиняются мне никоим образом.

Татарстан — самодостаточный Субъект Федерации с мощной экономикой и жёсткой вертикалью власти. Всё в республике определяет президент Шаймиев и его администрация. В Кремле Казанском Шаймиев — крутой хозяин, в Кремле Московском — желанный гость. Правителей Татарстана нынешний режим в стране устраивает, нас, коммунистов, — нет. Поэтому парторганизацию КПРФ в республике дают, как только могут. Любое сотрудничество с нами должностного лица — крамола, за которую следует выгонять с работы. При таких наших отношениях с властью Татарстана прозвучавшие в передаче Караулова утверждения о том, что милиция выполнила мой приказ, приказ первого секретаря рескома КПРФ по аресту мне неудобных — это не ошибка. Это настоящий бред.

Николай АНИСИН. Некогда молва уверяла: блат — выше Со-
внаркома. То есть выше правительства великого и могучего Совет-
ского Союза, олицетворяемого Московским Кремлём. А разве теперь
блат не может быть выше Казанского Кремля? Вполне может. Наря-
ду с официальными связями с представителями власти у вас наверняка
есть связи личные. А ежели они есть, то не исключено, что тот или иной
начальник склонен порадовать вас не как первому секретарю респуб-
ликанского комитета КПРФ, а просто как Салию Александру Ивановичу.
В передаче Караулова, помимо общих слов о том, что вы командуете
МВД Татарстана, прозвучало: арест нелюбезных Салию коммунистов
произвели милиционеры — бывшие его ученики. Так всё-таки блат
сработал, Александр Иванович?

Александр САЛИЙ. Повторяю: я — полковник запаса. Но
полковник армейский, а не милицкий. Подчинённые мне в своё
время офицеры, которых можно было бы считать моими учениками,
в органах милиции Татарстана не состоят. Точнее, я не знаю сослу-
живцев, перешедших из Вооружённых Сил в МВД. Версия о пре-
данных мне учениках в милиции — это такой же бред, как и версия
о том, что вся татарстанская милиция готова по моему приказу кого
угодно арестовать.

Николай АНИСИН. Ага, Александр Иванович, вы не имеете вли-
яния в карательных структурах Татарстана, но они почему-то покарали —
арестовали и избили тех, с кем вы конфликтуете в республиканской
организации Компартии. Караулов в “Моменте истины” собственноруч-
но известил нас: борьба Салия с коммунисткой Исхаковой — очевидный

криминал из-за, судя по всему, финансовых интересов. Упомянутую юную Исхакову, маму семимесячного младенца, далее поведаль нам в своей передаче Караулов, в отделении милиции 8 часов били по печени и почкам и потом бросили в камеру к мужчинам-уголовникам. Вот тебе, вот, коммунистка Исхакова — получи по полной программе и впредь не суйся в финансовые дела руководителя республиканской организации Компартии Салия. Согласитесь, Александр Иванович, ведь вам и только вам было желательно подвергнуть издевательствам молодую маму-коммунистку, которая, как заявил Караулов, боролась с вами за распоряжение деньгами рескома КПРФ. Что вы с ней не поделили?

Александр САЛИЙ. Вопрос убийственный. А что вы не можете поделить с Иваном Петровичем Сидоровым?

Николай АНИСИН. С каким Сидоровым?

Александр САЛИЙ. Вы не знаете Сидорова Ивана Петровича?

Николай АНИСИН. Нет.

Александр САЛИЙ. И я с показанной Карауловым на фото Исхаковой тоже не знаком. Никогда её не видел и впервые о ней услышал 30 апреля сего года. В тот день я вернулся из Москвы в Казань и на заседании бюро рескома, посвящённом проведению первомайской демонстрации, меня поставили в известность, что в Азнакаевском районе арестованы члены КПРФ — Исхакова и Сулейманов. После бюро я позвонил в райотдел внутренних дел и получил там информацию — члены партии не арестованы, а задержаны за нарушение подписки о невыезде. Мне ничего больше не оставалось, как принять эту информацию к сведению и взять на контроль: пойдут слухи о беззаконии в отношении задержанных — надо будет направить депутатский запрос в МВД. Вот вся моя роль в истории в Азнакаевском районе.

Николай АНИСИН. Прочитирую ещё раз фразу Караулова: борьба Салия с коммунисткой Исхаковой — очевидный криминал, из-за, судя по всему, финансовых интересов. Да, у вас, лидера республиканской парторганизации, не было никаких личных контактов с рядовым членом партии Исхаковой. Ну а заочная, тайная война из-за денег между вами могла вестись? Ну не с бухты-баракты же Караулов брякнул о вашей борьбе?

Александр САЛИЙ. Именно с бухты-баракты. Вы хотите, чтобы очередную выданную Карауловым чушь я прокомментировал?

Николай АНИСИН. Если вас не затруднит — да.

Александр САЛИЙ. Пожалуйста. У меня как у первого секретаря рескома нет конкурентов в распоряжении средствами парторганизации.

ции, и мне не надо ни явно, ни тайно с кем-то бороться по этому поводу. Почему не надо? Вступивший недавно в силу “Закон о партиях” предусматривает жёсткое наказание за финансовые вольности: использовал деньги не так, как прописано в законе — деятельность парторганизации могут приостановить или даже прихлопнуть. При всём том мы были вынуждены централизовать все партийные финансы на расчётном счёте единого юридического лица, руководителем которого является ваш покорный слуга. Я персонально отвечаю за соответствие наших трат “Закону о партиях”, и мне же принадлежит последнее слово в расходовании партийных денег. Слов нет, статьи расходов обсуждаются и утверждаются на бюро. Но без моей подписи ни один рубль со счёта рескома никуда уйти не может. Я — первый секретарь и потому финансовый единоначальник. Возглавит парторганизацию другой человек — он станет таковым же единоначальником. Доказал я вам, что Караулов сморозил чушь?

Николай АНИСИН. Оставим на время домыслы и предположения самого Караулова и оборотим взор к двум героям его передачи, вашим однопартийцам из Татарстана — к Наталье Петровой и Марселю Саямову. Это они прямо утверждали, что вы командуете милицией республики и что по вашему приказу арестовали и изуродовали коммунистку Исхакову. Что их заставило нести ту несурязицу, которую вы выше опровергли?

Александр САЛИЙ. Недавно вступившим в КПРФ Петровой и Саямову не по нраву я как первый секретарь рескома и некоторые члены его бюро. Наталье с Марселем очень хочется сменить всё руководство нашей парторганизации. Желание их — нормальное. Я ничего не имею против внутрипартийной борьбы за верховенство: убедите коммунистов республики в необходимости моей отставки — и точка. Короче говоря, позицию Петровой и Саямова по отношению ко мне я уважаю. Но не могу их уважать как здравомыслящих людей. И своё нездравомыслие они уверенно продемонстрировали в передаче Караулова. Вопль Петровой о том, что милиция Татарстана подчиняется не президенту Шаймиеву, а оппозиционному ему секретарю рескома Компартии — это аномалия в извилинах. Реплика Саямова о том, что по моему приказу Исхакову 8 часов били в милиции по почкам и печени — это неадекватное восприятие действительности: любой мужик-здоровяк и получаса побоев не выдержит. Вы точно заметили — Петрова и Саямов несли несурязицу. Несли потому, что они при завышенных амбициях интеллектуально несурязны.

Николай АНИСИН. По сути передачи неистинного “Момент истины” у меня вопросов больше нет. Ну а чем вызвано было внимание Караулова к именно к вашей персоне?

Александр САЛИЙ. Моя персона — скромная, а организация, которую я возглавляю, одна из самых крупных и боеспособных организаций Компартии в стране. По последним социологическим опросам, за нас сегодня готовы голосовать 35 процентов избирателей республики — мы намного по популярности опережаем другие партии. Кроме того, наши кандидаты имеют реальные шансы выиграть выборы в 5 одномандатных округах. А Кремлю нужна победа Компартии в такой огромной республике, как Татарстан? Не нужна, разумеется. Караулов же, вероятно, подрядился обслуживать Кремль в компрометации КПРФ. И вот в дверь его передачи постучали агрессивно-неуравновешенные Петрова и Саямов с обвинениями в адрес руководителя татарстанских коммунистов. С компроматом на Компартию у Караулова — напряжённо. А тут на тебе — объявились желающие пнуть Салия и, соответственно, с ним заодно парторганизацию республики и всю КПРФ. Я думаю, Караулов не настолько глуп, чтоб не понимать — обвинения против меня насквозь абсурдны. Но от безысходности — надо же как-то исполнять кремлёвский заказ — он взялся их обнародовать. А из-за своего самодовольства не позаботился о том, чтобы они были преподнесены более или менее правдоподобно.

Николай АНИСИН. Вы намерены объясниться с Карауловым в суде на предмет защиты вашей чести?

Александр САЛИЙ. Разумеется. Сам ведущий “Момент истины” избегал откровенно утвердительных, порочащих меня формулировок, прибегая к выражениям “я подозреваю”, “судя по всему” и так далее. Но через Петрову и Саямова он распространил обо мне в его передаче лживые и дискредитирующие меня сведения. Нечистоплотной подачей материалов на телеэкран Караулов де-факто уже сам себя выпорол и нужно теперь только де-юре оформить его порку в суде.

Глава 3

Два века юбиляра

Дмитрию Анатольевичу Жукову — 75 лет. Он — старейшина Русского клуба, который в своё время обосновался в Петровском монастыре и который предопределил развитие русской национальной мысли в последние тридцать лет.

Русский клуб, он же формально общество “Родина”, — это Кожин и Палиевский, Ганичев и Глазунов, Куняев и Михайлов. Жуков в клубе был не только самым старшим, но и самым битым. Битым и войной — он участник Великой Отечественной, и родной Советской властью. Ему отказывали в приёме в Союз писателей СССР — из-за якобы антисемитизма в его публикациях. Он подвергался разгрому в партийной прессе за прославление Православия. Несколько раз разрывались договора на издание его работ. Но тем не менее Дмитрий Анатольевич за годы своей творческой деятельности опубликовал более 20 книг. Наиболее заметные из них — дилогия “Протопоп Аввакум” и “Владимир Иванович” (под общим названием “Огнепальный”), “Круг размыкаемый”, “Богатырское сердце”, “Козьма Прутков и его друзья”, “Алексей Константинович Толстой”, “Прозрения”. Общий тираж книг Дмитрия Жукова, неоднократно переиздававшихся у нас в стране и за рубежом — 12 миллионов экземпляров.

Его романы и статьи в немалой степени повлияли на формирование национального самосознания многих русских людей. Мне, например, очень памятен очерк Дмитрия Жукова о депутате царской Государственной Думы Шульгине — монархисте, который принимал отречение последнего русского императора Николая II. Я прочитал эту статью десять лет назад, и она очень помогла мне понять суть новой, нынешней смуты в России конца XX века.

Дмитрий Жуков родился в тогда ещё русском городе Грозный, в семье нефтепромысловика. Его отца перебрасывали из одного района добычи “чёрного золота” в другие, и адрес у семьи был — не дом и не улица, а великий Советский Союз. Отвоевав на фронте и залечив раны, кавалер боевых наград Дмитрий Жуков остался на службе в армии и как офицер Генерального штаба немало поколесил по странам всех континентов. Чего ради колесил — о том Дмитрий Анатольевич не рассказывает до сих пор.

В 1960 году он вышел в отставку и начал печататься в журналах “Новый мир”, “Москва”, “Наш современник”, “Огонёк” и других. Прописан офицер запаса и писатель Жуков был в Москве, но творческая мастерская его расположилась в калужском городе Боровск, где он построил дом. Ныне Дмитрий Анатольевич считает Боровск своей малой родиной. Потому и 75-летний юбилей он отмечал не где-нибудь, а именно в Боровске.

Тот не поэт, утверждал в своё время Расул Гамзатов, кто не поэт в своём ауле. Писатель Дмитрий Жуков — писатель и в Боровске, и в Калужской области. Поздравить его с юбилеем приехали и губернатор Анатолий Дмитриевич Артамонов, и митрополит Калужский и Боровский Климент, и руководитель областного департамента культуры Тришин, и руководители городских администраций Боровска, Малоярославца, Детчино.

Но Дмитрий Жуков всё-таки — явление не боровское и не калужское, а общерусское. На праздновании юбилея в выставочном зале Боровска прибыли писатели и художники из разных городов нашей страны. Прислал своё поздравление Жукову лидер Народно-патриотического союза России Геннадий Зюганов, приехал обнять Дмитрия Анатольевича его давний друг — главный редактор главного русского национального журнала “Наш современник” Станислав Куняев.

Творчество писателя Дмитрия Жукова принадлежит уже не только прошедшему XX веку, но и новому столетию. Его книги заставили нас на многое посмотреть с иной точки зрения, а на многое просто открыли нам глаза. С его слов мы знаем, кто есть протопоп Аввакум и кто есть аятолла Хомейни. В свои семьдесят пять Дмитрий Анатольевич полон сил, и есть все основания надеяться, что с помощью его пера мы сможем познать ещё многое непонятное для нас в современной жизни.

Глава 4

Проект славы Коктебельского

Слухи о кончине литературного Коктебеля сильно преувеличены. Даже очень сильно. Но дыма, как известно, без огня не бывает, и похоронные статьи типа “Здесь жили поэты” появились в газетах не просто так.

Лет семь назад жарким крымским полуднем я наблюдал такую сценку. К воротам чудного коктебельского парка подходит молодая красивая мама с сыночком. Он читает надпись на вывеске: “Дом творчества”, — и спрашивает:

— А для чего этот дом построен?

Мама отвечает:

— Для того, чтобы в нём жили дяденьки-писатели и сочиняли для тебя интересные книжечки.

Дяденек с билетами Союза писателей России в тот момент в Доме творчества “Коктебель” находилось всего двое — публицист и прозаик Александр Росляков и поэт Феликс Чуев. Остальные номера в предназначенных писателям особнячках либо пустовали, либо были заняты людьми, не имеющими к писательству никакого отношения.

Росляков в Коктебеле только отдыхал от трудов тяжких, не брезгуя ночными посиделками в барах. Чуев же, по заведённой годами привычке, вставал в пять утра и садился к письменному столу. То есть творчеством в Доме творчества писателей пахло лишь чуть-чуть. Как, впрочем, и во всём Коктебеле. Почти век оно, творчество, здесь повсюду витало... и вдруг исчезло. Почему?

Как-то на рассвете на коктебельской набережной меня, топавшего с дня рождения приятеля, остановил высокий старик с роскошной седой

бородой и предложил купить у него “дури” — местной наркотической травки. Я отказался: не приучен потреблять. Тогда он, болезненно сморщив лоб, попросил:

— Угости пивом, внутри всё горит, а жидкие украинские рубли все вытекли.

Мне самому не вредно было залить чем-то жар выпитого за ночь коньяка, и я взял два пива. Мы стали у парапета, и старик, опустошив залпом полбутылки, начал жаловаться:

— Замучили классики. Не дают покоя. Как только сюда прибуду, духи их каждую ночь ко мне жалуют. Вчера приходили Пришвин и Чехов. А позавчера сначала Вересаев заглянул, а за ним — целая компания: Тренёв с Мишей Булгаковым, Гумилёв с Аннушкой Ахматовой, сестры Цветаевы, Корней Чуковский и Брюсов при нём. И знаешь, рассадить всех было негде. Булгакову пришлось стоять.

Пиво у старика закончилось. Я взял ему в ларьке ещё бутылочку и, вручая её, полюбопытствовал:

— А Лев Толстой и Бунин к вам не навещают?

Старик категорично замотал бородой:

— Нет. Они — судари не коктебельские. Никогда не лицеиздали Кара Даг, не прикипели к нему, и духов их сюда не тянет. А вот Толстой Алексей — тот, мил друг, вволю здесь пожил. Он крепко дружил с вечным в Коктебеле Волошиным, и их духи только вместе, только рядом предо мной возникают.

На следующий день я пересказал разговор с чудным стариком знакомой художнице, которая с двух лет ежегодно по два месяца обитает в Коктебеле. Ей, как выяснилось, духи классиков беспокойства по ночам не причиняют. Она посочувствовала старику и заметила:

— Он, наверное, малость не в своём уме, но и в трезвом знании ему не откажешь — Лев Толстой и Бунин на самом деле здесь не бывали. А все остальные названные писатели — это точно коктебельские судари и сударыни. Да и каких только ассов пера сюда не заносило! Вулкан Кара Даг и бухты окрест кого угодно могут соблазнить своим чародейством.

Коктебель очаровывал писателей и в царское время, и в советское. Многие из тех, кто в последние десятилетия делал погоду в литературе, не преминули отметить у подножия Кара Дага. Чтобы убедиться в том, достаточно в библиотеке коктебельского Дома творчества посмотреть на книги с автографами именитых.

Для одних, ныне здравствующих и недавно покойных писателей, Коктебель был прежде всего мастерской, для других — чистой отдушиной, третий отдых и общение мешали с бдением над листом бумаги. Писатели имели свой закрытый пляж, вход посторонним в парк, где они жили, был воспрещён. На выходящих из парка публика с набережной смотрела как на особ привилегированных. Комфортно писателям в Коктебеле было во всех отношениях. И с весны до поздней осени они заполняли все комнаты во всех корпусах Дома творчества.

Исход писательской братии из Коктебеля начался сразу после краха СССР и запуска в его республиках рыночных реформ. Какие-то мастера слова, мигом разбогатев на обслуживании новорождённого капитала, направили стопы на лучшие мировые курорты, какие-то, задвленные диким рынком, не могли наскрести скромную сумму на литфондовскую путёвку в Дом творчества. Но магия Кара Дага продолжала действовать и до середины 90-х — в Коктебеле всё ещё можно было встретить немало искусников слова — и богатых, и бедных. Например, всё сладкое вкусившего от ельцинского режима Юрия Черниченко и спасавшего тогда от этого режима Союз писателей России Валерия Ганичева.

А потом в Коктебель ворвался бизнес. Он понаставил на набережной кабаков, он понастроил нового жилья для отдыхающих и заманил под Кара Даг тьму иных, к литературе не причастных людей, которым понравилось пить-есть и танцевать на фоне коктебельских красот. И чем больше на набережной становилось баров-ресторанов, чем громче их дискотечная аппаратура орала “Мальчик хочет в Тамбов...”, тем меньше писатели хотели ехать в Коктебель. Под грохот не умолкающих круглые сутки эстрадных хитов им неуютно было и работать, и общаться. В открытом теперь для всех парке среди толп курортников на поэтов и драматургов, на прозаиков и критиков никто не обращал никакого внимания.

В начале девяностых годов в коктебельском Доме творчества пребывали сотни писателей, в середине — десятки, в конце — единицы. Коктебель умирал как обитель литературы. И умер бы: вот вам могила поэта Волошина, вот его Дом музей — и всё. Но этого не случилось потому, что в своё время Коктебель облюбывал на жительство уроженец Хабаровского края Вячеслав Фёдорович Ложко.

Дать в двух словах представление о личности Ложко весьма непросто. Кто-то знает Славу Ложко как матёрого боксёра-тяжеловеса, призёра Центрального Совета физкультуры и спорта СССР. Кому-то

он известен как тренер по акробатике и инструктор по туризму. Кто-то знаком с ним как с эком, сидевшим в лагерях за драки. Кому-то Ложко запомнился как егерь и лесник. Кто-то помнит, что ему за его изделия из драгоценных камней присвоено звание “Заслуженный деятель искусств Республики Крым”.

Когда в Коктебель нагрязнул бизнес, Слава Ложко подался в коммерцию. Преуспел в ней. Но чисто ею не ограничился, а привязал её к Лире. Дело в том, что по природе своей Ложко не спортсмен и тренер, не бравирующий мускулами дебошир, не фанат природы и не камнерез, а поэт. Стихи Слава пишет не ради славы и денег, а потому что не может их не писать.

*“Эй, ребята, позвольте пройти.
Греет мысль, что ещё-то я в силе.
Но не ноги: мне б душу спасти,
Уж и так её всю отдавили”.*

Коммерцией Слава занимается по необходимости, поэзия же для него — данность натуры, которую ни пропить, ни потерять нельзя. На сей день в Москве, Киеве, Симферополе, Днепропетровске и Феодосии он издал 14 сборников стихов. У Славы есть читатели и почитатели. Но и сам он, прописанный в обители литературы — Коктебеле, является яростным почитателем литературы вообще и всех её творящих в частности. Поэтому свой ресторан в центре коктебельской набережной Слава Ложко превратил в литературно-музыкальный салон, где каждый прибывающий под Кара Даг писатель может найти приют и внимание. А это, я подозреваю, приятно и полезно для гостей в Коктебеле творцов изящной словесности всех мастей.

Вот строки из эссе Андрея Битова.

“Слава Ложко — сильный человек. Это видно по всему: и по лицу, исковерканному шрамами, и по боксёрской стойке, по стихам, которые веют классической настроенностью тех, кто прошёл по его родным местам: Волошин, Цветаева, Мандельштам.

Если вы окажетесь в Коктебеле и подойдёте к этому человеку, чтобы понять бухту, в которой было так много трагического и обнадеживающе живого, то взгляните в глаза Славы Ложко, затем переведите их на Кара Даг и взгляните в соединённую даль моря и неба. Возможно, из мозаики повседневности пред вами встанет глубокое изображение жизни”.

Прозаик Андрей Битов — закоренелый антисоветчик и видный борец с коммунистической идеологией. Поэт же Феликс Чуев был твердокаменным сталинистом и членом ЦК Компартии России. Но в 1999-м на литературном вечере Чуева в салоне Ложко я слышал от Феликса Ивановича в адрес Славы такие же полные к нему приязни слова, какие написал Битов.

Любимец российской демократической общественности романист Анатолий Приставкин в кругу друзей в салоне Славы вдруг родил о нём стих.

*“Его фамилия от слова “ложка”.
И он нам всем нальёт немножко”.*

Злостный насмешник над деятелями той самой общественности — поэт Юрий Лопусов, познакомившись со Славой, также не удержался от того, чтобы не оставить ему на память собственные рифмы.

*“Хотят Чубайс, Гайдар, Лужков
Все деньги мира — и не меньше.
Как мало хочет бард Ложко —
Лишь море, Крым, вино и женщин”.*

На каменной стене литературного салона Славы Ложко красуется на снимке отъявленный либерал-западник Василий Аксёнов. Но на той же стене запечатлён и “красно-коричневый” Владимир Бондаренко. Василий и Владимир были гостями Славы в разное время и, наверное, о разном с ним толковали, но оба они, судя по выражениям их лиц на фото, одинаково остались довольны визитами в салон Ложко.

Удивительная способность Славы находить общий язык с писателями прямо противоположных взглядов происходит, на мой взгляд, из его глубокой внутренней привязанности к литературе как таковой. А искренне благоволя к ней, родимой, Слава столь же искренне радуется и каждому прибывающему в Коктебель литератору: раз ты дружишь с Музой, я готов дружить с тобой и чем могу, тем и послужу тебе. На искреннюю к ним симпатию, как, думаю, видно из начертанного выше, писатели отвечают Славе тем же.

Литературные вечера в салоне Ложко вряд ли для него доходны. То или иное объявление о вечере, слов нет, привлекает в салон новых клиентов. Но с ними вместе послушать известного прозаика или поэта,

как правило, приходят многие коктебельские друзья и партнёры Славы. А их он, по традиции, угощает бесплатно. Поэтому личной материальной выгоды, скорее всего, дружба с писателями Ложко не приносит. Но от неё крупно — как курорт — выигрывает весь Коктебель.

Августами трёх последних лет я многожды видел Славу Ложко вместе с писателем Виктором Прониным, автором романов, по которым поставлены известные фильмы “Ворошиловский стрелок” и “Гражданин начальник”.

Виктору Алексеевичу в Коктебеле славно работается. Его пишущая машинка в 19-м корпусе Дома творчества начинает стрекотать с раннего утра и умолкает под вечер. На закате Пронин обыкновенно появляется на заполненной народом набережной, степенно по ней гуляет и нет-нет да и заворачивает в салон Славы Ложко, где нередко можно встретить какую-то душевную компанию и с удовольствием с ней пропустить пару стопок коньяка.

Не будь в Коктебеле Славы и его салона, то не было бы у Виктора Пронина места вечернего отдохновения от мук писательских и, вполне возможно, не привязался бы он к коктебельскому Дому творчества. Но салон Славы под Кара Дагом есть, и Пронин приезжает сюда из года в год. А это, оказалось, сработало и на бизнес, и на бюджет Коктебеля.

В 2001-м Виктор Пронин опубликовал в Москве роман “Брызги шампанского”, основное действие которого происходит в Коктебеле. Вымышленный прониинский герой, награвший руки на контрабанде русским лесом, скрывается от оплаченных его партнёрами наёмных убийц здесь, под Кара Дагом. Он живёт в 19-м корпусе Дома творчества, наслаждается писательским парком, видами вулкана и бухт, а время коротает в реальных коктебельских барах-ресторанах с реальными коктебельцами, в том числе со Славой Ложко и его другом, поэтом и скульптором Георгием Мельником.

Тираж остросюжетного детектива Пронина достаточно приличен по нынешним временам. “Брызги шампанского” прочитали десятки тысяч человек. Прочитали они не только уголовную интригу, но и описание всех природно-курортных прелестей Коктебеля. А что это, если не широкая дармовая реклама коктебельскому бизнесу и не дополнительные доходы в казну посёлка?

Сейчас, как сказал мне главный непридуманный герой романа Пронина Георгий Мельник, Виктор Алексеевич ведёт переговоры об экранизации “Брызг шампанского”. Появится популярный фильм, снятый в красотах и сервисе Коктебеля, его бизнесу будет сделана такая

офигительная реклама, за которую он должен поставить Пронину памятник в парке Дома творчества. Но пронинского романа могло ведь и не быть, если бы Виктор Алексеевич не проводил приятных вечеров в салоне Славы Ложко.

У этого салона многострадальная судьба. Его не раз пытались у Славы отнять и перепрофилировать под заурядный, но высокоприбыльный кабак — уж в больно козырном месте салон расположен. Защиты Ложко пришлось искать аж в Верховном Совете Крыма. Но к настоящему моменту все его битвы за салон завершены, надо полагать, окончательно. Ныне — на стороне Славы и глава поселкового совета Булыга, и другие влиятельные в Феодосийском районе начальники, которые так же, как и Ложко, считают: литературная жизнь в Коктебеле — не забава-баловство, а средство повышения благосостояния его жителей. Исчезнут навсегда из-под Кара Дага писатели — меньше там станет курортников-читателей, от числа которых напрямую зависит экономика посёлка и района. И, наоборот, приток писателей в Коктебель повлечёт за ними тысячи и тысячи их читателей — новых курортников. Возвращение литературной славы Коктебеля нужно не только для того, чтобы отдать дань его прошлому, но и для того, чтобы он мог укреплять свою экономику в настоящем и будущем.

Исходя из этой логики, местные власти не только обеспечили сохранение за Славой Ложко его литературного салона, но и помогли ему запустить грандиозный проект — создание историко-литературного центра. Как помогли?

Слава зарегистрировал Фонд культурного возрождения Коктебеля, а власти благословили его наполнение. За счёт чего?

Литсалон Ложко находится рядом с так называемой Площадью Искусств. На ней пишат портреты-картины и заплетают косички, на ней показывают в телескоп звёзды и взвешивают на говорящих весах тела, на ней поют под “караоке” и гадают по руке, на ней торгуют фотовидами Кара Дага, поделками из кожи, камня, стекла, дерева и тканей. Среди промышляющих на Площади Искусств можно встретить москвичей и киевлян, харьковчан и питерцев. До обеда все они, как и прочие отдыхающие, плавают и загорают, а потом приступают к своего рода предпринимательской деятельности. Народу на площади во второй половине дня всегда полно, и всегда на ней есть спрос на услуги и товары курортников-промысловиков. А раз они получают доходы, — решили коктебельские власти, — то должны платить за место промысла. Платить в Фонд культурного возрождения Коктебеля.

Суммы денег, поступающие в Фонд с Площади Искусств, фиксируются в бухгалтерской книге и тратятся на оплату труда архитекторов и проектировщиков историко-литературного центра. Под него на ходовой улице Коктебеля, неподалёку от писательского парка, выделена земля. Как центр будет выглядеть — уже можно увидеть на макете и в чертежах: шик-модерн в стекле, мраморе-бетоне и металле.

В причудливое, новейших архитектурных разработок здание Слава Ложко намерен вселить духи ушедших классиков литературы. Не во сне вселить, не в бреду, а наяву. Один этаж центра станет литературным музеем, и в нём фото-портретными ликами, книгами, письмами, личными вещами будут представлены все те яркие писатели, которые были связаны с Коктебелем. Ещё этаж займёт музей исторический — вот вам экспонаты от киммерийцев, обитавших у Кара Дага ещё до нашей эры, вот — от тавров и громивших их печенегов, вот от венецианцев, построивших близь Коктебеля гавань Каллиера.

Духи классиков литературы и отпечатки истории — это любопытно для праздной отдыхающей публики, но малопривлекательно для ведущих современных писателей, каждый из которых, вероятно, вполне доволен своими нынешними литературно-историческими познаниями. И чтоб их завлечь в Коктебель, а за ними и новых курортников, Слава Ложко запроектировал на трёх этажах центра и комфортабельные гостиничные номера, и бар, и солярий, и, разумеется, вместительный конференц-зал: господа писатели, инженеры человеческих душ, добро пожаловать в Коктебель в любое время года — к вашим услугам добротные номера по божеским ценам, вы можете у нас работать и отдыхать, можете устраивать свои творческие вечера, можете проводить в честь любимых вами классиков литературные чтения и научные конференции.

Все гладко в планах у поэта и коммерсанта Славы Ложко: возведём центр, Коктебель как обитель литературы обретёт вторую жизнь, центр в считанные годы окупит расходы на своё строительство и начнёт приносить его владельцам и посёлку немалые доходы. Но кто захочет, вложив огромные средства в строительство историко-литературного центра, стать его владельцем?

Крупный капитал как в России, так и на Украине, — парень сиюминутных интересов: сегодня деньги вложил — завтра сорвал куш. Проект же Славы Ложко хоть и гарантирует стабильную прибыль, но скорого, немедленного возвращения вкладов не обещает. И всё-таки, мне кажется, историко-литературному центру под Кара Дагом суждено быть.

У Славы Ложко репутация и хваткого, основательно укоренённого в Коктебеле коммерсанта, и преданного литературе поэта. И он, пусть и не без труда, наверняка сможет отыскать капиталистов, которые работают на перспективу и которым далеко не безразличны выдающиеся, связанные с Коктебелем писатели.

Я, человек от литературы далёкий, никакой заинтересованности в осуществлении проекта Славы Ложко не имею. Я езжу отдыхать в Коктебель десять последних лет. Езжу к морю и солнцу, к хорошему вину и вкусной еде. Всё это есть и на других курортах Крыма и Кавказа. Но в Коктебеле мне как нигде хорошо дышать, там прекрасный парк, где мне нравится жить, там часто попадаются интересные, светлые собеседники. Мне в принципе всё равно, построит Слава Ложко историко-литературный центр или нет. Но если он его построит, светлых людей на набережной Коктебеля сильно прибавится.

Глава 5

Тоска под Кара Дагом

Я люблю футбол и равнодушен к поэзии. Я с ходу могу вычислить самого классного игрока на поле, а отличить крупного поэта от мелкого по двум текстам у меня образования не хватает. И потому в поэтической Мекке — Коктебеле я в минувшем году подружился с футболистом — Георгием Мельником. В молодости Георгий выступал в командах мастеров России и Украины, а в последние времена тренирует детскую футбольную сборную Коктебеля. После тренировок он, как правило, идёт в парк Дома творчества писателей, где у него есть персональная скамья и пенёк. На сем пне камни с вулкана Кара Даг Георгий превращает в скульптуры красавиц и гномов, в змей и зверей. Собственные творения Георгию по душе. Он сам бы на них смотрел да смотрел, но зарплата в Крыму у футбольного тренера ничтожна мала, и каждый вечер Георгий выставляет свои изделия из камня на продажу в центре коктебельской набережной — на Площади Искусств.

Я по вечерам в Коктебеле играл в теннис и, возвращаясь с кортов турбазы в Дом творчества, между прочим свидетельствовал Георгию своё почтение. Рядом с ним и его камнями нередко возникали бывшие футболисты — либо местные, либо приезжие курортники, которые в пору своего коктебельского отпуска не прочь с утра погонять мяч вместе с малолетними воспитанниками Георгия на их тренировках.

Явление вечернее собратьев-футболистов на Площади Искусств обыкновенно сопровождалось категоричной постановкой вопроса перед Георгием: что надлежит на закате солнца принять — пивка для рывка, водки для обводки, “Муската” для подката или всё-таки сухого для

подачи углового? Чаще всего на парапете у каменных скульптур откупоривались именно бутылочки сухого вина.

В компанию футболистов при Георгии я как-то легко вписался и стал в ней задерживаться и на час, и на два. А при всём том мне трудно было не обратить внимание на два обстоятельства.

Первое: Георгий абсолютно не умеет торговать. Публику, гуляющую по Площади, сильно тянуло к его вещам из камня. К ним подходили молодые парочки, одинокие юные барышни, зрелые дамы и солидные господа, их разглядывали мамы и папы с детьми. Но ни к кому из потенциальных покупателей Георгий не бросался с приятенно-приветливыми словами, никому с несказанной симпатией не заглядывал в глаза: чего изволите? Вот плоды моих трудов над камнем: хотите — берите, хотите — нет. Ну как при таком равнодушии к клиентам можно подвигнуть их на покупку?! Георгий, — заметил я себе, — торговец крайне бездарный.

Обстоятельство второе. Однажды бывшие футболисты приличную дозу сухонького смешали с портвейном и вдруг начался между ними разговор, совершенно далёкий от футбольных баталий.

— Приехал я, Георгий Сергеевич, прошлым летом из отпуска, прочитал жене твой стих:

*“Я проснулся — нет вина,
Да к тому ж в чужой постели.
Значит — точно с “бодуна”,
Значит — точно в Коктебеле”.*

И знаешь, Сергеич, недавно она его вспомнила и говорит: “Вот тебе вот, чтоб ты целый месяц один в Коктебеле тусовался и незнамо где просыпался. Даю тебе только неделю свободы”. Неделя прошла и завтра я ремжу к поезду в Феодосию встречать супругницу. Видишь, Георгий, как твой прикол на неё подействовал!

Защитник в прошлом киевского “Динамо”, завершив свой монолог, поднял стакан:

— Ну так за класс и мастерство!

Все дружно выпили. Но тема не закрылась. Нападающий, блиставший некогда в симферопольской “Таврии”, о том же, не о футболе, а о стихах так же речь повёл:

— А моей жене, Георгий, понравилось то, что ты нам читал за ужином в “Иксе” — про пляж, бабу и выпивку. Может, повторишь это сейчас?

Упрашивать себя Георгий не заставил и, всем налив, немедленно исполнил заявку бывшего труженика ног:

*“На берегу с горла-бокала
Мы пили крепкое вино,
А возле нас волна ласкала
Песчано-галечное дно.
К закату солнечного света,
Почуяв бодрости приток,
Стал говорить тебе ...про это,
Ты ж стала говорить про то,
Что я тебя совсем не знаю,
Что мало выпить-закусить,
Что мужу я не изменяю,
Что, надо, мол ещё купить.
Я взял ещё, и к ночи где-то
Вино даёт обратный ток:
Ты стала говорить ... про это,
Я ж ни про это, ни про то”.*

Весь футбольный люд улыбнулся. Я тоже. Кто-то хлопнул Георгия по плечу, молвив: “Ты пинешь — как играют в высшей лиге”. Кто-то возопил: “А про стакан, Сергеич, прочитать слабо?” Оказалось, не слабо.

Георгий повелел всем опрокинуть ранее им разлитый портвейн и запросто отозвался на очередную заявку:

*“Когда звучит призыв: “Налей”,
То утверждать я не устану:
Мне блеск гранёного стакана
Милей всех кубков королей.*

*Сольёмся, друг, ведь мы с тобой,
Пожалуй, братья — два сосуда,
И красочно живём, покуда
Полны лишь жидкостью хмельной”.*

На следующий вечер по дороге с теннисных кортов я, как и прежде, завернул на Площади Искусств к торговой точке Георгия на парапете. Он стоял в одиночестве. И проблесков жизни в нём было не намного больше, чем в его скульптурах из древних камней. “Так-так, — вмиг я

скумекал, — собратья-футболисты вчера после моего ухода от них явно бражничать не закончили и, похоже, гулеванили где-то всю ночь”.

Руку Георгию пожав, я поставил сумку с ракетками к его камням и, ни слова ему не говоря, запечатал свой шаг к ларьку напротив — за отменно холодной жидкостью хмельной.

Кружка пива Георгия далеко не одухотворила, но от мрака внутри вполне избавила. И когда неожиданно-негаданно к нему подплыла знакомая дама, он раскланялся с ней живо и весело. Дама — знойного возраста доцентша из Москвы — завтра намеревалась отбыть домой и перед отъездом решила попросить Георгия записать в её блокнот одно из читанных им ей на днях стихотворений.

Какие рифмы Георгия по нраву ухарям-футболистам, я уже знал. А интересно, чем он зацепил благомыслящую, судя про виду, учёную москвичку? Она позволила мне моё любопытство удовлетворить. Я заглянул в блокнот, где крупным ясным почерком Георгия было вписано аж целых двадцать строчек:

*“И не поверите, вчера, в начале мая,
Мне повстречалась знаменитая Даная!
Да, та Даная, что нагая в Эрмитаже,
Лежала в джинсовых штанах на диком пляже.
— Что-то знакомо мне, гляжу я, твоё тело,
Зачем, одета, на пляжу лежишь несмело?
— Да быть нагою сотни лет такая скука!
К тому ж, одной веками жить, поверьте — мука!
— Ну, одиночество твоё исправить можно,
Хотя охотников найти довольно сложно.
Ведь ты полна и маленького роста —
У нас ж стандарт: там 60, здесь 90.
Не знал, что ты за столько лет осталась девой,
Нарушить это можно только с “подогревом”.
Схожу-ка быстро за вином, возьму закуски,
Чтоб было всё чин-чинарём у нас, по-русски.
Я побежал назад, о камни спотыкаясь,
Такому случаю судьбы всё удивляясь.
Вернулся — на тебе, исчезла та Даная,
Лежит другая, малотрезвая, нагая...”*

У меня, крестьянина по корням, очень примитивный взгляд на всякого рода творчество: если те плоды души, ума или рук, которые искусствен-

но не навязываются через оглушительную рекламу, имеют спрос, значит, эти плоды хороши. Исходя из данной логики тогда, прошлогодним летом, я сам для себя заключил: раз стихи Георгия Мельника востребованы и футболистами с сильными ногами, и дамой-доцентом с крепкими отметинами интеллекта на лице, то он, Мельник, абсолютно бездарный торговец своими интересными публике скульптурами — талантлив как поэт.

Личный этот мой вывод лично меня ни к чему не обязывал: я, изготовитель заметок про политику и политиков, не читающий вообще лирических и эпических стихов и не включенный ни в какую литературную жизнь, не должен был письменно изрекать — каков поэт Георгий Мельник. И я бы ничего не изрёк, если бы не один также прошлогодний случай.

К Коктебеле есть уникальное заведение — кафе “Бубны”. Оно уникально тем, что в нём нет музыки. Везде, во всех кабаках, на всей набережной музыка грохочет, а в “Бубнах” — тишина. Туда народ приходит разговоры разговаривать и беседы беседовать. Среди посетителей “Бубнов” у меня полно как приятелей, так и приятельниц. И одна из них в день своего 25-летия пригласила меня в тихое кафе выпить за её красоту, здоровье и счастье.

В тот же день в литературно-музыкальном салоне Славы Ложко был вечер московского поэта-сатирика, секретаря правления Союза писателей России Юрия Лопусова. Его крутые политические эпиграммы мне по душе, его остроумно-комфортная личность мне симпатична и я, разумеется, завалился в салон, чтобы произвести ему свой читательский поклон.

На вечер Лопусова был звал и Георгий Мельник. Я оказался с ним за одним столом. Мы в меру выпили за дар Юрия Александровича, с ним вволю поговорили и с владельцем салона Ложко и, когда я вспомнил о приглашении на день рождения и о подарке для именинницы в кармане моей жилетки, было уже глубоко за полночь.

Не прийти и не поздравить милую приятельницу было бы бестактно, явиться на три часа позже — неэтикетно. Прикрыть своё опоздание я уговорил Георгия Сергеевича, и мы побрели в “Бубны” вместе.

Там за столом именинницы Ольги нашему взору предстала молодая и уже, выражаясь словами Георгия, изрядно “подогретая” компания. Меня в ней знали все и мне с моим спутником тотчас же нашли стулья и налили по стопке коньяку. Я не сел рядом с Георгием, а, подняв вверх руки, попросил внимания. Компания умолкла, именинница кивком головы меня на речь благословила.

Я сказал:

— Ольга, дорогая, со мной к тебе прибыл — Георгий Сергеевич Мельник. Он в парке Дома творчества писателей выделяет скульптуры из камня, мы там под вечер случайно встретились и к нам вдруг снизошёл голос свыше. Голос принадлежал писателю Александру Ивановичу Куприну. Он нам пролаголил:

— Вы, судари, нет слов, люди тёмные, но и вам известно, что я некогда написал повесть “Гранатовый браслет”. Замысливалась же она с иным названием. В ней не браслету надлежало фигурировать, а ожерелью. Тому самому ожерелью, которое в данный момент находится под самой высокой в парке туей и которое должно принадлежать любезной моему сердцу красавице Ольге, отмечающей сегодня день рождения. Поручаю вам забрать ожерелье и вручить Ольге.

— Место, где стоит самая высокая туя, — далее я поведал, — голос Куприна не назвал. Поэтому мы с Георгием с фонарём в руках обошли за полночи все-все туи в парке и разыскали-таки ожерелье. Вот оно, — достал я из кармана нить с гранёными камнями. — И нам остаётся исполнить лишь вторую часть предписания писателя — вручить.

Надев на шею именинницы гранатовое ожерелье от Куприна, я сорвал аплодисменты. Но на том не утомился:

— Мой товарищ Георгий, избранный знаменитым литератором вместе со мной для одарения Ольги, творит не только каменные скульптуры, но и стихи. И если именинница пожелает, а её гости попросят, то, я думаю, Георгий выдаст нам нечто очень интересное.

О чтении стихов по пути в “Бубны” мы не договаривались. Моя шальная инициатива застала Георгия врасплох. Он растерялся и смущённо залопотал, что, мол, и стихи у меня неважнецкие и читать-то я их не умею. Но народ на именинах, разогретый алкогольным хлебом, жаждал зрелищ. Георгия уломали. Он негромким и совсем не чарующим голосом стал декламировать:

*“О ты, пьянящая весна,
Ты, упоительное лето,
Для коктебельского поэта
Пора пленительного сна!
И осень — пьяница в плаще,
Зима — алкаш в потертой шапке,
Ах, если б мне ещё и “бабки”,
То я бы не трезвел вообще...”*

Сразу за “вообще” за столом полыхнул смех, а за ним аплодисменты — погуще, чем при вручении мной подарка имениннице. А потом раздались голоса: “Ещё!”

Следующее стихотворение Георгий преподнёс так же не выразительно:

*“Когда встречаюсь я с тобой,
То абсолютно моногамен,
И хоть топчите сапогами —
Я твой, я неизменно твой,
Когда встречаюсь я с тобой.*

*Но стоит выйти за порог,
Где верность держит свой экзамен,
Сомнений нет: я полигамен,
Всесилен чувственный порок,
Лишь стоит выйти за порог...”*

А за столом снова — смех и аплодисменты. Таким же образом встречено было и третье прочитанное Георгием стихотворение:

*“И как бы выглядело это,
Какими б их увидел свет,
Когда б Ромео и Джульетта
Прожили вместе десять лет?”*

*Да и не в солнечной Вероне
Средь верных слуг, в своём дворце,
А в общежитии-вагоне
На третьей станции в Ельце.*

*И как бы выглядело это?
Я вижу свой сюжетный ход:
Как наш Ромео пьёт с Джульеттой,
Но чаще без Джульетты пьёт”.*

Тёплый приём, оказанный Георгию в молодёжной компании, ничего не прибавил к ранее мной сделанному выводу: Мельник — поэт не без таланта. Но он, приём этот, открыл для меня факт вопиющей несправед-

ливости. Многие девушки и парни в конце того застолья на дне рождения в “Бубнах” подходили к Георгию и вопрошали:

— Где можно купить книги с вашими стихами?

Он разводил руками: нигде. Потенциальных читателей у Георгия Мельника — тьма, книги — ни одной. Почему? Наверное, втемяшилось мне в башку, потому что сам он на мизерную тренерскую зарплату свои книги напечатать не может, а издатели его поэтом не считают, ибо все им написанное на винно-амуральные темы — несерьёзно. Но на эти ж темы писал и Омар Хайям. Писал не для театра, не для великосветских приемов, не для эстрады и трибуны, а для тогдашних застолий в дружеском кругу. И его книги из века в век находят своих читателей. Георгий Мельник тоже пишет для застолий, для современных застолий и имеет в них успех. Так разве это не безобразие, что у него полно благодарных слушателей и нет читателей, кроме тех, кому он накорябывает свои стихи в блокноты шариковой ручкой?

Воротившись по осени из Коктебеля в Москву, я, невзирая на свой литературно хилый умишко, предпринял попытку хоть как восстановить справедливость в отношении Георгия Мельника: составил подборку его стихов и написал к ним предисловие — “Хайям из Коктебеля”. Газета “Завтра” то и другое напечатала и их публикация получила неожиданное продолжение. Мои московские друзья, доходы которых не столь скромны, как у меня, прочитав стихи с предисловием, надумали оплатить издание книги Георгия Мельника.

Тираж своего сборника “Коктебельский мотив” в тысячу экземпляров Георгий увёз из Москвы зимой 2002-го. А когда нынешним августом я прибыл под вулкан Кара Даг и, как и раньше, обнаружил Георгия с каменными скульптурами в центре набережной Коктебеля, он вручал испрашиваемый у него сборник только по великому благу. Почти тысяча “Коктебельских мотивов” ушла влёт. Причём весьма своеобразным образом: Георгий дарил сборник какому-то старому или новому знакомому, а за знакомым приходили десять его знакомых и тоже просили “Коктебельский мотив”.

Спрос на сборник не только обольстительностью стихов объясняется. Книгу Георгия Мельника за просто так, то есть за бесплатно, верстала на компьютере одна из московских почитательниц его талантов, Елена Александровна Колосовская, которая проиллюстрировала сборник снимками скульптур Георгия. Кому-то из возжелавших “Коктебельский мотив” хотелось иметь у себя стихи, кому-

то — фото каменных образов владельца. А чем он более публичен — поэзией или скульптурой — кто знает? Но мне совершенно очевидно одно: Георгий Мельник и как сочинитель неизменно вызывающих улыбку стихов, и как создатель оригинальных произведений из камня на рынке стоит немало. Но где те господа-товарищи, которые его старые и новые рифмы воплотят в многотиражные прибыльные книги и выбросят в продажу красочные репродукции его скульптур?

Нет их. Судьба художника в провинции плачевна, а Коктебель благодаря политике украинских властей из бывшего центра литературной жизни Советской империи превращается именно в провинцию — путёвки в Дом творчества, который в тридцатых годах подарил писателям России поэт Волошин, можно теперь получить только в хуторском Литфонде Украины. Георгий Мельник, мне так показалось минувшим летом, всё больше приходит к убеждению, что никакие его дарования никому не нужны и никем востребованы не будут.

Он всё ещё пишет озорные стихи:

*“В чаду хмельного бытия
Ты красотой меня пленила,
Но чтоб в любви признался я —
Всего бутылки не хватило”.*

Но в большинстве его новых стихов, которые он в минувшем августе читал мне и прочим сотоварищам по коктебельским застольям, сквозит жуткая безысходная тоска, подавляемая лишь жидкостью хмельной:

*“Нет, я без повода не пью.
Должна быть веская причина,
С принципиальностью мужчины
Свою позицию храню.*

*Но этих поводов, друг мой,
За день не счесть, вот беда,
И я порою чуть не плачу,
Когда ползу к себе домой”.*

Часть VI

ВИД НА СОСЕДЕЙ

Лукашенко: диктатор или либерал?

Три дня до и день после выборов президента я топал по городу-герою Минску. Вёл разговоры с человеком чиновным и рядовым. И к неожиданным для себя пришёл выводам.

В 93-м, когда я был в Минске в последний раз, там царила демократия. Предприятия еле дышали и сокращали кадры. На улицах шла торговля с рук шмотками и харчами. Крепкие парни шелестели пачками денег, предлагая менять белорусские “зайчики” на доллары и рубли. Каждый в городе-герое имел свободу — и свободу помереть с голода, и свободу промышлять на кусок хлеба любым способом.

Теперь же, уверяют наши либералы и западные, Беларусь — это полицейское государство. Нет в нём свободы ни экономической, ни политической. Есть жуть сплошная. И кое-что из сей жути я мог углядеть. Под вечер, накануне выборов, на главной минской площади перед Дворцом республики был назначен концерт звёзд эстрады. Концерт — не с агитацией в пользу одного из трёх кандидатов в президенты, а исключительно развлекательный. На площадь с разных концов города-героя стекались тысячи подростков — от 14 и старше. И тут власть совершила страшное безобразие. Она на целые три часа во всех разбросанных вокруг Дворца республики барах и кафе запретила продавать пиво и прочие алкогольные напитки. Произошло вопиющее нарушение права малолеток — наклюкаться под музыку. Ущемлены были и интересы питейно-едальных заведений центра: сколько пьянящих бутылей они могли сплавить нахлынувшим с окраин подросткам,

какую прибыль упустили?! В столице российского государства, которое большинство либералов всех наций не числит полицейским, такое, конечно же, немыслимо.

Вынуждены постоянно оглядываться на власть в Беларуси не только торговцы. Скажем, таксисты в Москве повезут тебя только тогда, когда ты соглашаешься на установленную ими сумму. В Минске же можно сесть на стоянке такси в машину, назвать адрес, и водитель, включив счетчик, доставит тебя, куда надо, и возьмёт столько, сколько натиало. Минские таксисты, как и московские, явно не прочь поторговаться с пассажирами, чтобы получить с них максимум возможного. Но торгуются редко. Опасаются жалоб во власть. В Москве — полная свобода обирания таксоклиентов, в Минске — далеко не полная.

Боязнь белорусского государства проглядывает и в самом деликатном бизнесе — проституточном. Ты возвращаешься ночью в гостиницу “Планета”, заходишь в бар выпить стопку, к тебе подсаживается мадам предзнойных лет, перекидывается словами о том о сём и затем пишет на салфетке: “Не хотите ли хорошего секса?” Ты качаешь головой: нет. Мадам встаёт, извиняется и уходит. И в остаток ночи ни она, ни её коллеги не позвонят к тебе в номер. А вот когда я был не так давно в славном российском городе Орле, то там в гостинице и у меня в номере, и в соседнем, у моего товарища, телефон до полуночи трещал, не умолкая: не желаете провести время в обществе прекрасной девушки из расчета 400 рублей за полчаса? При крутой российской демократии в Орле — всё можно, в Минске же навязывать постояльцам гостиниц секс-услуги, похоже, небезопасно. Было бы наоборот, то есть не имелось бы против того административных мер, то разве мирились бы минские мадамы с простым?

Наиболее же яркой иллюстраций клише “Беларусь — полицейское государство” является, вероятно, обилие на улицах Минска постовых милиционеров. Точнее, сотрудников ДПС — Дорожно-патрульной службы. Восемь лет назад, в пору расцвета демократии, постовые в Минске попадались на глаза не чаще, чем ныне в любом российском городе. Но тогда машин в белорусской столице было раз в десять меньше. А улицы в ней огромны по ширине: каждая почти такая, как Садовое кольцо в Москве. Подземных же переходов в Минске — раз, два и обчёлся. И вот власти белорусские, дабы их не беспокоили сообщениями об авариях, на всех оживлённых перекрёстках поставили милиционеров с жезлами и свистками. В результате вышло массовое насилие над народом. Милиционеры машут жезлами, свистят и издева-

ются, и издеваются над жителями и гостями Минска, заставляя их переходить улицы строго по правилам дорожного движения.

Слов нет: белорусская власть отличается от российской. Она административно жёстче. Но совсем ненамного. Главное же различие между двумя властями совершенно в ином: режим Лукашенко не только более лояльно относится к своим потенциальным политическим и идеологическим противникам, чем режим Путина, но и покровительствует им. За Путиным такого покровительства не значится, у Лукашенко оно — налицо. И это было для меня крайне неожиданно.

Я знал до нынешнего приезда в Минск: в Беларуси транслируются все российские телеканалы и распространяются все российские же газеты, которые третируют лично Лукашенко и представляют его правление как напасть для республики. Лукашенко, я кумекал, вполне возможно, и хотел бы поставить преграды перед валом валящей из Москвы словесной грязи. Но как можно развивать сотрудничество народа Беларуси с народом России, отгородившись от российского телевидения и газет?

Прессу российскую в Беларуси Лукашенко вынужден терпеть и вынужден взаимодействовать с ней на её условиях. Но с белорусскими борзописцами, словотворцами и прочими богемцами он может и должен строить отношения на условиях своих. Так я предполагал. И напрочь ошибся.

В купе поезда Москва-Минск мне довелось ехать вместе с неким московским издателем. У него был в своё время интерес в Союзе писателей Беларуси. И вот он рассказывает: “Прихожу я минувшей весной в правление СП. Одиннадцать часов. Никого из ответственных лиц в кабинетах нет. Пошёл погулять. Пообедал. Заявляюсь часа через два. Ответлица на местах. Но все уже выпивши и все ругают президента Лукашенко”.

Можно ли верить всему сказанному — я не уверен. Моего собеседника могли под крышей СП неласково принять и ему могло показаться, что все там выпивши. Но то, что он встретил в писательском доме поносящих Лукашенко, не выглядит нереальным.

Вот строки из статьи Нила Гилевича, народного поэта Беларуси, заслуженного деятеля науки и профессора: “В середине 90-х годов узурпировавшие власть реакционные имперско-шовинистические силы взяли курс на ликвидацию суверенной независимой Республики Беларусь, на создание якобы очень желанного для обоих народов единого союзного государства. Всем сразу же стало понятно, что это будет

обычная инкорпорация — поглощение небольшого государства большим. Голосу возмущения и протеста демократической общественности Беларуси против этого злодеяния правящий режим не внимлет. Напротив, видя, что и в экономической, и во внешней политике он зашёл в тупик, ускоренно ищет спасения в сдаче белорусского государства России”.

Как следует из слов Гилевича, Лукашенко, во-первых, реакционный узурпатор, во-вторых, он, совершая злодеяние, не внимлет голосу протеста демократической общественности, в-третьих, он завёл Беларусь в тупик в экономической и во внешней политике.

Для народного поэта Беларуси Гилевича президент Лукашенко нехорош всем и вся. Немало маститых поэтов и писателей России не приемлет всю политику Путина. Но Путин, а точнее, его министр культуры Швыдкой дотирует только лояльные к власти литературно-художественные журналы, в которых могут печататься только лояльные к власти литераторы. В Беларуси же государство не дотирует, а содержит все журналы. И в каждом из них может публиковаться и Нил Гилевич, и все литераторы — его единомышленники.

Писатель Василь Быков живёт сейчас в Германии. Он считает себя таким лютым врагом режима Лукашенко, которого сей режим обязательно должен уничтожить физически. Но сколько лет Быков укрывается за границей, проклиная там нынешнюю белорусскую власть, столько лет — из года в год — в Беларуси издаются его книги. Разумеется, с выплатой авторского гонорара. А вот за огромную четырёхкомнатную квартиру в Минске власть с Быкова не берёт ни копейки — он, как и другие Герои Социалистического Труда в Беларуси, освобождён от квартплаты.

И, наконец, последнее о творцах слова и белорусской власти. В аппарате Союза писателей 150-миллионной России — 25 человек, в аппарате Союза писателей 10-миллионной Беларуси — 27 человек. Но российский Союз — на самофинансировании: что руководство писателей из разных источников раздобыло, то аппарату и выплатило. Расходы же СП Беларуси полностью оплачиваются из госбюджета республики. Но это вождей белорусского Союза не удерживает от того, чтобы пнуть режим Лукашенко острым писательским словом.

На второе утро в Минске я познакомился за кофе в баре гостиницы с деятелем из “Беларусьфильма”, который дожидался кого-то из миссии европейских наблюдателей. От него я узнал: белорусская киностудия живёт и здравствует. Сейчас на ней делаются четыре художе-

ственных фильма. Содержит студию государство, но в творческий процесс — что и как снимать — оно почти не вмешивается. Тем не менее, толковавший со мной сотрудник “Беларусьфильма” не только не собирался голосовать за действующего президента, обеспечившего дееспособность студии, но и готов был всё сделать, дабы его не переизбрали. Неприязнь к Лукашенко, сказал он, испытывают многие его коллеги из “Беларусьфильма”. Я спросил: “Почему?” Ответ был таков: “Да он же — колхозник!”

Писатель Солженицын, встретившись после войны с маршалом Коневым, презрительно написал о нём: “Колхозный бригадир!” Если бы военачальник Конев не выиграл все свои сражения в Великой Отечественной, а большую часть из них проиграл, но выглядел бы профессором, то в этом случае он бы Солженицыну понравился. Душа художника капризна. Лукашенко выиграл битву за спасение белорусской экономики, дал тем самым шанс выжить всей интеллигенции, но далеко не у всей заслужил любовь. И что поразительно: как глава государства, Лукашенко за счёт государства позволяет не бедствовать всем, кто его не прочь стереть в порошок. Где на просторах СНГ найдешь ещё такого либерального президента?

Второй поразивший меня факт — засилье в Минске иностранных товаров. На его улицах — тьма автомобилей западных фирм. Иностранные продукты и напитки — во всех супермаркетах и на ларьках центра. У европейских шмоточных фирм — свои магазины. Но и это не всё.

С моим минским товарищем-коллегой Евгением Ростиковым мы зашли пообедать в ресторан у Дома правительства. Подчёркиваю: у Дома правительства. И вот оказалось: водка в ресторане — белорусская, а минеральную воду нам принесли французскую. Ростиков стал скандалить: хочу пить свою замечательную отечественную минералку. Официантка развела руками: таковой не водится. Цена иноземной воды была такой же, как водки, — в пересчёте на пол-литра. Но потреблять её пришлось. Принудительно.

После обеда я двинул в сторону гостиницы. По пути завернул в ресторан “Акрополь”. Попросил кружку пива. Предложили только иностранную “Корону”. В кафе “Блюз” через улицу торговали лишь пивом “Туборг”.

Продавцам ходовых западных товаров вряд ли в Минске менее комфортно, чем в других столицах СНГ. Но все лидеры республик Содружества — свои на Западе, а Лукашенко там — чуть ли не злодей. Как это объяснить?

V В Беларуси населения в 4 раза меньше, чем на Украине, но белорусские строители за полгода сдают столько жилья, сколько украинские за год. В Киеве самый крупный налогоплательщик — пивзавод “Оболонь”. Некогда же знаменитая высокоточная индустрия украинской столицы либо дуба дала, либо на ладан дышит. А в Минске, как и в прочих белорусских городах, — гиганты индустрии не просто уцелели. Минский тракторный выпускает десятки новых моделей тракторов. Спрос на белорусские телевизоры “Горизонт” превышает предложение. Продолжают сходить с конвейеров “МАЗы” и “БЕЛАЗы”. Начали производить в Белоруссии троллейбусы и автобусы. Изготовлено там и пять опытных образцов трамваев.

Внешний долг Республики Молдова, все бывшие президенты которой и нынешний — в законе на Западе, приближается к трём миллиардам долларов. Каждый третий трудоспособный молдавский гражданин вынужден искать работу за пределами республики. В Беларуси же золотой запас вот-вот составит 15 тонн, а валютный резерв — полмиллиарда долларов. Желающие переехать на жительство в белорусские города есть во всем СНГ.

Руководители Украины и Молдовы согласились исполнять установки Запада по реформированию экономики и получили за это кредиты. Кредиты были быстро проедены и разворованы, установки точь-в-точь выполнены, и в промышленных отраслях обеих республик образовалось пепелище.

Белорусский же лидер Лукашенко не пошёл с поклоном на Запад за кредитами, но и не стал следовать западным рецептам реформ. В Беларуси приватизированы только сфера обслуживания и мелкие предприятия, а все основные фонды крупного производства остались в собственности государства. Модернизировать же экономику решено было за счёт внутренних резервов.

Если бы этот путь развития страны был выбран не Лукашенко, а, скажем, каким-то Сидоренко, то и он бы в данном случае вне зависимости от своих идейных позиций вынужден был бы повернуться лицом к России и искать с ней союза, ибо в России поставщики необходимых Беларуси энергоносителей и комплектующих, там же и основные рынки сбыта белорусских товаров.

Все последние годы Запад через своих агентов влияния в Беларуси и через прозападную российскую прессу вёл войну с Лукашенко не потому, что он строил полицейское государство и попирал демократию. Диктатор ли президент Беларуси или либерал патриотического толка —

вопрос спорный. Причина этой войны в ином. Запад бил по Лукашенко за то, что он упорно, без отклонений, вёл Беларусь тем курсом, который объективно толкал её к союзу с Россией.

Этот союз взаимовыгоден — от него экономически выигрывают обе республики. Успех союза укрепляет мощь России, увеличивает её шансы на обретение вновь статуса великой державы и на новое объединение вокруг себя ныне суверенных государств СНГ. Стало быть, удары по Лукашенко — это попытка Запада в зародыше ликвидировать возможность возрождения Великой России.

На сей раз попытка провалилась. Семь лет Запад конструировал оппозицию Лукашенко, угрожал на это уйму сил и денег. Но оппозиция оказалась бездарной и вороватой. 15 процентов голосов, которые получил на выборах основной конкурент Лукашенко, кандидат от объединённой оппозиции Гончарик, — это свидетельствует и об отсутствии мозгов в оппозиции, и о растаскивании десятков миллионов долларов на личные нужды функционеров.

Вечером 9 сентября, сразу после окончания голосования на президентских выборах, оппозиция получила разрешение на митинг у Дворца Республики. Там её лидеры должны были заявить: выборы фальсифицированы, Гончарик набрал почти столько же, сколько Лукашенко, и должен быть второй тур — все остаёмся на площади на ночь, блокируем структуры власти и потребуем второго тура.

Так было задумано. Но к полуночи, когда стало ясно, что у Лукашенко будет свыше двух третей голосов, на площади из целой тысячи стоявших там юнцов осталось всего две-три сотни. Деньги у оппозиции кончились, а бесплатно орать и свистеть в дармовые свистки охотников было негусто.

За президентскими выборами в Беларуси надзирали 20 тысяч наблюдателей со всего света. Претензии некоторых миссий умещаются на десятках страниц. Но ни одна из претензий не перечёркивает факт: победа Лукашенко — это результат волеизъявления граждан Беларуси, а не махинаций её избиркомов.

Запад теперь перед выбором: либо начинать возвращать новую оппозицию, либо безоговорочно признать выборы и взяться обхаживать Лукашенко — с тем, чтобы, заключив его в объятия, увести от союза с Россией. Так на что будет сделана ставка?

Глава 2

Сон о монументе на Востоке

Если историческая справедливость когда-нибудь восторжествует в Средней Азии, то главным памятником в её городах должен стать памятник Советской власти. Все эмиры и ханы за столетия не сделали для таджиков и узбеков, туркмен, казахов и киргизов столько блага, сколько вожди СССР за восемьдесят лет. Памятник Советской власти в Ашхабаде, Бишкеке, Душанбе, Астане и Ташкенте должен при торжестве справедливости выражать и поклон России, ибо за её счёт среднеазиатские народы успешно перешагнули из средневековья в постиндустриальную эпоху.

В первое десятилетие после образования СССР Украина формировала из собственных средств 40 процентов своего бюджета, остальные — менее 20. Стало быть, вся жизнедеятельность республик в Средней Азии оплачивалась Российской Федерацией. Так было и в двадцатые, и в тридцатые годы. Но тогда Россия тратилась прежде всего именно на поддержание жизнедеятельности этих республик, а не на их развитие.

Сталин, как известно, желал видеть новое Советское государство унитарным, где все многочисленные народы имеют только национально-культурную автономию. Но Ленин и его нацменьшинская гвардия заставили Сталина поступиться принципами. Новорождённое государство было построено по национально-государственной модели: каждому крупному народу — по своей республике. Сталин, став после смерти Ленина первым лицом в СССР, эту модель принял, но, не изменяя её формы, изменил её суть: де-юре все республики оставались суверенными, де-факто — беспрекословно подчинялись союзному Центру через жёсткую партийную вертикаль, подмявшую под себя все государственные органы.

После революции 1917-го в Средней Азии была провозглашена республика — одна для всех народов — Туркестанская Автономная Советская Социалистическая в составе РСФСР. В 1924-м Сталин выделил из ТАССР две республики с союзным статусом — Туркменскую и Узбекскую. Таджикикам в том же году была дадена автономия в Узбекской ССР, киргизам и казахам чуть позже — автономия в Российской Федерации. Собственную союзную республику таджики получили в 1929-м, а киргизы и казахи — в 1936-м. За двенадцать лет своего правления Сталин произвёл национальное размежевание среднеазиатских народов и каждого из них одарил государственной крышей. То и другое делалось главным образом для того, чтобы обеспечить полную и чёткую управляемость Средней Азией: есть народ — у него должна быть своя территория, своя бюрократия, которая всем обязана Сталину и всегда готова выполнять его установки в руководстве соплеменниками.

Помимо возможности национального самоопределения на государственном уровне среднеазиатские народы в двадцатые-тридцатые годы получили шанс и на широкий доступ к образованию. Значительных же перемен в экономике их республик в эти годы не случилось. Первые сталинские пятилетки — это ГЭС на Днестре и Магнитка на Урале, это — Комсомольск-на-Амуре, это — заводы-гиганты в Горьком, Сталинграде и Харькове, это — модернизация индустрии в Питере-Ленинграде и масштабное промышленное строительство в Москве. В Среднюю Азию капиталовложения, конечно, тоже шли. Но в скромных для союзного бюджета размерах. Всё изменилось с началом Великой Отечественной войны.

С территорий России, Украины и Белоруссии, которые оказывались под угрозой немецкой оккупации, в среднеазиатские республики эвакуировались люди и материальные ценности — оборудование предприятий в том числе. Так началась внеплановая индустриализация Средней Азии. По завершению войны надо было в первую очередь восстанавливать разрушенные русские, украинские и белорусские города. Но эта задача не поставила крест на среднеазиатской индустриализации. Она не просто продолжилась, а с каждым новой пятилеткой стала набирать всё большие обороты.

За 40 лет — с 1940-го по 1980-й — объём промышленной продукции в Туркмении увеличился в 12 раз, в Узбекистане в 15, в Таджикистане — в 16, в Казахстане в 30, в Киргизии — в 33 раза. Рост производства, как мы видим, внушителен везде, и если в Узбеки-

стане он в два раза меньше, чем в Казахстане, то это свидетельствует о разнице не в динамике развития их экономик, а в стартовых позициях. В старинных городах Узбекистана какая-никакая промышленность к 1940-му имела место быть, в степях Казахстана она вообще отсутствовала. Как и в горах Киргизии.

Абсолютное большинство предприятий в послевоенное время Советская власть создавала заново и фактически на голом месте. Так что она оставила в наследство ныне суверенным правителям Средней Азии? Перво-наперво — энерговооружённость.

Взглянем на промышленную карту Таджикистана эпохи так называемого брежневского застоя. Вот Варзобские ГЭС, вот Кайракумская, Головная и Нурекская. На карте Киргизии — каскад Аламединских ГЭС, Учкуганская и Токтогульская. На карте Узбекистана — Фархадская и Чарвакская ГЭС и Навойская и Сырдарьинская ГРЭС. Казахстан к 1980-му имел ГЭС на Иртыше и ТЭС в Караганде и Чимкенте. На карте Туркменистана крупных энергообъектов не углядет, но он производил электричества на 5,7 миллиардов КВт — на миллиард всего меньше, чем Таджикистан.

В Туркменистане разведаны и освоены газовые и нефтяные месторождения, в Казахстане также добывалась нефть на Мангышлаке, плавилась цветные, редкие и чёрные металлы, производились хромиты, марганцовые руды и фосфориты. Киргизия выдавала ртуть, сурьму и полиметаллические руды. Узбекистан известен был химволокнами, пластмассами, минеральными удобрениями и золотодобычей. Таджикистан обзавёлся и рудно-металлургической промышленностью, и хлопчатобумажной.

Во всех почти среднеазиатских республиках бурно развивались традиционные для их народов производства — ковроткачество, хлопкоочистка, изготовление шёлка. Прописалась в городах Средней Азии и металлообрабатывающая индустрия. Например, машиностроение.

Рост производства в сельском хозяйстве республик в выше названные 40 лет не был таким впечатляющим, как в промышленности. Но он был. В Киргизии и Узбекистане валовой объём сельхозпродукции увеличился в 3 раза, в Туркмении и Таджикистане — в 4, в Казахстане — в 6,5 раза. За послевоенные годы в Средней Азии были построены десятки водоканалов, водохранилищ и сотни оросительных систем. В Киргизии, скажем, орошались почти две трети всех земель сельхозназначения. Из-за доступа к воде в предыдущие столетия в Средней Азии нередко разгорались кровавые битвы. Но минуло

чуть больше полвека при Советской власти — и воды стало хватать всем, кто работал на земле.

В каждой из среднеазиатских республик были открыты высшие учебные заведения. Туркмения с её трёхмиллионным населением имела 6 вузов, Узбекистан — 43, Казахстан — 49. На каждую 1000 человек, занятых в народном хозяйстве республик Средней Азии приходилось от 600 до 800 специалистов с высшим и средним образованием.

На территории Казахстана находилась главная космическая база СССР — космодром Байконур. Полёты с него чудо-кораблей являлись своего рода символами для Средней Азии. Символами того, что она вступила в совершенно новую для неё эру. Узбекский дехканин с мотыгой, таджикский ремесленник за гончарным кругом, казахские и киргизские кочевники, предки которых никогда не знали грамоты в начале XX века и представить себе не могли, что минует всего несколько десятилетий — и на их землях произойдут удивительные перемены.

За строительство в Средней Азии могучих гидроэлектростанций и огромных заводов, за прокладку водоканалов и установку систем орошения, за возможность для внука неграмотного кочевника обучаться в первоклассно оборудованном вузе надо было платить. Кто нёс основное бремя расходов на обустройство среднеазиатских республик?

В середине 70-х ЦК КПСС принял постановление о развитии российского Нечерноземья. Тогда в прессе впервые заговорили о том, что в центре Советского государства возникла целина — старинные русские земли пришли в запустение. После выхода постановления ЦК области Нечерноземья кое-что получили. Но капитальные вложения в её агропромышленный комплекс не шли ни в какое сравнение с тем, что было вложено в среднеазиатское сельское хозяйство. Его потенциал до конца Советской власти был выше.

Промышленные предприятия в Средней Азии возводились и запускались в основном русскими специалистами. Они ехали под жаркое солнце Востока со всей России. Ехали потому, что в русских городах не было того масштаба развития индустрии, какой был, скажем, в Казахстане или Таджикистане. Почему деньги из союзного бюджета, которые зарабатывала вся страна, советские вожди столь щедро направляли в республики Средней Азии?

Народы этих республик в Великую Отечественную доказали свою лояльность и верность Советскому государству. Доказали радушием в приёме беженцев с оккупированных территорий, отвагой на фронтах и доблестным трудом во имя Победы. Стабильность социально-полити-

ческой обстановки в Средней Азии и её природные богатства — это важный фактор расположения к ней советских лидеров. Но он не единственный и не главный.

В руководстве СССР после смерти Сталина верх взяли романтики. Они провозгласили скорое пришествие коммунизма в своей стране, они дармовыми подачками диким режимам в Африке намеревались превратить их в режимы цивилизованно-социалистические, они свято верили в вечное братство со странами европейского соцлагеря. Средняя Азия для вождей хрущёвско-брежневской поры была своего рода полигоном, на котором они хотели сказку сделать былью. А именно: республики со средневековым укладом жизни перетащить в современную европейскую, по сути, цивилизацию.

Преобразовать экономику Средней Азии за счёт ущемления прежде всего интересов России советским вождям удалось. Эксперимент же по братанию азиатских народов с русским в едином новом укладе провалился. После распада СССР русские побежали из Средней Азии и бегут до сих пор. Правители же республик при каждом удобном случае показывают России фигу и ищут милости Запада. Но навсегда ли похоронен наш союз со Средней Азией?

Мы вместе хорошо и дружно жили. И из памяти таджиков и туркмен, узбеков, казахов и киргизов вряд ли окончательно можно вычеркнуть — кто и как помог им создать современную экономику, которая, утратив при параде суверенитетов способность к развитию, всё ещё худо-бедно их поит и кормит.

Глава 3

Опыт третьего пути

Современный Иран для русских — неизвестная страна. Не придворного Лившица, а Иванова с Петровым спросим об укладе жизни в Иране, о его политике — внутренней и внешней, об отношении иранского народа к русскому, о потенциале сотрудничества Ирана и России.

И что они скажут? Почти ничего или нечто, от действительности весьма далёкое.

Иран — наш сосед: вот — устье Волги, вот через Каспий — иранская граница. По территории Иран больше Франции, Германии, Великобритании и Италии, вместе взятых. У Ирана тьма природных богатств. Но мы точно знаем о нём приблизительно столько же, сколько о крохотном африканском королевстве Свазиленд или карликовой европейской Андорре.

На исходе XX века Иран выпал из русского информационного поля. Такого не было ни в пору персидских походов Стеньки Разина, ни во времена Ермолова и Грибоедова, не было такого ни при последних российских царях, ни при первых советских вождях.

До 1917 года в Иране находился русский воинский корпус. Русский капитал имел там концессии. Русские чиновники всем при шахском дворе не заправляли, но нередко меняли иранских министров по своему усмотрению. Географически близкий к Российской империи, Иран был близок ей и экономически, и политически.

Смута в России оборвала все прежние русско-иранские связи. Пока у нас шла гражданская война, в Иране резко возросло влияние Англии. И по договору 1921 года РСФСР отказалась и от военного

присутствия в Иране, и от концессий, и от права на имущество, принадлежавшее Российской империи и её подданным.

Англии не удалось установить свой протекторат над Ираном. Он сохранил суверенитет и во враждебное СССР государство не превратился. Советско-иранские отношения в 20-30-е годы остались добрососедскими. И в августе 41-го, оказавшись под угрозой германского вторжения, Иран согласился на введение на его территорию не только английских войск, но и частей нашей Красной Армии. В 42-м, когда через Иран хлынул в СССР поток грузов по ленд-лизу, туда под предлогом защиты коммуникаций был введён и воинский контингент США.

По окончании Второй мировой войны все иностранные войска покинули Иран, но он в последующие двадцать лет не перестал быть ареной противоборства советских и американских интересов.

Шах Мухаммед Рези Пехлеви, возведённый на иранский престол в 41-м, политически ориентировался на США. Референтом шаха с чрезвычайными финансово-экономическими полномочиями был американец. Иранскую жандармерию возглавлял также американец. Иран закупал американскую военную технику, и в его армии служили 18 тысяч американских советников. Но вместе с тем шах не чурался сотрудничества с СССР, прежде всего технического. При содействии советских специалистов в Иране строились металлургический комбинат, машиностроительный завод, газопровод и гидрокомплекс. Во время визита шаха в Москву в ноябре 74-го было достигнуто соглашение о совместном строительстве ряда крупных объектов в Иране и СССР, а годом позже был подписан договор о поставке иранского газа в западную Европу через советскую территорию.

Таким образом, режим шаха Пехлеви в "холодной войне" между СССР и США как бы сохранял нейтралитет. Но этот нейтралитет был явно в пользу Америки. С СССР Иран вёл выгодные для него дела, под диктовку США жил. Жил так, как это было выгодно Америке. Советские вожди, разумеется, хотели, чтобы всё обстояло наоборот. Советские спецслужбы работали над тем, чтобы политику в Иране поменять. И шансы на то у них, казалось, были.

Иранские реформы, начавшиеся в 60-х, точь-в-точь напоминали российские реформы 90-х, и так же, как у нас, привели к расколу общества. Одни купались в роскоши, другие голодали. Богатых было жалкое меньшинство, бедных — подавляющее большинство. Недовольство властью в стране нарастало из года в год. А поскольку оно по характеру было прежде всего социальным, то возглавить вроде бы

его должны были “левые” — прокоммунистические, просоветские силы. Но когда в конце 78-го — начале 79-го народное недовольство прорвалось на улицы Тегерана и других иранских городов, то оказалось, что тысячные толпы, которые, оставляя горы трупов, шли на штурм бастионов власти, готовы внимать только тому, кто говорил: “Америка хуже Англии, Англия хуже Советского Союза, и Советы хуже обеих! Но сейчас вся мерзость воплотилась в Америке. Пусть президент США знает, что наш народ ненавидит его больше всех. Все наши беды исходят из Америки, от Израиля, что рядом, и Израиля, что в Америке”.

Слова эти принадлежали лидеру иранского духовенства — имаму Хомейни. Он в 65-м был выслан из Ирана, но тексты его обращений из изгнания страна слушала в мечетях почти полтора десятка лет. И когда в 79-м Хомейни ступил на родную землю, его встречали от 4 до 6 миллионов человек.

Иранская революция была антиамериканской, антикапиталистической. Но она не была и социалистической. А какой?

Как только в Иране приступили к созданию нового послереволюционного государства, Хомейни провозгласил: “Вся нация — начальники и подчинённые, сотрудники учреждений и торговцы, религиозные деятели и студенты, работодатели и рабочие — все будут братьями и равноправными. Совершенно очевидно, что между ними будет господствовать братство, не будет существовать конфликтов по поводу постов, рангов, богатства и т. п.; имущество всех и каждого будет чистосердечно предоставлено в распоряжение всех и каждого”.

Хомейни предложил стране выбрать третий путь — не капиталистический и не социалистический. А именно: предложил построить общество на основе мусульманской этики, уважения личности и праведно нажитой собственности. В этом обществе не должно быть пропасти между доходами богатого меньшинства и бедного большинства, и каждый гражданин в нём должен иметь возможность для умеренно-разумного удовлетворения своих материальных потребностей.

Иран принял идеи Хомейни. Исламская республика состоялась. Это означало конец всего бывшего диктата Америки над иранской жизнью. Это же закрывало и пути для влияния на Иран атеистического Советского Союза. Но поскольку Исламская революция, не дав никакого выигрыша СССР, ударила по США, то советская пропаганда, в отличие от американской, рассказывала о ней без злопыхательства. События в Иране преподносились у нас либо в нейтральном тоне, либо в слегка ироничном: вот такая экзотическая революция, вот какой утопический проект общества её лидеры пытаются осуществить.

Факт рождения Исламской Республики в Иране не укладывался в привычные схемы марксизма-ленинизма и трактовать его советскому Агитпропу было трудно. Но можно. Невозможным оказалось объяснить: почему не предсказанное Марксом и Лениным для современной эпохи религиозное государство не рассыпалось ни за год, ни за пять лет? Почему это государство, распустив прежнюю шахскую армию и только-только начав создавать свою, устояло в полномасштабной войне с Ираком, регулярная армия которого имела и первоклассное советское оружие, и опытных военных советников из СССР?

Лучший способ уйти от ответов на идеологически крамольные вопросы — исключить их появление. И советский Агитпроп в 80-е годы просто-напросто свёл информацию о происходящем в Иране к минимуму: нам эта страна не любопытна.

После крушения СССР в 91-м пропагандистская машина в России стала совершенно иной. Но количество информации об Исламской Республике Иран у нас отнюдь не изменилось.

Новый российский Агитпроп должен был доказать нам: надо забыть о проклятом советском прошлом, и жизнь строить, как на цивилизованном Западе. В рамках этой доктрины журналистам-международникам следовало демонстрировать достижения и ценности США, Израиля, капстран Европы и изображать прозябание бывших союзников СССР — Кубы, Ирака и Северной Кореи. Не возбранялось им при всём том писать и говорить скупые добрые слова о Китае, медленно, но успешно трансформирующем свою социалистическую экономику в капиталистическую, и некоторых арабских странах, чьи интересы прочно интегрированы с Западом. Иран же в доктрину российского Агитпропа не вменялся, ибо, во-первых, в нём не пахло коммунизмом, которым можно было пострадать гражданам России, а, во-вторых, Иран отвергал все те идеи и тот образ жизни Запада, которые нам надо было привить. Так чего ради туда посылать журналистов из России?

До сего дня ни ОРТ, ни РТР, ни НТВ, ни ТВЦ не открыли своих корпунктов в Иране. Нет там и российских радиожурналистов и газетчиков — ни из государственных, ни из частных изданий.

Наше представление об Иране формируется на основе переведённых на русский сообщений западных СМИ и сводится оно к следующему:

— Исламская республика Иран — это страна, где насаждаются средневековые нравы и обычаи, несовместимые с правами и свободами личности;

— Иран — это полицейское государство, где царит полнейший произвол исламского духовенства;

— Иран — это общество, где вынашиваются планы международного терроризма в целях насильственного распространения религиозного экстремизма.

Что в этих постулатах — правда, что — ложь?

Я был в Иране всего неделю. Наблюдал то, что может наблюдать обыкновенный турист, имел короткие беседы с коллегами-журналистами и с некоторыми чиновниками. Всего этого явно недостаточно, чтобы понять происходящее в стране. И я могу высказать лишь свои личные впечатления от увиденного и услышанного.

Иранская столица Тегеран — сплошной хаос. Но хаос удивительно самоуправляемый.

В жутком потоке транспорта на тегеранских улицах водители, наверное, меньше всего помнят о правилах дорожного движения. Авто, мопеды и мотоциклы прут на “красный”, мчат по встречной полосе, заруливают налево с правого ряда и наоборот. Гудят клаксоны, скрипят тормоза. Но аварий я не видел ни в час пик, ни в обычное время.

Инспекторы дорожного движения в столице Ирана есть. Но их за целый день езды по городу иногда лишь можно обнаружить. Движение на улицах Тегерана регулирует доброжелательность водителей друг к другу: первым уступает тот, кто может уступить, и все благополучно разъезжаются.

Чистейший хаос царит и в тегеранской торговле. Купить товар в магазине тебе предложат по одной цене, а продать могут — по другой, на треть меньше. Нет у тебя иранских реалов — возьмут за покупку доллары. Не оказалось в магазине изделия нужного тебе размера — посиди, попей чаю, через десять-пятнадцать минут откуда-то доставят то, что нужно. Представителей надзирающих за торговлей инстанций ищи — и днем с огнём не найдёшь.

Людей с автоматами я за неделю видел дважды — у российского посольства и у музея драгоценностей Ирана, безоружную полицию один раз — на пятничной молитве на площади Имама Хомейни в г. Исфахане. Улицы тегеранских городов не патрулируются, полицейских постов нет ни у аэропортов, ни у станций метро. Но иностранец в двенадцатимиллионном Тегеране может чувствовать себя в полной безопасности. Выходи среди ночи из гостиницы, останавливай первую попавшуюся машину, давай один доллар — и тебя без всяких проблем отвезут, куда скажешь. Приходи днем в парк или в сквер около драмтеатра, пей “Колу” и отдыхай — никто тебя не потревожит. Загляни вечером в чайхану, закажи кальян с ароматизированным

табаком и, покуривая, спокойно беседуй с соседями по столу на любую тему.

Запретных политических тем для разговора у иранцев, похоже, нет. Вот ты садишься в машину, чтобы с улицы Фирдоуси доехать до улицы Фатими, и шофёр, узнав, что ты из России, и догадываясь, что ты, наверное, видел повсюду портреты лидера революции и основателя Исламской республики имама Хомейни, молвит тебе на ломаном английском: "Шах — хорошо, Хомейни — плохо. Народ любил шаха". Ты спрашиваешь шофёра: "Что же тогда народ дал пинка шаху?" Шофёр крутит пальцем у виска: народ не понимал, что делал. Когда же ты задаёшь шоферу вопрос: "А что хорошего было при шахе?", его глаза загораются: "Водка — один доллар, виски — пять, леди не носили чёрных шалей".

Твоему собеседнику в чайхане — профессору и доктору наук, конечно же, известно, что в Конституции Ирана ставится задача достичь единства всего исламского мира. Но ты слышишь от него: "Арабы — мусульмане. Но они — дикие люди. Иранец по уровню культуры отличается от араба, как русский от чукчи. Дружить нам с арабами трудно ещё и потому, что для нас, иранцев, главное — душа, а для них — живот, сиюминутная выгода".

И шофёр — любитель погулеванить, и профессор-националист говорят тебе то, что расходится с официальной государственной идеологией. Но они говорят это незнакомцу — иностранцу, несколько не опасаясь неприятностей за своё инакомыслие. Иметь собственное мнение в Иране, судя по всему, не страшно. Не страшно, вероятно, потому, что там нет системы внешних ограничений личной жизни граждан. Своеобразие иранского общества держится на неких внутренних табу, которые большинством граждан приняты-одобренны и которые это большинство не считают нужным преступать.

В Иране запрещена продажа алкоголя. И предложения купить бутылочку спиртного нелегально я не получил в Тегеране и Исфахане ни от торговцев, по несколько лет обитавших на московских рынках, ни от таксистов, никогда не бывавших в России, ни от студентов, ни от зрелых мужей, с которыми толковал в чайханах и на улицах.

У женщин в Иране — такое же избирательное право, как и у мужчин. Студенток в иранских вузах не меньше, чем студентов. В редакциях государственных и частных СМИ в Тегеране женщин примерно столько же, сколько и мужчин. Но нельзя увидеть в иранских городах женщину с непокрытой головой и с обнажёнными руками и

ногами. Не увидеть там и женщин, без сопровождения мужчины проходящих в чайхану и обнимающихся-целующихся со своими спутниками. Но не увидеть там и женщин, которым бы делались внушения за отступление от принятых норм поведения. Нормы эти исполняются как нечто само собой разумеющееся.

При последнем шахе в Иране полно было публичных домов и казино. Теперь их нет. И тоскующих по сим заведениям мне встретить не удалось.

Введение запретов на алкоголь, бытовую фривольность, проституцию и азартные игры вряд ли прошло безболезненно. Но теперь посторонним взглядом абсолютно не заметить того, чтобы иранское общество этими запретами тяготилось. Стало быть, нынешний образ жизни в Иране — это выбор народа, а не некой захватившей власть мракобесной группы-силы, как изображают СМИ на Западе.

Второй расхожий миф западной пропаганды — государство в Иране построено на попрании демократии и произволе духовенства. Что здесь от лукавого?

В Исламской Республике Иран есть президент и парламент. Их прямым тайным голосованием на конкурентной основе избирают все граждане. Президент вносит на утверждение в парламент кандидатуры министров. Дадут депутаты добро тому или иному кандидату — он получит министерский портфель, откажут в доверии — не получит. Иранский парламент имеет право отправлять в отставку не только отдельных министров и всё правительство в целом, но и президента. А это значит, что Иран по форме является парламентской республикой, которой, как и любой другой такой республике, присуща всевозможная политическая грызня. Но она в иранском государстве не может быть столь комичной и масштабной, как, например, грызня в США, которую мы наблюдаем по завершении там президентских выборов. Не может полит-грызня в Иране и быть хронической, как, скажем, в Италии. Иран — Исламская республика. И этот статус страны избавляет её и от затяжных потешных политбоек, и от постоянных политических лихорадок.

Над противоборством разных интересов и амбиций в иранском государстве стоит духовный Лидер. Он не зависит ни от одной социально-экономической группировки, ни от одной политической силы. Его избирает Совет экспертов — совет людей с наивысшим в обществе нравственным авторитетом. Лидер Ирана не даёт указаний президенту, правительству и парламенту, как им надо работать. Они самостоятельны в своей деятельности. Но лидер вправе отменить любое решение

любого института власти, если оно противоречит высшим духовным ценностям.

Государственная политика Ирана формируется теми, кому вручил власть народ. Формируется она, исходя из бременной ~~земной~~ реальности. Но вместе с тем иранская политика — это политика, которая делается с оглядкой на небеса.

Со времени исламской революции в Иране минуло двадцать с лишним лет. И все эти годы — и тогда, когда лидером государства был имам Хомейни, и теперь, когда им является имам Хоменан, иранская политика не расходится с теми идеалами, которые были провозглашены в ходе революции.

В Иране нет равенства былого советского социализма. У иранцев из разных слоёв разного качества жильё, разного класса автомобили, они по-разному одеваются и разные суммы денег тратят на содержание своих семей. Но в Иране нет и неравенства современного российского капитализма, то есть нет пропасти между доходами богатого меньшинства и бедного меньшинства.

За семь дней в Иране я лишь однажды видел суперроскошный “мерседес” — на нём привезли в отель “Лален” председателя парламента Италии, и “мерседес” этот имел государственные номера. В потоке машин на тегеранских улицах тьма-тьмуцкая “лейканов” и “прайдов” (аналогов наших “волг” и ВАЗ-99), немало на этих улицах автомобилей, которые производят на иранских заводах совместно с японскими и французскими фирмами. Но дорогих иностранных машин в Тегеране в десятки раз меньше, чем в Москве. В нашей столице нищие с протянутой рукой — на каждом людном углу, в столице иранской просящий подаяние — это экзотика.

Население России сокращается в год почти на миллион человек. Население Ирана за двадцать послереволюционных лет увеличилось с 32 до 65 миллионов человек. Молодая иранская семья, в отличие от русской, не боится за будущее своих детей. Не боится потому, что в Иране каждому гражданину, как и замышлялось в пору революции, гарантирована доля богатства страны.

У нас прошла приватизация, озолотившая меньшинство и обездолившая большинство, в Иране проведена национализация, создавшая условия для роста благосостояния всех.

В Москве на один доллар можно купить ¹2,5 литра бензина, в Тегеране — 25 литров. Билет на самолёт из Москвы в Питер стоит 60 долларов, а за перелёт на такое же примерно расстояние из Тегерана

в бывшую иранскую столицу Исфахан надо заплатить всего 12 долларов. В приличной московской стоматологической клинике за пломбу берут 30 долларов, в лучшей тегеранской — 5 долларов. Учитель же в Тегеране, как мне сказали, получает 250-300 долларов.

Разница в ценах на жизненно важные товары и услуги в Иране и России есть прежде всего разница в использовании национального богатства. В России оно переводится в лимузины, особняки и заграничные счета избранных, в Иране — питает достояние граждан и собственное производство.

Все лавки и магазины в Тегеране и Исфахане завалены ширпотребом. Разумеется, отечественным. Иранская обувь по качеству вряд ли уступает итальянской, а иранские пальто и куртки из кожи выглядят предпочтительнее турецких. Но поскольку в Иране дешевле энергоносители и сырьё и ничтожные проценты за кредиты, то бедному русскому делать там покупки — одно удовольствие.

Иран вкалывает во все тяжкие — движение в городах не стихает до глубокой ночи. Иран упорно учится — в музеях толпы школьников, на студенческих скамьях — тесно. Иран — самодостаточная страна, погружённая в собственные дела и проблемы. И все утверждения о вынашивании Ираном планов агрессивной экспансии с точки зрения русского туриста выглядят абсолютно нелепо. Но Иран сегодня как страна с бурно развивающейся экономикой явно не желает остаться в самоизоляции. Ирану нужны рынки сбыта уже не только для сырья, но и для его массового и вполне конкурентоспособного ширпотреба, нужны ему и поставщики высоких технологий. И идеальным партнёром ему в том и другом может стать Россия.

Многие из тех иранцев, с которыми я знакомился в Тегеране и Исфахане, говорили мне по-английски фразу: "Иран — хорошо, Россия — хорошо". Русские не оставили недобрых зарубок в исторической памяти иранцев. Рядовому иранцу очевидно, что ныне русские оказались унижены диктатом Америки и что Америка такой же враг для России, как и для Ирана. Очевидно иранцам и то, что Россия ещё окончательно не утратила свою былую индустриальную, научную и военную мощь. С помощью русских Иран строит атомную станцию, русская же помощь не лишней будет Ирану и при создании им авиационной промышленности и прочих наукоёмких отраслей, при перевооружении его армии. Интерес к всестороннему сотрудничеству с Россией есть и у рядовых, и у чиновных иранцев. Если такое сотрудничество удастся, то оно выгодно нам будет не только экономически.

Россия сегодня робко пытается формировать свою собственную независимую политику — внутреннюю и внешнюю. А что при этом значит для нас пример Ирана, который за все последние годы ни перед кем не прогибался и не заискивал? Можно, оказывается, в современном мире жить своим умом и можно преуспевать. Наладим мы масштабное сотрудничество с Ираном — убавится у нашей государственной и хозяйственной элиты робости.

ЭПИЛОГ

Статью "Бонапутизм" я изготовил тогда, когда некто Путин только-только приступил исполнять обязанности председателя правительства России. Изготовлена та статья была от недоумения.

Чего ради Ельцин убрал Черномырдина и посадил в кресло премьер-министра ничтожного Кириенко, я скумекал. Почему Кириенко Ельцину пришлось заменить на Примакова, мне было ясно. По какой причине Примакова с вдруг проснувшимися с ним претензиями на Кремль Ельцин разменял на безобидного Степашина, я уразумел.

И вот наступает утро 8 августа 1999 года. Новость из телевизора: Ельцин увольняет Степашина и вместо него назначает и.о. председателя правительства Путина. "Мама дорогая, – сказал я себе, – не бред ли это?"

Подполковник Степашин, преподаватель военно-политического училища, автор нетленной кандидатской диссертации "Роль ВКП (б) в организации противопожарной службы Ленинграда" – ноль в политике. Его Ельцин сделал генералом, довел до поста министра внутренних дел и произвел в председателя правительства за просто так, за собачью преданность.

Подполковник Путин, разведчик-неудачник, подручный питерского мэра Собчака, профукавший выборную кампанию шефа, и пригретый потом Кремлем – так же ноль в политике. Он так же за прост так, за собачью преданность Ельцину попал на должность директора Федеральной службы контрразведки и теперь вот назначен и.о. премьер-министра.

Ну ничего не понятно. Степашин и Путин, рассуждал я, – на одно лицо. А зачем один ноль менять на другой и тем самым вызывать раздражение в политических и экономических кругах? Персонально Ельцину замена политических нулей в кресле премьер-министра не выгодна. Но он на нее идет. Стало быть, в том есть резон. Ельцин, я был убежден, никогда не делает того, что вредит его личной власти. Замена Степашина на Путина – не глупость. Но что за этой заменой кроется?

Два дня я читал все, что было написано о Путине. Потом выведал сведения о нем у двух моих товарищей – из администрации президента и Федеральной службы безопасности. И обобщив всю информацию, вдруг хлопнул себя по лбу: ба, Путин как политический игрок мощнее и Степашина с Кириенко, и Черномырдина с Примаковым. В моих извилинах родилась ста-

тя "Бонапутизм". Она была опубликована до утверждения Госдумой Путина в ранге премьер-министра. И многие мои приятели воспринял ее скептически: ну какой Путин кандидат в Бонапарты – он шарик воздушный, который лопнет через три месяца. Но, как время показало, я был прав: Путин пришел надолго. И был я, увы, не прав – на Бонапарта, который может навести порядок в стране Путин ныне мало похож. В чем была причина моего заблуждения:

Тогда, в августе 1999 года, основательно покопавшись в биографии нового премьер-министра, я малость впал в иллюзию.

Путин – природный русский, сын питерского рабочего и тверской крестьянки. Он без блата пробился в офицеры святая святых – в Комитет государственной безопасности. В нём Путин крупных звезд не нахватал. Ну и пусть. Руководство КГБ было гниловато и далеко не всех сотрудников ценила по их способностям.

В мэрии Питера – на пути от рядового советника Собчака до его первого заместителя – Путин поднаторел в управлении хозяйственными делами и финансами города.

На Старой площади в Москве Путин, заняв вначале должность мальчика на побегушках, превратился в фигуру – в первого зама главы Администрации Президента.

На посту директора Федеральной службы безопасности Путин проявил ценное для политика качество – бить первым: уличил в блуде забузившего против Ельцина Генпрокурора Скуратова и завел уголовное дело на жену заворчавшего на Кремль мэра Москвы Лужкова.

В деятельности Путина как премьер-министра и затем президента мне кое-что было симпатично и это отражено в данной книге. Были, были в его политике шаги, которые вселяли надежду – сын рабочего и крестьянки, офицер госбезопасности Путин способен, как президент, изменить социально-экономический курс Ельцина. Он мало-помалу откажется следовать интересам Запада и заставит институты государства работать во благо людей труда, а не жуликов. Но недавно в своей статье я признал призрачность моих надежд.

Первый и последний президент ССРС Горбачев дал волю гнидам. То есть позволил алчным гражданам выдаивать в свои кооперативные ведерки государственные ресурсы. Но он их аппетиты все-таки ограничивал. Первый же и не последний президент Российской Федерации Ельцин обеспечил захват гнидами самой прибыльной общенародной собственности. Гниды превратились во вшей-олигархов.

Ненависть народа к сотворенному Ельциным вшивому капитализму заставила его автора добровольно уступить Кремль с президентским кабинетом набиравшему популярность премьер-министру Путину. И что же произошло?

Минуло пять лет после смены владыки Кремля. Президент в России теперь другой. Капитализм все тот же. Вши высасывают кровь страны, число россий-

ских граждан сокращается по миллиону в год, растет пропасть между бедными и богатыми, загивают высокотехнологичная индустрия и сельское хозяйство. учителя и врачи бледнеют от нищеты, а лицо президента Путина все глаже и розовее.

Семь лет назад российские компании продавали нефть за границу по 8 долларов за баррель, теперь продают – по 50 с лишним. Со скачком цен на энергоносители резко возросли золотовалютные запасы России. Было их у нас 10 миллиардов долларов, стало – 135. Образован правительством так называемый резервный фонд – 20 миллиардов долларов. И как же власть расходует поднакопившийся денежный жирок? Она бросает средства на переоснащение индустрии? На научно-конструкторские разработки? На новую технику для крестьян? На строительство бесплатного жилья молодым семьям?

И золотовалютный запас и деньги резервного фонда российская власть под скудные проценты размещает в странах Запада. То есть кредитует их экономику, а не нашу.

Путин не искоренил ни одного порока вшивого капитализма, сотворенного Ельциным. Начальники по-прежнему разворовывают бюджетные деньги и берут взятки, собственники, захапавшие общенародное достояние, по-прежнему утаивают доходы и уклоняются от уплаты налогов. Баснословные прибыли богачи либо переводят на счета за границей, либо вкладывают в дачи-дворцы, лимузины и предметы роскоши, а не в развитие страны. Короче говоря, Путин – это Ельцин сегодня.

В 1993 году против Ельцина восстала трудовая Москва. Тогда сохранить вшивый капитализм удалось пальбой из танков по штабу восстания – Верховному Совету. На митинги протеста против политики Путина выходит трудовой люд почти во всех городах провинции. Впереди у большинства наших граждан – безысходность. Ее нам демократия дала и мы имеем право на восстание, на бунт, на революцию.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	2

РАЗДЕЛ I. СТРАШНЕЙ ВОЙНЫ

Расстрел напоказ	7
Фиговый листок	14
Ельцин как унтер-офицерская вдова	18
Премьер на двух стульях	21
Толик – главный в стране	24
Юрий Длиннорукий	28
Как Никифорыч поссорился с Николаичем	33
Бурбулис – это голова	36
Тайна карьеры Горби	39
Тиф в Кремле	43
Подборисовик	46
Самоубийство Листьева	49
Стихи Есенина – речи Сталина	53
Вперёд, к сохе!	57
Строев + Кантор = куш	61
Сдавать премьера ещё не время	66
Второй фронт младореформаторов	69
Деньги с запахом пороха	72
Могильщик Починок	74
Селезнев Кишиневский	79
Партсобрание в свете звонка	83
Агенты ФСБ в ЦК КПРФ	93
Бои без победителей	98
Скамья для Сванидзе	106
Кузькина мать от Черепкова	113
Запрос на Бабурина	121
Депутат своего кошелька	129
Восемь голов Гусинского	132
Русский ответ	136
Кого съест Лужкова съезд	144
Прокол	147
Спец по заварухам	151
Тридцать сребреников – за партию	154
Бонапутизм	160
Кадры решают всё	165

РАЗДЕЛ II. ВЛАСТЬ СЛАБАЯ И ЛУКАВАЯ

Часть I. Вид на Кремль

Глава 1. Клуб советов	173

Глава 2. Бунд под одеялом	179
Глава 3. Сказки придворных мудрецов	185
Глава 4. Рэкет без оружия	188
Глава 5. Протокольная слеза	193
Глава 6. Горби-2	195
Глава 7. Правитель над правителями	199
Глава 8. Высших чинов – в космос. Навсегда	204

Часть II. Вид на власть в провинции

Глава 1. Мода на чистых профи	213
Глава 2. Лидер нового призыва	218
Глава 3. Вертикаль	221
Глава 4. Погода на Курской дуге	228
Глава 5. Преданы без лести	232
Глава 6. Тургенев. Чернь. Волков	238
Глава 7. Рука Москвы	245

Часть III. Вид на оппозицию

Глава 1. Красный патриарх	255
Глава 2. Замах на реванш	263
Глава 3. Работа над ошибками	271
Глава 4. Золото партии	274
Глава 5. Слово о батеньке Кондрате	280
Глава 6. ГК ЧП: годы спустя	287

Часть IV. Вид на острые проблемы

Глава 1. Дом ста народов	293
Глава 2. Горизонталь	301
Глава 3. Соблазн	308

Часть V. Вид на инженеров душ

Глава 1. Спрос на Доренко	315
Глава 2. Как Караулов сам себя выпорол	322
Глава 3. Два века юбиляра	328
Глава 4. Проект славы Коктебельского	330
Глава 5. Тоска под Кара Дагом	339

Часть VI. Вид на соседей

Глава 1. Лукашенко: диктатор или либерал?	351
Глава 2. Сон о монументе на Востоке	358
Глава 3. Опыт третьего пути	363

Эпилог	373

ISBN 5-8402-0098-0

При участии товарищества "Русские художники".

Отпечатано в ГУП МО "Коломенская типография".
140400 Моск. обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а.

Тираж 1100. Заказ 985.

Так состоялось: он не думал — не гадал влезать со своим словом в политику. Но влез.

Ему шили дела в судах сильные мира сего. Например, мэр Москвы Лужков и олигарх Гусинский за якобы оскорбление их чести в статье "Юрий Длиннорукий" потребовали взыскать с Николая Анисина 150 миллионов рублей.

Крохотная заметка Анисина про теннис и водку вызвала публичное возмущение Наины Ельциной.

На пресс-конференциях в ответ на вопросы Николая Анисина на него выплескивали злобу самые разные деятели — от фигляра Жириновского до политического тяжеловеса Примакова.

Кем был приведен к высшей власти Горбачев? Кто по природе своей Ельцин, вышвырнувший Горбачева из Кремля? Почему Чубайс главнее президентов и премьер-министров России? Что за душонками у Черномырдина и Селёзнева, Караулова и Севидзе, Починка и Шахрая? Пером Николая Анисина начертаны штрихи к портретам всех известных прохиндеев нашего Смутного времени. Но и оппозиция пакостной власти и жульническому капиталу Николаем Анисиним не превозносится.